

**Степанова
Людмила Григорьевна**

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры
прикладной психологии факультета
психологии Белорусского
государственного педагогического
университета им. М. Танка.

Автор более 60 научных статей и учебно-методических пособий, в частности «Актуальные проблемы гендерной психологии» (Минск, 2009), «Психологическая диагностика гендерных характеристик личности» (Мозырь, 2006). Сфера научных интересов: гендерная психология, психологическое консультирование, психологическая помощь.

**ВВЕДЕНИЕ
В ГЕНДЕРНУЮ
ПСИХОЛОГИЮ**

БИБЛИОТЕКА ПСИХОЛОГА
Серия основана в 1998 г.

Л. Г. Степанова

ВВЕДЕНИЕ В ГЕНДЕРНУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Л. Г. Степанова

ВВЕДЕНИЕ В ГЕНДЕРНУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Московский психолого-социальный университет

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Л. Г. Степанова

Введение в гендерную психологию

Курс лекций

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Российской академии образования к использованию
в качестве учебного пособия*

(на основании Приказа Министерства образования
и науки РФ от 15 января 2007 г. № 10)

Москва — Воронеж
2012

УДК 316.6
ББК 88.5
С79

Главный редактор
Д. И. Фельдштейн

Заместитель главного редактора
С. К. Бондырева

Члены редакционной коллегии:

Ш. А. Амонашвили	Ю. П. Зинченко	Н. Д. Никандров
В. А. Болотов	В. Г. Костомаров	В. В. Рубцов
А. А. Деркач	Н. Н. Малофеев	М. В. Рыжак
И. В. Дубровина	В. Л. Матросов	Э. В. Сайко

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО М. Ю. Кондратьев,
доктор психологических наук, профессор В. А. Ильин

Степанова Л. Г.

С79 Введение в гендерную психологию : курс лекций / Л. Г. Степанова. — М. : МПСУ ; Воронеж : МОДЭК, 2012. — 536 с. — (Серия «Библиотека психолога»).

ISBN 978-5-9770-0523-4 (МПСУ)

ISBN 978-5-9936-0013-0 (НПО «МОДЭК»)

В пособии рассматривается структура гендерной психологии как научной области знания и учебной дисциплины. Даны представления о гендере, которые могут расширить знания о многообразии современного мира, научат самостоятельно анализировать социально-психологические процессы, отличать стереотипы массового сознания от объективных данных.

Рекомендуется студентам, преподавателям, читающим курс гендерной психологии, психологам, а также всем интересующимся гендерной проблематикой.

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-9770-0523-4 (МПСУ)
ISBN 978-5-9936-0013-0 (НПО «МОДЭК»)

© Московский психолого-социальный университет, 2012
© Издательский дом Российской академии образования (РАО), 2012
© Оформление. НПО «МОДЭК», 2012

Предисловие

В последние годы гендерная тематика все больше и больше приобретает распространение и популярность. Гендерная психология приобретает большое значение в контексте решения различных задач во многих областях практики, требующих междисциплинарного подхода. Это направление исследования вызывает интерес в свете разработок многих теоретических и практических проблем. Так, одной из основных является проблема онтогенеза гендера — изучения гендерной социализации в различных культурах (Д. Гилмор, М. Мид, И. С. Кон, Т. А. Репина), дифференциации гендерных ролей (В. С. Агеев, Ю. Е. Алешина, И. Ю. Борисов, А. С. Волович), формирования гендерной идентичности (Т. Л. Бессонова, В. Е. Каган, М. В. Коваленко).

Все больше возрастает роль гендерной психологии при решении значительного числа прикладных задач, возникающих перед специалистами. Например, при изучении гендерных отношений (И. С. Клецина), гендерных конфликтов (И. С. Клецина, Ю. Е. Алешина, Е. В. Лекторская), влияния СМИ на сознание человека (И. В. Грошев), гендерных аспектов в образовании (Л. В. Попова, Н. А. Орешкина), в семейном взаимодействии (В. И. Слепкова, Е. В. Антонюк, Г. Г. Филиппова), в трудовой деятельности (Т. В. Бендас, Л. Н. Ожигова, Н. В. Ходырева).

Использование в системе подготовки профессиональных психологов пособия «Введение в гендерную психологию» будет отвечать актуальной потребности интенсификации процесса обучения специалистов социомных профессий.

Основная цель пособия — дать целостное представление о гендерной отечественной и зарубежной психологии и показать возможности практического применения гендерного подхода в современных условиях. Научные представления о гендере помогут расширить знания о многообразии совре-

менного мира, научат самостоятельно анализировать социально-психологические процессы, отличать стереотипы массового сознания от объективных данных.

Методологическими основаниями построения пособия являются социально-конструктивистская парадигма и гендерный подход. Социально-конструктивистская парадигма задает рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужественности и женственности, гендерной культуры, «создания гендера» в повседневности, а также описывает способы формирования знания о них. Гендерный подход как научная методология анализа психологических аспектов внутри- и межличностных, а также межгрупповых отношений предлагает новый способ познания действительности, настаивая на том, что противопоставление мужских и женских черт личности, образа мыслей, особенностей поведения закрепляет связь между биологическим полом и достижениями в социальной жизни. Принятие позиции, что биологический пол не является первопричиной психологических характеристик поведения и социальных ролей, позволяет реконструировать, переосмыслить «Я-образы» и жизненные сценарии, дает возможность мужчинам и женщинам по-новому оценить свои возможности и притязания, определить перспективы жизнетворчества, активизировать личностные ресурсы для выбора стратегий самореализации и оптимизации отношений.

В пособии присутствует теоретический и эмпирический материал. На уровне теории систематизированы научные предпосылки возникновения и развития гендерной психологии, представлены концептуальные основания гендерной психологии, а также терминологический аппарат, используемый в гендерной психологии. На уровне эмпирики используются как факты, полученные в работах современных специалистов, так и результаты исследований, проведенных и самим автором, и под его руководством.

Предлагаемое пособие состоит из двух разделов, отражающих в общих чертах сложившуюся на сегодняшний день

структуру гендерной психологии как научной области знания и учебной дисциплины.

Раздел I посвящен изложению основ гендерной психологии. Он является важной составляющей для уяснения специфики гендерной психологии как новой научной области знания и учебной дисциплины. В разделе даны методологические основания гендерной психологии как науки, определения основных понятий, показаны различия между гендерными и женскими исследованиями, раскрыто содержание гендерных теорий, а также рассмотрена эволюция гендерных представлений в обществе.

Раздел II поможет осознать способы и механизмы влияния основных институтов социализации (семья, учреждения образования, СМИ) на формирование у участников процесса социализации гендерной идентичности. В разделе также раскрывается содержание таких ключевых понятий гендерной психологии, как «гендерные стереотипы», «гендерные роли и установки личности», «гендерные конфликты» и др.

Эта книга подготовлена на основе спецкурса «Актуальные проблемы гендерной психологии» и работы студенческой проблемной группы «Гендерные исследования в психологии» факультета психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Л. Г. Степанова

Раздел I

Методология и история гендерной психологии

Глава 1. Основы гендерной психологии

1.1. Понятия «гендер» и «пол». Различие между полом и гендером

В нашей культуре обычно с готовностью признается существование только двух полов: мужского и женского. Есть только эти две категории, из которых нам можно выбирать при заполнении большинства анкетных форм. Наша юридическая система также требует, чтобы каждый был отнесен к категории мужчин или женщин, и пол новорожденных в свидетельстве о рождении должен быть определен как тот или другой. Но действительно ли обстоит дело так просто?

Хотелось бы начать с разведения понятий «гендер» и «пол».

Современная психологическая наука различает понятия «пол» (англ. *sex*) и «гендер» (*gender*, от лат. *genus* — род). Традиционно первое из них использовалось для обозначения тех анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Пол (т. е. биологические особенности) человека считался фундаментом и первопричиной психологических и социальных различий между женщинами и мужчинами. По мере развития научных исследований стало ясно, что с биологической точки зрения между мужчинами и женщинами гораздо больше сходства, чем различий. Многие исследователи даже считают, что единственное четкое и значимое биологическое различие между женщинами и мужчи-

нами заключается в их роли в воспроизводстве потомства. Сегодня очевидно, что такие «типичные» различия полов, как, например, высокий рост, большой вес, мускульная масса и физическая сила мужчин, весьма непостоянны и гораздо меньше связаны с полом, чем было принято думать. Например, женщины из Северо-Западной Европы в целом выше ростом, чем мужчины из Юго-Восточной Азии.

Мужчины и женщины отличаются по целому ряду морфологических характеристик, и в том числе по размерам тела. Рост человека колеблется в пределах порядка 150—200 см и зависит от ряда факторов, среди которых основные — пол и расовая принадлежность. Для населения России и Беларуси средний рост составляет около 180 см для мужчин и 170 см для женщин.

Выраженные половые различия существуют в конституции тела. Например, кости мужчин характеризуются большими размерами, более крупными суставными поверхностями, более резко выраженными местами прикрепления мышц. У взрослых мужчин мышечная масса составляет около 40 % веса тела (в среднем около 30 кг), а у женщин — около 30 % (в среднем 18 кг). Жировая ткань, наоборот, больше развита у женщин (вследствие врожденной способности более эффективно вырабатывать жировые вещества). В среднем у женщин она составляет 25 % веса тела, а у мужчин — 15 %. Мужчины и женщины имеют явные отличия в пропорциях тела — у мужчин по сравнению с женщинами явно большая ширина плеч и меньшая ширина бедер. Эти особенности телосложения имеют биологический смысл. Широкий таз — это защитное костное кольцо для внутренних половых органов и для ребенка в период его внутриутробного развития, женский таз более глубокий и больше по емкости, он обеспечивает широкий родовый путь. Очевидно, что эти показатели отражают лишь общую тенденцию, имеют большой индивидуальной разброс, зависят от образа жизни человека. Например, физическая тренировка вызывает уменьшение жировой ткани и увеличение массы мышечной ткани.

Помимо биологических отличий между людьми существуют разделение их социальных ролей, форм деятельности, различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Отмечающееся в мире разнообразие социальных характеристик женщин и мужчин и принципиальное тождество биологических характеристик людей позволяют сделать вывод о том, что биологический пол не может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах. Таким образом, возникло понятие *гендер*, означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют в конечном счете психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями — это означает выполнять те или иные предписанные нам гендерные роли.

Таким образом, термин «*пол*» описывает биологические различия между людьми, определяемые генетическими особенностями строения клеток, анатомо-физиологическими характеристиками и детородными функциями. Термин «*гендер*» указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, которые связаны с полом и сексуальностью, но возникают во взаимодействии с другими людьми. Когда говорят о биологических различиях между мужчинами и женщинами как индивидами, то используют термины «*пол*», «*половой диморфизм*», в англоязычной литературе — «*sex*», когда же говорят о психосоциальной, социокультурной роли тех и других как личностей, то чаще всего говорят о *гендере*, *гендерных различиях*.

По образному выражению американского антрополога Кэтрин Марч, пол относится к гендеру как свет к цвету. Пол и свет — естественные физические явления, допускающие объективное измерение. Гендер и цвет — исторические, культурно обусловленные категории, с помощью которых

люди группируют определенные свойства, придавая им символическое значение. Хотя физиология восприятия света у людей более или менее одинакова, одни культуры и языки терминологически различают только два или три, а другие — несколько десятков и даже сотен цветов. Это имеет свои социальные причины и следствия (Вет, 1995).

В английском языке слово «*gender*» обозначает грамматический род, который с полом не имеет ничего общего. Вопреки распространенному представлению, слово «гендер» заимствовали из грамматики и ввели в науки о поведении не американские феминистки, а в 1955 г. выдающийся сексолог *Джон Мани* (1921—2006)¹. Он считается первым, кто ввел понятия гендера, гендерной идентичности, гендерной роли для описания внутреннего состояния личности с точки зрения ощущения себя мужчиной или женщиной. Он же основал в госпитале Джона Хопкинса первую в мире клинику по лечению проблем, связанных с гендерной идентичностью. Объединив уже имеющиеся скудные данные с результатами собственных клинических исследований, Дж. Мани и его коллеги начали разрабатывать модель процесса формирования принадлежности человека к мужскому или женскому полу или приобретения качеств, типичных для обоих полов.

В психологии и сексологии гендер употребляется в широком смысле, подразумевая любые психические или поведенческие свойства, ассоциирующиеся с маскулинностью и фемининностью и предположительно отличающие мужчин от женщин.

В общественных науках «гендер» приобрел более узкое значение, обозначая «социальный пол», т. е. социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельно-

¹ Джон Мани родился 8 июля 1921 г. в Новой Зеландии. В возрасте 26 лет поехал в США на учебу в Институт психиатрии в Питтсбургском университете, в 1952 г. получил степень по психологии в Гарварде, а затем специализировался в качестве исследователя в Балтиморском госпитале им. Джона Хопкинса. С 1951 г. до своей смерти был профессором педиатрии и медицинской психологии в Университете Джона Хопкинса. В 2002 г. он получил медаль Магнуса Хиршфельда (названную в честь пионера немецкой сексологии Magnus Hirschfeld) «Немецкого общества по социально-научным исследованиям сексуальности» (*German Society for Social-Scientific Sexuality Research*) за выдающиеся заслуги перед наукой в области сексологии.

сти мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества.

Таким образом, при помощи понятия «гендер» было проведено структурное отделение естественного (природного) от приобретенного (культурного) в человеке. Введение этого понятия было подготовлено работами Маргарет Мид по этнографии еще в 30-х гг. XX в. Исследование «Пол и темперамент в трех примитивных сообществах» (1935) сейчас признано основой для формирования гендерного подхода и исследований. Оно подготовило почву для развенчания мифа о маскулинных и фемининных особенностях поведения как естественном следствии половых различий. Нэнси Чодороу первой подвергла сомнению наличие материнского инстинкта у женщин. В монографии «Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера» (2006) она показала, что «влечение материнства» — это не биологический инстинкт, а продукт социализации женщин.

Необходимость методологического отделения пола (биологического) от гендера (социально-психологического) определялась несколькими причинами:

- 1) распространенным мнением и верой, что различия в поведении мужчин и женщин, их социальные позиции являются следствием биологических, т. е. половых, различий;
- 2) стремлением проанализировать, как пол и гендер взаимодействуют в процессе жизненного цикла (онтогенеза);
- 3) пониманием того, что социальное больше поддается изменению, чем биологическое.

Последнее определяет прикладное использование гендерных подходов — изменение социализации мужчин и женщин в сторону реализации интересов и способностей, а не гендерных предписаний и стереотипов. Это поможет мужчинам, например, больше заботиться о своем здоровье, совершать меньше рискованных поступков и в конце концов увеличит продолжительность их жизни. Что касается жен-

щин, то они, наконец, прямо смогут признать необходимость выстраивать свое экономическое благосостояние самим, а не окольными путями — через богатых партнеров. Конечно, для женщин значительно больше институциональных барьеров для подобных изменений, в то время как мужчинам необходима серьезная психологическая работа над осознанием своих проблем.

Итак, гендер — специфический набор культурных характеристик, которые определяют социальное поведение женщин и мужчин, их взаимоотношения между собой. Гендер, таким образом, относится не просто к женщинам или мужчинам, а к отношениям между ними и к способу социального конструирования этих отношений, т. е. к тому, как общество «выстраивает» эти отношения и взаимодействие полов в социуме. Подобно концепциям о классах, расе и этничности понятие «гендер» является аналитическим инструментом для понимания социальных процессов.

Один из самых авторитетных социологов современности англичанин Энтони Гидденс объясняет, что «гендер» — это не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые особенности мужественности и женственности. Гендер, по его словам, означает, прежде всего, социальные ожидания относительно поведения, рассматриваемого как соответствующее для мужчин и женщин.

Таким образом, термин «гендер» был призван подчеркнуть не **природную**, а **социокультурную** причину межполовых различий.

Дифференциация понятий «пол» и «гендер» дала мощный толчок для развития социальных процессов с междисциплинарных позиций. В настоящее время существует несколько направлений разработки гендерного подхода (гендерной теории). К основным теориям относят теорию социального конструирования гендера; гендера как стратификационной категории; интерпретации гендера как культурного символа. Но, к сожалению, в отечественной (как белорусской, так и российской) науке получил «распространение

псевдогендерный подход, в котором “гендер” используется как синоним слова “пол”, а первый термин представлен просто как “более современное понятие в науке”. Приверженцы биологического детерминизма осознанно или неосознанно считают, что биологические особенности мужчин и женщин определяют их социальные роли, психологические характеристики и т. д. Таким образом, важно знать и о реальном существовании биологических, социальных и психологических различий, но также и то, как эти различия интерпретируются и как на их основе выстраивается система власти и доминирования» (Ходырева, 2004. С. 8).

В какой степени различия в поведении женщин и мужчин определяются половыми особенностями, а в какой — гендером? Выражаясь иначе, насколько они зависят от биологических факторов? По этому поводу высказывались мнения, полностью противоречащие друг другу. Многие авторы считают, что в поведении женщин и мужчин существуют врожденные различия, которые обнаруживаются в том или ином виде во всех культурах. Некоторые полагают, что открытия социальной биологии хорошо подтверждают эту точку зрения. Они указывают на тот факт, что практически во всех культурах мужчины чаще по сравнению с женщинами принимали участие в охоте и войнах. Разве, вопрошают они, это не является очевидным доказательством того, что мужчины обладают имеющей биологические корни склонностью к агрессии, которая отсутствует у женщин? Для других исследователей этот аргумент оказывается недостаточным. Степень агрессивности мужчин, утверждают они, в различных культурах имеет значительные отклонения. Соответственно и женщины, в зависимости от специфики культуры, могут быть «пассивными» и «кроткими» в большей или меньшей степени. Более того, добавляют они, из того, что приводившаяся в качестве примера особенность является всеобщей, вовсе не следует, что она имеет биологическую природу. Ее существование может обуславливаться культурными факторами самого общего характера. Например, в большин-

стве культур женщины, как правило, проводят значительную часть своего времени за воспитанием детей и поэтому не могут одновременно принимать участие в охоте или войнах. Согласно этой точке зрения различия в поведении мужчин и женщин формируются главным образом в процессе их социального обучения и идентификации с определенным гендером. Рассмотрим некоторые факты из мира животных и человека.

Факты из мира животных

Один из возможных источников информации, имеющей отношение к вопросу, — исследования различий в гормональной секреции полов. Согласно некоторым источникам с тестостероном, мужским половым гормоном, связывается склонность особей мужского пола к насилию. Исследования показали, что если обезьяны-самцы при рождении подвергаются кастрации, то они становятся менее агрессивными. Соответственно обезьяны-самки, получающие тестостерон, становятся более агрессивными по сравнению с контрольной группой. Вместе с тем было обнаружено, что создание для обезьян условий, способствующих укреплению их положения в стае, вызывает повышение уровня тестостерона. Другими словами, агрессивное поведение может не только обуславливаться гормональными причинами, но и само может быть причиной выработки гормонов железами внутренней секреции.

Другой возможный источник фактов — непосредственное наблюдение за поведением животных. Те авторы, которые связывают агрессию мужского пола с причинами биологического характера, часто обращают особое внимание на агрессивность самцов приматов. Изучение поведения животных, утверждают они, неопровержимо свидетельствует, что у приматов самцы агрессивнее, чем самки, хотя, в зависимости от вида, и здесь наблюдаются большие отклонения. Например, различия агрессивности у гиббонов в зависимости от пола не являются сильно выраженными, в то время как у бабуинов эта разница заметна. Более того,

многие самки приматов в некоторых отношениях являются более агрессивными, в частности если их детенышам угрожает опасность.

Факты, связанные с человеком

Исследования редких врожденных аномалий физического развития дают нам, пожалуй, самые выразительные факты, касающиеся половых различий. Среди этих аномалий выделим тестикулярный синдром феминизации и андрогенитальный синдром. В первом случае человек рождается с нормальным хромосомным набором, семенными железами и гормональным обменом. Если его подвергнуть проверке с целью выяснения, к какому полу он принадлежит (подобной той, которую проходят женщины — участницы Олимпийских игр), то проверка показывает, что испытуемый — мужчина. Но поскольку в период эмбрионального развития его генитальные ткани не вступили в реакцию с тестостероном, они образовали женские половые органы. Таких детей почти всегда считают девочками и соответствующим образом воспитывают, т. е. аномалии в их развитии не обнаруживаются, пока не наступит задержка с первой менструацией. Андрогенитальный синдром представляет собой противоположную ситуацию. Плод с нормальным женским хромосомным набором до момента рождения вырабатывает избыточное количество андрогенов, что приводит к образованию наружных мужских половых органов. Некоторые из этих детей имеют как женские, так и мужские половые органы; в результате хирургического вмешательства им может быть придана форма женских. Однако многие такие дети воспитываются как мальчики, а их аномалия обнаруживается на сравнительно поздней стадии развития.

Как показывают эти примеры, исследование аномалий физического развития приводит к необходимости признать важность социализации, в противоположность биологическим факторам, для углубления различий в поведении мальчиков и девочек. У детей, имеющих мужской хромосомный набор, но с рождения считающихся «девочками», развива-

ются, как правило, черты личности, поведение и привычки, обычно приписываемые женщинам. С другой стороны, дети, с которыми обращаются с рождения как с мальчиками, приобретают особенности, характерные для мужчин (Money, Ehrhardt, 1972). Для иллюстрации данного положения хорошо подходит широко известный пример с идентичными близнецами. Идентичные близнецы развиваются из одного и того же яйца и имеют абсолютно одинаковый генетический набор. Один из братьев-двойняшек получил серьезные повреждения при обрезании, и было принято решение провести операцию по изменению его пола. Далее этот ребенок воспитывался как девочка. Наблюдения за поведением близнецов, которые велись до шести лет, продемонстрировали особенности, свойственные в западной культуре соответственно мужскому и женскому полу. Девочке нравилось играть с девочками, она помогала маме по хозяйству и хотела «выйти замуж», когда вырастет. Мальчик предпочитал компанию других мальчиков, его любимыми игрушками были автомобильчики и грузовики, и он хотел стать пожарником или полицейским, когда вырастет.

Этот случай иногда расценивается как решающее доказательство преимущественного влияния социального обучения по сравнению с половыми различиями. Однако когда девочку, к тому времени уже подростковую, проинтервьюировали в телевизионной программе, обнаружилось, что она испытывала существенные проблемы с идентификацией своего пола, чувствуя, что она, может быть, «на самом деле» является мальчиком. (Девочка к тому времени уже знала о своем необычном происхождении, что, конечно, могло в значительной степени способствовать изменению ее представления о себе.)

Проведенное исследование отнюдь не означает, что на различия в поведении мужчин и женщин не могут оказывать влияние также и причины биологического порядка. Но даже если они и существуют, их психологическая природа не является еще изученной в достаточной степени. Многие уче-

ные, видимо, согласились бы с выводом, сделанным Ричардом Левонтином, генетиком с мировой известностью: «С кем человек начинает идентифицировать себя — с мужчиной или с женщиной, равно как и большая часть черт его характера, идей и желаний, зависит, в первую очередь, от того, к какому полу он был отнесен в детстве. При нормальном развитии событий “присваиваемый” ему пол соответствует обычным биологическим различиям в хромосомах, гормонах и морфологии. Таким образом, биологические различия становятся скорее сигналом, нежели причиной, дифференциации социальных ролей» (Lewontin, 1982. P. 142).

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что пол (биологический) индивида — предпосылка становления гендера человека. Ни генетический, ни гормональный, ни внутренний и внешний морфологический пол не определяют однозначно гендер человека. Гендер формируется только через общение с другими людьми, под влиянием воспитания и широкого круга социальных условий. Гендер как одна из базовых характеристик личности имеет свою структуру. Многокомпонентная структура гендера определяется четырьмя группами характеристик: биологическим полом, гендерной идентичностью, гендерными стереотипами и гендерными нормами.

1.2. Предмет, структура и задачи гендерной психологии

Гендерная психология — совсем новое научное направление, которое лишь начинает заявлять о себе как о самостоятельной области психологического знания. Появляющиеся в отечественной психологии работы, посвященные различным гендерным проблемам, свидетельствуют о возрастающем интересе ученых к данному разделу психологической науки. Представляется важным прояснить предмет, структуру и задачи гендерной психологии. А также сходства и отличия гендерной психологии от таких отраслей психологи-

ческой науки, как психология пола, психология половых различий, психология семьи и брака.

Рассмотрим вначале сходства и отличия гендерной психологии от других отраслей психологии.

Психология пола является той областью научного знания, которая объединяет фрагментарные и разрозненные исследования, посвященные изучению проблем пола и межполовых отношений, поэтому психология пола как специальная дисциплина может быть рассмотрена в качестве одной из научных предпосылок развития гендерной проблематики. Предметная область психологии пола не имеет четких границ, она включает изучение таких проблем, как психологические различия между людьми разного пола, социальная полоролевая дифференциация и стратификация, культурные стереотипы маскулинности и фемининности, особенности социализации мальчиков и девочек, мужчин и женщин, психологическая идентификация личности как представителя определенного пола. Психология пола в основном развивалась на стыке таких сфер знания, как психология половых различий и психология семьи и брака.

Другими словами, психология пола изучает то, каким образом психологические характеристики личности опосредуют физические различия между мужчинами и женщинами и как это отражается на поведении и отношениях представителей мужского и женского пола. Небольшое число работ по психологическим проблемам пола и «размытость» этой тематики по различным отраслям психологической науки вызывают определенные трудности в структурировании анализируемого материала и выделении ключевых моментов при рассмотрении тенденций развития отечественной психологии пола.

Психология половых различий — раздел дифференциальной психологии, изучающий различия между индивидами, обусловленные или опосредствованные их половой принадлежностью или ассоциирующиеся с ней. Акцент в работах этого направления делается на выявлении психологических характеристик и особенностей поведения людей разного пола.

Психология семьи и брака — междисциплинарное направление в психологии, в рамках которого изучаются разнообразные вопросы, такие как факторы, влияющие на качество брака; цикл развития семьи; ролевая структура семьи; распределение власти между членами семьи, межсупружеское общение, установки на брак и семью; детерминанты выбора брачного партнера, психологические особенности родителей и их детей и др.

Гендерная психология — это отрасль психологической науки, изучающая закономерности формирования и развития характеристик личности как представителя определенного пола, обусловленные половой дифференциацией и стратификацией. Важным для изучения также является анализ психологических способов и механизмов, позволяющих мужчинам и женщинам нивелировать влияние дифференцирующих и стратифицирующих факторов на процессы их самореализации.

Как уже отмечалось выше, термин «гендер» был включен в научный контекст, прежде всего, для того, чтобы подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий. «Гендер» — это не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые особенности мужественности и женственности. Гендер означает, прежде всего, социальные ожидания относительно поведения, рассматриваемого как соответствующее для мужчин и женщин. Исходя из такого понимания гендера важнейшими функциями гендерной психологии являются информационная, прикладная, мировоззренческая, прогностическая.

Предмет и структура гендерной психологии

Определить предмет гендерной психологии на данном этапе ее развития — довольно сложная задача, поскольку эта отрасль психологии в настоящее время делает лишь первые шаги на пути своего развития. Наиболее точно к пониманию предмета гендерной психологии и ее разделов подошла И. С. Клецина.

В отличие от психологии пола, дифференциальной психологии, в гендерной психологии изучаются не просто раз-

личия в психологических особенностях мужчин и женщин. В фокусе ее внимания, прежде всего, те последствия личностного развития, которые вызваны явлениями половой дифференциации и стратификации. Важным является анализ психологических способов и механизмов, позволяющих мужчинам и женщинам нивелировать влияние дифференцирующих и стратифицирующих факторов на процессы их самореализации.

В психологии пола женские и мужские роли декларативно признаются равнозначными, хотя и разными по содержанию. Исходным основанием является имплицитное признание биологического детерминизма ролей, опирающегося на представление о врожденности мужского или женского начала в человеке. При анализе детерминант половых различий рассматриваются как биологические, так и социокультурные факторы, однако роль социокультурного влияния сводится к оформлению тех черт и характеристик человека, которые предопределены природой.

В гендерной психологии при анализе проблем половой дифференциации акцент сделан на иерархичности ролей, статусов, позиций мужчин и женщин. Активно обсуждаются вопросы неравенства, дискриминации, сексизма. В детерминации социального поведения личности приоритет отдан социокультурным факторам.

Таким образом, **предметом** гендерной психологии в самом широком смысле являются особенности психики, которые связаны с полом. Конкретизация этого положения содержится в разных разделах этой области психологии.

В **структуре** гендерной психологии выделяются следующие разделы:

- **Психология гендерных различий.**

При изучении **гендерных различий** рассматриваются такие вопросы, как природа различий, их оценка и динамика, влияние этих гендерных различий на индивидуальный жизненный путь мужчин и женщин, на возможности их самореализации. Наиболее перспективными, на мой взгляд, могут быть

исследования, направленные не на поиск различий в психологических характеристиках и особенностях поведения мужчин и женщин, а на поиск их психологического сходства.

• **Гендерная социализация.**

Ключевыми проблемами при изучении *гендерной социализации* являются: асимметричные условия социализации для представителей мужского и женского пола, роль агентов социализации в становлении гендерной идентичности личности, способы и механизмы влияния основных институтов социализации на формирование у участников социализационного процесса гендерных установок, стереотипов, представлений.

• **Гендерные характеристики личности.**

При рассмотрении *гендерных характеристик* изучаются идентичность мужчин и женщин и ее составляющие: представления, стереотипы, установки, связанные с половой дифференциацией и стратификацией. Особое внимание уделяется изучению продуктивных стратегий и тактик поведения мужчин и женщин в преодолении традиционных гендерных стереотипов, а также анализу личностных предпосылок успешной самореализации женщин в профессиональной сфере, а мужчин — в семейной.

• **Прикладные аспекты гендерной психологии.**

Раздел *прикладные аспекты гендерной психологии* включает в себя изучение практического приложения знаний по гендерной психологии в различных отраслях психологической науки. Пока лишь небольшое количество работ посвящено прикладным проблемам гендерной психологии, например работы по спортивной гендерной психологии Н. С. Цикуновой, по педагогической гендерной психологии М. Л. Сабунаевой и Ю. Е. Гусевой, по гендерной психологии профессиональной деятельности Л. Н. Ожиговой, Г. В. Турецкой, О. А. Гаврилицы, А. Е. Чириковой и др.

Статус гендерной психологии

Как совсем молодая отрасль психологической науки гендерная психология не обладает еще достойным ее весомым

статусом среди устоявшихся научных дисциплин, но она тесно с ними взаимодействует. Каждый из разделов гендерной психологии связан с традиционными психологическими дисциплинами, эта связь осуществляется через опору на их понятийный аппарат и использование инструментария. Психология гендерных различий связана с дифференциальной психологией, гендерная социализация — с психологией развития, изучение гендерных характеристик личности базируется на психологии личности, а психология гендерных отношений — на социальной психологии.

Задачи гендерной психологии

Основные задачи гендерной психологии, прежде всего, связаны с институционализацией ее как области научного знания и учебной дисциплины:

- четким определением предмета исследования гендерной психологии;
- конкретизацией направлений развития гендерной психологии;
- обоснованием адекватных методических приемов и принципов исследования;
- накоплением фактологической базы данных;
- познанием психологических закономерностей поведения и деятельности людей как субъектов — носителей, выразителей и создателей гендерных характеристик, ролей и статусов.

Таким образом, задачи гендерной психологии можно разделить на два аспекта:

- теоретические, к которым относятся разработка теорий и концепций, методов и методик, проведение широких исследований;
- прикладные, к которым относится внедрение результатов и достижений в практику.

Более конкретные задачи исследований связаны с анализом тех изменений в системе полоролевых представлений, которые обусловлены трансформациями в социальной сфере. Исследования гендерной психологии призваны показать ме-

ханизмы конструирования гендерной идентичности в разных временных и социокультурных контекстах, а также обосновать возможности изменения идентичности мужчин и женщин в ситуации современных социальных преобразований.

Гендерный подход должен стать неотъемлемой частью работы психолога: и исследователя, и консультанта, и руководителя тренинговых групп. Этот подход предоставляет широкие возможности для помощи практикам, работающим с людьми: менеджерам, юристам, учителям и воспитателям, медицинским работникам, психологам.

1.3. Методологические основания гендерной психологии

До конца 80-х гг. XX в. психологические исследования проблемы пола и межполового взаимодействия опирались на биолого-эволюционную парадигму (в отечественных исследованиях — до середины 90-х гг.), в соответствии с которой утверждается, что все психологические и социально-психологические проявления в поведении мужчин и женщин могут быть объяснены природными основаниями мужчин и женщин как биологических видов. Мужественность мужчин и женственность женщин трактуются как совокупность природных качеств.

Современные данные дифференциальной психологии показывают, что индивидуальные различия между представителями одного пола больше, чем межполовые, поэтому можно говорить о том, что особенности поведения мужчин и женщин и их социальные функции прямо не вытекают из полового диморфизма.

Отличия гендерной проблематики в психологии от психологии пола характеризуются различными теоретико-методологическими основаниями. Теоретико-методологическим основанием психологии пола является *биодетерминистская парадигма*, а гендерные исследования в психологии базируются на *социально-конструктивистской парадигме*.

В соответствии с биодетерминистским принципом рассмотрения явлений гендерные характеристики человека определяются биологическими, природными факторами. Биодетерминизм восходит к идее детерминизма вообще как к учению о связи и взаимообусловленности явлений действительности, где большую роль играли законы природы. В концепции биодетерминизма природные факторы рассматриваются как неизменные и их следствия трактуются в жестко консервативном ключе.

Ярким примером биодетерминистской концепции является эволюционная теория В. А. Геодакяна. К числу биодетерминистских по сути концепций может быть отнесена и теория половых ролей, предложенная Т. Парсонсом, суть которых будет рассмотрена в гл. 2. Биодетерминистские концепции предлагают обоснование существующим традиционным моделям гендерных отношений, но в то же время они обладают ограниченными интерпретационными возможностями при анализе форм гендерных отношений, появляющихся в новых социокультурных условиях, а также при объяснении таких особенностей гендерной идентичности личности, как транссексуализм, гермафродитизм и другие нестандартные формы ее проявлений.

Социально-конструктивистская парадигма приобрела статус методологии в гендерных исследованиях. Согласно социально-конструктивистской парадигме гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, конструируемая основными институтами общества. Создание новой парадигмы связано с именем *К. Дж. Гергена*¹ (род. 1935). Создание новой парадигмы произошло в общих рамках постмодернизма (прил. 1).

Важнейшими особенностями социального конструкционизма являются, во-первых, *релятивизм* (от лат. *relation* — связь, отношение, сравнение). Социальный конструкционизм с готовностью признает, что существует бесконечное

¹ В некоторых переводах на русский язык фамилия этого автора транскрибируется как Джерджен, но с учетом его немецкого происхождения нам представляется, введя за Г. М. Андреевой, более адекватным написание Герген.

множество возможных способов представлений событий и рассказа о них. Однако не существует единого для всех этих представлений эталона, с которым их можно было бы связывать и выносить им объективную оценку по параметрам четкости, точности и соответствия истине. Можно лишь так или иначе оценить какую-то точку зрения, только сравнив ее с другой точкой зрения. Во-вторых, *критическая позиция*. Совсем не так давно вполне само собой разумеющимся было представление о том, что женщины глупее, чем мужчины, а цветные глупее, чем белые, что обучение бедных — это бессмысленная трата времени и денег. Сегодня с легкостью можно различить весь потенциал угнетения и притеснения, неравенства права, подразумеваемый этими так называемыми «фактами». Социальный конструкционизм предлагает смотреть на то, что обычно считается знанием, таким же образом: он призывает быть критичнее к идее, что существующие на сегодняшний день представления о мире совершенно отчетливо раскрывают его природу. В-третьих, социальный конструкционизм утверждает, что наш опыт и знание о мире постоянно порождаются или *конструируются* людьми в повседневном взаимодействии.

Сторонники теории социального конструирования гендера подвергают сомнению тот факт, что именно на идее конструирования гендерной составляющей личности и базируются исследования, проводимые в социально-конструктивистской парадигме.

Сама идея социального конструкционизма разработана в социологии, в частности, в концепции социального конструирования реальности *Пьера Бергера* (род. 1929) и *Томаса Лукмана* (род. 1922). В рамках этой теории гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами и женщинами, конструируемая основными институтами общества. Теория социального конструирования гендера основана на двух постулатах:

- 1) гендер конструируется посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, семьей, СМИ;
- 2) гендер строится и самими индивидами — на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятия

заданных обществом норм и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения и т. д.).

С позиций социального конструирования гендера и пол, гендер являются социально достигаемыми статусами. Так же как раса, этничность и социальный класс, гендерные категории оказываются институционализированными культурой и социумом. Жизнь каждого индивида с самого рождения формируется социокультурными нормами и правилами. Разделение социального мира на мужчин и женщин укоренено настолько глубоко, что с момента рождения, когда пол ребенка опознан, родители, врачи, акушерки и все окружающие новорожденного «создают гендер», реализуя принцип половой дифференциации. В действительности между мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами больше сходства, чем различий, но в этой сфере общество накладывает табу на подобие. Даже во взрослый период жизни, когда предполагается стабилизированность гендерного статуса, мы привычным образом моделируем гендер в каждой конкретной ситуации. В реальности и в повседневных практиках гендер пронизывает все аспекты нашей жизни от микро- до макроуровня.

«Психологический вариант» идеи социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана хотя и использует некоторые традиционные для данного подхода аргументы, но насыщает их специфическим содержанием. Так, противопоставление экзогенной (берущей начало в философии Локка, Юма, Милла) и эндогенной (берущей начало в идеях Спинозы, Канта, Ницше) концепций знания К. Гергена «переводит» на язык психологии и считает представителями этих концепций соответственно бихевиоризм и когнитивизм. В дальнейшем все рассуждения строятся на противостоянии именно этих двух парадигм, причем первая из них определенно порождена ориентацией американской культуры на индивидуализм с присущей ему концентрацией на внутренних состояниях личности. В условиях глобализации, характерных для конца XX в., необходимо, по мнению К. Гергена, отойти от индивидуалистической ориентации в психологии, поскольку теперь сама реальность мира предла-

гает возможность альтернатив в процессе его познания. Вместе с тем и «чисто» когнитивистская парадигма не представляется вполне адекватной: она также традиционно недооценивает значение социальной ситуации, в рамках которой осуществляется познание окружающего мира, т. е. в ней отсутствует такой важный компонент познавательного процесса, как конструирование социального мира: «Собственно говоря, движение в сторону конструкционизма начинается в тот момент, когда под сомнение ставится теория знания как ментального представления» (Герген, 1995а. С. 63).

Социальный конструкционизм, таким образом, предстает как альтернатива и бихевиоризму, и когнитивизму. Сюда входит и признание того, что объяснение окружающего мира может быть лишь конвенцией между людьми, вступающими друг с другом в определенные отношения; слова, употребляемые для этих объяснений, имеют смысл в контексте сложившихся отношений. Распространенность той или иной формы понимания мира зависит от характера социальных процессов, и правило «что чем считать» напрямую связано с социальными изменениями.

Теория социального конструкционизма определяет свою главную задачу не как изучение застывшего слежка феномена, его результата, а как понимание процесса его возникновения и развития. С точки зрения социального конструкционизма анализ маскулинности и фемининности не может быть сведен к «типично мужскому» или «типично женскому» поведению либо мужской/женской сексуальности. Маскулинность и фемининность, как пишут К. Уэст и Д. Зиммерман, не являются ни совокупностями личностных психологических черт, ни ролями, а являются продуктами особого рода социального создания.

Таким образом, социально-конструкционистскую интерпретацию гендера нельзя считать автономной, она вырастает из более широкого постклассического социологического дискурса. Можно выделить по крайней мере три теории, которые легли в основу данного направления.

1. Социальный конструкционизм К. Гергена

В своей книге «К преобразованию в социальном знании», обобщив дискуссии о кризисе господствующей позитивистской парадигмы в социальной психологии и предлагаемые альтернативы, К. Герген формулирует то, что он называет «социорационалистической метатеорией», которая, в отличие от традиционной теории, исходит из того, что не внутренние процессы, происходящие внутри индивидуального сознания, производят то, что называется знанием, а социальный процесс коммуникации. Суть этого заключается в преобразовании тезиса Р. Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую» в «Мы общаемся, следовательно, я существую». Отсюда вытекают важнейшие следствия. Во-первых, основным полем исследования становится язык, дискурс (способ изложения, доказательства и т. п.). Во-вторых, основным объектом исследования становятся «сообщества собеседников, участников разговора». В-третьих, отпадает потребность в поиске так называемых универсальных закономерностей, принципов и т. п.

2. Социально-конструктивистский подход

П. Бергера и Т. Лукмана

Основной тезис теории П. Бергера и Т. Лукмана сводится к следующему. Социальная реальность является одновременно объективной и субъективной. Она отвечает требованиям объективности, поскольку независима от индивида. С другой стороны, социальную реальность можно рассматривать как субъективный мир, потому что она постоянно создается индивидом. Задача исследователя — выяснить, каким образом создается мужское и женское во взаимодействии, в каких сферах и каким образом оно поддерживается и воспроизводится, т.к. пол является социальным конструктом.

Идея конструирования подчеркивает деятельностный характер усвоения опыта. С одной стороны, гендерные отношения являются объективными, потому что индивид их воспринимает как внешнеположенную данность, но, с другой стороны, они являются субъективными как социально конструируемые каждодневно, ежеминутно, «здесь и сейчас».

3. *Драматургический интеракционизм И. Гофмана: гендерный дисплей*

В теории социального конструирования ответ на вопрос, как концептуализировать контексты, в которых создаются базовые категории мужского и женского, фундирован другим теоретическим фреймом — социологическим (драматургическим) интеракционизмом *Ирвина Гофмана* (1922—1982).

Утверждая, что гендер создается каждый момент, «здесь и сейчас», исследователи приходят к выводу, что для понимания его оснований необходимо обратиться к анализу микроконтекста социального взаимодействия. Гендер в рамках этого подхода рассматривается как результат социального взаимодействия и одновременно его источник.

Гендер проявляет себя как базовое отношение социального порядка. Чтобы осмыслить процесс строительства этого социального порядка в конкретной ситуации межличностного взаимодействия, И. Гофман вводит понятие *гендерного дисплея*. В коммуникации лицом к лицу обмен разного типа информацией сопровождается фоновым процессом созидания гендера — *doing gender*. По утверждению И. Гофмана, гендерный дисплей является основным механизмом создания гендера на уровне межличностного взаимодействия лицом к лицу.

Гендерный дисплей как представление половой принадлежности во взаимодействии (как спектакль) столь тонок и сложен, что его исполнение не может быть сведено к определенным репликам, костюмам, гриму и антуражу и пр. Гендерный дисплей как механизм создания гендера на уровне взаимодействий должен быть «исполнен» таким образом, чтобы партнеры по коммуникации были правильно идентифицированы, т. е. как женщины/мужчины с уместным стилем и поведением в конкретной ситуации. Гендерный дисплей конвенционален и способствует воспроизводству социального порядка, основанного на представлении о мужском и женском в данной культуре.

Таким образом, анализ теоретических подходов к проблеме гендера позволяет утверждать, что методологической основой современных гендерных исследований в психоло-

гии является социальный конструкционизм. Однако проведенный анализ отечественных исследований, посвященных различным гендерным проблемам, выявил отсутствие специальных психологических исследований, строящихся на социально-конструкционистской парадигме. Зачастую термин «гендер» используется как синоним термина «пол», а первый термин представлен просто как «более современное понятие в науке», хотя за каждым термином стоит различное понимание данного феномена.

На уровне обыденного сознания тезис З. Фрейда «анатомия — это судьба» является незыблемым постулатом. В отличие от биологического детерминизма, социальный конструктивизм постулирует, что половые роли сконструированы, и отстаивает тезис: и мужчины и женщины создаются, ими не рождаются. Можно сказать, что постулатом социального конструктивизма является тезис Симоны де Бовуар «Женщиной не рождаются, женщиной становятся» (равным образом не рождаются и мужчиной). Социальный конструктивизм утверждает, что не существует ни женской, ни мужской сущности: биология не есть судьба ни для мужчины, ни для женщины. Рождается человеческое существо, а в зависимости от строения половых органов это существо попадает в «мужскую» или «женскую» ситуацию. Все мужское и женское создано в разных контекстах и наполнено различным содержанием опыта и смысла.

Вопросы для самопроверки

1. Что вы понимаете под терминами «пол» и «гендер», каковы их отличия друг от друга?
2. Какими теоретико-методологическими основаниями характеризуются отличия гендерной проблематики в психологии от психологии пола?
3. Каковы предмет и структура гендерной психологии?
4. Каковы основные задачи гендерной психологии?
5. Что изучают такие отрасли психологической науки, как психология пола, психология половых различий, психология семьи и брака, гендерная психология? В чем же их сходства и различия?

6. Какие разделы выделяются в гендерной психологии и какова специфика предмета каждого раздела?
7. На каких теоретико-методологических основаниях базируются психология пола и гендерные исследования в психологии?

Задания для самостоятельной работы

1. Проведите в группе дискуссию «Пол: природа или стереотип? Эссенциализм или конструктивизм?»
2. Проведите в группе дискуссию «Психологические различия полов: миф или реальность?»
3. Измерьте рост у студентов вашей группы. С помощью элементарной статистики вычислите среднюю арифметическую величину для группы в целом и отдельно для юношей и девушек. Проанализируйте результаты.
4. Проведите упражнение «Перевертыши» (прил. 2) и обсудите в группе.

Список рекомендуемой литературы

1. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. — СПб. : Питер, 2005.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М. : Медиум, 1995.
3. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2001.
4. Герген, К. Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии / К. Дж. Герген // Социальная психология: саморефлексия маргинальности : хрестоматия. — М., 1995.
5. Ильин, Е. П. Дифференцированная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2002.
6. Келли, Г. Основы современной сексологии / Г. Келли. — СПб. : Питер, 2000.
7. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений / И. С. Клецина. — СПб. : Алетейя, 2004.
8. Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. — СПб. : Питер, 1997.
9. Мани, Дж. Ориентация / Дж. Мани, П. Такер // Сексология : хрестоматия / под ред. Д. И. Исаева. — СПб., 2001.

Глава 2. Проблема гендера в различных психологических теориях

Психологические исследования пола и гендера, беря свое начало с ранней фрейдовской теории, в настоящее время представляют различные современные теории и взгляды на гендерные различия. Каждая психологическая теория внесла вклад в изучение пола и повлияла, так или иначе, на перспективы гендерных исследований в психологии и становление нового направления — гендерной психологии. Джудит Уорелл (Worell, 1990) предложила условно назвать «традиционными» те теории, которые отражают следующие аспекты концепции поведения человека: андроцентризм, гендероцентризм и гетеросексизм. Андроцентризм характеризует теории, использующие мальчиков и мужчин в качестве прототипа всех людей, а девочки и женщины рассматриваются как дополнение к основной теме. Гендероцентризм наиболее ярко проявляется в теориях, описывающих разные варианты жизненного развития мужчин и женщин на основании их биологических различий. Гетеросексизм проявляется в теориях, когда за норму принимается гетеросексуальная ориентация, а гомосексуальная сексуальная ориентация считается отклонением, требующим корректировки.

2.1. Психодинамическая теория

Современная психодинамическая теория возникла на основе психоаналитической традиции, родоначальником которой является *Зигмунд Фрейд* (1856—1939). Психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда считается самой ранней психологической теорией о половых различиях. В этой теории четко прослеживается гендероцентризм; развитие личности мужчин и женщин воспринималось как результат био-

логических отличий между ними (в частности, наличие пениса у мужчин и способности женщин рожать детей).

З. Фрейд был первым психологом, который задался вопросом, как мужское и женское трансформируется в маскулинное и фемининное. Поэтому практически все источники по психологии развития, психологии пола начинаются с обсуждения проблемы полотицизации в психоаналитической теории.

Заслуга З. Фрейда состоит в том, что вместо абстрактного субъекта классической философии он исследует специфику гендерных отношений, помещенных в конкретную психологическую реальность — реальность семьи: «женщина» и «мужчина» живут не среди абстракций, как предполагалось в классической философии, они живут с отцом, матерью, братьями, мужьями, женами, сестрами и т. п., поэтому классический психоанализ изучает психологические контексты именно этого круга отношений, т. е. гендерные отношения в семье. В то же время место женщины в семье рассматривалось Фрейдом как зависимое и вторичное.

С другой стороны, правомерно утверждать, что именно З. Фрейд ввел в современную культуру феномен женского как один из центральных феноменов, который традиционно был смещен на периферию. Женское у З. Фрейда ассоциируется с бессознательным, при этом основная заслуга З. Фрейда, в отличие от других ученых XIX в., занимающихся проблемой бессознательного, состоит в том, что его структуру он обозначил как гетерогенную, множественную и прерывистую, но именно эти качества бессознательного позволяют приблизиться к пониманию феномена женского в культуре.

З. Фрейд пытается определить особенности гендерного различия в структуре детской идентичности. Он устанавливает, что гендерные различия не являются данными от рождения, а формируются только на стадии так называемого «комплекса Эдипа». Обретение одного типа идентификации всегда связано, по мнению З. Фрейда, с подавлением другого.

Таким образом, традиционный психоанализ признает, что мужская и женская модели диаметрально противоположны по своим качествам. И если для типично мужского поведения характерны активность, агрессивность, решительность, стремление к соревнованию и достижению, способности к творческой деятельности, рассудочность, то для женского — пассивность, нерешительность, конформность, отсутствие логического мышления, эмоциональность и социальная уравновешенность. З. Фрейд полагал, что личность тогда развивается гармонично и полноценно, когда следует вышеописанным моделям. В этом случае не нарушается ее половая идентификация.

Согласно З. Фрейду, дети начинают обращать внимание на гениталии примерно в три года; он назвал это началом фаллической стадии психосексуального развития. Согласно З. Фрейду, в норме именно на фаллической стадии развития, разворачивающейся в возрасте примерно от 3 до 6 лет, у ребенка начинает развиваться чувство сексуального притяжения к родителю противоположного пола; также у него появляется осознание того, что у людей разного пола различные гениталии.

У мальчика, «для которого его собственный пенис является предметом гордости», вид гениталий девочки вызывает или «ужас перед искалеченным существом, или чувство триумфального презрения к ней» (1997. С. 551). Кроме того, это событие наводит мальчика на мысль о том, что его пенис подвергается вполне реальному риску — он уже не раз сталкивался с угрозой кастрации, в действительности или только в воображении — когда мастурбировал, когда демонстрировал свой сексуальный интерес к матери или в обоих случаях сразу. Все это настолько болезненно и угрожающе, что невыносимо для маленького мальчика; поэтому он подавляет свои сексуальные чувства к матери, идентифицирует себя с отцом и — через процесс идентификации — не только освобождается от эдипова комплекса, но и приходит к развитию нормальной маскулинности и сильного Супер-Эго.

У девочки же, которая так долго была «маленьким человечком», счастливая находка мастурбации с «эквивалентом пениса», осознание разницы в устройстве гениталий вызывает не страх кастрации, но желание иметь «более совершенный орган». З. Фрейд описывает этот критический момент как прозрение: видя не один раз пенис «брата или сверстника, сильно заметный и большой», маленькая девочка «молниеносно приходит к выводу и решению. Она видела это; она знает, что у нее этого нет, и она хочет, чтобы у нее это было» (1997. С. 551). Иными словами, маленькая девочка немедленно становится «жертвой зависти к пенису». З. Фрейд ни в коем случае не рассматривает эту зависть как явление ненормальное. Совсем наоборот. У девочки зависть к пенису приводит к нормальной фемининности, точно так же как и у мальчика страх кастрации приводит к нормальной маскулинности.

Всякое отклонение от этих эталонов считалось проявлением нездоровой гендерной идентичности. В частности, стремление женщин к власти (характеристика, которая должна быть у мужчины) называлось фаллическим.

Психоаналитическая теория всегда вызывала споры, и многие отвергают ее открытый вызов, что «анатомия — это судьба». Эта теория предполагает, что половая роль — даже ее стереотипность — есть всеобщая неизбежность и изменить ее нельзя.

Самого З. Фрейда очень трудно отнести к «гендерным психологам». Он написал работу «Психология женщины», опубликованную в 1933 г., статью «Женственность» и другие очерки о развитии женщины, разработал представление о нарциссизме у мужчин и женщин и об их сексуальных переживаниях (работы «Об унижении любовной жизни», «Об особом типе “выбора объекта” у мужчины» и др.).

В своей работе «Женственность» он изобразил женщин завидующими мужской анатомии (имеющими так называемый комплекс кастрации). Точнее говоря, существует, по мнению З. Фрейда, по крайней мере шесть нормальных и естественных психологических последствий зависти девочки к пенису и все они представляют собой составные части ее раз-

вивающейся фемининности. Во-первых, как только «ее нарциссизму (самовлюбленности) наносится рана, вслед за этим развивается чувство неполноценности» (Фрейд, 1997. С. 553). Во-вторых, когда она «преодолела свою первую попытку объяснить отсутствие у нее пениса как личное наказание и поняла, что этот половой признак универсален, она начинает разделять презрение мужчин в отношении того пола, который более ограничен в столь существенном вопросе» (Там же). В-третьих, «даже после того, как чувство зависти к пенису отделилось от своего первичного объекта, оно продолжает существовать... в виде ревности как черты характера» (Там же. С. 554). В-четвертых, девочка «разрывает свою эмоциональную связь с матерью», которую она почти всегда считает «ответственной за то, что у нее (девочки) нет пениса» (Там же. С. 555). В-пятых, из-за «чувства унижения», которое она испытывает в связи с «неполноценностью клитора», она отказывается от мастурбации, тем самым обеспечивая «направление развитию своей (вагинальной) фемининности» (Там же). Наконец, она «освобождается от своего желания иметь пенис, вместо чего у нее появляется желание иметь ребенка» (Там же. С. 556).

В этот момент, говорит З. Фрейд, «девочка превратилась в маленькую женщину» (Там же). Эта маленькая женщина будет особенно счастлива, однако если ребенок, о котором она теперь мечтает, будет маленьким мальчиком, «который предоставит ей долгожданный пенис» (2001. С. 113).

К сожалению, как указывает З. Фрейд, сделанное девочкой «открытие, что она кастрирована», не всегда направляет ее развитие в сторону «нормальной фемининности» (Там же. С. 114). В некоторых случаях ее «себялюбие» настолько «принижается в результате сравнения с недостижимой принадлежностью мальчика», что она «подавляет значительную часть своих сексуальных побуждений», а это, в свою очередь, ведет к «сексуальному торможению или к неврозу» (Там же. С. 111—112). В других случаях у девочки развивается «мощный комплекс маскулинности» (Там же. С. 114). З. Фрейд считал, что из-за него она «отка-

зывается признаться себе в том, что она кастрирована», «глубоко убеждена в том, что у нее все-таки есть пенис» и поэтому «ведет себя так, как если бы она была мужчиной». «Суть этого процесса», согласно З. Фрейду, в том, что она избегает «нарастания пассивности... открывающей доступ к изменениям в сторону фемининности» (2001. С. 115). Крайний случай подобного комплекса маскулинности — манифестная гомосексуальность, но есть и не столь яркие последствия, и среди них — отвержение традиционной роли жены и матери и стремление «заниматься интеллектуальной деятельностью».

Поскольку взгляды З. Фрейда пользовались огромной популярностью во всем мире, постольку на долгие годы женщины многих стран старались соответствовать этому идеалу, очень ценимому в обществе, и многие из них отказывались от определенных видов деятельности и ролей (например, от лидерства), только бы не быть обвиненными в утрате женственности и в сходстве с мужчинами. Точно так же мужчины стремились во что бы то ни стало соответствовать маскулинному идеалу — проявление мягкости и сочувствия считалось признаком слабости и презираемой фемининности.

Некоторые идеи психоанализа об идентичности по-прежнему популярны: например, представление о том, что гендерная идентичность формируется в раннем детстве, при общении с матерью, а также с отцом. Важным считается и фактор порядка рождения в семье, в частности, для девочек. Так, девочки, родившиеся первыми и имеющие младших братьев (т. е. старшие сестры), благодаря особым условиям формирования гендерной идентичности (они проходят обучение лидерству, командуя младшими братьями) во взрослости становятся мэрами небольших американских городов.

Идеи З. Фрейда получили свое дальнейшее развитие в современной психоаналитической теории и практике (Х. Когут, О. Кернберг).

Таким образом, психоаналитическая теория подчеркивает идентификацию ребенка с родителем своего пола как первичный механизм, посредством которого ребенок становится полотицизированной. Идентификация происходит из

результатов исследования ребенком своих гениталий как половых различий: через зависть к пенису и страх кастрации, которые это исследование порождает в мальчиках и девочках, к успешному разрешению эдипова конфликта.

Хотя часть феминистских школ обнаруживают плодотворность обращения к психоаналитическим рамкам в последние годы, взгляд на то, что анатомия — это судьба, исторически ассоциируется с достаточно консервативным заключением относительно неизменности процесса полотицизации.

Среди всех лидирующих теорий полотицизации психоаналитическая наиболее известна среди непсихологов, в то время как у психологов она стала не так популярна. Частично из-за того, что эту теорию трудно эмпирически проверить. И, более важно, из-за того, что эмпирические доказательства просто не подтверждают, что исследования детьми различий гениталий и идентификация детей с родителем своего пола являются основополагающей детерминантой полотицизации.

Основоположник **аналитической психологии**, швейцарский психолог **Карл Густав Юнг** (1875—1961) также внес свой вклад в понимание гендера.

К. Юнг видел в идее единства двух противоположностей — мужского и женского — образ архетипический. Воплощение женского начала в мужском бессознательном (*анима*) и мужского в женском (*анимус*), т. е. психологическую бисексуальность, он рассматривал как самые значительные архетипы, как регуляторы поведения, проявляющие себя наиболее типично в некоторых снах и фантазиях или в иррациональности мужского чувства и женского рассуждения.

В своей работе «Психология бессознательного» (1912) К. Юнг отмечает, что нет мужчины, который был бы настолько мужественным, чтобы не иметь в себе ничего женского, и нет женщины, которая была бы настолько женственной, чтобы не иметь в себе ничего мужского.

Анимус выражается в спонтанных, непреднамеренных взглядах, влияющих на эмоциональную жизнь женщины.

Анима является сходным соединением чувствований, которые влияют на миропонимание мужчин, будучи направленным на бессознательное и двусмысленное в женщине, а также в сторону ее тщеславия, холодности и беспомощности. Архетип «анима-анимус», по К. Юнгу, состоит из вытесненных, непрожитых черт личности, заключающих в себе огромные возможности и энергию для более полной реализации потенциала личности. Осознание мужчиной своей внутренней женственности (анимы), а женщиной — мужественности (анимуса) приводит к открытию и интеграции истинной сущности, что является показателем личностного роста.

Таким образом, хотя создателем теории андрогинности считается Сандра Бем, у нее были предшественники, в том числе и такой авторитетный, как Карл Юнг.

В рамках юнговской аналитической психологии проводят свои исследования, посвященные женским архетипам, Кларисса Пинкола Эстес и Джин Шинода Болен.

*Кларисса Пинкола Эстес*¹ (род. 1945) в своей книге «Бегущая с волками» (1992), которую она начала в 1971 г. и завершила через двадцать с лишним лет, проследивает женский архетип в мифах и сказаниях. Ее труд переведен на двадцать пять языков и объявлен классическим и новаторским произведением в исследовании внутренней жизни женщины. Эта книга получила почетную премию «Эбби», высшую награду Лиги писателей Колорадо и премию Национальной ассоциации за развитие психоанализа. Кларисса Эстес, более

¹ Кларисса Пинкола Эстес — доктор философии, дипломированный старший психоаналитик-юнгианец, обладательница сертификата Международной ассоциации аналитической психологии (Швейцария), кантадора (потомственный рассказчик-профессионал) латиноамериканской традиции является основательницей недавно созданного Гваделупского фонда — организации, посвятившей себя борьбе за права человека. Была исполнительным директором Научно-исследовательского и учебного центра К. Г. Юнга в США. Ее докторская диссертация посвящена межкультурным исследованиям и клинической психологии. Она преподает и ведет частную практику уже более 40 лет. Одно из направлений ее деятельности — «терапия историями» в специальных радиопередачах, транслируемых в «горячие точки» по всему миру — туда, где особенно нуждаются в утешении и поддержке. В 2006 г. она номинировалась в Зал женской славы (Колорадо), который отмечает женщин — «агентов изменений», имевших влияние на международную арену.

20 лет практикующая и преподающая психоанализ Юнга и исследующая мифы разных культур (в своей книге богатейшие интеркультурные мифы, сказки, предания), считает, что внутри каждой женщины живет первозданное, естественное существо, полное добрых инстинктов, сострадательной созидательности и извечной мудрости. Имя ей — Первозданная Женщина, Дикая Женщина; это она представляет инстинктивную природу женщины. «С возникающими у женщин проблемами души, — пишет К. Эстес, — нельзя разобратся, вписав их, женщин, в некую приемлемую для бессознательного культуры форму... Источниками понимания становятся сказки, мифы и легенды» (2003. С. 18). «Сказки — это лекарство... Они обладают целительной силой... Сказки рождают волнение, печаль, вопросы, стремления и понимание, которые спонтанно поднимают на поверхность нужный архетип, в нашем случае — архетип Первозданной Женщины. В сказках есть наставления, позволяющие нам пробиваться через жизненные тернии. Сказки убеждают нас в том, что таящийся в глубине архетип необходимо вытащить на свет, и дают способ, как это сделать» (Там же. С. 28). Сказки вроде «Синей Бороды» помогают догадаться, что делать с женскими ранами, которые не перестают кровоточить. В образе Бабы Яги, дряхлой дикой ведьмы, можно обнаружить дары Старой Матушки Смерти. В сказке «Василиса Премудрая» куколка, указывающая путь, когда кажется, что уже все потеряно, извлекает на поверхность одно из утраченных инстинктивных умений. Это книга женских сказок, образующих вехи на пути.

*Джин Шинода Болен*¹ в своей книге «Богини в каждой женщине» (1984) проследивает женский архетип через архе-

¹ Джин Шинода Болен — юнгианский аналитик, с 1984 по 2010 г. профессор психиатрии в Калифорнийском университете Сан-Франциско, член правления Фонда для женщин, с 2003 г. почетный член Американской психиатрической ассоциации и дипломант Американской коллегии по психиатрии и неврологии, бывший член совета управляющих Института К. Г. Юнга в Сан-Франциско и в прошлом председатель Объединенного совета аттестационной аналитики Юнга Северного и Южного обществ Калифорнии. В 1962 г. получила звание доктора медицинских наук. С 1967 г. по настоящее время занимается частной практикой. В 2009 г. стала лауреатом премии «Женские достижения».

типы древнегреческих богинь. Она считает, что существует семь сложных архетипов богинь, которые можно изучать по отдельности и в различных сочетаниях. Эти архетипы — полезная «стенография», позволяющая описывать и, следовательно, анализировать многочисленные схемы поведения и свойства личности. При оптимальном использовании архетипы становятся средствами постижения и доступа к необходимым силам и качествам в собственной душе. «Прежде женщины даже не осознавали, — пишет Джин Болен, — какое мощное влияние оказывают на них культурные стереотипы; сходным образом сейчас они обычно не осознают, какие могучие силы таятся в них самих, — силы, способные определять их поступки и чувства... Эти могучие внутренние схемы, или архетипы, объясняют различия между женщинами. Одним, например, для того, чтобы ощущать себя состоявшейся личностью, нужны моногамия, институт брака и дети... Для них самое большое значение имеют традиционные роли. Они разительно отличаются от женщин другого типа, которые превыше всего ценят свою независимость, поскольку сосредоточены на том, что важно лично для них. Не менее своеобразен и третий тип — женщины, которых манят напряженность чувств и новые переживания, из-за чего они вступают во все новые личные отношения или мечутся от одного вида творчества к другому. Наконец, еще один тип женщин предпочитает одиночество; наибольшую значимость имеет для них духовность. То, что для одной женщины свершение, другой может показаться полной бессмыслицей — все определяется тем, архетип какой богини в ней преобладает» (2005. С. 13). У Джин Болен феминистская позиция сочетается с юнговской психологией архетипов: «Юнгианский подход позволил мне осознать, что женщины подчиняются могучим внутренним силам — архетипам, которые можно персонифицировать образами древнегреческих богинь. В свою очередь, феминистский подход помог мне понять, что внешние силы, или стереотипы — те роли, исполнения которых ждет от женщин общество, — навязы-

вают им шаблоны одних богинь и подавляют другие. В результате я начала видеть, что каждая женщина пребывает где-то посередине: ее внутренние побуждения определяются архетипами богинь, а внешние поступки — культурными стереотипами» (Болен, 2005. С. 16). Джин Болен является также автором книги, посвященной мужским архетипам «Боги в каждом мужчине. Новая психология жизни и любви мужчины».

Создатель **индивидуальной психологии**, австрийский психолог **Альфред Адлер** (1870—1937) также обращался к вопросу гендера. Это нашло свое выражение в его работе «Понять природу человека».

По мнению А. Адлера, важность мужского начала в современной культуре всячески подчеркивается. В настоящее время имеет место постоянное стремление мужчин к господству над женщинами и, соответственно, неудовлетворенность господством мужчин со стороны женщин. Мужчины с детства уверены: им предстоит играть более важную роль. Они толкуют эту уверенность как свою безусловную обязанность. Адлер отмечает, что то, что в наше время принято считать «мужественностью», является, прежде всего, чистой воды эгоизмом, удовлетворением своего самолюбия и внушением себе чувства превосходства и доминирования над другими. Все это совершается при помощи таких на первый взгляд позитивных характеристик, как мужество, сила, верность долгу и одержание всяческих побед (особенно над женщинами), приобретение чинов, наград и титулов, сопротивление так называемым «женственным» наклонностям и т. п. Идет постоянная битва за личное превосходство, поскольку стремление к преобладанию считается «мужской» добродетелью.

Таким образом, мальчик имитирует те особенности, которые он замечает у взрослых мужчин, особенно у своего отца. Последствия этой искусственно внушенной мании величия мы наблюдаем в нашем обществе повсюду. Уже в детстве мальчика подстрекают к тому, чтобы обеспечить для себя некоторый объем власти и привилегий, и это называет-

ся «мужественностью». В наихудших случаях она деградирует в высокомерие и жестокость.

Преимущества, которые мужчины получают по праву рождения, при нынешнем положении вещей очень заманчивы. Поэтому многие девочки выбирают для себя мужской стиль поведения либо как недостижимый идеал, либо как критерий собственного поведения. Этот идеал может проявляться в качестве социальной установки в отношении как поведения, так и внешности.

Мужчины обыкновенно оправдывают свое господствующее положение не только тем, что оно якобы является естественным, но и тем, что их главенство с неизбежностью вытекает из неполноценности женщины. С этим предрассудком связана и некоторая присущая мужчинам тревожность, вероятнее всего появившаяся в период борьбы с матриархатом, когда власть женщин была причиной для реальной тревоги.

Зачастую женщины считались источником всяческого зла. Легенды и сказки всех веков повествуют о моральной неполноценности женщин, об их злобе и двуличии, их коварстве и непостоянстве. Понятие «женская порочность» даже использовалось в качестве аргумента в судебных процессах. Женщины обвиняются в злобности, мелочности, скудоумии и т. д.

Девочкам каждый день объясняют, что они менее способны, нежели мальчики, и могут заниматься лишь самой простой работой. Неудивительно, что рано или поздно их удается убедить.

В таких условиях так называемые доказательства низких способностей женщин могут показаться убедительными. Для этого имеются две причины. Во-первых, это заблуждение подкрепляется тем фактом, что о ценности того или иного человеческого существа зачастую судят с сугубо коммерческой точки зрения или исходя из односторонних и крайне эгоистических критериев. Во-вторых, часто упускается из виду, что с того момента, когда девочки появляются на свет, им постоянно внушают предрассудки, всецело рассчитан-

ные на то, чтобы лишить их веры в ценность собственной личности, подорвать их уверенность в себе и уничтожить их надежду когда-либо сделать что-нибудь достойное.

Очевидные преимущества, данные мужчинам, привели к таким нарушениям в психическом развитии женщин, что в настоящее время наличествует почти всеобщая неудовлетворенность женской ролью, которую А. Адлер назвал «мужским протестом». Умственное развитие женщин движется почти по тому же пути и подчиняется почти тем же правилам, что и у тех мужчин, которым их место в жизни внушило сильное чувство собственной неполноценности. Дополнительное, усугубляющее ситуацию осложнение ожидает девочку из-за предрассудка относительно ее якобы неполноценности, обусловленной ее полом.

В борьбе против женской доли женщины выбирают самые различные стили поведения. А. Адлер различает три типа женщин. Первый тип женщин развивается в «мужском» направлении. Эти женщины чрезвычайно энергичны и честолюбивы, борются за достижение успеха, стараются превзойти своих братьев и товарищей-мужчин, занимаются деятельностью, которой обычно занимаются мужчины, отвергают брак или стремятся в нем к главенству. Женщина этого типа стремится компенсировать зло мужского отношения к женщинам «по-мужски». Она всегда готова к обороне. Ее называют «сорванцом», «бой-бабой», «мужеподобной женщиной» и т. п. Поведение женщин этого типа можно охарактеризовать как восстание против женской доли. Но протест, согласно А. Адлеру, идет в рамках единственной альтернативы: мужское или женское. Это и создает трудности развития такого рода женщин, т. к., подавляя в себе естественное женское начало, они навязчиво стремятся компенсировать его мужскими чертами характера.

Второй тип женщин демонстрируют покорность, смирение и невероятную приспособляемость, послушание и безропотность. На первый взгляд такая женщина со всем соглашается и исполняет все, что ей велят, однако при этом вы-

глядит такой неуклюжей и беспомощной, что ей ничего никогда не удастся сделать как следует. У нее могут наблюдаться нервные симптомы, которые демонстрируют миру, насколько она слаба и как нуждается в защите. И поскольку она «больна», постольку ей оказывается не под силу удовлетворительно решить ни одной жизненной проблемы. Готовность этой женщины подчиниться, ее покорность, ее самоотречение коренятся в том же бунтарском духе, что и у женщин описанного выше типа.

Третий тип женщин, который отвергает женскую роль как таковую, несут в себе мучительное сознание того, что они обречены всю жизнь быть существом низшего порядка и подчиняться другим. Они твердо убеждены в неполноценности женщин, а также в том, что сделать в жизни что-либо достойное — это судьба одних мужчин. Вследствие этого они соглашаются с привилегированным положением мужчин и так откровенно это демонстрируют, считают себя слабыми, словно стремятся вознаградить себя за это дополнительной поддержкой. Но это тоже запланированное сопротивление: только мужчина в силах справиться с житейскими обязанностями.

Заблуждения относительно неполноценности женщин и, соответственно, превосходства мужчин постоянно разрушают гармонию между полами. Из-за этого во все сексуальные отношения привносится в высшей степени нежелательный элемент конфликта, угрожающий любой возможности счастья между полами и даже подрывающий ее. Этим объясняется, почему гармоничные браки так редки.

Трудности, возникшие первоначально из-за этого конфликта между полами, сегодня приняты поистине гигантские масштабы. Чем меньше склонны женщины играть роль послушной самки и чем больше стремятся мужчины сохранить свое привилегированное положение, тем ожесточеннее становится этот конфликт.

Ведущий реформатор психоанализа, ученый, вокруг исследований которого возникло целое направление — **неофрейдизм**, американский психолог норвежско-датского

происхождения **Карен Хорни** (1885—1952). Между 1923 и 1935 г. К. Хорни опубликовала критические заметки относительно постулированных З. Фрейдом психосексуальных стадий развития и в них критиковала его описание женщин. Так, в своем докладе на VII международном психоаналитическом конгрессе в Берлине в 1922 г. «О происхождении комплекса кастрации у женщин», в работах «Уход от женственности (Комплекс маскулинности у женщин глазами мужчин и женщин)», «Страх перед женщиной (Сравнение специфики страха женщин и мужчин по отношению к противоположному полу)» и др. К. Хорни, отвергнув тезис З. Фрейда о том, что «зависть к пенису» играет критическую роль в развитии женщины, возражает, что, напротив, мужчины страдают от того, что не могут рожать, т. е. от «зависти к матке».

Так, в работе «Уход от женственности» К. Хорни отмечает, что «в пользу взгляда, что женщины менее успешно сублимируют свою зависть к пенису, чем мужчины свою зависть к материнству, свидетельствует и вклад последних в культуру» (2003. С. 32). «Сама наша речь, наш язык указывают нам на этот источник продуктивности в культуре. В исторические времена, как мы знаем, эта продуктивность была неравненно выше у мужчин, чем у женщин. Можно высказать предположение, что невероятное напряжение мужского порыва в любой области творчества исходит именно от чувства, что он играет сравнительно малую роль в сотворении живых существ, и именно это постоянно подталкивает его к сверхкомпенсации в иных достижениях» (Там же. С. 31—32).

2.2. Теория социального научения и теория половой типизации

В отличие от психоаналитической теории, **теория социального научения** предлагает более прямое объяснение принятия половой роли и подчеркивает, во-первых, значение поощрения и наказания, которое дети получают за соответствующее или не соответствующее полу поведение, и,

во-вторых, роль обучения, которое основано на процессах наблюдения и моделирования — как ребенок, наблюдая за взрослыми, усваивает свою половую роль.

Таким образом, теория социального научения помещает источник полотиализации в дифференцированную по полу сферу социализации.

Важно подчеркнуть еще два момента теории социального научения:

- 1) в отличие от теории психоанализа полоролевое поведение трактуется в ней, как и всякое другое заученное поведение; чтобы объяснить, как дети обретают половую роль, здесь не требуется постулировать какие-либо специальные психологические механизмы или процессы;
- 2) если в полоролевом поведении нет ничего особенного, то и половая роль сама по себе не является ни неизбежной, ни неизменной. Ребенок усваивает половую роль потому, что пол оказывается основанием, по которому его культура выбирает, что считать подкреплением, а что — наказанием. Если идеология культуры становится менее сексуально ориентированной, то полоролевых признаков в поведении детей также становится меньше.

Эта популярная модель явилась одной из первых теорий, обративших внимание на то обстоятельство, что определенные представления о мужской и женской гендерных ролях складываются в рамках каждой культуры, а затем усваиваются полами в процессе их интеграции в систему социальных отношений с родителями, сверстниками и окружающими людьми. Согласно теории социального научения на процесс гендерного развития, который продолжается всю жизнь, могут оказывать влияние различные факторы, связанные с семьей и обстоятельствами жизни каждого индивида. Первоначально в рамках теории социального научения господствовало мнение о том, что дети *пассивно* воспринимают представления о гендерной роли, бытующие в их культуре,

имитируя или «моделируя» поведение окружающих людей своего пола. Однако в настоящее время считается, что дети играют *активную* роль в этом динамичном процессе и отчасти влияют на формирование собственных гендерных представлений. Кроме того, результаты исследований убеждают в том, что в процессе формирования представлений о приемлемом гендерном поведении дети выбирают в качестве «моделей» для подражания далеко не всякого взрослого человека. Отмечается, что физиологический пол ребенка не оказывает решающего влияния на выбор манеры поведения, поскольку процесс формирования гендерной роли ребенка протекает весьма индивидуально (Fagot, 1995; Lott, Maluso, 1993).

Судя по имеющимся научным данным, самовосприятие детей в какой-то мере зависит от гендерных представлений их родителей. Вероятно, в ходе общения с родителями подтверждаются предположения ребенка о том, что ожидает общество от мужчины и женщины. Теория социального научения является предшественницей конструктивистской модели гендерного развития, согласно которой гендерная идентичность, по меньшей мере отчасти, формируется под влиянием факторов социальной среды.

Возможно, что основное достоинство теории социального научения для психологов заключается в том, что к развитию психологии женщин и мужчин она применяет тот же общий принцип научения, который уже хорошо известен в отношении развития множества других видов поведения.

Таким образом, если это касается формальной теории, гендер не должен требовать каких-то специальных положений, т. е. не нужно специального психологического механизма или процесса, который можно постулировать для объяснения того, как дети становятся типичными по полу, помимо общего объяснения того, что дети обучаются другим видам социализированного поведения.

Интересно, что обобщения теории формируют основу, к которой обращаются особенно феминистские психологи. Если нет ничего специфического в отношении гендера, тог-

да сам по себе феномен полотипизации не является ни неизбежным, ни неизменным. Дети становятся типизированными по полу, потому что пол является основой для дифференциальной социализации в культуре.

В принципе любая категория может стать основой для различий в социализации.

Хотя, с одной стороны, теория социального научения принимает во внимание освоение ребенком множества различных моделей поведения, которое стереотипизируется культурой как соответствующее полу, с другой стороны, она рассматривает ребенка скорее как относительно пассивного реципиента окружающих воздействий, нежели как активного участника этого процесса, пытающегося организовать и, таким образом, понять социальный мир.

Представление о пассивной роли ребенка не соответствует общим утверждениям о том, что часто ребенок сам конструирует и предлагает свои собственные версии гендерных правил.

Это также не соответствует факту, что гибкость, с которой дети интерпретируют гендерные правила, изменяется с возрастом. В одном исследовании, например, 73 % четырехлетних и 80 % девятилетних детей верят (проявляя при этом гибкость), что не должно быть ограничений по полу в отношении выбора профессии. В период между 4 и 9 годами дети начинают обретать более ригидные мнения, и в середине этого периода дети демонстрируют наименьшую гибкость. Так, 33 % пятилетних, 10 % шестилетних, 11 % семилетних, 44 % восьмилетних считают, что не должно быть ограничений по полу в отношении профессионального выбора.

Этот специфический поведенческий паттерн не уникален в интерпретации детьми гендерных правил. Даже если перейти от гендера к синтаксису, дети сначала обучаются особым грамматическим формам через усиление (подкрепление) и моделирование. По мере взросления, однако, они начинают конструировать свои собственные грамматические правила на основе того, что они слышат вокруг себя,

и только позже они способны принимать во внимание исключения из этих правил.

Это все доказывает, что ребенок не является пассивным наблюдателем, скорее, он (она) активно формирует правила для организации и понимания направления информации в его (ее) мире.

В конце 70-х гг. эта теория была пересмотрена и переименована в «социально-когнитивную теорию научения» с целью включения когнитивных факторов, таких как запомнившиеся ожидания случаев, посредничество в отношениях между ситуациями и поведением и др., в процесс гендерной социализации и формирования пола.

В основу **теории половой типизации** положено понятие *подкрепления*. Исходя из положений этой школы предписываемое полу поведение определяется как поведение, вызывающее разные подкрепления для разного пола, и обозначается как половая типизация.

Половая типизация — это процесс, при помощи которого индивид знакомится с поведенческими моделями: сначала выделяя их, затем обобщая их и осуществляя соответствующее поведение. Процесс половой типизации включает в себя прямое и опосредованное подкрепление сложными стимулами, которые имеют различную ценность и вызывают различные эмоциональные и установочные реакции у разных полов.

Так, родители и окружающие поощряют (положительно подкрепляют) мальчиков и девочек, когда они ведут себя согласно образцам традиционного гендерного поведения, и осуждают (дают отрицательное подкрепление), когда они используют модели поведения, свойственные противоположному полу. Начиная с младенчества, родители по-разному одевают мальчиков и девочек и дарят им разные игрушки. Например, когда родители разглядывают новорожденных через больничное окно, они уверены, что могут различить пол младенцев. Если они думают, что этот младенец — мальчик, они будут описывать его как крепкого, сильного и с

крупными чертами; если они считают, что другой, практически неотличимый младенец — это девочка, то скажут, что он хрупкий, с тонкими чертами и «мягкий» (Rubin, Luria, 1974). Так, в одном исследовании, проведенном в 1976 г., когда испытуемым говорили, что ребенка зовут «Дэвид», они обращались с ним грубее, чем те, которым сказали, что это «Лиза».

В результате наблюдений, проводившихся в домах дошкольников, выяснилось, что родители поощряют у своих дочек надевание нарядов, танцы, игру в куклы и просто подражание им, но ругают их за манипулирование предметами, беготню, прыжки и лазание по деревьям. Мальчиков родители, наоборот, поощряют за игру в кубики, но критикуют за игру в куклы, просьбу о помощи и даже за предложение своей помощи (Fagot, 1978).

Мальчиков и хвалят, и ругают чаще, чем девочек. Отцы больше озабочены полоролевым поведением, чем матери, особенно в отношении сыновей. Когда сыновья играли с «девчоночьими» игрушками, у отцов реакция была более негативная, чем у матерей, — они вмешивались в игру, выражали недовольство. Отцов не так беспокоит, когда их дочери участвуют в «мужских» играх, но все равно их недовольство при этом больше, чем у матерей. Родители больше обеспокоены, если их сыновья ведут себя, как «маменькины сынки», чем когда их дочери ведут себя, как сорванцы. В то время как родители склонны осуждать несамостоятельность мальчиков, они позволяют девочкам быть зависимыми и даже поощряют их. В результате мальчики усваивают принцип, что следует рассчитывать на свои собственные достижения, чтобы обрести самоуважение, в то время как самоуважение девочек зависит от того, как к ним относятся другие.

Но если родители и другие взрослые обращаются с детьми по принципу половых стереотипов, то сами дети просто настоящие «сексисты». Сверстники принуждают к полоролевым стереотипам куда суровее родителей. В частности, мальчики критикуют других мальчиков, когда видят их за «девчоночьим» занятием. Если мальчик играет в куклы, пла-

чет, когда ушибся, или проявляет чуткость к другому расстроенному ребенку, мальчики-сверстники тут же назовут его «неженкой». Девочки, наоборот, не возражают, если другие девочки играют в «мальчишечьи» игрушки или участвуют в мужском виде деятельности.

Хотя теория социального научения очень хорошо может объяснить подобные явления, есть такие наблюдения, которые с ее помощью объяснить трудно. Во-первых, согласно данной теории считается, что ребенок пассивно принимает на себя воздействие окружения: с ребенком «это делают» общество, родители, сверстники и СМИ. Но такому представлению о ребенке противоречит наблюдение, отмеченное нами выше, что дети сами создают и навязывают себе и своим сверстникам свой собственный усиленный вариант правил поведения полов в обществе, причем делают это настойчивей, чем большинство взрослых в их мире. Во-вторых, в развитии взглядов детей на правила поведения полов есть интересная закономерность. Например, в 4 года и в 9 лет большинство детей считают, что ограничений на выбор профессии по признаку пола быть не должно: пусть женщины будут докторами, а мужчины — няньками, если им так хочется. Однако в промежутке между этими возрастными мнениями детей становятся более жесткими. Так, около 90 % шести-семилетних детей считают, что половые ограничения на профессию должны существовать.

В 60—70-е гг. XX в. в социальных науках наибольшее распространение имел **структурный функционализм**. В рамках теории структурного функционализма *Толкоттом Парсонсом* (1902—1979) была предложена *теория половых ролей*. Рассматривая изменения, которые произошли с американской семьей к середине прошлого столетия, Т. Парсонс считает базисными функциями семьи:

- социализацию детей;
- стабилизацию личности взрослых членов семьи.

Механизмом, обеспечивающим равновесие и стабильность любой социальной системы, и семьи в том числе, явля-

ется, по его мнению, функциональное разделение сфер деятельности, или дифференциация ролей. Поскольку для существования любой социальной системы необходимо выполнение инструментальной и экспрессивной функций, то и в семье эти функции тоже должны быть реализованы. Инструментальная функция обеспечивает отношения системы — в данном случае семьи — с внешним миром, дает возможность получить средства к существованию. Экспрессивная функция — это поддержание интеграции членов системы, установление моделей отношений и регулирование уровня напряженности членов союза. Т. Парсонс утверждает, что один и тот же человек не может выполнять одновременно и инструментальные (требующие властности и жесткости), и экспрессивные (предполагающие мягкость и умение погасить конфликт) функции, поэтому женщина выполняет экспрессивную роль в семье, а мужчина инструментальную.

2.3. Теория когнитивного развития

В отличие от теории социального научения, теория когнитивного развития сосредоточена исключительно на первичных агентах — полоролевой социализации ребенка. Фокус теории отражает основное базисное положение, что половая типизация происходит естественно и неизменно из всеобщих принципов когнитивного развития (т. е. процесс когнитивного развития везде одинаков и всеобщ).

Теория когнитивного развития объясняет появление представлений у детей об их половых ролях активным структурированием ребенком собственного опыта, когнитивной информации, получаемой ребенком, и пониманием своей половой принадлежности. Согласно когнитивной теории формирование полового стереотипа зависит от общего интеллектуального развития ребенка. Этот процесс не является пассивным, а связан с проявлением самокатегоризации, т. е. с причислением ребенком себя к определенному полу. С точки зрения этой концепции первым этапом в процессе усвоения половой роли является самоопределение ребенка в

роли мальчика или девочки. Один из создателей этой теории, Лоуренс Кольберг (1927—1987), считает, что подкрепление начинает оказывать существенное влияние только после того, когда прошла первичная типизация.

Теория когнитивного развития расширила спектр представлений, первоначально возникших в рамках теории социального научения. Согласно этому подходу мыслительные процессы поддерживают и укрепляют гендерные представления, бытующие в обществе. Следовательно, человек воспринимает окружающих людей и оценивает свое общение с ними сквозь призму гендерных представлений. Ребенок довольно рано начинает осознавать свою принадлежность к определенному полу благодаря сравнению. Впоследствии в связи с потребностью в оценке различных явлений по принципу их соответствия определенной гендерной роли у ребенка формируется система мужских или женских критериев этой оценки. Ребенок стремится идентифицировать себя с родителем своего пола. Благодаря этому привычка к мужской или женской модели поведения крепнет. Кроме того, дети определяют гендерные роли в общении со своими сверстниками. Оригинальной особенностью этой теории является предположение о том, что у ребенка уже имеется в наличии базовая система мужских или женских ценностей и в ходе своего развития в связи с желанием обладать маскулинными или фемининными качествами ребенок выбирает в качестве моделей для подражания определенных мужчин или женщин, мальчиков или девочек. Б. Фагом считается, что итогом нормального развития является когнитивная или интеллектуальная зрелость индивида.

Весьма революционно для того времени было предположение, что понимание детьми пола ранее, чем их определенное поведением (как подчеркивали представители социально-когнитивной теории научения), было критической особенностью определения пола. Поскольку у детей понимание необратимости быть мужчиной или женщиной (постоянство пола) появляется в возрасте от 2 до 7 лет, постольку

ку у них в этом возрасте появляется потребность в выявлении информации, соответствующей поведению их собственного пола в процессе наблюдения за поведением других людей, а также соответствующая мотивация. Согласно результатам исследований *Альберта Бандуры* (род. 1925) дети с ранних лет стараются придерживаться манеры поведения, которая считается подходящей для мужчины или женщины, а приблизительно в четырехлетнем возрасте стремятся регулировать свое поведение, поскольку испытывают чувство удовлетворения, когда их поведение соответствует сложившимся гендерным представлениям, и наоборот. В известном смысле у детей возникает личная система поощрения поведения, соответствующего гендерным представлениям.

Если сторонники социального научения настаивают на том, что поведение, которое демонстрируют дети в ходе общения со сверстниками, является лишь производным от процесса социального научения, протекающего в рамках отношений с семьей и общества в целом, то сторонники теории когнитивного развития указывают на то, что именно в группах сверстников у детей формируется собственная установка по отношению к противоположному полу, а манера поведения, приобретенная в детстве, нередко сохраняется вплоть до подросткового и зрелого возрастов (Fagot, 1977).

В этой теории сделана попытка синтезировать идею как имитации поведения, так и подкрепления. В ней полагается, что представления ребенка о соответствующем его полу поведении зависят как от его собственных наблюдений за поведением мужчин и женщин, которые служат для него образцами, так и от одобрения или неодобрения его поступков окружающими.

По существу, теория когнитивного развития постулирует: т. к. дети нуждаются в когнитивной стабильности самоопределения себя как мужчин или женщин, это мотивирует их ценить то, что кажется им более похожим на себя в терминах гендера.

Эта система оценивания, основанная на гендере, в свою очередь, мотивирует ребенка включаться в активность, свойственную (конгруэнтную) гендеру, прилагать усилия для освоения соответствующих гендерных установок и отдавать предпочтение соответствующим гендеру сверстникам. Базисная самокатегоризация определяет базисное оценивание. Раз мальчик начал стабильно идентифицировать себя как мужчину, то он будет позитивно оценивать те объекты и те действия, которые находятся в соответствии с его гендерной идентичностью.

Объяснение теории когнитивного развития по поводу полотицизации было настолько влиятельным с момента ее опубликования в 1966 г., что многие психологи принимают почти как данность то, что юное дитя спонтанно развивает основанную на гендере «Я-концепцию» и основанную на том же гендере систему ценностей даже в отсутствие внешнего давления вести себя в полостереотипной манере.

Несмотря на популярность, эта теория, однако, не могла объяснить, почему пол будет иметь преимущество над другими потенциальными категориями самоопределения, такими как раса, религия.

Интересно, что сама по себе теория не настаивает на том, что какая-то определенная категория должна иметь преимущество. Более того, большинство теоретиков когнитивного развития не только не размышляют эксплицитно по поводу вопроса «почему пол?», но даже ни разу не подняли вопрос о возможностях использования других категорий в общей теории. В той степени, в которой сторонники данной теории ставят этот вопрос вообще, они подчеркивают первостепенность восприятия для ребенка видимых различий между полами, особенно биологически обусловленных, таких как размеры и сила.

Предположительные утверждения о том, что половые различия являются естественными и неизбежными и более перцептивно первостепенными для детей, чем другие, могут не иметь кросскультурной валидности.

Хотя, может быть, верно, что наша культура не конструирует другие различия между людьми, кроме пола, которые нас заставляют воспринимать. Другими словами, сами категории различия являются полностью культурными. Но ведь другие культуры формируют такие различия. Например, различия между теми, кто принадлежит высшей касте и низшей касте; между теми, в ком обитает душа (духи), и теми, у кого ее нет; между теми, кто божествен, и теми, кто смертен; теми, кто открыт, и теми, кто замкнут.

Ирония в том, что при условии подобных кросскультурных различий теория когнитивного развития, подчеркивающая активные усилия ребенка по познанию мира, не смогла открыто признать возможность существования иных различий, помимо половых, которые могут быть более первостепенными в восприятии в другой культурной среде.

Нельзя сказать, что теория когнитивного развития полностью неверна в своем неявном предположении, что у всех детей есть врожденная готовность организовывать свое восприятие социального мира на основе пола. Возможно, развитие дало полу биологически обусловленный приоритет над другими категориями. Важный момент, однако, заключается в том, что вопросы, всегда ли пол имеет когнитивное преимущество и почему это происходит, вообще не рассматриваются в теории когнитивного развития. Чтобы понять, почему дети становятся типизированными по полу скорее, чем типизированными по расе или касте, необходима теория, которая прямо поставит вопрос, как и почему дети начинают использовать пол как организующий принцип познания.

Очевидно, что рассмотренные теории не противоречат друг другу, акцентируя разные моменты формирования половой идентификации.

2.4. Теория «новой психологии пола»

Новое направление, возникшее на основе теории социального научения и когнитивного развития в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в., получило название «новой психологии

пола». Представителями этого направления являются *Сандра Бем, Джон Мани, Элеонор Маккоби и Кэрол Нэги Жаклин*. Они считают, что основную роль в формировании психического пола и половой роли играют социальные ожидания общества, которые возникают в соответствии с конкретной социально-культурной матрицей и находят свое отражение в процессе воспитания, т. к. основное значение в формировании гендера (как психологического и социального пола) имеют социальные, а не биологические детерминанты.

Возникновению «новой психологии пола» способствовали три фундаментальных исследования, выводы которых опровергают основные положения традиционных теорий:

- 1) работы Э. Маккоби и К. Жаклин, посвященные анализу психологии половых различий;
- 2) исследования Дж. Мани и А. Эрхард, продемонстрировавших могущество эффекта социализации;
- 3) концепция психологической андрогинии С. Бем, показавшая несостоятельность противопоставления маскулинности и фемининности, существующего в традиционной психологии.

Элеонор Маккоби (род. 1917) предложила **концепцию сегрегации-конвергенции полов**. По ее мнению, мальчики и девочки в детстве растут в условиях половой сегрегации. Девочки первыми начинают эту сепарацию (отделение) от мальчиков, чтобы защититься от их грубости. Позднее мальчишеские группировки создают особый, «маскулинный», дух внутри этих группировок и регламентируют поведение мальчиков, запрещая им общаться с девочками. В итоге создаются две гендерные субкультуры: отдельно у мальчиков и у девочек.

В дальнейшем признаки такой сегрегации полов сохраняются на протяжении всей жизни, и наиболее ярко это проявляется в деловой сфере. Однако наряду с сегрегацией проявляется другая тенденция — конвергенция полов (их схождения). Зарождение ее можно заметить в особых «предсексу-

альных» играх младших школьников. Конвергенция полов проявляется в разных сферах:

- а) в сексуальной жизни;
- б) в деловом мире — в смешанных по полу группах;
- в) в супружеских
- г) и родительских отношениях.

От того, какая тенденция превалирует на определенном возрастном этапе у определенной пары представителей обоих полов, зависит и характер отношений между полами (более или менее благополучный).

Отношения между индивидами одного пола также меняются на протяжении всей жизни, будучи то более, то менее значимыми (по сравнению с межполовыми отношениями) на каждом возрастном этапе.

Родители по-разному воспроизводят свои гендерные роли в семье. Матери одинаково относятся к мальчикам и девочкам, а отцы более строго контролируют мальчиков, стараясь уберечь их от «фемининных» проявлений.

Теория блестяще подтверждается массой экспериментальных фактов. Она объясняет весь спектр гендерных отношений: внутри одного пола, между полами, между сверстниками в детстве и взрослости, между сексуальными партнерами, супругами, родителями и детьми. Также она имеет отношение к гендерной социализации.

В 1974 г. в США была опубликована фундаментальная монография *Элеонор Маккоби и Кэрол Жаклин* «Психология половых различий», в которой критическому анализу были подвергнуты вышедшие к тому времени исследования (свыше 1 600 опубликованных работ, охватывавших широкий спектр человеческого поведения). Они предположили, что многие половые различия относятся к области мифов, а не фактов. Например, оказалось, что девочки не более общительны, чем мальчики, а самооценка у девочек не ниже, чем у мальчиков. Авторы сочли достоверными лишь несколько различий: присущее мужскому полу превосходство в зрительно-пространственных операциях и агрессивно-

сти, а женскому полу — более высокое развитие языковых способностей. Требовали, по их мнению, уточнения различия в послушности и заботливости, общем уровне активности, доминантности, страхе и тревожности, соревновательности и тактильной чувствительности (табл. 1).

Таблица 1

Психологические различия между мужчинами и женщинами

Выявленные различия	Различия не выявлены	Возможные различия (требуются дальнейшие исследования)
<i>Активность</i> В возрасте от 2 до 2,5 лет мальчики проявляют большую активность в общих играх, чем девочки. С возрастом повышается активность тех и других, но юноши становятся более активными в студенческие годы	Общительность, внушаемость, самоуважение, стремление к достижениям, усвоение ролей, способность к аналитическому мышлению, подверженность влиянию наследственных факторов и среды	Осязательная чувствительность, страх, робость и склонность к беспокойству. Активность, способность к конкуренции
<i>Речевые способности</i> В начале жизненного пути речевые навыки у девочек развиваются быстрее, чем у мальчиков. С дошкольного возраста до ранней юности речевые навыки мальчиков и девочек примерно одинаковы. Приблизительно с 11 лет девочки превосходят мальчиков. Эта тенденция усиливается во время учебы в школе и, вероятно, в дальнейшем	Реагирование на слуховые и зрительные стимулы	Стремление к власти, уступчивость, потребность о ком-то заботиться и склонность к «материнскому» поведению. Пассивность

Выявленные различия	Различия не выявлены	Возможные различия (требуются дальнейшие исследования)
<p><i>Зрительное и пространственное воображение</i> Имеются в виду зрительное восприятие фигур в пространстве и их соотношения между собой. Хотя в детстве у девочек и мальчиков наблюдаются примерно одинаковые способности, в школьные годы мальчики начинают проявлять более ярко выраженную склонность к решению зрительных и пространственных задач, и они продолжают более успешно заниматься этой деятельностью во взрослом возрасте.</p> <p><i>Математические способности</i> Примерно в возрасте от 12 до 13 лет математические навыки у мальчиков совершенствуются интенсивнее, чем у девочек. Однако в этой области различия между полами проявляются в меньшей мере, чем в деятельности, требующей развития зрительного и пространственного воображения</p>		

Их заключение основывается на четырех научно установленных фактах:

1. Во всех человеческих сообществах, доступных для исследования, мужчины более агрессивны, чем женщины.
2. Половые различия обнаруживаются в очень раннем возрасте, когда нет оснований считать, что взрослые по-разному «формируют» агрессию у мальчиков и девочек, оказывая на них социальное давление разной силы.
3. Сходные половые различия обнаружены у человека и человекообразных обезьян.
4. Агрессия связана с количеством половых гормонов, и ее уровень может быть изменен в экспериментальных условиях путем контроля их количества.

Однако согласно последнему обзору Анне Фаусто-Стерлинг (1985) по меньшей мере три из четырех приведенных доводов оказались гораздо слабее, чем полагали Э. Маккоби и К. Жаклин. Например, что касается данных о развитии ребенка, то согласно последним представлениям половые различия у детей раннего возраста в отношении физической агрессии и драк могут в равной мере быть результатом как различного обращения с мальчиками и девочками, так и влияния биологических факторов. Даже в обзоре Э. Маккоби и

К. Жаклин упоминается, что родители трехмесячных младенцев обращаются с сыновьями более небрежно, чем с дочерьми. Современные данные о человекообразных приматах показывают следующее: половые различия в физической агрессии наблюдаются только у некоторых видов приматов, а не у всех без исключения; у этих же некоторых видов половые различия проявляются только в некоторых обстоятельствах. И наконец, в отношении связи между физической агрессией и гормонами получены следующие данные: хотя имеются серьезные доказательства причинной связи тестостерона с физической агрессией у крыс и мышей, пока не имеется достаточных доказательств того же на примере людей или приматов.

В исследовании *Джона Мани* и *Анке Эрхард* (род. 1940) изучались, с одной стороны, анатомо-физиологические индикаторы (хромосомный набор, баланс мужских и женских гормонов и др.), а с другой — фактор приписывания индивидуом себя к тому или другому полу.

В 1972 г. Дж. Мани и А. Эрхард изучали 25 женщин (по генетическим признакам), которые имели необычно высокий уровень тестостерона во время своего внутриутробного развития. У 15 из этих девочек были генетические нарушения, ставшие причиной дисфункции их адреналиновых желез, которые производили слишком мало адренокортикоидов и слишком мало андренального тестостерона. У 10 из этих девочек, матери которых принимали прогестины во время беременности, в исследовании была обнаружена маскулинизация внешних гениталий. Для 15 девочек с андреногенитальным синдромом (*adreno-genital syndrome — AGS*) требовалось лечение кортизоном на протяжении всей жизни для восстановления функции их адреналиновых желез. Все 25 девочек имели на вид внешние мужские гениталии, что требовало как минимум одного хирургического вмешательства, чтобы они стали выглядеть, как у женщин. Во множестве случаев требовалось неоднократное хирургическое вмешательство.

Во время исследования эти 25 девочек были в возрасте от 5 до 16 лет. Для сравнения также изучалась контрольная группа из 25 нормальных в медицинском аспекте девочек. Девочки в контрольной группе были такого же возраста и социального положения, что и девочки, которые были маскулинизированы в пренатальном периоде.

В основу интервью с девочками и их матерями Дж. Мани и А. Эрхард заложили предположение о том, что девочки, маскулинизированные в пренатальный период, в поведении больше похожи на мальчиков, чем обычные девочки. Другими словами, они больше тратят энергии в игре, предпочитают мальчиков в качестве партнеров по играм, а также игрушки и одежду мальчиков, игры на открытом воздухе и физические упражнения. Эти девочки меньше интересуются куклами, заботой о детях и браком, больше заинтересованы в карьере. В своей популярной книге «Мужчины и женщины, мальчики и девочки» (Money, Ehrhardt, 1972) Дж. Мани и А. Эрхард сделали вывод, что наиболее верным объяснением этому высокому уровню «мальчишеского» поведения стал «маскулинизирующий эффект, которому подвергся мозг плода».

Однако этому есть по меньшей мере еще три объяснения:

1. Известно, что кортизон как вид лекарства повышает уровень активности как в целом, так и в играх на открытом воздухе в частности. 15 девочек с андрогенитальным синдромом (AGS) могли, следовательно, стать большими «сорванцами» не из-за маскулинизирующего действия тестостерона на их мозг во внутриутробном развитии, а из-за кортизоновой терапии в течение их жизни, которая подняла их уровень активности.
2. Все 25 девочек, маскулинизированных в пренатальном периоде, были на поверку хронически больны на протяжении некоторого периода их детства. Они нуждались либо в продолжительном хирургическом вмешательстве, либо в кортизоновой терапии, либо в том

и другом одновременно. Это особенно верно для девочек с андрогенитальным синдромом (AGS), которые переживали дефицит соли в организме, связанный с постоянными госпитализациями в раннем возрасте. Так как все хронически больные дети имеют дело с неадекватными чувствами и чувством неопределенности будущего, то они могут компенсировать эти чувства развитием своеобразной суетливой самоуверенности, проявления которой, возможно, и называют «мальчишеством» маскулинизированных в пренатальном периоде девочек. При этом последнее, скорее всего, является не результатом маскулинизации их мозга, а психологической реакцией на жизнь хронически больных людей.

Эта альтернативная гипотеза подтвердилась в недавнем сравнительном исследовании группы здоровых девочек в возрасте от 7 до 17 лет с тремя группами хронически больных девочек: с андрогенитальным синдромом (AGS) с солевой недостаточностью; с андрогенитальным синдромом (AGS) без солевой недостаточности и девочек, страдающих диабетом. Последние в детстве были хронически больны, но имели нормальный уровень гормонов во время внутриутробного развития. Все три группы хронически больных девочек оказались большими «сорванцами» по тестам интересов и ценностей, чем здоровые девочки. При этом более слабые девочки (больные AGS с солевой недостаточностью) были явно большими «сорванцами», чем менее больные девочки с тем же синдромом.

3. Последнее и, возможно, самое важное: «мальчишество» девочек могло произойти в результате психологического воздействия на девочек и их родителей того факта, что у девочек были гениталии, внешне похожие на мужские. Кроме того, из-за этого и сами девочки, и их родители могли сомневаться, какого же пола ребенок на самом деле. Они могли также интересоваться,

будет ли изменяться личность девочки вместе с ее гениталиями, сможет ли она когда-нибудь найти кого-нибудь и вступить в брак. При всей этой гендерной неопределенности неудивительно, что родители маскулинизированных девочек и родители обычных девочек воспитывали своих детей по-разному.

Таким образом, было доказано, что если у большинства детей фактор пола и анатомо-физиологические индикаторы имели прямую корреляцию, то даже для детей, имеющих анатомо-физиологические задатки обоих полов, решающим в полоролевом развитии являлось отнесение себя к мужскому или женскому полу.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. в психологию вошла **концепция психологической андрогинии**, автором которой являлась *Сандра Липсиц Бем* (род. 1944). При помощи этой концепции ученые пытались ответить на вопрос: могут ли мужчины и женщины быть мужественными и женственными одновременно? Вместо этого считалось, что психологические характеристики женственности и мужественности — это два независимых параметра, которые могут не пересекаться, а могут и частично совпадать. С. Бем указала на то, что мужественность и женственность не противопоставлены друг другу, а личность может обладать одновременно и мужественными и женственными чертами. Автор предлагает понятие психологической андрогинии (*andro* — мужчина, *gyn* — женщина) и полагает, что личности даже желательно быть андрогинной, т. е. вобрать в себя лучшее из обеих половых ролей. Личность описывается не как маскулинная или фемининная, а как маскулинная и фемининная одновременно. Наряду с индивидами, имеющими традиционную полоролевою ориентацию — маскулинный и фемининный полоролевой тип, — существуют недифференцированные — с низкими показателями как по маскулинности, так и по фемининности, а также андрогинные, сочетающие высокую маскулинность с высокой фемининностью. Так, *маскулинные мужчины* нечувствительны, энергичны, честолюбивы и

свободны; *маскулинные женщины* обладают сильной волей, склонны соперничать с мужчинами и претендовать на их место в профессии, социуме, сексе. *Фемининные мужчины* чувствительны, ценят человеческие отношения и достижения духа, нередко принадлежат к миру искусства; *фемининные женщины* — это уже архаичный тип абсолютно терпеливой женщины, охотно соглашающейся быть «фоном» в жизни близких людей, отличающейся выдержкой, верностью и отсутствием эгоизма. *Андрогинные мужчины*, сочетают в себе продуктивность и чувствительность, нередко выбирая гуманные профессии врача, педагога и т. д. *Андрогинные женщины* способны осуществлять вполне мужские задачи, используя женские средства (гибкость, коммуникабельность). Андрогинность — это скорее признак высокой жизнестойкости их обладателей, которые нередко успешно самореализуются и в семье, и в работе. Наконец, *недифференцированные мужчины и женщины* характеризуются скорее недостатком либидо в широком смысле слова и страдают от нехватки жизненных сил.

С. Бем доказывала, что психологическая андрогиния является решением проблем психического здоровья мужчин и женщин.

Вплоть до 70-х гг. проявления «маскулинных» черт у женщин и «фемининных» черт у мужчин были для психологов источником беспокойства. А среди людей, далеких от психологии, такое понимание широко распространено и сейчас, и именно из-за него люди оказываются в замешательстве, когда их дети проявляют интересы и поведение, свойственные противоположному полу. Однако исследования не подтверждают положение о том, что отклонение от полоролевых стандартов влечет за собой психологическую рассогласованность. Действительно, согласно С. Бем, душевное здоровье не должно иметь гендера, а андрогиния положительно влияет на психологическое состояние человека. Была обнаружена связь андрогинии с ситуативной гибкостью (т. е. способностью быть настойчивым или центрированным на интере-

сах других в зависимости от ситуации); высоким самоуважением; мотивацией достижений; хорошим исполнением родительской роли; субъективным ощущением благополучия. В дополнение к этим данным упомянем о том, что *Заммичели и его коллеги* (Zammichieli, Gilroy, Sherman, 1988) обнаружили, что в семьях, где оба супруга были андрогинными, выявлялся более высокий уровень удовлетворенности браком, нежели в семьях, где один партнер или оба были полотипизированы. Айкс (Ickes, 1993) провел анализ ряда исследований, которые указывают на то, что отношения, в которых хотя бы один из партнеров андрогинен, больше удовлетворяют обоим.

Теория психологической андрогинии вызвала массу споров. Сама С. Бем (2004) сокрушалась по поводу того, что концепция андрогинии подразумевает, что некоторые из одобряемых качеств являются «мужскими», а некоторые «женскими», ведь это в корне противоречит нашему намерению уменьшить гендерную поляризацию. Многие психологи предлагают совсем отказаться от терминов «мужественность» и «женственность», которые только укрепляют гендерные различия и стереотипы. Спенс и Хельмрих (Spence, Helmreich, 1981) предложили вместо этих терминов использовать следующие: *инструментальность*, что отражает способность к самоутверждению и компетентность (ключевые аспекты традиционной мужественности), и *экспрессивность*, представляющую качества, традиционно связываемые с женственностью, например заботу, внимание к окружающим, эмоциональную экспрессивность и чувственность. В своей книге «Линзы гендера» (2004) С. Бем признается, что концепция андрогинии далека от реального положения дел: исходя из нее перемены должны произойти на личностном уровне, тогда как в действительности ликвидация гендерного неравенства неизбежно потребует изменений в структуре общественных институтов. Другая трудноразрешимая проблема кроется в возможной утрате позитивной социальной идентичности, которая повлечет за собой сгла-

живание дихотомии «мужское — женское». Тем не менее мир, состоящий из людей, одновременно инструментальных и экспрессивных, представляется мне заманчивым. Можно согласиться с С. Бем в том, что андрогиния, несмотря на скрытые в ней проблемы, дает возможность построить картину, где человеку не нужно отказываться от тех своих качеств и моделей поведения, которые его общество считает не соответствующими гендеру. Важность этой концепции также в том, что она дает осознать одинаковую привлекательность качеств, традиционно считающихся женскими, и качеств, которые мы привыкли считать мужскими. Это особенно важно в свете того, что мужские качества до настоящего времени стараются представить более нормативными и желательными.

Позже С. Бем развила новую парадигму — теорию гендерной схемы.

2.5. Теория гендерной схемы

В большинстве культур биологическое различие между мужчиной и женщиной обрастает целой сетью убеждений и норм, пропитывающих буквально все сферы человеческой деятельности. Соответственно ребенку надо узнать о многих деталях этой сети, например, что представляют собой нормы и правила данной культуры, относящиеся к адекватному поведению разных полов, их ролей и личностных характеристик? И теория социального научения, и когнитивная теория развития предлагают разумные объяснения того, как развивающийся ребенок может приобрести эту информацию.

Но культура преподает ребенку и гораздо более глубокий урок: деление на мужчин и женщин настолько важно, что оно должно стать чем-то вроде набора линз, через которые видно все остальное. Возьмем, например, ребенка, который впервые приходит в детсад и встречает там множество новых игрушек и занятий. Чтобы решить, какие игрушки и занятия попробовать, можно воспользоваться многими потенциальными критериями. Где он/она будет играть: в помещении

или на улице? Что предпочесть: игру, требующую художественного творчества, или игру, в которой применяются механические манипуляции? Как быть в случае, когда действия должны выполняться вместе с другими детьми? Или когда можно обойтись в одиночку? Но из всех потенциальных критериев культура ставит один превыше всех остальных: «Прежде всего, хорошенько убедись, что та или иная игра или занятие соответствуют твоему полу». На каждом шагу ребенка подталкивают к тому, чтобы смотреть на мир через призму его пола, и эту призму С. Бем называет гендерной схемой.

Схемы — это когнитивные структуры, с помощью которых мы воспринимаем, организуем, перерабатываем и используем информацию. Благодаря использованию схем у каждого индивидуума формируется система, позволяющая ему идентифицировать значимые для него компоненты окружения, игнорируя все остальные. Схемы также обеспечивают структуру, в рамках которой организуется и перерабатывается информация. Схемы относительно стабильны во времени, следствием чего является стабильность характерных для нас способов восприятия и использования информации. Поскольку схемы различаются от одного индивидуума к другому, люди перерабатывают одну и ту же информацию и соответственно ведут себя по-разному. Таким образом, схемы могут быть использованы для объяснения индивидуальных различий.

«Гендерная схема» — это когнитивная структура, сеть ассоциаций, которая организует восприятие индивида и руководит им. Дети кодируют и организуют информацию, в том числе и информацию о себе, по дихотомической схеме «маскулинность — фемининность». Родители и учителя прямо не рассказывают детям о гендерной схеме. Урок этой схемы незаметно встроен в повседневную культурную практику. Представим себе, например, учительницу, которая желает равно обращаться с детьми обоих полов. Для этого она выстраивает их в очередь к питьевому фонтанчику, чередуя че-

рез одного мальчиков и девочек. Если в понедельник дежурным она назначает мальчика, то во вторник — девочку. Равное количество мальчиков и девочек отбирается для игр в классе. Такая учительница верит, что учит своих школьников тому, как важно равенство полов. Она права, но, сама того не сознавая, она указывает им на важную роль пола. Ее ученики узнают, что, как бы ни казалась та или иная деятельность не связанной с полом, в ней невозможно участвовать, не учитывая различия между мужским и женским. Ношение «очков» пола важно даже для заучивания местоимений родного языка: он, она, ему, ей.

Дети учатся смотреть через «очки» пола и на самих себя, организуя представление о себе вокруг своей мужской или женской принадлежности и связывая свою самооценку с ответом на вопрос: «Достаточно ли я мужественный?» или «Достаточно ли я женственна?» Именно в этом смысле теория гендерной схемы есть одновременно теория гендерной идентичности, а также теория полоролевого поведения. Тот, кто ведет себя согласно стереотипу, обладает гендерной типичностью — типичный мальчик или типичная девочка.

Теория гендерной схемы содержит черты как теории социального научения, так и теории когнитивного развития в понимании полотипизации. Теория гендерной схемы предполагает, что полотипизация возникает в большей степени из процесса гендерной схематизации, из обобщенной способности части детей кодировать и организовывать информацию, включая информацию о себе, в соответствии с культурными определениями мужского и женского. Как и теория когнитивного развития, теория гендерной схемы предполагает, что полотипизация происходит посредством собственных когнитивных процессов у детей. Однако, далее, теория гендерной схемы предполагает, что процессы гендерной схематизации, в свою очередь, сами происходят из социальной практики дифференцирования по полу.

Таким образом, теория гендерной схемы, как и теория социального научения, предполагает, что половая типизация

является результатом научения, а следовательно, не является неизбежным, неминуемым и не поддающимся изменению явлением. С. Бем в этой теории объясняет в деталях, что собой представляют процессы гендерной схематизации и как они способствуют типизации по полу. Также исследует условия, при которых формируются процессы гендерной схематизации. Именно они обеспечивают основы того, чтобы категория «пол» начала обладать приоритетом над другими социальными категориями в процессе познания окружающей действительности.

Таким образом, теория гендерной схемы является ответом на вопрос, с которым, как полагает С. Бем, не может справиться когнитивная теория развития гендерной идентичности и полоролевого поведения, предложенная Кольбергом: почему свое представление о себе дети организуют в первую очередь вокруг своей мужской или женской принадлежности? Как и в когнитивной теории развития, в теории гендерной схемы развивающийся ребенок рассматривается как активное лицо, действующее в своем собственном социальном окружении. Но как и теория социального научения, теория гендерной схемы не считает полоролевое поведение ни неизбежным, ни неизменным. Дети приобретают его, потому что пол оказался главным центром, вокруг которого их культура решила выстроить свои взгляды на реальность. Когда идеология культуры менее ориентирована на половые роли, то и поведение детей и их представления о себе содержат меньше половой типизации.

Согласно теории С. Бем индивидуумы, испытавшие влияние половой типизации, используют гендерные схемы в большей степени, чем индивидуумы, не подверженные этому культурному процессу. Для выявления индивидуумов, для которых характерна половая типизация, Бем просила их оценить себя по ряду сексуально-типизированных черт личности. Индивидуумы, высоко оценивающие себя по типично маскулинным чертам (таким как «уверенный в себе», «независимый»), но низко — по типично фемининным чер-

там («сопереживающий», «нежный»), определялись как маскулинные; индивидуумы, для которых был характерен противоположный паттерн, определялись как фемининные; а индивидуумы, описывающие себя как обладающие и маскулинными и фемининными чертами, определялись как андрогинные.

Была проведена серия исследований, в ходе которых было обнаружено, что индивидуумы, идентифицированные как андрогинные, проявляли и такие маскулинные черты, как независимость, и такие фемининные черты, как заботливость, тогда как сексуально-типизированные индивидуумы (мужчины, обладающие маскулинными чертами, и женщины, обладающие фемининными чертами), как правило, демонстрировали только формы поведения, характерные для своего пола (Bem, 1975, 1976).

В ходе исследования, проведенного с целью выяснить, используют ли гендерные схемы при организации информации не сексуально-типизированные индивидуумы, участникам предъявлялся список слов, а впоследствии их просили вспомнить как можно большее число слов в любом порядке. Список включал имена собственные, названия животных, глаголы и названия предметов одежды. Имена собственные наполовину состояли из мужских имен, а наполовину из женских, и одна треть остальных слов списка рассматривалась экспертами как маскулинная (горилла, швырнуть, брюки), одна треть — как фемининная (бабочка, краснеть, бикини) и одна треть как нейтральная (муравей, идти, свитер). Исследования, посвященные памяти, показывают, что если индивидуум кодирует некоторое количество слов согласно некой базовой схеме или ассоциативной сети, воспоминание одного из связанных со схемой слов увеличивает вероятность воспоминания и других. Соответственно последовательность слов, которые вспомнил индивидуум, должна выявить «цепочки» или кластеры слов, связанных между собой в памяти благодаря схеме. Например, если участник исследования думает о названии животного, он или она, вероятно,

подумает о других названиях животных. Обратите внимание, что участники эксперимента могли группировать слова либо по семантическим категориям (имена, животные, глаголы, одежда), либо в соответствии с их гендерными характеристиками.

Сексуально-типизированные участники использовали гендерную группировку значительно чаще, чем остальные участники. Например, если сексуально-типизированный индивидуум вспоминал слово «бабочка», он или она чаще вспоминал вслед за ним другое фемининное слово, например «бикини», тогда как не сексуально-типизированные индивидуумы обычно вспоминали вслед за словом «бабочка» название другого животного. Таким образом, сексуально-типизированные участники с большей вероятностью связывали в памяти слова по гендерному принципу; как и предсказывала теория, они чаще использовали гендерные схемы при организации информации.

Имеются и другие источники, подтверждающие теорию гендерных схем. Например, сексуально-типизированные женщины используют фемининные конструкты чаще, чем андрогинные женщины, распределяя людей по категориям при выполнении реп-теста. Сексуально-типизированные люди также склонны группировать высказывания по маскулинным и фемининным категориям при описании самих себя. Сексуально-типизированные индивидуумы также более склонны представлять себе персонажей, о которых они читают, либо как мужчин, либо как женщин, даже когда их пол не имеет значения.

2.6. Теория линз культуры

Свою теорию линз культуры Сандра Бем изложила в монографии «Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов» (1993). Именно эта работа была неоднократно награждена и признана лучшей книгой по психологии различными профессиональными организациями: «Лучшая книга 1993 г. по психологии», победитель

премии «Книга года» (1993), «Выдающаяся публикация 1994 г.», «Достижение в области коммуникаций, языка и гендера 1994 г.» и т. д. А сама автор «Линз гендера» была признана выдающейся женщиной-психологом Американской психологической ассоциации 1995 г.

Теория линз культуры (*the enculturated-lens theory*) и более ранняя теория гендерной схемы посвящены анализу получения знаний о мужском и женском и о формировании всей системы восприятия на основе пола. «Различия между мужским и женским привносятся в общественную жизнь настолько экстенсивно, что тем самым осуществляется скрытая подмена: практически любой аспект культуры, любой аспект человеческого опыта предстает перед нами в неразрывной связи с половыми особенностями — касается ли это стиля одежды, социальных ролей и даже способов выражения чувств и реализации сексуального влечения» (Словарь гендерных терминов, 2002. С. 2).

В теории линз культуры анализируются механизмы, посредством которых формируется когнитивная система (система познания) на основе пола. Как мы познаем мир, через какую систему, как мы сформировали и получили такую систему знаний, при которой качества женщин (реальные или воспринимаемые) трактуются как отрицательные для высокодоходных и высокостатусных профессий и занятий?

В своей теории С. Бем считает, что между реальным миром и нами стоит разработанная в культуре система познания, чтобы люди, как в кривом зеркале, видели то, что предлагает нам видеть система патриархата. Мужчины и женщины, по утверждению этой системы, противоположны друг другу. Как мы умудрились не видеть разницы между мужчинами и считать их одинаковыми? С чего мы взяли, что все женщины являются единой монолитной группой? Японки и африканки, девушки XXI и XVII вв., богатые и бедные, спортсменки и вышивальщицы?

Но сформулирован и другой вопрос: «А есть ли еще кто-нибудь в мире, кто был бы так похож друг на друга, как

мужчины и женщины?» Почему когда берется за основу восприятия категория национальности или расы, то все белые мужчины и женщины становятся очень похожими между собой и совсем непохожими на мужчин и женщин из Китая? Таким образом, важна позиция, с которой мы воспринимаем, познаем и оцениваем.

С. Бем показывает, как в такой системе познания искусственно приписываются половые признаки огромному количеству явлений. Хотя у смелости нет мужских признаков, тем не менее это качество называется и признается мужским.

Почему нам мало известно о мужчинах или даже целых сообществах мужчин, которые в Средние века или нынешнее время занимались бы уходом за больными и пожилыми, брали отпуск по уходу за младенцами, как в Швеции и Исландии? Почему и как они исчезли из поля нашего восприятия, из нашей памяти как пример, не вписывающийся в привычную ассоциативную связь с «настоящим мужским»? Вопрос относительно смелости женщин — вопрос того, как мы воспринимаем и оцениваем смелость девочек, девушек и бабушек. Почему многие поступки женщин воспринимаются как отчаяние, глупость, истеричность, а не как смелость? Почему огромное количество «не смелых» поступков мужчин (например, бросил жену с тройней или с ребенком-инвалидом; поместил престарелую мать в психдиспансер; отказался от ответственности за насилие; не признался, что принял решение, повлекшее за собой гибель людей или разорение страны) не замечается нами и расценивается как нетипичное для мужчин? В соответствии с теорией С. Бем и на основании принципов деятельности когнитивных процессов человеческое восприятие селективно — оно отбирает то, что укладывается в привычную схему полярного восприятия мужчин и женщин, и оставляет без критического рассмотрения то, что чрезвычайно распространено в реальности, но никак не вписывается в рамки сконструированной культурой восприятия. Иными словами, наша система восприятия уже настроена на то, что мужчина — смелый, а женщина роб-

кая. Система восприятия через гендерные линзы даже не предполагает, что разные женщины могут отличаться между собой по выраженности качества «смелость» — у женщин такое качество в данной системе познания не воспринимается вообще (см.: Бем, 2004. С. 8—10).

Подход к гендеру, который предлагает Сандра Бем в своей новой концепции линз гендера, отличается от структурного подхода к гендеру — исторически первого по появлению в научных публикациях. Прежде всего, она подвергла критике саму идею приписывать людским качествам и поведению маркеры мужского и женского. Из этого следует радикальный вывод: чтобы быть мужчиной и женщиной... ничего делать не надо. Ведь наш пол с нами с самого нашего рождения. Снимается то напряжение, которое делает самооценку страдающей, если люди не выполняют культурные требования сиюминутного момента быть «настоящими» мужчинами или «настоящими» женщинами. Все остальные характеристики поведения и качеств, профессии и интересы, привязанности и страсти — это свободный выбор. Вернее, должны быть свободным выбором людей в зависимости от их предпочтений, интересов и способностей.

По мнению С. Бем, какие бы глубокие сдвиги ни происходили в современном общественном сознании на протяжении последних 150 лет, скрытые предписания в отношении пола и гендера все же остаются внедренными в культурные дискурсы, общественные институты и души людей: эстафета мужской власти исподволь и систематически передается от поколения к поколению. С. Бем называет эти исходные положения *линзами гендера*. Линзы не только задают ракурс восприятия, осмысления и рассмотрения общественной реальности, но и формируют саму социальную реальность. Они встроены в общественные институты, и поэтому их действие весьма ощутимо.

Первая линза, внедренная в дискурс культуры, общественные институты и психику людей, — это *линза андрометризма*, или центрированности на мужском (превосход-

стве мужского, мужчин). То, что мужчины по существу совершеннее женщин, не просто исторически сложившееся общее представление, а в то же время и весьма вероломное обоснование для подобного представления. Так, мужчины и мужской опыт воспринимаются как нейтральный стандарт или норма, а женщины и женский опыт воспринимаются как отклонение от этой нормы, обусловленное спецификой пола. Поэтому к мужчине относятся не как к лучшему, а к женщине — как худшей, а скорее, с мужчиной обращаются как с человеком, а с женщиной — как с «другой».

Вторая линза — это *линза гендерной поляризации*. Здесь мы снова встречаем не только исторически древнее представление о фундаментальных отличиях мужчин и женщин, но вдобавок более незаметное, обманом вкравшееся в жизнь общества использование наблюдаемых различий в качестве организующей нормы в общественной жизни. Это означает не просто то, что женщины и мужчины считаются разными. Это значит, что различия между мужским и женским приносятся в общественную жизнь настолько экстенсивно, что тем самым осуществляется скрытая подмена: практически любой аспект культуры, любой аспект человеческого опыта предстает перед нами в неразрывной связи с половыми особенностями — касается ли это стиля одежды, социальных ролей или даже способов выражения чувств и реализации сексуального влечения.

Наконец, третья линза — *линза биологического эссенциализма*, которая логически обосновывает и узаконивает остальные линзы, представляя их как естественные и неизбежные последствия наследственной биологической природы женщин и мужчин. Это именно та линза, которая на светском уровне заместила великое творение Бога научным эквивалентом — великим творением эволюции. Бем не отрицает биологические факты, но утверждает, что эти биологические явления не имеют фиксированного, независимого значения. Значение, которое им придается, зависит от того, как они объясняются и используются культурой, а их соци-

альный смысл зависит от исторического и современного контекста (см.: Бем, 2004. С. 34—35).

Линзы андроцентризма, гендерной поляризации и биологического эссенциализма, по мнению С. Бем, методично воспроизводят власть мужчин двумя путями. Во-первых, дискурсы культуры и общественные институты, в которые эти линзы встроены, автоматически помещают женщин и мужчин в различные и неравные жизненные ситуации. Во-вторых, в процессе приобщения к культуре индивидум постепенно внутренне усваивает линзы культуры и тем самым стремится формировать свою личность в соответствии с ними.

2.7. Теории гендерных различий

Все концепции, объясняющие различия между полами, можно разделить на две большие категории: **биологические** и **социальные**.

Биологический подход исходит из того, что различия между мужчинами и женщинами объясняются генетическими и гормональными факторами, строением мозга, врожденными особенностями конституции, темперамента и т. п. Были проведены исследования:

- 1) близнецов — по изучению наследственных черт;
- 2) связанные с гормонально-химическими и физиологическими переменными (Х. Айзенк, М. Цукерман и др.). В частности, М. Цукерман предположил, что гендерные различия по доминантности и агрессивности могут быть связаны с половыми гормонами. Так же пытались объяснить и различия по зрительно-пространственным способностям;
- 3) С. Нолен-Хоекзема связывала половые различия в хромосомах со склонностью женщин к депрессии, тревожности и нейротизму.

Когда речь идет о психофизиологических показателях, это не вызывает возражения. Однако вряд ли правомерно сводить все только к гормонам или хромосомам. Пока это только гипотезы, которые объясняют лишь часть фактов.

К этому же подходу можно отнести и эволюционную концепцию дифференциации полов *Вигена Артаваздовича Геодакяна*¹. В. А. Геодакян — автор эволюционных теорий пола, полового диморфизма, асимметрии организмов, функциональной асимметрии мозга, парных органов и др.

Суть *эволюционной теории пола* в общих чертах сводится к тому, что процесс воспроизводства любой биологической системы включает в себя две противоположные тенденции: наследственность (консервативный фактор, который стремится сохранить неизменным у потомства все родительские признаки) и изменчивость (благодаря которой возникают новые признаки). Женское начало обеспечивает воспроизводство потомства, передачу характеристик и свойств от поколения к поколению, а мужской пол как передовой отряд популяции берет на себя функции столкновения с новыми условиями существования. Мужской пол играет главную роль в изменении, а женский — в сохранении популяции; мужской пол — это глина, из которой природа лепит образцы, а то, что проверено, становится мрамором — женским полом. Поэтому мужской пол более уязвим, а женский обладает большей устойчивостью и жизнестойкостью к нежелательным воздействиям среды. В онтогенезе также имеются различия. Здесь уже более изменчивым, пластичным является женский пол, мужской же более ригиден. Половые различия связаны с различной степенью генетической обусловленности признаков у мужчин.

Интересно, что в онтогенезе женские формы признака проявляются раньше, а мужские — позже. Так, маленькие дети обоего пола больше похожи на девочек, а у пожилых людей, опять же независимо от пола, начинают проявляться мужские черты (грубый голос, рост волос на лице и пр.). По характерологическим признакам маленькой девочки

¹ В. А. Геодакян родился 25 января 1925 г. в Ереване. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию (технических наук) по металлофизике, в 1988 г. защитил докторскую диссертацию по генетике «Эволюционная логика дифференциации полов в филогенезе и онтогенезе». С 1990 г. по настоящее время работает в Лаборатории биоакустики Института проблем экологии и эволюции РАН им. А. Н. Северцова ведущим научным сотрудником.

можно с большей достоверностью предсказать структуру личности и поведение взрослой женщины, чем у мальчиков. Поэтому можно говорить не только о диморфизме, но и о дихрономорфизме (т. е. временном несовпадении проявления женских и мужских признаков).

Концепция В. А. Геодакяна описывает дихотомию мужского и женского, опирающуюся на «интересы» популяции. Как считает автор, его концепция в комплексном изучении человека может сыграть интегрирующую роль. Суть теории, по его мнению, заключается не в противопоставлении мужского и женского начала как «лучшего» и «худшего», а в их отношениях и взаимодополнительности, позволяющих приблизиться к пониманию половых различий.

Эта концепция была подтверждена экспериментами на животных, проведенными В. К. Федоровым (1955), Ю. Г. Трошихиной (1973) и В. П. Багруновым (1981). Она может объяснить и многие половые различия в сенсомоторных и интеллектуальных функциях. Однако неправомерно прямо переносить эволюционно-генетические закономерности полового диморфизма на человеческую психологию и поведение, поскольку психика человека не развивается по законам биологической эволюции, а человек сам создает себе среду развития.

Однако, несмотря на критику, концепция В. А. Геодакяна по-прежнему одна из самых популярных в отечественной психологии.

К настоящему времени существует также и физиологическое, построенное на изучении действия половых гормонов, объяснение особенностей поведения человека. *Нейроандрогенетическая теория Ли Эллиса* утверждает, что половые различия в поведении связаны с воздействием андрогенов на мозговые системы. Как известно, у каждого человека присутствуют и мужские, и женские гормоны, но у мужчин доминируют андрогены, а у женщин — эстрадиол. Существуют две стадии влияния половых гормонов на мозг: первая, «организационная», имеет место на третьем месяце жизни эмб-

риона, а вторая, «активационная», — во время полового созревания. Эти два момента характеризуются особой интенсивностью формирования биологического пола человека. Четыре типа исследований подтвердили связь биологического пола и психологического поведения: манипуляция андрогенами вследствие кастрации, корреляционные исследования, изучение поведения до, во время и после пубертата. В результате было выделено 12 устойчивых поведенческих программ, связанных с мужским полом (находящихся под андрогенетическим контролем). Соответственно типично женское поведение характеризуется отсутствием этих способов поведения.

1. *Наступательное эротическое поведение*: от мужчин ждут инициативы, в то время как женщинам проявление эротических инициатив противопоказано, ибо оно приходит в противоречие с инстинктом. К. Лоренц в условиях эксперимента вынудил самку одной из рыбок плыть навстречу самцу, что привело последнего в состояние стресса, а половая щель у него надолго закрылась.
2. *Агрессивное поведение* (впрочем, в психологии поведения животных получены данные, не соответствующие стереотипам традиционно человеческого поведения. Например, среди крыс у женских особей наблюдается значительно меньшая робость по сравнению с мужскими особями, причем эта тенденция наблюдалась даже после удаления половой железы у представителей обоих полов. Самки также проявляли большую половую активность, чем самцы. У некоторых видов обезьян также наблюдается поведение, отличающееся от человеческого: копуляция может у них инициироваться любым из полов).
3. *Пространственная ориентация*: мужчины лучше, чем женщины, воспринимают пространство, удаленность, скорость, поэтому они и более чувствительны к этим измерениям.
4. *Территориальное поведение*: мужчинам свойственно «помечать» и проверять свою территорию, а также охранять

ее границы, поэтому «Кто сидел на моем стульчике?» — типично мужская реакция, равно как разбрасывание и «забывание» вещей и пр.

5. *Выносливость к боли*: у мужчин изначально ниже болевой порог, чем у женщин, подготовленных природой к родам, поэтому они вынуждены с ней лучше справляться.
6. *Медленное усвоение оборонительных условных рефлексов*: мужчинам более свойственно нападать, а не защищаться, в связи с чем у мальчиков часто отмечаются проблемы в детском коллективе, вызванные неумением дать сдачу.
7. *Слабое проявление эмоциональных реакций в ответ на угрозу*: мужчины склонны скрывать, а не демонстрировать переживания, которые не становятся менее сильными, но проявляются либо в поведении, либо в психосоматических заболеваниях.
8. *Настойчивость, или персистентность, при выполнении задания без подкрепления*: мужчинам ввиду их слабой обучаемости свойственно наступать на одни и те же «грабли» и ломиться в закрытые ворота.
9. *Слабая связь с ближайшими родственниками*: мужчины, как правило, меньше скучают по членам своей семьи, чем женщины, реже вспоминают о родителях.
10. *Периферизация*: тяга к созданию «групп» по интересам у взрослых и особенно подростков (клуб, гараж, рыбалка). Женщинам от этого отказаться намного легче.
11. *Поиск приключений, новых и сложных раздражителей*: мужчины устают от монотонности и поэтому иногда бывают склонны хорошему, но уже известное променять на непонятное и новое, отсюда секрет их неожиданных на первый взгляд увлечений.
12. *«Хищническое» поведение, связанное с охотой*: тяга к соперничеству и опасностям, в силу чего мужчинам важно не только добиться поставленной цели, но и обойти в этом процессе соперников; победа без борьбы не приносит удовлетворения.

Конечно, не обязательно все программы проявляются у мужчин, но то, что перечислено, относится к сфере полового дипсихизма.

Социокультурный подход предполагает, что различия между полами формируются обществом. Назовем несколько концепций.

Одна из наиболее известных в этом подходе — **теория социальных ролей** (*social roles theory*) **Эллис Игли** (род. 1938). Она разрабатывается известной американской исследовательницей с 1987 г.

Согласно этой теории многие гендерные различия являются продуктами разных социальных ролей, которые поддерживают или подавляют в мужчинах и женщинах определенные варианты поведения. Другими словами, разные для двух полов виды опыта, проистекающие из гендерных ролей, приводят к тому, что навыки и установки у мужчин и женщин отчасти различаются, и именно на этом основываются различия в поведении (Eagly, 1991).

Сторонники теории социальных ролей также утверждают, что социальные роли нередко приводят к образованию социальных стереотипов (не считая тех случаев, когда стереотипы способствуют формированию социальных ролей).

Иначе говоря, мы видим, как мужчины заняты одними делами, а женщины — другими, и заключаем из этого, что они суть разные люди. В исследовании До и Льюиса (Deaux, Lewis, 1984) испытуемые оценивали личность женщин, принявших на себя мужские роли, как более мужественную в сравнении с личностью женщин, исполняющих женские роли. Подобным же образом личность мужчин, взявших на себя женские роли, они считали более женственной, чем у мужчин, исполняющих традиционно мужские роли. Сходные результаты получили Игли и Штеффен (Eagly, Steffen, 1984), которые просили испытуемых описывать выдуманных мужчин и женщин, работающих вне дома либо занимающихся целый день домашним хозяйством. Независимо от гендера выдуманных персонажей, тех из них, кто работал вне

дома, описывали в более мужественных категориях, а тех, кто весь день сидел дома, — как более женственных.

Таким образом, согласно данной теории, чтобы быть принятыми обществом, мужчины и женщины должны вести себя конгруэнтно своей гендерной роли, т. е. совокупности стереотипных ожиданий, которые общество предъявляет данному индивиду как представителю определенного пола. Одни личностные черты и характеристики поведения являются приемлемыми для мужчин, другие — для женщин. Эта теория очень популярна.

Следующая теория — **модель социальных ожиданий**, которая предполагает, что у людей существуют имплицитные (подразумеваемые) теории по отношению к представителям разного пола. Эти теории создаются на основе здравого смысла и жизненного опыта. Наивные испытуемые знают, какими должны быть мужчины и женщины. Так складываются гендерные стереотипы (перечень предписаний и ожиданий) отдельно для мужчин и для женщин. Человек старается вести себя так, чтобы соответствовать этим ожиданиям. Эти ожидания побуждают мужчин и женщин соответствовать им. Исследователи гендерных стереотипов Эшмор и Дель Бока (Ashmore, Del Boca, 1979) были одними из первых, кто предположил, что половые стереотипы влияют на наше поведение по отношению к другим людям и могут вызвать ответные действия, соответствующие нашим ожиданиям.

Согласно **модели артефакта**, разрабатываемой **Аланом Фейнгольдом**, гендерные стереотипы заставляют индивида рассматривать свои личностные характеристики как более или менее социально желательные и стремиться в самоотчетах (на которых построено большинство личностных шкал) отразить свою личность благоприятным образом. Поэтому результаты лишь подтверждают стереотипы. Модель считает артефактом лишь данные, полученные по личностным шкалам, а не поведенческие показатели, хотя и последние не свободны от влияния гендерных стереотипов.

Концепция токенизма (*tokenism*), предложенная **Розабет Кентер** (род. 1943), предполагает, что на групповую динамику оказывает влияние пропорция представителей различных культурных категорий в группе (в частности, по гендерной и расовой принадлежности). В асимметричной группе ее члены, составляющие большинство по какому-то из указанных признаков, были названы *доминантами*, а те, кто количественно лишь символически был представлен в группе, — *токенами* (символами). В качестве последних, например, выступают 2—3 негра в школе для белых. Токены из-за своей малочисленности более заметны, более стереотипно воспринимаются, их характеристики преувеличиваются по сравнению с доминантами. Женщины в жестком деловом мире выступают в роли токенов. Отсюда разное восприятие мужчин и женщин в организациях. Р. Кентер обнаружила четыре неформальные роли женщин-токенов:

- 1) «мать» — от нее ждут эмоциональной поддержки, а не деловой активности;
- 2) «соблазнительница» — здесь токен выступает лишь сексуальным объектом мужчины с высоким должностным статусом в организации, вызывая негодование у коллег-мужчин;
- 3) «игрушка, талисман» — милая, но неделовая женщина, приносящая удачу;
- 4) «железная леди» — этим токенам приписывается неженская жесткость, и они особенно изолированы от группы.

Описываемые в концепции токенизма механизмы на самом деле мешают женщине занять равную позицию с другими доминантами организации, снижают возможности служебного роста.

Во многих случаях различия между полами объясняются сочетанием биологических и социальных факторов, о чем не раз будет говориться в дальнейшем.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы взгляды З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга и К. Хорни на формирование гендерной идентичности мужчин и женщин?
2. Как проблема гендера рассматривалась в теориях социального научения, половой типизации и теории когнитивного развития?
3. Какие три фундаментальных исследования, выводы которых опровергли основные положения традиционных теорий, способствовали возникновению «новой психологии пола»?
4. Что такое половая сегрегация и конвергенция полов? В каком возрасте проявляются эти явления? В каких областях жизни они проявляются у взрослых?
5. Какие теории разработаны С. Бем? В чем их суть?
6. На какие психологические теории опирается теория гендерной схемы и в чем ее суть?
7. В чем суть теории линз культуры?
8. В чем суть теорий гендерных различий?
9. В чем заключается психологический смысл эволюционной теории пола?

Задания для самостоятельной работы

1. Подберите иллюстрации из области литературы и искусства к выделенным С. Бем типам психологического пола.
2. Расскажите о том, какой вклад внесла К. Хорни в теорию личностного развития женщин.
3. Проведите в группе дискуссию «Анатомия — это судьба?»

Список рекомендуемой литературы

1. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер. — СПб. : Акад. проект, 2000.
2. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — СПб. : Питер, 2001.
3. Бем, С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. — М. : РОССПЭН, 2004.
4. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. — СПб. : Питер, 2005.
5. Болен, Дж. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Дж. Болен. — М. : София, 2005.

6. *Геодакян, В. А.* Два пола : Зачем и почему? Эволюционная роль разделения на два пола с точки зрения кибернетики / В. А. Геодакян // Наука и жизнь. — 1966. — № 3. — С. 99—105.
7. *Ильин, Е. П.* Дифференцированная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2002.
8. *Клецина, И. С.* Психология гендерных отношений / И. С. Клецина. — СПб. : Алетейя, 2004.
9. *Нартова-Бочавер, С. К.* Дифференциальная психология: учебное пособие / С. К. Нартова-Бочавер. — М. : Флинта : МПСИ, 2003.
10. *Хорни, К.* Женская психология / К. Хорни. — СПб. : Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2003.
11. *Эстес, К. П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / К. П. Эстес. — Киев, 2003.
12. *Юнг, К. Г.* Психология бессознательного / К. Г. Юнг. — М. : Канон, 1994.

Глава 3. История формирования гендерной психологии

У гендерной психологии, как и у других областей психологии, очень длинная предыстория и очень короткая история. Но было бы неправомерным рассматривать эту историю только с 70-х гг. XX в.

Хотя термин «гендер» появился сравнительно недавно (в 1955 г.), тем не менее в науке и ранее существовали разработки, идеи, которые мы можем отнести к этой области психологии.

Т. В. Бендас (2005) в истории гендерной психологии выделяет **пять этапов**:

- 1) от античных времен до XIX в. (разработка соответствующих идей в русле философии);
- 2) XIX — начало XX в. (формирование предмета и разделов гендерной психологии);
- 3) начало XX в. — 1930-е гг. («фрейдовский период», связанный с именем З. Фрейда и психоанализом);
- 4) 1950—1980-е гг. (начало широких экспериментальных исследований и появление первых теорий);
- 5) с 1990-х гг. по настоящее время (бурное развитие гендерной психологии: всплеск экспериментальных исследований, теоретическое осмысление эмпирических фактов, адаптация известных методов и методик для изучения гендерной проблематики и создание специфических гендерных методик).

В отечественной науке выделяют несколько иные этапы:

- конец XIX — начало XX в.;
- 1920—1930-е гг.;
- 1960—1980-е гг.;
- с 1990-х гг. по настоящее время.

Мы рассмотрим их параллельно с зарубежными.

3.1. Первый этап — разработка гендерных идей в русле философии (от античных времен до XIX в.)

Говоря об античном периоде гендерных исследований, обычно называют имена Платона и Аристотеля. Последуем этой традиции.

Платон Афинский (427—347 до н. э.) в своих трудах «Пир», «Государство», «Законы», «Тимей» и др. высказывал мысль о дополнительности полов, рассматривал семейно-брачные отношения, подошел к идее равноправия полов. Платон приводит легенду о том, что люди некогда состояли как бы из двух половин. Эти люди делились не на два пола, а на три. Третьим полом были андрогины, объединявшие мужское и женское начало. Согласно древнегреческому мифу, воспроизведенному в диалоге Платона «Пир», предки людей, имевшие по два лица, четыре руки, четыре ноги, были трех родов: мужчины, женщины и анрогины, обладавшие признаками обоих полов. В то время люди были настолько сильны, что бросили вызов богам. Зевс наказал этих перволюдей за их гордость, смелость и непослушание, разрубив каждого вдоль, повернув лица и половые органы в сторону разреза. Таким образом, мужчины и женщины — это две половинки единого человека, и, только соединившись (когда полюбят друг друга), они могут обрести целостность. Теперь люди ищут утраченную половинку, и, когда эти половинки находят каждая свою, возникает Эрос — любовь. Но потомство рождается только от разнополых половинок (потомков андрогинов).

Отношение к женщине у Платона было противоречивым: с одной стороны, негативным, т. к. он считал ее низшим существом, любовь мужчины к женщине — вынужденной и также низкой по сравнению с любовью-дружбой к мужчине (первую он назвал «пошлой Афродитой», а вторую — «небесной Афродитой»). Понимание Платоном женщины как существа, худшего по сравнению с мужчиной, четко прослеживается в его мифе о переселении душ. В диалоге «Тимей»

Платон утверждает, что природа человека двойка; мужчины являются «высшей расой». Первоначально женщин на Земле не существовало вообще — только одни мужчины, души которых предназначались определенным звездам. Тот, кто прожил достойную жизнь, возвращается на свою звезду и пребывает благословенно и счастливо в душевной гармонии. Души трусливых и бесчестных мужчин после смерти переходят в женщин. А если, живя в женском облике, он не сможет противостоять дьяволу, наступает постепенное превращение его в бессловесную скотину как напоминание о том, что в него вселился дьявол.

С другой стороны, это отношение было позитивным: в идеальном государстве, которое он описал в трактате «Государство», женщина могла участвовать во всех делах наравне с мужчиной. Платон освобождал ее от необходимости вести хозяйство, считал ее профессиональные способности равными мужским (женщины могли быть даже философами и воинами), а воспитание детей вменял в обязанность в равной степени обоим полам. Платон весьма серьезно относился к содержанию мужских и женских ролей, настаивал на том, чтобы женщины принимали активное участие в армии, а мужчины — в коллективном воспитании детей. Платон подробно объяснял, что как только женщина отходит от обычной частной роли жены своего мужа и получает то же самое образование и навыки, как и мужчина, она становится способной в полной мере выполнять те же функции, что и мужчина.

Платон вплотную подошел к идее «равноправия» полов. Однако не следует преувеличивать «феминизм» Платона. Из его диалогов «Пир», «Тимей» видно, что он придерживался традиционной античной точки зрения о фундаментальном неравенстве мужчины и женщины. Скорее всего, предоставить женщинам равные права в «Государстве» Платона заставило упразднение им семьи и домашнего воспитания детей. В результате Платон, по меткому замечанию

Ж.-Ж. Руссо, не знал, что делать с женщинами, и «вынужден был превратить их в мужчин».

Каков же вклад Платона в формирование гендерной психологии? Он одним из первых высказал мысль о дополнителности полов, подошел к идее равноправия полов (благодаря этому его называют первым античным «феминистом», что вряд ли правомерно — его взгляды были противоречивыми, да и вообще это не слишком корректно). Эти идеи позже можно встретить в трудах многих специалистов, в том числе и по гендерной психологии.

Аристотель Стагирит (384—322 до н. э.), в отличие от Платона, выглядит скорее «антифеминистом». Разумеется, это не упрек ему — он выражал те взгляды, которые были свойственны его времени. Поскольку Аристотель был, скорее, ученым, чем общественным критиком, его больше занимало, почему окружающий мир и его составные части таковы, каковы они есть. Он отвечал на этот вопрос в теологическом ключе. Мир по Аристотелю — это единая структура, части которой образуют иерархию. Для нас представляет интерес, где же в этой иерархии расположены женщины по отношению к мужчинам и почему они находятся именно там. По Аристотелю, «мужчина таков, каков он есть, благодаря своим способностям, а женщина такова, какова она есть, по причине ее неспособности» (1983а. С. 76). То есть «мы должны рассматривать женский характер как недоразвитый от природы», как беспомощного или «искаженного мужчину»; женские «рассуждения безосновательны». Правда, женщина «естественно необходима», как и все творения, размножающиеся половым путем, но при оплодотворении в неблагоприятных условиях могут родиться и дети с уродствами, и другие «монстры», поэтому она представляет собой один из тех случаев, когда «природа значительно отклоняется от типичного».

Взаимоотношения жены и мужа, по мнению Аристотеля, должны быть отношениями рабы и господина: мужчина и женщина, так же как раб и свободный, имеют разную приро-

ду и не могут быть равны. Единственный смысл разделения полов — рождение детей, а назначение женщины — вынашивание потомства и ведение хозяйства. В семье у мужа и жены разные обязанности, и они не вмешиваются в дела друг друга. Различны нормы поведения для мужчин и женщин: то, что для женщины является добродетелью (к примеру, молчание), для мужчины нет, и наоборот.

Мужчина и женщина не равные существа. Женщина дает ребенку тело, мужчина — душу, душа лучше и божественнее тела. По мнению Аристотеля, женщина фактически не участвует в рождении ребенка: «...женщина есть как бы бесплодный мужчина» (1983б. С. 383). Мужчина — норма, женщина — отклонение от нее. Мужчина выше, женщина ниже по своей природе. Мужчина властвует, женщина подчиняется.

Оставляя в стороне утверждение о «природной естественности» неравенства мужчин и женщин, заметим, что многие мысли Аристотеля по-прежнему повторяют люди в XXI в.

Вклад Аристотеля в формирование гендерной психологии довольно-таки значительный, он говорил о различии норм поведения, разделении труда между мужчинами и женщинами, своеобразии полов, сравнивал один пол с другим — эталонным, высказывал даже мысль о необходимости регулирования рождаемости (хотя и не с помощью умерщвления новорожденных). Все это проблемы, которые и сейчас актуальны для гендерной психологии. Так что можно считать, что и здесь Аристотель сказал свое слово. Правда, совершенно неприемлемо его положение, что один пол (неважно, какой) является высшим, а другой — низшим.

Появление **христианства** означало разрыв с языческой традицией противопоставления полов и подчинения женщины как существа низшего по своей природе мужчине. Согласно христианской догматике мужчина и женщина совместно выражают образ Божий в человеке. Это представление о двойственности образа Божьего привело к высокой оценке брака. Цель христианского брака, в отличие от языческого, не только рождение детей и ведение совместного

хозяйства, но и восстановление изначальной целостности человека. Отношения Христа к Церкви уподоблялись отношениям мужа и жены. И напротив, обычная семья представляет собой домашнюю церковь, где муж воплощает священника, а жена — прихожан. Яркими представителями того времени были *Блаженный Августин* (354—430), *Иоанн Златоуст* (ок. 340—50-е — 407).

Представители религиозно-мистических учений, объединенных под именем *гностицизма* (от греч. *гносис* — знание), выступали противниками брака и половой жизни, призывали полностью отказаться от половой жизни и, особенно, от рождения детей.

Средние века и Возрождение

Гностицизм оказал огромное влияние на интеллектуальную жизнь средневековой Европы. Вплоть до Нового времени у христианских мыслителей встречались элементы гностических воззрений. Эти элементы особенно усилились в период возрождения, когда власть Церкви значительно ослабла. Поэтому нецелесообразно проводить в истории идей такую же резкую грань между Средними веками и Возрождением, как в истории искусства, например. Рассмотрим эти периоды как единое целое.

Одну из наиболее интересных средневековых концепций пола создал в своем произведении «О разделении природы» *Иоанн Скотт Эригена*, или Эриугена (ок. 810 — ок. 877). Он считал пол результатом разделения изначальной единой человеческой природы. Женщина (Ева) — эмоциональная часть природы Адама, отделившаяся от его духовно-разумной природы (мужчины). Муж и жена — две стороны человеческой природы: разум (дух) и чувства. Сон Адама, во время которого была создана Ева, Эригена оценивает как «сон разума», уклонившегося в сторону чувства, а изъятие у него ребра связывает с потерей Адамом внутренней силы. Создание Евы демонстрирует слабость Адама и потенциальную возможность грехопадения. Философ укоряет Адама: «В тебе самом, возгордившемся и презревшем своего Бога, была причи-

на создания жены» и Еву: «Змий этот, на которого ты слагаешь вину, находится в тебе самой; змий твой есть твоё плотское похотение и услаждение, которое раздается от движения неразумной души в чувстве» (Введение в гендерные исследования, 2005. С. 35—36). После воскресения, по мнению Эригены, пол должен исчезнуть.

Из XII в., «яко луна солнечная», пронизывает исторические пласты свет имени, без которого немислимо представить культурный и духовный расцвет восточных славян. Это *Ефросинья Полоцкая* (светское имя — Предслава, ок. 1110 (?)—1173, дочь полоцкого князя Георгия Всеславича), одна из самых просвещенных женщин своего времени.

Ефросинья является родоначальницей восточно-славянской книжности и полоцкого Ренессанса. Она начала с простого переписывания древних манускриптов, затем перешла к основанию храмов, монастырей и при них — первых скрипториумов, откуда книги передавались в новые, ею же созданные школы, где право на обучение предоставлялось всем, без учета сословного положения и пола. Эти прогрессивные начинания подкреплялись введением программы таких необычных для того времени предметов, как природоведение, риторика.

Одна из первых женщин-политиков, искусный дипломат и миротворец, Ефросинья не только умела быть милосердной к страждущим, но также прекращать междоусобные княжеские войны. Она стала символом морального обновления восточно-славянского Средневековья.

А первой женщиной-писателем принято считать *Звениславу Борисовну* (или Звениславу Рогволодовну в иконичестве *Евпраксию*, до 1127 — после 1173, точно не известно) — предполагаемого автора «Жития Ефросиньи Полоцкой», памятника агиографии¹ XII в.

Концепция женского равноправия была впервые сформирована и обоснована в конце XVI столетия. В рамках ре-

¹ Агиография — изучение жития святых, богословских и историко-церковных аспектов святости.

нессансной идеологии, множественности конфессий и общественных течений «литвинке» (жительнице белорусских земель того времени) предоставлялась сравнительно большая свобода выбора, женщинам прививался интерес к общественным делам, воспитывалось чувство приобщенности к судьбе государства и народа. Если с эпохой взлета Полоцкой державы связана ранняя историческая конструкция просветительства и прогрессивная идея самоценности человеческой личности, то женские права стали философской и юридической категорией в эпоху Великого княжества Литовского (ВКЛ), центром которого были белорусские земли. Знаменитый Статут ВКЛ 1588 г. провозгласил приоритет защиты интересов каждого свободного человека «от вышшего стану аж до нижшаго». Гуманистические мотивы особенно сильно звучат в статьях, посвященных женщинам. С этого времени достоинство женщин подлежало судебной защите, что свидетельствовало об особой «женской» революции в раннем законодательстве, тем более что некоторые статьи брали под защиту и женщин «простаго стану» (статья XII, артикулы 5, 6). Первые законы ВКЛ предусматривали равные права на имущество и наследие, устанавливали наказание за насилие над женщиной, отмену наказания «горлом» (смертный приговор) беременным. Впервые предусматривалась ответственность за преступления морального плана. В этом правовом и нравственном климате сформировался особый женский характер. Например, долгое время после смерти воеводы Короля II Рудого Трокским воеводством руководила его энергичная жена Анна Мазовецкая из рода Радзивиллов. Вообще, у жен и дочерей феодалов Великого княжества Литовского было много возможностей для влияния на экономику и политику. Это было время воспитания свободомыслия и чувства личного достоинства. Подтверждением этого служит множество женских имен, которыми изобилует история науки, культуры, просвещения и предпринимательства данного периода. Не удивительно, что сегодня XVI столетие называют «Золотым веком» белорусско-литовского государства.

По мере ослабления власти Церкви в период позднего Средневековья и раннего Возрождения во всех слоях общества возрастало влияние еретических движений и оккультизма. Именно в это время по всей Европе проходят многочисленные процессы ведьм и колдунов. В XV в. появляется знаменитая книга инквизиторов *Якова Шпренгера* (1436—1495) и *Генриха Инститориса* (1430—1505) «Молот ведьм» (ок. 1487). Ее авторы доказывают, что женщина более склонна к колдовству и к сделкам с дьяволом, чем мужчина. По их мнению, даже само латинское слово «женщина» — *femina* — происходит от *fe (fides) minus* — «меньше веры». Женщина лжива, неразумна, безвольна, склонна к плотским наслаждениям. «Итак, женщина скверна по своей природе, т. к. она скорее сомневается и скорее отрицает веру, а это образует основу для занятий черодейством» (2006. С. 124).

На рубеже Средних веков существовали философские произведения и другого рода, направленные в защиту женщин. Так, *Кристина Пизанская* (1365—1430) в ответ на многочисленные мизогинистские тексты современных ей авторов издает ряд критических поэм, полагая, что это не просто слова, но злая атака, указывающая на патологию самих авторов. Она была первой женщиной, которая решилась публично, открыто, письменно, опираясь на знания литературы и истории, ответить на нападки женоненавистников. С ее защитительных произведений начинается традиция женского участия в литературном «споре о женщинах» с целью теоретической реабилитации женского пола. Ее «Книга о Граде Женском» (1404) построена в виде диалога «вопрос — ответ» автора с дамой Разума и дамой Справедливости, в процессе которого Кристина Пизанская на «поле Учености» копает землю «лопатой вопросов» и закладывает основание «Града Женского» (см.: 1991. С. 218—256). В своей книге Кристина Пизанская представила женщин, достойных восхищения из-за своих добродетельных черт и вклада в развитие человеческой культуры. Она исходит из христианской точки зрения, что «Бог... сотворил совершенно одинаковые, равно

благие и благородные души и для мужского, и для женского тела», хотя при этом «повелел, чтобы мужчина и женщина служили ему, выполняя разные обязанности, но при этом помогали и поддерживали друг друга... Каждому полу он дал особые способности и склонности, соответствующие их предназначению» (Там же. С. 228, 224). Она сделала предположение, что в результате хорошего образования женщины могли бы стать равными мужчинам. Кристина Пизанская считается первой, у кого были современные феминистские взгляды. Более подробно о вкладе Кристины Пизанской и развитие феминизма будет сказано в гл. 4.

Софья Гольшанская (ок. 1405—1461), княжна из рода Гольшанских, с 1422 г. жена короля Владислава II Ягайло, выступила инициатором первого перевода Библии на польский язык (так называемая Библия королевы Софьи). Она оказывала существенную финансовую поддержку Краковской академии и была единственным покровителем этого учебного заведения.

Наиболее известная писательница эпохи Ренессанса **Маргарита Наваррская** (1492—1549) публикует «Гептамерон» (1599), в котором защищает женщин от продолжающихся мизогинистских атак со стороны авторов-мужчин.

В этот период возникают первые теории равенства полов в обществе и проекты реформы отношений мужчины и женщины. Эти проекты обычно носили характер размышлений о политическом, общественном, экономическом строе идеального государства, в котором автор трактата якобы бывал сам или о котором слышал от очевидцев. Такие трактаты сегодня называются «утопиями».

Английский политик и мыслитель **Томас Мор** (1478—1535) в своей «Золотой книге» (1516) описал идеальное государство Утопия. В нем занятия мужчин и женщины не различаются: это наука, искусство, общественная, а также религиозная деятельность (в качестве священников), служба в армии (правда, только вместе с мужьями). На высших должностях могут находиться и мужчины и женщины.

Т. Мор, в отличие от авторов многих других проектов, сохраняет в Утопии семью, однако брак утопийцев основан не на любви, а на сходстве характеров, супружеские пары подбирают родители. Т. Мор стремился реформировать социальные отношения и в современной ему Англии, в частности, предоставить женщинам возможность получать образование.

Здесь подразумеваются будущие гендерные проблемы: равенство способностей мужчин и женщин к разным занятиям и к обучению, а также лидерских способностей; ставится также проблема гендерных отношений.

Итальянец **Томмазо Кампанелла** (1568—1639) в «Городе солнца» (1602) рисует идеальный город, управляемый на научной основе. Образование мужчин и женщин не различается (они обучаются в том числе и военному искусству), не различается и их одежда. Однако занятия у них несколько разные: мужчины выполняют более тяжелую физическую работу, а женщины рожают. Но семьи нет. Правда, существует проблема подбора партнеров — для рождения детей. Решается она с помощью астрологии, но решение принимает триумвират начальников, которые регулируют рождаемость в обществе. Таким образом, говоря современным языком, Т. Кампанелла высказал идею о равенстве способностей полов, указал на влияние подобия в одежде, на подобие характеристик личности и поведения и жестко регламентировал гендерные роли.

Новое время (XVII—XVIII вв.) в Европе было началом отказа от мистицизма и религии как способов освоения мира и постепенного перехода к научному рационализму. Это означает, что человек начал сознавать себя не просто как часть окружающего мира, но в качестве «субъекта», стороннего наблюдателя, способного делать объективные выводы о сущности происходящего. Данный исторический период ознаменовался появлением идей демократии и прав человека. Однако теория демократии существенно отличалась от современной.

Несколько интересных идей, касающихся гендерной психологии, высказал *Жан-Жак Руссо* (1712—1778). Он проанализировал подобия и различия полов, высказал представление о различных нормах поведения для мужчин и женщин (то, что позже будет названо «гендерными стереотипами»), а также рассуждал об особенностях образования женщин и мужчин и о взаимоотношениях в браке.

В романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762) Ж.-Ж. Руссо утверждал, что равенство, подобие мужчин и женщин заключается в их сходстве как биологических существ, представителей человеческого рода: схожи многие органы, потребности и способности. Однако как общественные существа они не равны, и это объясняется их врожденными характеристиками (последняя идея вряд ли приемлема в современном обществе). Соответственно различны и нормы поведения («добродетели»). Для мужчины это — откровенность, прямота, добросовестность, самостоятельность суждений, правдивость, а для женщины — стыдливость, хитрость, кокетливость, учет мнений других людей, притворство.

Если, исходить из посылок Ж.-Ж. Руссо, то мужчина к зрелому возрасту достигает некой степени умственного совершенства. Так как муж и жена есть одно целое, то женщина вправе полностью полагаться на понимание мужчины: «тогда и плющ, нежно обвивающий дуб, и дерево, ставшее ему опорой, превращаются в единый монолит, одновременно поражающий и мощью своей, и красотой» (Уолстонкрафт, 1992. С. 26).

Ж.-Ж. Руссо утверждает, что женщина никогда, ни на миг не способна почувствовать себя независимой, что ею надо руководить, внушая страх, тогда лишь выявятся естественные ее предели, она превратится в кокетку-рабыню, тем самым становясь все более соблазнительной, все более желанной подругой для мужчины. Ж.-Ж. Руссо приводит доводы, почерпнутые из естественного мира, и проводит мысль, будто любовь к истине и силу духа следует воспитывать не в каждом случае, т. к. в воспитании женщины самое главное —

развить в ней покорность, и свойство это следует внушать со всей строгостью.

Ж.-Ж. Руссо выступил с революционными идеями воспитания женщин, которые дают основание назвать его одним из основоположников некоторых идей либерального феминизма. Он считал, что женщина обладает изящным и проницательным умом, поэтому она способна получить образование, причем не только в области того, как вести домашнее хозяйство и воспитывать детей. В брак и женщины и мужчины должны вступать по любви, и оба пола имеют равное право самостоятельно выбирать будущего супруга. Однако был убежден в том, что женщины, дети, рабы, слуги, рабочие, неграмотные, бедные недостаточно зрелые и независимые для того, чтобы принимать решения, затрагивающие общие интересы.

Немецкий философ *Иммануил Кант* (1724—1804) разделил мужчин и женщин, во-первых, по характеру участия в политической жизни и, во-вторых, по характеристикам личности и поведения. Мужчинам свойственно активное гражданство (участие в принятии политических решений, независимость суждений), а женщинам — пассивное (объект управления). И. Кант считал, что если у женщин помимо рождения детей и есть какое-либо предназначение, то это лишь развитие культуры общества и его облагораживания. Отсюда проистекают те свойства, которые И. Кант считал естественными для женщин, — боязливость, слабость (качества, важные для сохранения человеческого рода, т. к., оберегая себя, женщина оберегает ребенка), а также благонаравие, красноречие, рассудительность, выразительность лица (качества, необходимые для развития в обществе тонких чувств).

Гендерные стереотипы, высказанные И. Кантом, оказались очень живучи: и сегодня распространено мнение о том, что женщины не способны принимать политические решения, и о том, что их свойства связаны с биологическим и культурным предназначением.

Концепция Ж.-Ж. Руссо и И. Канта напоминает идеи Аристотеля, утверждавшего, что мужчины и женщины, рабы и свободные не могут обладать равными правами. На примере Ж.-Ж. Руссо и И. Канта можно наблюдать, как интерес мыслителей к проблематике пола постепенно переместился из сферы спекулятивной философии в сферу «практического разума». Часто мыслители прошлого отмечали различие мужчин и женщин, но причина этих различий казалась им «естественной», «природной». До сих пор этот аргумент очень популярен: кто-то обращается к данным о поведении животных, кто-то — к исторически сложившимся традициям. Гендерные стереотипы также часто построены на такой основе — так принято, потому что так сложилось. Современная наука требует иных доказательств и аргументов.

Английская писательница *Мэри Уолстонкрафт* (1759—1797) высказала идею о том, что «природные» склонности и особенности женщин и мужчин являются результатом воспитания. Она считается одной из родоначальниц движения женщин за свои права. Более подробно о ее вкладе будет рассмотрено в гл. 4.

Ж.-Ж. Руссо ссылаясь на «естественные» различия мужчин и женщин потому, что его концепция демократии основывалась на понятии общего интереса, который могут формулировать и выражать только экономически независимые граждане. М. Уолстонкрафт исходит из либерального понимания демократии. Для нее идея особых женских интересов, отличающихся от интересов всего общества, не содержит ничего крамольного.

Одна из самых интересных социалистических концепций принадлежит французскому мыслителю-утописту *Франсуа Мари Шарлю Фурье* (1772—1837). Он разработал проект будущего общества гармонии, в котором не будет ни городов, ни деревень, ни индивидуальных хозяйств, ни фабрик, а будут новые общественные ячейки — «фаланги».

Ф. Фурье высказал идеи об отражении статуса женщины и мужчин в обществе в языке, о гендерных взаимоотношениях

(сексуальных и супружеских) и об ограничении рождаемости. Он обратил внимание на слова, которыми обозначают мужчин и женщин. Если в языке профессия или принадлежность к социальной группе называются только «мужскими» словами — это признак неравенства полов. Он предложил создать «нейтральный» язык — с равным количеством мужских и женских наименований. К примеру, это цезарь и цезарина, калиф и калифа, султан и султанка и пр. Функции традиционного брака (быт, воспитание детей, забота о пожилых) Ф. Фурье предлагал передать обществу, а точнее, его первичной ячейке — фаланге. Мужчин и женщин, освобожденных от этих обязанностей, должны связывать лишь любовь и сексуальные отношения, основанные на стремлении к наслаждению. Люди могут сами выбирать тип этих отношений: а) воздержание; б) частую смену партнеров; в) групповые отношения; г) длительные отношения одной пары (последнее, скорее исключение). По Ф. Фурье нормы сексуального поведения для мужчин и женщин должны быть одинаковыми (хотя он считал, что женщинам в меньшей мере свойственно стремление к частой смене партнеров).

Интересно высказывание Ф. Фурье в его книге «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808) о том, что о социальном прогрессе нужно судить по степени свободы женщины. Социальный прогресс характеризуется постепенным раскрепощением женщины, а регресс и упадок общества — ее закрепощением. Поэтому расширение прав женщины он рассматривал как «главный источник социального прогресса» (1951. С. 146).

Ф. Фурье предвидел многие современные проблемы гендерной психологии. По-прежнему не утихают споры вокруг того, как различный статус женщин и мужчин в обществе подчеркивается в языке. Считается, что «мужскими» словами (т. е. словами, связанными с обозначением мужчин, в частности, это могут быть слова мужского рода) обозначают престижные занятия, а «женскими» — непрестижные. Сравните, например, в русском языке: «командир» и «няня» —

нет аналогов для женщин в первом случае и для мужчин — во втором.

Кроме того, во многих современных языках в обозначении женщины сохранилось значение их зависимости от мужчины: слово «человек» является часто синонимом слова «мужчина», а женщина — это жена человека (мужчины). Сравните, например, в английском языке: *men* — человек, мужчина и *women* — женщина.

Интересна мысль немецкого романтика **Фридриха Шлегеля** (1772—1829) о целостной личности, которая соединяет в себе личностные характеристики и мужчины и женщины. В отличие от многих предшественников, он подчеркивал не «естественное» различие полов по этим характеристикам. Напротив, он советовал мужчинам развивать недостающие им женские качества (к примеру, эмоциональность), а женщинам — мужские (рациональность). Только так он (она) может обрести истинную «человечность». «Различие полов, — писал Ф. Шлегель, — лишь внешняя сторона человеческого существования... В действительности мужественность и женственность, как их обычно понимают и практикуют, являются опаснейшими помехами человечности, которая, согласно древней легенде, находится посередине и может представлять собой лишь гармоническое целое, не терпящее никакого обособления» (1983. С. 340).

Эта идея — каждому полу учиться у другого и перенимать у него то, что является слабым и неразвитым, — звучит очень современно и способствует улучшению гендерных отношений.

Немецкий философ **Артур Шопенгауэр** (1788—1860) обратил внимание на различие психических процессов мужчины и женщины: для мужчин характерна абстрактность, для женщин — конкретность. Мужчинам понятна абстрактная идея справедливости, а женщины сочувствуют конкретному человеку. В главе, посвященной социальному поведению, мы увидим, как эта идея подтверждена современными экспериментальными исследованиями (к примеру, в реакции на плохого работника мужчины исходят из норм справедливости, а жен-

щины — равенства). Однако А. Шопенгауэр подразумевает, что мужская реакция — норма, а женская — отклонение от нее, что неприемлемо с позиций современной науки.

Идея равенства полов, как и вообще идея равенства, является составной частью понятия демократии, которое разрабатывалось в рамках философской традиции гуманизма, Просвещения и европейских революций XVII—XVIII вв. Первые официальные документы по правам человека появились в конце XVIII в., когда практически в одно время были приняты Декларация независимости США (1776) и Декларация прав человека и гражданина во Франции (1789). С одной стороны, Декларация прав человека провозглашала равенство всех людей, с другой стороны, по кодексу Наполеона женщине отводилось место только в семье (т. е. более низкий общественный статус, чем у мужчин). В этих документах, лежащих в основе современной концепции прав человека, отсутствовало признание гражданских прав женщин, отсутствовала идея равенства полов. Идея равенства полов, выраженная в текстах XV—XVII вв., первоначально представляла собой «теоретическую реабилитацию женского пола», защиту права женщин считаться полноценным человеком.

В это же время живет и плодотворно работает первая женщина врач и писатель, география странствий которой (от Вены и Стамбула до Петербурга) поражает своим размахом, — **Соломея Пильштынова** (Русецкая) из Новаградка (1718—1760).

В XVIII в. в эпоху Просвещения и Великой французской революции состоялись первые выступления женщин в защиту своих политических и гражданских прав, тогда же были сформулированы требования и опубликованы документы, требующие признания прав женщин как граждан. Вызов был брошен «праматерью феминизма» **Олимпией де Гуж** (1745—1793), которая в 1791 г. сформулировала, опубликовала и озвучила первый, по сути феминистский, манифест — Декларацию прав женщины и гражданки. Более подробно деятельность Олимпии де Гуж рассмотрим в гл. 4.

Либеральные идеи равноправия полов широко распространились в XIX в. Английский философ и экономист *Джон Стюарт Милль* (1806—1873) может быть назван «феминистом», т. к. именно он одним из первых выдвинул концепцию «полного равенства» полов. Хотя для Дж. Милля «равенство» означало юридическое равенство, исключающее какие-либо внешние препятствия на пути человека к реализации собственных интересов. Однако в Европе кон. XVIII — нач. XIX в. даже такое («формальное») равенство мужчины и женщины было несбыточной мечтой. В Англии того времени замужняя женщина теряла право распоряжаться своим имуществом и заключать договоры. Во многих европейских странах женщина не могла вступить в брак без согласия родителей или опекунов. Дж. Милль считал, что господство мужчины над женщиной не является «естественным» (как и рабство негров, которое многие в то время объявляли «естественно» проистекающим из «природы» черной расы). Высказанная Дж. Миллем идея, что у женщин могут быть свои интересы, отдельные от интересов мужа и семьи, означала переход к пониманию пола как своего рода «класса» — социальной группы, означающей наличие собственных интересов, не совпадающих с интересами других групп, а иногда и противоречащих им.

Дж. Милль и другие либералы стали идейными вдохновителями *суфражизма* — движения за уравнивание юридических прав, и в первую очередь за право женщин избирать и быть избранными в законодательные органы.

Одной из «дерзких» женщин того времени является участница восстания 1830—1831 гг.¹ *Эмилия Плятер* (1806—1831), которая, когда началось Ноябрьское (как его называют в истории) восстание, собрала отряд количеством в 280 стрелков, 60 конных, несколько сотен пеших бойцов. Партизанский отряд из 400 человек, который действовал на

¹ Восстание 1830 г., или Ноябрьское восстание, велось под лозунгом восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. Повстанцы были разгромлены, царство Польское было объявлено частью Российской империи; были упразднены сейм и польское войско; старое административное деление на воеводства было заменено делением на губернии.

территории Витебщины под руководством хрупкой молодой девушки, внушал настоящий ужас врагам. Погибла в 25 лет. Ее называют Жанной д'Арк ВКЛ. Соратник Эмилии, знаменитый Игнатий Домейко, впоследствии стал национальным героем Чили. Свое знаменитое стихотворение «Смерть полковника» Адам Мицкевич посвятил именно ей: «Но хоть вождь был суровым солдатом, красоте его можно дивиться: нежный стан! — да ведь это девица! Героиня в полковничьем платье, вождь повстанцев — Эмилия Плятер!»

Женская целеустремленность приобретает национально-освободительные ориентиры. Восстание 1863—1864 гг. в Польше, Беларуси и Литве хотя и было безжалостно подавлено царским правительством, но оставило глубочайший след в белорусской истории. Именно с этим периодом связана деятельность *Камиллы Марцинкевич* (1841—1880), талантливой пианистки, дочери классика белорусской литературы Винцента Дунина-Марцинкевича. Из-за своей антиправительственной деятельности она была признана душевнобольной, но после митингов протеста по требованию жителей Минска выпущена из богадельни. Пожалуй, это один из первых примеров изоляции инакомыслящей женщины в палату для умалишенных, но в истории далеко не единственный. Когда вспыхнуло восстание 1863 г., Камилла, которая активно включилась в борьбу, была вновь схвачена и выслана с таким вердиктом: «Выслать, как женщину вредную и совершенно неблагонадежную в политическом отношении, под строгий полицейский надзор в Пермскую губернию...»

Рядом с политической ссыльной К. Марцинкевич появляется еще одна колоритная фигура — *Ева Фелинская* (1793—1859). Рано осиротев, она упорно занимается самообразованием, затем активно включается в борьбу против империи насилия. Является создательницей первого в мире революционного «Женского общества». Ее арестовали, сослали вместе с детьми в Сибирь. Вернувшись на родину, она написала знаменитые мемуары. Борясь против угнетения, нищеты и невежества, Е. Фелинская занялась образованием

сельских детей. Из-под ее пера выходит двухтомная повесть «Герсилия» (1849).

Известная польская писательница белорусского происхождения, жительница Гродно *Элиза Ожешко* (1841—1910), вспоминая о восстании, в котором и сама принимала участие, помогая восставшим, выполняя различные опасные поручения, а в дни разгрома укрывая Ромуальда Траугутта, одного из руководителей восстания, написала позднее очерк «Gloria victis!» («Слава побежденным!»). А главным мотивом ранних произведений Э. Ожешко, таких как «Пан Граба» (1869), «Марта» (1873) и др., была борьба женщины за свое человеческое достоинство и общественную эмансипацию.

Точка зрения немецкого социалиста *Фридриха Энгельса* (1820—1895) стала определяющей для многих марксистов и основной семейной политики СССР. Ф. Энгельс связывал неравноправие полов не с несовершенством буржуазной морали, как Ш. Фурье, а с частной собственностью на средства производства. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) Ф. Энгельс утверждал, что до появления частной собственности люди жили не в парном, а в групповом браке. В этот период «коммунистического домашнего хозяйства» женщины господствовали в доме, а родство устанавливалось только по материнской линии (т. к. отец ребенка не всегда был точно известен). Это, по мнению Ф. Энгельса, приводило к тому, что общество относилось к женщинам-матерям с глубоким уважением. Он был убежден, что человечество прошло историческую фазу матриархата, т. е. господства женщин.

С переходом людей от собирательства к скотоводству и появлением права собственности первобытный коммунизм разлагается, и богатство сосредоточивается в руках немногих людей (преимущественно мужчин). Для того чтобы передать собственность по наследству, отец должен точно знать своих детей. Поэтому происходит переход к строгому единобрачию для женщин (но не для мужчин) — «всемирно-историческое поражение женского пола». Энгельс напрямую увя-

зывает неравноправие полов с классовым неравенством, считая угнетение женщины мужчиной первой формой классового угнетения. Муж в семье представляет буржуазию, жена — пролетариат (см.: 1986. С. 76).

Неравенство полов в пролетарских семьях Ф. Энгельс относил на счет сохранения индивидуального семейного хозяйства и экономической зависимости женщины от мужчины. Таким образом, Ф. Энгельс вывел формулу о «двойном угнетении», которому подвергаются женщины пролетарского класса в буржуазном обществе: они угнетены как класс и как пол. По мере того как женщины будут вовлекаться в общественное производство, равноправие будет усиливаться. С победой социализма в положении как женщин, так и мужчин произойдут значительные перемены: необходимость в существовании семьи отпадет, т. к. все ее хозяйственные функции и воспитание детей возьмет на себя общество. Тогда женщина будет по-настоящему равноправна с мужчиной, и единственной основой для брака останется любовь.

Взгляды Ф. Энгельса получили дальнейшее развитие в работе *Августа Бебеля* (1840—1913) «Женщина и социализм» (1879). А. Бебель несколько отошел от классической позиции марксистов, заключающейся в том, что нельзя говорить об интересах «всех женщин» — есть интересы буржуазии (в том числе женщин) и интересы пролетариата (в том числе женщин). Он встает на точку зрения так называемого социалистического феминизма, утверждая, что «все женщины, без различия их социального положения, как пол, находящийся вследствие нашего культурного развития в подчинении у мужчин, заинтересованы в том, чтобы это состояние уничтожить» (1959. С. 30). А. Бебель, по сути, приравнивал всех женщин к пролетариату.

Таким образом, на первом этапе разные ученые-философы высказывали отдельные идеи, которые в дальнейшем были полезны при разработке гендерной психологии. Но как самостоятельная область она еще не сложилась. И по существу, на этом этапе не было работ, которые бы целиком были посвящены гендерной проблематике.

3.2. Второй этап — формирование предмета и разделов гендерной психологии (XIX — начало XX в.)

Второй этап (XIX — начало XX в.) — период формирования предмета и естественно-научных основ гендерной психологии.

В это время во многих странах Запада изменилась ситуация в обществе. Во Франции, Англии и США набрало размах движение за освобождение женщин. Происходило оно и в России. Это движение, которое хотя и не является частью истории гендерной психологии как науки, тем не менее оказало на нее стимулирующее влияние, прежде всего в том, что привлекло внимание ученых к разработке проблем, которые раньше не считались предметом психологии. Краткая хронология женского движения представлена в прил. 3.

Само слово «*feminisme*» (от лат. *femina* — женщина) придумал французский теоретик социализма Франсуа Мари Шарль Фурье в начале XIX в. (позже, чем явление, которое оно обозначает). Он писал о «феминистке», «новой женщине», которая изменит общественную жизнь и в то же время сама изменится в обществе, основанном на ассоциации и взаимности. Изобретенный термин употреблялся им самим же на французском языке. Использование слова «феминизм» для описания идеологии равноправия женщин в обществе известно, согласно англо-американским историкам, с 1894 г. В 1830 г. появился другой термин — «эмансипированная женщина» (от лат. *emancipatio* — освобождение). Участниками этого общественного движения являются и женщины и мужчины. Направление борьбы — предоставление женщинам равных с мужчинами прав: избирательных, экономических (участие в общественном производстве), на получение образования и сексуальных свобод. Феминизм на протяжении своей истории неоднороден. Более подробно об этом движении, его направлениях и этапах его развития мы узнаем в гл. 4.

Еще одним фактором, повлиявшим на развитие гендерной психологии, стало местное обучение представителей обоих полов в различных учебных заведениях. Это побудило исследователей сравнивать этих представителей между собой. Параллельно сформировались две ветви новой отрасли: психология женщины и психология половых различий.

Прежде всего, появились работы, которые целиком были посвящены одной из этих двух проблем.

Выходят две книги русского философа, психолога и публициста *Петра Евгеньевича Астафьева* (1846—1893): «Понятие психологического ритма как научное основание психологии полов» (1882) и «Психический мир женщины, его особенности, превосходства и недостатки» (1881). Для П. Е. Астафьева центр тяжести женского вопроса лежал в культурном, социальном и политическом значении, которое принадлежит семье, и в том положении, которое в семье естественно занимает женщина. «Женский вопрос» для П. Е. Астафьева в своей основе состоял «в постоянном увеличении числа женщин, не вступивших, вследствие разных несчастных условий современной жизни, в брак и остающихся, таким образом, без естественного применения своих сил и соответствующего ему экономического и социального положения» (1881. С. 16).

Применяя к психологии полов закон сохранения силы (скорость действия обратно пропорциональна его массе), П. Е. Астафьев выводит следующее понятие о психическом ритме женщины: в сравнении с мужским психический ритм женщины существенно быстрее, что обуславливает находчивость, умелость в разрешении непосредственных задач практической жизни, но высокая скорость и частота психических реакций на жизненные раздражители не дает женщине реагировать на них глубоко и осознанно-аналитично — женщина живет более бессознательными реакциями. Для женщин характерны такие психические процессы, как рассеянное внимание, конкретное и практическое мышление, склонность к синтетическому мышлению, меньшая произвольность ассоциаций, слитность и эмоциональность

представлений; пассивность чувств, эмоциональность, неустойчивость настроения, жизнерадостность, ревность; слабость воли и слабый контроль за эмоциями; легкая возбудимость; в речи и общении — выразительность движений, мимики, голоса; разговорчивость и склонность к повторениям в речи; большее тщеславие (проявляется в кокетстве, склонности к украшениям); неспособность к оригинальному творчеству (этим объясняется отсутствие успехов в науке и искусстве, однако женщины могут быть хорошими популяризаторами науки и подражателями в искусстве); податливость влиянию окружающих; успехи в качестве актрис и певиц (объясняются эмоциональной выразительностью); неспособность к политической деятельности. «Насколько, — утверждал свою мысль П. Е. Астафьев, — женщина превосходит мужчину в деле морально-воспитательных влияний, настолько же уступает она ему в задачах социально-политических, не только не дающих простора лучшим и драгоценным способностям ее и дарованиям, но и прямо вызывающим наружу все ее худшие слабости и недостатки» (1882. С. 50).

Соответственно мужчинам свойственны противоположные характеристики: аналитическое мышление, способность к сосредоточению внимания, сильная воля, краткая речь и т. п. Для мужчин также характерна индивидуальность во внешности и характере, отсутствующая у женщин. Эти различия объясняются строением тела: у мужчин оно угловатое, определенное, резко очерченное, а у женщин — волнообразное и мягкое.

Работа австрийского ученого *Отто Вейнингера* (1880—1903) «Пол и характер» вызвала бурю споров, которые не утихают до сих пор. С одной стороны, он высказал массу идей, поражающих точностью наблюдений за поведением обоих полов. С другой стороны, некоторые из них совершенно неприемлемы, т. к. пронизаны духом мизогинии (ненависти к женщинам).

Сенсационна была сама история появления книги. Выпустив ее, 23-летний О. Вейнингер покончил с собой. Мыс-

ли, высказанные в ней, были новы и нарушали общепринятые нормы морали. Но нас интересуют только те из них, которые были продуктивны для дальнейшего развития гендерной психологии.

О. Вейнингер подчеркивает, что «мужественность» и «женственность» означают не характеристики реальных мужчин и женщин, а два принципа, выразителем которых может быть любой человек. Мужское и женское — это два полюса идеальных состояний (подобно физическим состояниям — идеальный газ, к примеру). Они образуют два конца континуума, а между ними располагаются бесчисленные переходные ступени. К примеру, это мужчины с женскими формами (широким тазом, большой грудью, малой волосистостью тела) и женщины — с мужскими формами (с узкими бедрами, плоской грудью, низким голосом и усами). Причем это не отклонение от нормы (гермафродитизм), а сама норма. Все индивиды в той или иной мере обладают и мужскими и женскими чертами, т. е. человек по своей природе бисексуален — одновременно и мужчина и женщина. Чем больше в человеке выражено женское начало (сейчас бы мы сказали — степень фемининности), тем в большей степени он сексуален: таковы мужчины-донжуаны и многие женщины. По этому поводу О. Вейнингер пишет: «Неужели “женщины” и “мужчины”, представляя собою две совершенно различные группы, являются в пределах каждой группы чем-то однообразным, совпадающим во всех пунктах со всеми прочими представителями этой группы. На этом именно и покоятся, большей частью бессознательно, все решительные рассуждения о различиях между полами. Нигде в природе мы не наблюдаем такого резкого разграничения. Мы видим, например, постепенные переходы от металлов к неметаллам... мы находим также промежуточные формы между животными и растениями... Исходя из приведенных аналогий, мы и в данном случае признаем совершенно невероятным предположение, что природа провела резкую грань между всеми существами мужского рода — с одной сторо-

ны, и существами женского рода — с другой. В связи с этим невозможно охарактеризовать какое-либо существо, как нечто, стоящее по ту или другую сторону этой пропасти. Даже грамматике, и той чужда эта резкость... Каждый человек, наблюдая людей на улице, легко мог бы заметить, что есть много “женщин” с мужским, узким тазом, как и много “мужчин” — с женским, широким. Неужели, таким образом, отсутствуют всякие половые различия... Существуют бесчисленные переходные степени между мужчиной и женщиной, так называемые “промежуточные половые формы”. Как физика говорит об идеальных газах, которые подчиняются закону Бойля-Гей-Люссака (в действительности ему не подчиняется ни один газ), чтобы, исходя из этого закона, установить всевозможные отклонения от него в данном конкретном случае» (Вейнингер, 1991. С. 14).

Особенность мужчин — их превосходство в восприятии, понятийном мышлении. Они воспринимают события, вещи расчлененно и последовательно, мышление и чувства отделены друг от друга. Женщины же воспринимают окружающее слитно, смутно, мышление и чувства неразрывно связаны и существуют в форме «генид» (чего-то смутного, неуловимого и неопределенного, как ранние детские воспоминания или ускользнувшая мысль во время разговора). Совсем не развит у женщины такой психический процесс, как память: «Женщина располагает только одним классом воспоминаний: эти воспоминания связаны с половым влечением и размножением. Это все, о чем истинная женщина может вспомнить из всей своей жизни» (Там же. С. 118). В морально-этической сфере своего развития женщина тоже существенно уступает мужчине: «...она лишена благочестия. И в самом деле, благочестие — добродетель чисто мужская» (Там же. С. 120); «...она — аморальна, низка» (Там же. С. 189). О. Вейнингер трактовал «женское» как низменное и недостойное, а успехи женщин в социальной сфере — лишь результат наличия у них большой доли «мужского».

О. Вейнингер, как и романтики, продолжает средневековую традицию восстановления андрогинного образа человека. Он лишь по-другому расставляет акценты.

В конце XIX в. начали проводиться первые исследования женщин — в Германии, Франции, Великобритании, Италии, Нидерландах. Появилось несколько монографий, посвященных им или их сравнению с мужчинами, в частности работы Т. Хиггинсона, Л. Фратти, Х. Ланге, М. Лефевра, Х. Марион, Л. Мархольм, Э. Кей (последние три автора — женщины). Интересная монография Г. Эллиса «Мужчина и женщина» была переведена на русский язык в 1898 г.

Однако настоящим пионером новой отрасли психологии можно считать голландского ученого *Герардуса Гейманса* (1857—1930). Во-первых, его книга «Психология женщины» (1911) отличалась от предыдущих произведений своей научностью: стилем, аргументацией, ссылкой на исследования других авторов. Во-вторых, он сам провел два масштабных исследования.

Ниже перечислены некоторые положения из книги Г. Гейманса, которые актуальны и для современной гендерной психологии. Этот обзор демонстрирует состояние науки на начало XX в.:

1. Различия между женщинами и мужчинами носят статистический характер — в виде тенденций, при этом конкретные мужчина и женщина могут не соответствовать этим тенденциям.
2. Важен фактор пола исследователя. Мужчины (к примеру, Ч. Ломброзо и П. Мантегацца) недооценивают сложность женской психики, а женщины (Л. Мархольм, Р. Мейредер) преувеличивают ее.
3. Внушаемость не связана с полом. Более внушаемы и поддаются чужому влиянию эмоциональные женщины и эмоциональные мужчины по сравнению с неэмоциональными представителями обоих полов (это очень важное наблюдение, которое получено в исследовании самим Г. Геймансом: при изучении половых различий

нельзя забывать о других типологиях испытуемых, в частности, о различиях в темпераменте).

4. Эмоциональность у женщин — их главное отличие от мужчин. Девочки чаще мальчиков дают эстетическую оценку новым предметам, а мальчики интересуются их назначением. Девочки более эмоционально реагируют на похвалу и порицание, их легче растрогать, вызвать смех и слезы (хотя Ч. Ломброзо считал, что не следует смешивать проявление страданий с самим страданием).
5. Представление и воображение. У женщин — более живая фантазия ввиду их большей эмоциональности. Они обладают более отчетливыми и красочными образами. У них чаще бывают самопроизвольные галлюцинации (особенно у русских и бразильских женщин — по сравнению с англичанками). Женщины лучше мужчин воображают предстоящие разговоры и споры с собеседником во всех подробностях. Они склонны преувеличивать свои страдания, опасения, надежды и разочарования.
6. При сравнении умственных способностей мужчин и женщин важны критерии оценки:
 - *критерий способности к получению высшего образования.* Как среди мужчин, так и среди женщин есть более и менее способные к получению образования, в связи с чем необходимо уравнивать возможности доступа к высшему образованию для обоих полов;
 - *критерий высших достижений в области науки, техники и искусства.* По данным Г. Гейманса, в некоторых указателях имен по истории науки женщин было всего от 4 до 8 %;
 - *критерий патологии.* Среди мужчин гораздо чаще встречается идиотизм (по данным Г. Гейманса, 100 : 79 с перевесом в пользу мужчин, по другим статистическим данным от 1880 г., среди идиотов — 9 809 мужчин и 7 827 женщин).

7. Речь. Девочки начинают говорить раньше мальчиков, всю жизнь женщины говорят больше мужчин и в старости позднее становятся молчаливыми и скупыми на слова. Они дают более точные и отчетливые описания, поэтому судьи и врачи предпочитают обращаться за разъяснениями к женщинам.

К рассматриваемому периоду относится также появление двух книг — отечественной и зарубежной. Авторами обеих были женщины. Книги эти сыграли разную роль в гендерной психологии — негативную и позитивную. Обратимся к ним в хронологическом порядке.

Первая книга — это книга *Лидии Петровны Кочетковой* (1872—1920) (эсерки, врача по образованию, выступавшей за смену политического режима в царской империи), которая вышла в Москве в 1915 г. с символическим названием «Вымирание мужского пола в мире растений, животных и людей». Книга снабжена многочисленными статистическими таблицами о рождаемости и смертности детей разного пола (в России даже по губерниям). Это уникальный материал, однако выводы, которые делает автор, и сам характер повествования пронизаны духом ненависти к мужскому полу. Так, Л. П. Кочеткова считала функцию продолжения рода помехой для развития женщин. Она призывала стерилизовать женщин, дабы устранить эту помеху, — в итоге общество она видела не только без мужчин (или с очень малым их количеством), но и почти без плодовитых женщин.

Справедливости ради надо сказать, что и мужчины высказывали аналогичные идеи — но о конце женского пола (к примеру, известный философ Н. Ф. Федоров в своей книге «Философия общего дела», вышедшей в 1906 г.).

Эти идеи не способствовали развитию гендерной психологии, а, напротив, тормозили ее. Сама тематика, казалось бы, вела к «войне полов». И до сих пор некоторые серьезные исследователи с опаской и оговоркой приступают к разработке проблем этой области, дабы их не обвинили в пристрастии к одному или другому полу.

Вторая книга, которая вышла позднее, в 1928 г., — «Взросление на Самоа». Автором ее была молодая *Маргарет Мид*¹ (1901—1978) — этнограф с психологическим образованием, которая позднее стала мировой знаменитостью. Ни один этнограф в мире до нее не пользовался такой широкой популярностью и не был так читаем. Тираж ее книги превысил 2 млн экземпляров, и она была переведена на 16 языков. Кроме высоких научных отличий М. Мид была удостоена множества почетных социальных званий. В 1949 г. американские издатели назвали ее «выдающейся женщиной года в области науки», в 1956 г. — одной из выдающихся женщин XX столетия. Важнейшей особенностью научной деятельности М. Мид — ее междисциплинарность. Этнографическое описание культуры отдельного народа то и дело органически перерастает у нее в обсуждение общих проблем социальной, возрастной или дифференциальной психологии, социологии или теории воспитания. Все это делается с хорошим знанием специальной социологической или психологической литературы. Недаром публикации М. Мид или ссылки на ее работы можно найти не только в этнографических, но и в самых солидных социологических, психологических, сексологических, педагогических изданиях.

Она описала особенности общения, воспитания и поведения (в том числе и сексуального) мальчиков и девочек, мужчин и женщин, взаимоотношений в семье народа Самоа. Эта книга привлекла внимание к проблемам гендерной идентичности, гендерной и сексуальной социализации, осо-

¹ Маргарет Мид родилась в Филадельфии 16 декабря 1901 г., училась сначала в женском Барнард-колледже, а затем в Колумбийском университете. Первоначально она собиралась специализироваться по психологии, но осенью 1923 г. переклонила на этнографию. В 1923 г. в Колумбийском университете получила степень бакалавра, а в 1924 г. там же защитила магистерскую диссертацию. В 1925 г. отправилась на полевые исследования в Полинезию, на Самоа, где собрала большой материал о процессе социализации детей и подростков в самоанском обществе. После возвращения из Полинезии в 1926 г. начала работать куратором в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке. В 1929 г. защитила диссертацию в Колумбийском университете и получила степень доктора философии (PhD). Исследовала детскую психологию с позиций так называемой этнопсихологической школы.

бенно к кросскультурным аспектам. Работы М. Мид по-прежнему интересны и актуальны для гендерной психологии. Мы еще будем к ним периодически возвращаться.

Кроме вышеназванных авторов были и другие: Хелен Томпсон, Лета Холлингворт, Хелен Дойч, Джоанна Лампл де Грут. Эти исследовательницы в своих экспериментах продемонстрировали, что интеллектуальное подобие между женщинами и мужчинами намного превосходит различие, и призывали строить новую область психологии не на анекдотических случаях, мнениях и предрассудках, а на точном и тщательном исследовании, что, конечно же, было вполне справедливым.

Однако движение за равноправие полов сыграло здесь и негативную роль. Как только обнаруживались факты, свидетельствующие о специфических особенностях мальчиков и девочек (в частности, при решении интеллектуальных тестов), они вызывали столь нездоровую реакцию в обществе, что порой объявлялись артефактами. В результате в США те тесты, которые оказались чувствительными к половым различиям, либо удалялись, либо их переделывали — вводили, к примеру, показатели, которые сглаживали эти различия.

В конце XIX — начале XX столетия возникла новая форма социального протеста — особое женское «эмиграционное» движение. В общей мрачной картине социально-экономического и политического порабощения имелась «отдушина»: у белорусов, как и у всего населения империи, возникла возможность после получения первоначального домашнего образования продолжить его в других городах (Вильно, Москва, Санкт-Петербург). Возникают первые женские курсы, чаще всего медицинские или педагогические, клубы и объединения.

В эпоху, когда даже в Западной Европе женщина адвокат или врач воспринималась как общественная аномалия или «двуглавый теленок» (терминология прессы того времени), женщины из белорусских «дворов» все чаще бесстрашно уезжают в крупные университетские и промышленные центры. Они покидают родной дом в надежде получить равное с муж-

чинами образование, обрести независимость. Началась ломка патриархальных взглядов на социальную роль женщины.

Таким образом, второй этап (XIX — начало XX в.) характеризовался формированием предмета и естественно-научных основ гендерной психологии. Этому способствовало движение за освобождение женщин и начало совместного обучения представителей обоих полов в различных учебных заведениях. Параллельно сформировались две ветви новой отрасли: психология женщины и психология половых различий. Появились первые книги, специально посвященные гендерной психологии. Были начаты экспериментальные исследования.

3.3. Третий этап — «психоаналитический» (начало XX в. — 1930-е гг.)

Начало третьего этапа ознаменовалось деятельностью *Зигмунда Фрейда*. Трудно представить себе другое имя, которое вызывало бы такую бурю негативных эмоций у представителей психологии женщины, как имя З. Фрейда. И сегодня его взгляды остаются крайне дискуссионными.

Первая критика З. Фрейда была предпринята еще в начале XX в. *Шарлотта Перкинс Гилман* (1860—1935) назвала его взгляды «возрождением фаллического культа». Ш. Гилман считала мужскую агрессивность и материнскую роль для женщины искусственными и не необходимыми для выживания в постдоисторических временах. Она писала: «Не существует женского ума. Мозг не орган секса. Можно бы также говорить о женской печени» (Gilman, 1898. P. 36). Ш. Гилман заявляла, что вклад женщин в цивилизацию на протяжении всей истории был остановлен из-за андроцентрической культуры.

Позднее, в середине 1920-х гг., эта критика прозвучала из уст ученицы З. Фрейда — *Карен Хорни*. Она стремилась устранить заблуждения З. Фрейда — корень которых, как она считала, в его биологической, механистической ориентации.

К. Хорни решительно возражает против представлений З. Фрейда о том, что решающим фактором женской психологии является зависть к пенису. Напомним, З. Фрейд отмечал, что характерные отношения и переживания женщины и глубочайший их конфликт возникают в связи с чувством генитальной неполноценности и зависти к мужчине. Отвергнув тезис З. Фрейда о том, что «зависть к пенису» играет критическую роль в развитии женщины, она возразила, что, напротив, мужчины страдают от того, что не могут родить, т. е. от «зависти к матке». К. Хорни полагает, что женская психология основана на недостатке доверия и сверхзначимости отношений любви, что мало связано с анатомией половых органов.

В дальнейшем отношения между психоанализом и психологией женщины развивались противоречиво. В конце 1960-х гг. психоанализ был объявлен опасным для женского душевного здоровья.

Тем не менее психоанализ продолжает оставаться одним из классических направлений в исследовании женщины. Более подробно психоаналитическую концепцию гендера мы рассмотрим в гл. 2.

В позициях психологов нашли отражение идеи и такого теоретического направления, как педология. В качестве примера можно привести позицию *Арона Борисовича Залкинда* (1888—1936) — сторонника социогенетического подхода в педологии и выразителя идей марксистского психоанализа. По мнению А. Б. Залкинда, «половая жизнь рассматривается классом как социальная, а не как узколичная функция, т. к. у революционного класса, спасающего от гибели все человечество, в половой жизни содержатся исключительно задачи революционно-коммунистического оздоровления человечества через потомство» (1989. С. 65). Современный человек-борец должен отличаться тонким и точным интеллектуальным аппаратом, большой социальной гибкостью и чуткостью, классовой смелостью и твердостью — безразлично, мужчина это или женщина. «Революция, конечно, не

против широких плеч, но не ими в конечном счете она побеждает, и не на них должен строиться в основе революционный половой подбор. Бессильная же хрупкость женщины ему вообще ни к чему: экономически и политически, т. е. и физиологически, женщина современного пролетариата должна приближаться и все больше приближается к мужчине. Надо добиться такой гармонической комбинации физического здоровья и классовых творческих ценностей, которые являются наиболее целесообразными с точки зрения интересов революционной борьбы пролетариата. Олицетворение этой комбинации и будет идеалом пролетарского полового подбора» (Залкинд, 1989. С. 67).

В начале XX в. на политическую арену вышли пролетарские массы, в рядах которых было немало мужественных и жертвенных женщин. В своих знаменитых стихах «Море» и «Под штандартом» поэтесса и общественный деятель, родоначальница белорусского массового женского движения *Алоиза Пашкевич (Тетка)* (1876—1916) прославляла свободу и утверждала необходимость социального взрыва. Не удивительно, что ее стихи распространялись как листовки. Певец «свободного духа» и «бури», Тетка участвовала в первых легальных белорусских газетах, организовала издательство и национальный театр. Страстно защищая права работниц и крестьянок, эта белоруска пользовалась огромной политической популярностью у революционеров и демократов многих стран. Основной смысл жизни и творчества Тетки — в призыве к белорусскому народу сбросить рабское ярмо, защитить свое национальное и человеческое достоинство. Этому посвящены ее статьи в газетах «Наша нива» и «Наша доля». Много внимания уделяла она и изданию популярных брошюр общедемократического и гуманистического содержания, активно сотрудничала в журнале для молодежи «Лучинка».

Идейные сподвижники Тетки Павлина Меделка, Констанция Буйло, Зоська Верас, Надежда Шнаркевич, Апполония Радкевич, Палута и Мария Бодуновы, Казимира Яновская, Апполония Гирконт, Леонила Горецкая открывали бе-

лорусские школы и читальни, писали стихи для детей на родном языке, организовывали художественные кружки и народные хоры.

В России и Беларуси в первые годы советской власти общественно-политическая атмосфера для развития гендерной психологии изменилась. Было декларировано формальное равенство мужчин и женщин, женщину старались оторвать от семьи — в пользу производственной и общественной жизни (позднее начался обратный процесс). 1917 г. стал переломным. Февральская революция дала женщинам избирательное право. Открылся простор для женских инициатив. Однако история развивалась по сложному и трагическому сценарию. Произошла новая перекройка белорусской земли. Выстраданные эпохами борьбы и труда, оплаченные большими жертвами женские надежды на улучшение жизни, до осуществления которых оставался, казалось, один шаг, оказались несбыточными.

Советское государство взяло на себя решение женского вопроса. Были изданы декреты, предоставившие мужчинам и женщинам равные избирательные и социально-экономические права (8-часовой рабочий день независимо от пола, равная оплата труда). В 1918 г. появился первый Кодекс о браке и семье. Он юридически закрепил светский характер брака; равный с мужчинами статус женщин в браке; возможность для женатых пар выбирать фамилию мужа или жены; наделение детей, рожденных вне брака, одинаковыми правами с рожденными в браке.

Однако это привело к тому, что не признавалось существования ни различий между полами, ни особой, «женской» психологии. На долгое время в отечественной науке воцарилась ситуация, когда и психология и педагогика справедливо стали называться «бесполыми».

Началом изучения проблем полоролевого самосознания в нашей стране можно считать 10—20-е гг. XX в., когда вводилось совместное обучение мальчиков и девочек. Так, С. Л. Рубинштейн в работе «Половое воспитание с точ-

ки зрения интересов культуры» (1926), Е. Н. Эверетова в работе «Мальчики и девочки в советской школе» (1928) отстаивали необходимость воспитания с детских лет маскулинности и фемининности. В 1901 г. выходит в свет брошюра *Надежды Константиновны Крупской* (1869—1939) «Женщина-работница», где впервые излагаются взгляды российских социал-демократов на проблемы положения женщины и пути их решения.

В 20—30-е гг. психолого-педагогические исследования находились под влиянием З. Фрейда. В 1927 г. *Ефим Аронович Аркин* (1873—1948) выпустил книгу «Об изучении детского коллектива», где приводилась программа и результаты исследования лидеров — как мальчиков, так и девочек. При этом, рассматривая понятие лидера (тогда — вожака), он возражал Фрейдю (а именно его представлению о сексуальных влечениях массы к лидеру): «Ребенок не потому стал вожаком, что его полюбила масса, а масса полюбила его за то, что он стал вожаком» (1927. С. 29). Очень интересны результаты собственных исследований Аркина в сфере половых различий детских лидеров (такой аспект был новым не только для отечественной, но и для зарубежной науки). Он установил, что в большинстве детских групп вожаками становились мальчики, девочки же были вожаками «группок», не распространяя своего влияния на всю группу детей.

В 1935 г. вышло наиболее значительное в отечественной психологии того времени исследование *Павла Петровича Блонского* (1884—1941) «Очерки детской сексуальности» (1979). В нем анализировались проявления сексуальности и эмоций в детском возрасте и давалась аргументированная критика взглядов З. Фрейда о детской сексуальности. В своем исследовании П. П. Блонский приводил результаты собственных подлинно научных исследований (с использованием наблюдения, ретроспективной беседы, анкетирования и др.). На большом материале он получил данные о детской сексуальности (в частности, сексуальности девочек, которым в психоанализе уделялось

меньше внимания, чем мальчикам). До сих пор эти данные имеют важное научное значение.

П. П. Блонский критиковал представление З. Фрейда о том, что младший школьный возраст — период затишья в сексуальном развитии, возражал против чрезмерного эротизирования переживаний и действий ребенка, а также сомневался в правомерности использования некоторых аргументов (типа приписывания аналогичных состояний младенцу после сосания и мужчине после оргазма). Его главный постулат состоял в том, что значительное влияние на сексуальное развитие ребенка оказывает среда, способная преждевременно его эротизировать. П. П. Блонский сумел обосновать главный тезис своего исследования: при нормальных условиях половое влечение пробуждается только в период полового созревания.

К сожалению, подобные исследования прекратились в конце 1930-х гг., когда были запрещены педология и психотехника, а социальная психология как отдельная область психологии объявлена ненужной. Затем долгие годы педагогика и психология была «бесполой». Изучались преимущественно общие для всех людей, независимо от пола, нравственные качества, установки, стереотипы поведения и другие особенности личности.

В развитии отечественной гендерной психологии возник вынужденный перерыв до середины 1960-х гг.

Таким образом, третий этап (начало XX в. — 1930-е гг.) носит название психоаналитического и связан с деятельностью З. Фрейда. К этому периоду относится разработка представления о нарциссизме у мужчин и женщин, об их сексуальных переживаниях, о влиянии на длительное существование множества гендерных стереотипов. Критика фрейдизма и противостояние ему выразились в дискуссии Фрейда и Хорни о том, какой пол завидует другому, в резкой критике со стороны феминизма и породили противоречивые отношения между психоанализом и психологией женщины.

В 1920—1930-е гг. отечественные психологи были знакомы с зарубежными работами того же периода (в том числе и с работами З. Фрейда). Направленность их исследований имела общие черты с зарубежными: изучение половых различий лидеров (Е. А. Аркин), сексуальность девочек и мальчиков (П. П. Блонский), но имела и свою самобытность. Однако затем произошел вынужденный перерыв в гендерных исследованиях в нашей стране и господство «бесполой психологии».

3.4. Четвертый этап — экспериментальные исследования и появление первых теорий (1950—1980-е гг.)

Четвертый период (1950—1980-е гг.) — начало широких экспериментальных исследований и появление первых теорий.

Однако прежде чем перейдем к рассмотрению экспериментальных исследований и теории, хотелось бы остановиться на вкладе известной французской писательницы и философа *Симоны де Бовуар*¹ (1908—1986). Публицистическая книга-эссе «Второй пол» (1949) посвящена женским проблемам и оказала большое влияние на феминистское движение. Это исследование женщины как Другого. Основываясь на истории, искусстве, психоанализе, биологии, мифах, литературе и экзистенциальной философии, С. де Бовуар показывает, как мужчины последовательно и постоянно отказывали женщинам в праве на человечность, создавая искусственную конструкцию, которую определили как противоположную себе под названием «женщи-

¹ Симона де Бовуар родилась 9 января 1908 г. в Париже, получила строгое буржуазное воспитание, что описано в ее книге «Мемуары хорошо воспитанной девушки» (1958). Изучала философию в Сорбонне, где познакомилась с вождем современного экзистенциализма Ж.-П. Сартром. В романах Симоны де Бовуар разнятся экзистенциалистские идеи; сюжетные ходы «Мандаринов» (1954; Гонкуровская премия) отражают события жизни писателей из окружения Сартра. Умерла Симона де Бовуар в Париже 14 апреля 1986 г.

на». Книгу иногда считают знаком возрождения феминизма во второй половине XX в.

Жизнь женщины рассматривается здесь на основе философской методологии экзистенциализма, разработанной Ж.-П. Сартром в работе «Бытие и ничто». В специфике и структуре экзистенциальных отношений между мужчиной и женщиной С. де Бовуар видит источник формирования представлений о природе женщины, человеке «второго пола»: «У меня всегда вызывало раздражение, когда в ходе отвлеченной дискуссии кто-нибудь из мужчин говорил мне: “Вы так думаете, потому что вы женщина”. Но я знала, единственное, что я могла сказать в свою защиту, это: “Я так думаю, потому что это правда”, устраняя тем самым собственную субъективность. И речи не могло быть о том, чтобы ответить: “А вы думаете по-другому, потому что вы мужчина”, ибо так уж заведено, что быть мужчиной не значит обладать особой спецификой. Мужчина, будучи мужчиной, всегда в своем праве, не права всегда женщина. Подобно тому, как у древних существовала абсолютная вертикаль, по отношению к которой определялась наклонная, существует абсолютный человеческий тип — тип мужской» (1997. С. 27).

Автор убеждена, что определяющее значение в жизни женщины играет не «сущность» — некая предзаданная природой константа «женского», а особенности «женской ситуации» в социуме. Конечно, и в прежних теориях говорилось, что причиной зависимого положения женщины в обществе являются социальные условия, изменение которых повлечет за собой с необходимостью изменение этого положения. Однако С. де Бовуар переводит разговор с макро- на микроуровень, с общесоциального на личностно-индивидуальный и показывает, что феномен зависимости внедрен в женское сознание настолько глубоко, что женщина сама гораздо скорее психологически готова принять роль «второго», «другого», жертвы, чем сопротивляться ей. Автор самым детальным образом, используя десятки, сотни свидетельств, исследует процессы формирования женского самосознания, женской

экзистенциальной ситуации на всех этапах ее становления: с детства до старости, постоянно показывая, что быть женщиной — «не призвание, а состояние».

Теперь припомним судьбу самой писательницы. Гражданская супруга известного французского философа-экзистенциалиста Ж.-П. Сартра, Симона де Бовуар родилась в благополучной и отнюдь не бедной семье адвоката и ревностной католички. Ее детство, как потом она признавалась, было счастливым и безоблачным. Окончив философский факультет, С. де Бовуар преподает философию в Марселе все 30-е гг. В начале 40-х гг. у нее начинается роман с преподавателем философии Жаном-Полем Сартром, ставшим для нее другом на всю жизнь. Как литератор она принимает участие вместе с ним в движении Сопротивления. Их участие в этих событиях неоднозначно, и некоторыми сверстниками оспаривается до сих пор, поскольку они не перенесли тех лишений, которые выпали на долю тех, кто сражался в Сопротивлении с оружием в руках. Но у С. де Бовуар навсегда остался комплекс вины из-за того, что она не знала чувства голода, не мерзла и не испытывала жажды. В моральном плане отсутствие такого опыта угнетало ее значительно больше, чем сознательный отказ иметь детей. В конце концов, детей ей заменили многочисленные книги, где она пыталась разобраться в себе и в том, например, что такое дети как форма продолжения человеческого рода. С. де Бовуар много пишет, но, берясь за перо, всегда стремится создать только значительное, программное произведение, будь то роман, эссе или автобиографическая повесть. Она размышляет о том, что самые большие трудности возникают при общении между полами. С. де Бовуар видит возможность согласия между ними не в сфере секса и ориентации на привилегированный статус мужчины, а в совместном поиске смысла жизни.

Среди авторов многочисленных работ данного периода можно выделить пять женщин: Мартину Хорнер, Элеонор Маккоби, Сандру Бем, Нэнси Чодороу и Кэрол Гиллиган.

Кратко перечислим то, что они сделали, а более подробное рассмотрение будет представлено в соответствующих главах.

Элеонор Маккоби, наверное, самое известное имя в психологии половых различий. Начиная с 1966 г. она опубликовала несколько обобщающих монографий — сама и в соавторстве с коллегами. Ее книга «Психология половых различий», созданная вместе с Кэрол Жаклин (1974 г. и более поздние переиздания), по-прежнему является наиболее цитируемой во всем мире публикацией по гендерной психологии. Множество авторов перепроверяют выводы, сделанные в этой книге. Позднее, в 1999 г., в своей новой монографии Э. Маккоби употребляет термин «гендер» наряду с термином «пол».

В конце 1960-х гг. *Мартина Хорнер* (род. 1939) предложила простое объяснение малой успешности женщин по сравнению с мужчинами — отсутствие у женщин мотивации — «боязнь успеха». Работы М. Хорнер вызвали широкий исследовательский и общественный резонанс.

Концепция М. Хорнер получила дальнейшее теоретическое развитие в разработке «феномена самозванца» Паулин Кланс и Сюзанны Имс. Этот феномен обнаружен у многих интеллигентных и компетентных женщин, которые не могут наслаждаться удовольствием от достигнутого ими успеха как якобы незаслуженного.

В 1974 г. внимание гендерных психологов переключилось на другую концепцию — *Сандры Липсиц Бем*¹. В период с 1967 по 1986 г. Сандра Бем была самым цитируемым англоязычным психологом в области гендерной психологии. Интересно проследить развитие карьеры Сандры Бем, чтобы

¹ Сандра Липсиц Бем родилась 22 июня 1944 г. в Питтсбурге (штат Пенсильвания). Она является профессором Корнельского университета. В 1965 г. в Университете Карнеги — Меллон получила степень психологии, в 1968 г. получила докторскую степень по психологии в Университете Мичиган. В 1976 г. в возрасте 31 года получила научную премию «Карьера в психологии» Американской психологической ассоциации. Она также получила премии Ассоциации женщин в психологии в 1977 г. и Американской ассоциации женщин с университетским образованием в 1980 г. Сандра Бем была удостоена звания почетный доктор наук из колледжа Вильсон в 1985 г. Признана в 1995 г. Американской психологической ассоциацией выдающейся женщиной-психологом. Она входит в редколлегию журнала «Консалтинг и клиническая психология», а также «Журнала прикладной социальной психологии».

наглядно увидеть, как из маленькой женщины (в переносном и прямом смысле слова, рост профессора Сандры Бем — 145 см) сформировалась большая исследовательница, внесшая выдающийся вклад в развитие психологии XX в. и наметившая перспективы XXI в. Развитие карьеры будущего профессора не было безоблачным. После получения степени она, тем не менее, не получила приглашения для работы в университет, потому что в те времена для этого нужна была рекомендация члена совета, а т. к. большинство из них были мужчинами, то ее успехи и публикации не имели значения для трудоустройства. Тем не менее она переехала в Стэнфордский университет и с этого момента пыталась соединить свои личные и профессиональные интересы с политикой и участием в женском освободительном движении. Проработав 8 лет в Стэнфорде, она создала там Тест измерения половых ролей (BSRI) для диагностики психологического пола и определения степени андрогинности, маскулинности и феминности личности и стала заниматься проблемами андрогинии и гендерной схематизации. Именно в Стэнфорде она приобрела профессиональное признание, получив свои многочисленные награды в области психологии. Тем не менее в тот год, когда она получила награду от Американской психологической ассоциации, ей было отказано в должности, как и двум другим известным психологам-феминистам Мэри Браун Парле и Джудит Лонг Лоус. Из Стэнфорда ей пришлось перебраться в Корнельский университет в качестве профессора психологии и директора программы по женским исследованиям.

Сандра Бем — автор трех теорий — теории психологической андрогинии, гендерных схем и линз культуры. Более подробно эти теории будут раскрыты в гл. 3.

Усилия С. Бем и ее коллег повлияли на изменения в современной психологии. Работы С. Бем послужили мощным толчком к изучению психологической андрогинии. Эта концепция вызвала активность психологов — ученых и практиков: между 1976 и 1984 г. было проведено более 100 исследо-

ваний, в которых варьировались переменные андрогинии и психического здоровья.

Более сложной является концепция *Нэнси Чодороу* (род. 1944), добившейся наибольших успехов в синтезе психоаналитической и социологической теорий с феминизмом. В 1978 г. она опубликовала свою работу, в которой изложила свою концепцию материнства. По ее мнению, мать призвана подготовить мальчиков и девочек к их гендерным ролям в обществе и экономике. Мать по-разному ведет себя по отношению к дочери и к сыну, и в итоге девочка готовится к миру материнства и семьи, а мальчик становится мужчиной, который обесценивает женщину и ориентирует себя на внешний мир. Чтобы разорвать этот цикл у мальчиков, Н. Чодороу призвала отцов принять равное участие в воспитании детей.

Н. Чодороу считает, что причина половой дифференциации кроется в особенностях процесса половой идентификации в детском возрасте. Она отмечает, что те психологические отличия, которые исследовал З. Фрейд в природе женщин (пассивность, дефицит сверх-Я, женский нарциссизм и др.), реально имеют место, но они результат того, что в нашей социальной системе именно женщины несут основную ответственность за заботу о ребенке в детстве. Мальчик, который в определенном возрасте начинает ощущать потребность отождествлять себя с отцом, должен главный упор делать на различие, отделение себя от матери. Отсюда доминанта автономии и сепаратизма в мужской психологии и мировоззрении, склонность к гневу и насилию, нетерпимость к отличиям (что выражается в расизме, гомофобии, этноцентризме). Девочки же, напротив, сохраняют эмоциональную связь с матерью и отождествляются с ней, это способствует развитию у них эмоциональности, склонности к сочувствию и сопереживанию. Поэтому с ранних лет девочкам свойственно меньшее стремление к сепаратизму, к выделению себя из внешнего мира, чем мальчикам (см.: Клецина, 2001б. С. 19).

В 1982 г. появилась книга *Кэрол Гиллиган* (род. 1936) «Другим голосом». К. Гиллиган не случайно так называет свою книгу, поскольку книга эта представляет собой рассмотре-

ние содержательных последствий, которые имеют отмеченные процессы гендерной идентификации, для особенностей женского мировосприятия. Свою книгу она строит как анализ широко известного исследования Лоуренса Кольберга «Ребенок как философ морали», которое было посвящено рассмотрению развития морального сознания детей. Для Л. Кольберга стадии морального развития ребенка не что иное «как познавательные-структурные изменения в представлениях «Я» и общества». К. Гиллиган анализирует метод Л. Кольберга на примере, когда он разбирает случай с двумя одиннадцатилетними детьми Джеком и Эни. Их попросили решить ряд затруднительных жизненных ситуаций. В частности, «в Европе одна женщина заболела раком и находилась при смерти. Было только одно лекарство, которое, как считали врачи, могло ее спасти, — одна из форм радия, которую недавно открыл фармацевт — житель того же города. Фармацевту дорого обошлось изготовление препарата, да он еще и запросил за него в десять раз больше себестоимости. Самому фармацевту радий обошелся в 200 долларов, а он установил цену в 2 000 долларов за маленькую дозу лекарства. Муж больной Хайнц занял деньги у всех своих знакомых, но смог достать только около 1 000 долларов, т. е. половину стоимости. Он сказал фармацевту, что его жена умирает, и попросил продать лекарство подешевле или в долг. Аптекарь сказал: «Нет, я сам открыл это лекарство и хочу на нем зарабатывать», Хайнц впал в отчаяние и взломал аптеку, чтобы украсть лекарство для своей жены. Должен ли он был так поступать?» (Kohlberg, 1963. P. 18—19). Джек уверен, что Хайнц должен был украсть. «Во-первых, — говорит он, — человеческая жизнь имеет большее значение, чем деньги, и если аптекарь зарабатывает даже немного денег, он все равно как-то сможет прожить, но если Хейнц не украдет лекарство, его жена умрет». Когда Джека спросили, о том, что ведь в случае кражи Хайнц нарушает закон, он ответил, что «и законы имеют ошибки и вы не можете создать закон для каждого конкретного случая». «Таким образом, — анализирует его ответ К. Гиллиган, — беря законы в расчет и признавая их

роль в установлении социального порядка, он также видит, что закон как человеческое предписание может иметь ошибки и быть подвержен изменению. Тем не менее его убеждение, что Хайнц должен украсть лекарство, как и его взгляд на законы, возможно заключающие в себе ошибки, опирается на предположение существования неких общих соглашений, общественного консенсуса о моральных ценностях, которые позволяют знать и ожидать этого знание от других, «как следует поступать правильно». («Судья, — говорит Джек, — должен будет дать Хайнцу самый легкий из возможных приговоров»). Очарованный силой логики, этот одиннадцатилетний мальчик видит правду, прежде всего, в математике, которая, как он говорит, «единственно абсолютно логичная вещь», и рассматривает моральную дилемму, по его словам, «как разновидность математических проблем с людьми», как задачу, которая может быть решена при помощи логической разработки приоритетов для правил разумности. Тогда, как он полагает, каждый человек, следующий правилам разумности, придет к подобному заключению и, в частности, судья также увидит, что в данном случае воровство для Хайнца было правильным поступком.

Эни, в свою очередь, отвечает на вопрос по-другому: «Я думаю, — говорит она, — что есть другие пути, кроме воровства». Эни ищет ответ во взаимоотношениях с аптекарем, с которым Хайнцу следует пойти и поговорить. Она полагает, что если бы аптекарь знал последствия своего отказа снизить цену, он бы сделал это или дал бы мужу возможность заплатить позднее. Для Эни, доказывает К. Гиллиган, люди в этом этюде не столько оппоненты в соревновании прав, сколько члены сети отношений, от продолжения которых они зависят. Да и саму проблему они увидели по-разному. Для Джека это, прежде всего, конфликт между жизнью и собственностью, который может быть решен путем логической дедукции: жизнь важнее собственности, следовательно, существующий закон о собственности может быть поправлен, для Эни же проблема — в самих человеческих отношениях, которые должны быть изменены.

Детям задают еще много других вопросов, к примеру, что следует выбрать: ответственность перед собой или перед другими? Анализируя их ответы, автор делает вывод, что для Джека ответственность означает не делать того, что ты хочешь, если это мешает другим людям, для Эни это означает делать то, что необходимо другим.

Л. Кольберг в свое время был уверен, что Джек находится на более высокой стадии морального развития, чем Эни, и это, как пишет К. Гиллиган, симптоматично для традиционного образа мысли. На самом же деле «образ мысли» Эни не лучше и не хуже традиционного, т. е. мужского, он просто другой (отсюда и название всей книги). И специфика его заключается в большей ориентации на «здесь и теперь», на конкретную ситуацию и человеческие связи. Если для мужского менталитета в моральной сфере определяющими оказываются понятия справедливости, морального закона, то для женского — понятия заботы, взаимопонимания и доверия.

Положения К. Гиллиган легли в основу и других теорий, в частности о независимой и взаимозависимой «Я-концепциях». Она до сих пор является одним из авторов, на которых часто ссылаются.

Опыт истории «женской жизни» как определяющей детерминанты формирования природы женщины обосновывает в своей книге «Женщина, разум и природа» и *Кэрол Макмиллан*. Анализируя специфику соотношения рационального, эмоционального и интуитивного в природе сознания женщины, автор исходит из того, что источник этой специфики — исторический женский опыт семейной жизни. Именно то, что сфера жизнедеятельности женщины (и, соответственно, ценностные ориентиры в ее воспитании) на протяжении всей обозримой истории была семьей, — то, что называется частной сферой, сферой, где чувства (забота, любовь, сочувствие) приоритетны, и стало причиной формирования специфических особенностей женского мышления.

К. Макмиллан утверждает, что поскольку мужчина всегда ассоциировался в культуре с умом и разумом, а женщина с чувством и интуицией, познавательные способности муж-

чин всегда оценивались неизмеримо выше женских. Она подвергает большому сомнению принятое разделение приоритетов «разума» в мире культуры и «чувств» в так называемой частной сфере. «С рационалистической точки зрения существует прямая оппозиция между разумом и чувством, между миром культуры и частной сферой семьи, между действиями, основанными на следовании принципам, и действиями, основанными на любви, причем первая сторона оппозиции всегда рассматривается как высшая по отношению ко второй» (McMillan, 1982. P. 22).

К. Макмиллан убеждена, что и интуитивное знание не есть какая-то иррациональная, магическая сила и всегда чистый субъективизм. Интуиция — это тоже определенный способ существования знаний, но просто полученный иным путем: «...интуитивная форма — это также форма знания, и она также подразумевает работу разума, но разница в том, что эта форма знания не может быть почерпнута из книг и теорий, но только из опыта» (Ibid. P. 40). Необходимо расширить наши представления и о природе разума, и о природе интуитивного знания.

В отечественной же науке, как заметил И. С. Кон, указанное время можно определить как период «бесполого сексизма». В качестве обоснования этого утверждения И. С. Кон приводит данные об отсутствии в основных отечественных словарях и справочниках научных статей, раскрывающих ключевые понятия психологии пола. В учебной и научной психологической литературе тех лет также практически не использовались понятия «пол», «половые различия», «маскулинность/фемининность». Не раскрывались эти понятия и в Кратком психологическом словаре, опубликованном под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского в 1985 г. В массовом учебнике «Общая психология» для педагогических институтов (1977) рассматривались всевозможные психические свойства и отношения, но половые различия нигде, ни в каком контексте не упоминались. В учебнике «Возрастная и педагогическая психология» (1979) в разделе, посвященном подросткам, появляется параграф «Особен-

ности отношений мальчиков и девочек», однако информация, представленная в нем, носит характер общих педагогических рассуждений, да и сам текст занимает всего одну страницу учебника.

Несмотря на тщательное избегание изучения учеными-психологами проблем пола и межполовых отношений, все же в конце 1960-х — начале 1970-х гг. стали появляться единичные публикации, посвященные этим проблемам. Прежде всего, это работы известных отечественных ученых Б. Г. Ананьева и И. С. Кона.

Борис Герасимович Ананьев (1907—1972), создатель ленинградско-петербургской школы психологов, в своем теоретико-экспериментальном психологическом учении о человеке обосновал необходимость изучения половых характеристик как первичных (индивидных) свойств человека. В книге Б. Г. Ананьева «Человек как предмет познания» (1969) есть глава «Половой диморфизм и психофизиологическая эволюция человека»; правда, в основном речь здесь идет не столько о психологических характеристиках человека, сколько о его психофизиологии. Принцип полового диморфизма был объявлен одним из основополагающих принципов психологического исследования и рассматривался как общий принцип филогенеза, онтогенеза и социогенеза. Эта работа положила начало изучению психофизиологических различий между полами.

В учебном пособии **Игоря Семеновича Кона** (1928—2011) «Психология юношеского возраста» (1979) целая глава посвящена взаимоотношениям юношей и девушек и их сексуальному развитию. В 1981 г. в журнале «Вопросы психологии» была опубликована статья И. С. Кона «Психология половых различий», где были представлены обзор и анализ зарубежной литературы по данной проблеме. Ранее (в 1975 г.) в сборнике «Соотношение биологического и социального» была опубликована статья И. С. Кона «Половые различия и дифференциация социальных ролей», где проблема поляризации социальных ролей мужчин и женщин рас-

сматривается в двух аспектах: дифференциально-психологическом и социально-нормативном; также в статье детально обсуждается поддерживающая и опровергающая аргументация идей разделения мужских и женских ролей в семье и в общественно-производственной сфере на основе принципа взаимодополнительности.

Благодаря основополагающим и обобщающим работам Б. Г. Ананьева и И. С. Кона были определены приоритетные направления исследований в области психологии пола. Это систематические и комплексные исследования половых различий и половых ролей, включающие изучение:

- 1) дифференциально-психологических характеристик представителей полов в возрастной динамике;
- 2) функциональных закономерностей дифференциации половых ролей в отдельно взятой сфере деятельности на социальном, межличностном и интраиндивидуальном уровне;
- 3) полоролевых стереотипов в исторической перспективе и в связи с изменениями форм социализации;
- 4) взаимозависимости интернализированных половых ролей и соответствующего поведения личности и ее дифференциально-психологических и социальных характеристик.

В конце 70-х гг. в общей и педагогической психологии складывается тенденция преодоления подхода к личности взрослого и ребенка как абстрактно-бесполого существа. Вводится представление о половых, супружеских и родительских ролях, связанных с различными аспектами взаимодополнительных характеристик маскулинности и фемининности как личностных измерений (Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, И. С. Кон). Проблемы ролевой дифференциации рассматриваются в работах Я. Л. Коломинского, В. И. Слепковой, А. Н. Сизанова, В. П. Багрунова, В. Н. Кунищевой, Н. Н. Обозова, В. В. Абраменковой и др. Понятие психологического пола разрабатывается в работах Т. И. Юферовой и др. Вопросы формирования половой идентификации рас-

смаstrиваются в исследованиях И. С. Кона, В. Е. Кагана, И. И. Лунина, С. М. Зелинского, Н. В. Дворянчикова и др.

Широкое распространение в научной среде имела биологическая теория полового диморфизма **В. А. Геодакяна**, которая психологами трактовалась упрощенно, как доказательство врожденности и неустранимости всех наблюдаемых половых различий. Суть указанной теории мы рассмотрим в гл. 3.

В 80-е гг. количество работ, посвященных вопросам психологии пола, стало увеличиваться. Такие работы можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести исследования, где данные о различиях в поведении и психологических характеристиках между людьми разного пола не являлись главной целью исследований и были получены как дополнительные факты в контексте решения других научных проблем (неспециализированные исследования). Вторая группа исследований межполовых взаимодействий — это работы, которые изначально были ориентированы на решение каких-либо проблем психологии пола (специализированные работы).

Среди наиболее интересных работ *первой группы* можно выделить исследования В. С. Агеева, Т. А. Репиной, В. В. Абраменковой.

Исследование **В. С. Агеева** (1985) было направлено на поиск межкультурных различий в процессе восприятия человеком человека. В эксперименте испытуемые (русские и иностранные студенты и студентки), не имеющие опыта межкультурного взаимодействия (первая серия) и имеющие таковой (вторая серия), оценивали изображенных на фотографиях людей по степени выраженности ряда качеств по пятибалльной биполярной шкале. Выяснилось, что среднее количество значимых расхождений в оценках выраженности качеств существенно выше, когда речь идет о представителях противоположного пола. При этом влияние межкультурных различий проявилось слабо; фактор пола оказался более значимым, чем фактор национальной принадлежности.

Т. А. Репина (1984), изучавшая свободное общение дошкольников друг с другом, установила, что в группе детского сада существует ярко выраженная консолидация детей со сверстниками своего пола. Эта консолидация возрастает от младшего к старшему дошкольному возрасту, приводя к образованию двух подструктур в группе детского сада: мальчиков и девочек.

В исследовании **В. В. Абраменковой** (1987) изучалась полоролевая дифференциация в семье в представлениях дошкольников. Картинки из детского лото дети раскладывали на мамины и папины предметы. Маминными предметами оказались все предметы домашнего обихода и хозяйственных работ — стиральная машина, пылесос, швабра, даже молоток с гвоздями; папины предметы — это предметы отдыха: телевизор, книги, газеты, лыжи и мягкое кресло.

Как же в представленных исследованиях интерпретировались выявляемые психологические различия между людьми разного пола, какие использовались обоснования их наличия? Часто причины половых различий совсем не объяснялись, поскольку исследования имели иные цели, в других случаях предлагался вариант признания естественности этих различий, обусловленных природными, биологическими различиями полов.

Ко *второй группе* (специализированные работы) можно отнести следующие исследования. Исследования по проблеме полоролевого самосознания (Т. Л. Бессонова, И. К. Кузнецова, Е. В. Лекторская). Так, **Т. Л. Бессонова** считает, что данная тема еще недостаточно разработана, что создает определенные трудности: непонимание сущности данного явления, его принципов и законов развития, причин и следствий. В результате возникают нежелательные последствия: предрасположенность к стрессам, депрессивным состояниям, девиантному поведению. Ведь от того, каким образом происходит становление полоролевого самосознания человека, зависит дальнейшее становление и развитие личности.

В отечественной психологии разрабатываются представления о структурных и содержательных составляющих полоролевой идентичности (Т. Л. Бессонова, В. Е. Каган и др.). Так, **В. Е. Каган** предлагает концептуальную схему полоролевой идентичности. Автор рассматривает полоролевою идентичность в контексте представлений о бисоциальной природе человека и пола в качестве порождаемой и порождающей функции сознания, специфического личностного конструкта. Маскулинность и фемининность в соответствии с представлениями о бисексуальности человека, бипотенциальной психике рассматриваются как независимые взаимодополнительные измерения личности. Личность, исходя из этого, характеризуется как маскулинная и фемининная в одно и то же время.

Гендерные исследования в психологии в нашей стране — это совсем новое и пока еще слабо разработанное научное направление. До начала 90-х гг. гендерная проблематика в отечественной психологии не развивалась, а работ, на которые могли бы опираться исследователи, было опубликовано крайне мало, и большинство из них относилось к **психологии пола**.

Так, много работ посвящено формированию психологического пола (А. Я. Варга, Т. И. Юферова), исследованиям полоролевых представлений (Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, Е. В. Лекторская, Т. И. Юферова), половой социализации (Д. Б. Колесов, И. С. Кон), полоролевого самосознания (Т. Л. Бессонова) у подростков. Особая ценность этих работ — в постановке вопросов, во многом определяющих направления дальнейших исследований. Часть из них связана с теорией половых ролей, под которыми понимают существующие в обществе стереотипы маскулинного и фемининного поведения и соответствующие им представления и ожидания, которым индивид должен соответствовать, чтобы быть признанным человеком того или иного пола.

Особую группу составляют научные работы, посвященные изучению проблем мужчин и женщин в семейной жизни. Так, М. Ю. Арутюнян изучала отношения между супругами в зависимости от характера распределения ролей в семье, Ю. Е. Алешина и Е. В. Лекторская провели исследова-

ние, направленное на выявление закономерностей возникновения и протекания ролевого конфликта у работающих женщин, Ю. Е. Алешина и А. С. Волович изучали влияние моделей поведения родителей на формирование полоспецифичного поведения детей. В. И. Слепкова изучала полоролевою дифференциацию брачно-семейных отношений старшеклассников.

Таким образом, четвертый период (1950—1980-е гг.) — это начало широких экспериментальных исследований и появление первых теорий. Здесь выделяются исследования Мартины Хорнер (феномен боязни успеха), Элеонор Маккоби (обзоры половых различий и собственные эксперименты), Сандры Бем (концепции андрогинии), Нэнси Чодороу (работа о материнстве) и Кэрол Гиллиган (идея о ценности нравственных суждений женщин, отличных от взглядов мужчин). В отечественной науке указанное время можно определить как период «бесполого сексизма», однако все же в конце 1960-х — начале 1970-х гг. стали появляться единичные публикации, посвященные этим проблемам (Б. Г. Афаньев, И. С. Кон).

3.5. Пятый этап — развитие гендерной психологии (с 1990-х гг. по настоящее время)

Пятый период (с 1990-х гг. по настоящее время) характеризуется бурным развитием гендерной психологии. Начиная с 90-х гг. обстановка в обществе изменилась. Оказалось, что проблемы психологии пола волнуют многих людей и они готовы покупать и читать популярную и научную литературу, посвященную этим вопросам. Прилавки книжных магазинов стали заполняться популярной литературой о психологии мужчин и женщин, о социальных, эмоциональных, сексуальных аспектах их отношений. Всплеск издания недостаточно профессиональной литературы о психологических проблемах полов показал острую необходимость научной разработки проблем, весьма значимых для различных групп населения.

К концу века увеличилось и количество научных работ, в которых представлены результаты эмпирического изучения психологических различий между людьми разного пола. Ценным в этих работах является обращение к изучению таких аспектов психологии пола, которые раньше не изучались. Так, если раньше половые различия анализировались преимущественно в сфере представлений о маскулинности и фемининности, а также в полоролевых установках, то большинство последних работ посвящено изучению половых различий в более глубоких и сложных психологических структурах, таких как «Я-концепция», морально-этические установки, половая идентичность (например, работы В. В. Знакова, С. И. Кудинова, И. В. Романова, Б. И. Хасана и Ю. А. Тюменевой).

На новом этапе ученые приступили к более тонкому освоению гендерной проблематики. Идет поиск причин, объясняющих эмпирические факты. Исследования стали тщательнее планироваться. Стали проводить адаптацию известных методов и методик для изучения гендерной проблематики и создавать специфические гендерные методики.

Однако не следует рассматривать эти работы как гендерно ориентированные, даже в случаях, когда в названии присутствует слово «гендер». В этих работах, как правило, отсутствует рефлексия тех теоретических подходов и концептуализации, в рамках которых проводилось исследование половых различий. Как и ранее, большинство психологов, опубликовавших исследования по проблемам различий между полами в этот период, исходили из положения, что анатомо-физиологические различия между людьми разного пола закономерно будут определять и различия в их психологической сфере.

Во многих странах на основе гендерных исследований (в том числе и по психологии) изменяются учебники, идет перестройка воспитания с учетом гендерного подхода. В многочисленных компаниях проводится политика равных возможностей для мужчин и женщин менеджеров. Психологи и психотерапевты также реализуют гендерный подход. Таким

образом, начато внедрение результатов гендерных исследований в практику.

Слабой стороной гендерной психологии до сих пор остается малое количество обобщающих теорий.

С начала 90-х гг. в отечественной психологии стали появляться работы, направленные на решение собственно гендерных проблем. К сожалению, в нашей науке гендерная психология только начинает развиваться. Проводятся исследования в различных областях: полоролевые стереотипы (В. С. Агеев), гендерная социализация и гендерные отношения (И. С. Клецина), психофизиология мужчины и женщины (Е. П. Ильин), самоактуализация личности в профессии — гендерный аспект (Л. Н. Ожигова), гендерные установки (В. Е. Каган), гендерная психология лидерства (Т. В. Бендас), самореализация одаренных женщин (Л. В. Попова), соотношение гендерной идентичности и самоопределения личности (Л. Г. Степанова) и др.

Эти исследования проводятся по разным направлениям, пока не объединенным ни единой теоретической базой, ни единой программой. Но радует уже то, что гендерная проблематика все чаще привлекает внимание наших ученых.

Таким образом, пятый период (с 1990-х гг. по настоящее время) — это бурное развитие зарубежной гендерной психологии. Признаки расцвета этой области — новый всплеск экспериментальных исследований, теоретическое осмысление эмпирических фактов, начало кросскультурных исследований во всем мире, адаптация известных методов и методик для изучения гендерной проблематики и создание специфических гендерных методик. Интерес к гендерной психологии растет и в нашей стране.

Рассмотренные 5 этапов истории формирования гендерной психологии можно разделить на **два периода**:

- 1) **догендерный** (с античных времен до 1980-х гг. XX в.);
- 2) **собственно гендерный** (с 1980-х гг. XX в. по настоящее время).

И. С. Кон, ссылаясь на периодизацию Кэрол Жаклин, выделяет **четыре этапа**, значимых для исследования этой проблематики:

- для 1910—1920-х гг. XX в. было характерным то, что все немногочисленные исследования психологических особенностей мужчин и женщин подводились под рубрику «**психология пола**» (*psychology of sex*), причем пол зачастую отождествлялся с сексуальностью;
- в 1930—1960-е гг. «психологию пола» сменила «**психология половых различий**» (*sex differences*), которые уже не сводились к сексуальности, но большей частью считались заданными природой;
- в конце 1970-х гг. этот термин сменился на более мягкий — «**различия, связанные с полом**» (*sex related differences*), в то же время круг исследуемых психических явлений расширился, а влияние биологического детерминизма ослабевало;
- в 1980-х гг. их стали называть «**гендерными различиями**» (*gender differences*), которые могут вообще не иметь биологической основы.

Подобным образом можно выделить этапы и в развитии направления, связанного с изучением психологических различий между мужчинами и женщинами в **отечественной психологической науке**.

До 70-х гг. в отечественной психологии проблемы половой дифференциации не изучались, а те крайне малочисленные работы, которые были опубликованы, относились к «психологии пола» и отождествлялись с вопросами сексуальных отношений, преимущественно супружеских.

В 70—80-е гг. стали появляться редкие работы, в которых ставились специальные задачи, связанные с изучением различий между полами. Это направление определялось как «психология половых различий», а основные выявленные различия считались биологически детерминированными.

И лишь в 90-е гг. в отечественной психологии стали проводиться исследования, ориентированные на изучение «гендерных различий», не обусловленных биологическим полом.

Данные периоды характеризуют смену научных парадигм, в рамках которых эссенциалистский и сексистский подходы сменились социально-конструкционистским подходом.

Исследовательским итогом догендерного периода явился перечень тех половых различий, наличие которых было убедительно доказано и обосновано в эмпирических исследованиях, другими словами, представители психологического сообщества пришли к согласованному мнению по поводу наличия этих различий. Гендерный период знаменовался акцентированием внимания на социокультурной парадигме. Психологи стремились доказать, что основными детерминантами в общем-то немногих, научно обоснованных половых различий и половой дифференциации являются социокультурные факторы.

Вопросы для самопроверки

1. Чем позиция Платона отличается от взглядов Аристотеля на отношения полов?
2. Каковы основные идеи средневековой философии в отношении полов? Как проявлялись в ней гностические влияния?
3. В чем различие между пониманием равноправия полов Руссо и Миллем?
4. Что объединяет взгляды романтиков и консерваторов? В чем заключаются различия между ними?
5. Каковы этапы развития, выделяемые в истории зарубежной и отечественной гендерной психологии?

Задания для самостоятельной работы

1. Назовите этапы и периоды развития гендерной психологии. Охарактеризуйте каждый из них.
2. Оцените идеи, которые были высказаны на первом этапе становления гендерной психологии, по их продуктивности для ее дальнейшего развития.

Список рекомендуемой литературы

1. *Ананьев, Б. Г.* Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — СПб. : Питер, 2001.
2. *Бендас, Т. В.* Гендерная психология / Т. В. Бендас. — СПб. : Питер, 2005.
3. *Блонский, П. П.* Очерки детской сексуальности / П. П. Блонский // Избр. пед. и психол. тр. : в 2 т. — М., 1979. — Т. 1.

4. *Бовуар, С. де* Второй пол / С. де Бовуар. — М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997.
5. *Вейнингер, О.* Пол и характер : Мужчина и женщина в мире страстей и эротике / О. Вейнингер. — М. : Форум, 1991.
6. *Клецина, И. С.* Психология гендерных отношений / И. С. Клецина. — СПб. : Алетейя, 2004.
7. *Кон, И. С.* Психология юношеского возраста / И. С. Кон. — М. : Просвещение, 1979.
8. *Мид, М.* Культура и мир детства / М. Мид ; пер. с англ. Ю. А. Асеева. — М. : Наука, 1988.
9. *Уолстонкрафт, М.* В защиту прав женщины / М. Уолстонкрафт // *Феминизм: проза, мемуары, письма* / под ред. М. Шнеир. — М., 1992. — С. 26—39.

Глава 4. Феминистская теория. Этапы и направления развития феминизма. Женские и гендерные исследования

Феминистская теория — это обобщенная сложная система воззрений на социальную жизнь и человеческий опыт, предусматривающая в качестве отправной точки приоритет женщин. Феминистская теория формируется в русле феминистского движения.

Заслуга феминизма как теории состоит в том, что он способствовал развитию и обогащению (расширению понятийных и интерпретационных границ) современных научных концепций: марксизма, структурализма, экзистенциализма, психоанализа, постмодернизма.

Теоретический феминизм развивался в рамках отдельных теоретических направлений. Наиболее известные феминистские теории: *либеральный феминизм, марксистский, радикальный, психоаналитический, культурный и др.* Все феминистские теории предлагают свою трактовку ответа на вопросы о причинах существующего социального статуса женщин и способах изменения сложившегося положения дел. Общим для всех этих направлений с определенными оговорками является гендерный подход к пониманию природы человека, где в фокусе внимания оказывается пол человека, а основным предметом интереса — «природа женщины». Различия в феминистских подходах к рассмотрению природы женщины связаны со многими причинами, в частности с использованием разных исследовательских технологий: марксистского анализа, феноменологического, психоанализа, дискурсивных практик, которые дают основание для расстановки разных акцентов в процессе изучения формирования женского опыта бы-

тия в современном мире. Однако главной целью феминистских исследований природы женщины является снятие пресловутой дихотомии «женщина — природа», «мужчина — культура» (безраздельно господствующей в историко-философской антропологической традиции) и определение прежде всего ее культурных потенций.

Теоретики феминизма рассматривают его с точки зрения четырех позиций:

1. Целостная теория, связанная с характером глобального угнетения женщин и их подчинения мужчинам.
2. Социополитическая теория и практика, стремящаяся к освобождению всех женщин от мужского превосходства и эксплуатации.
3. Социальное движение, заключающее в себе стратегическую конфронтацию с гендерно-классовой системой.
4. Любая идеология, состоящая в диалектическом противоречии со всеми женоненавистническими идеологиями и действиями.

Считается, что феминизм, и особенно феминистская теория, возник в XIX и XX вв. Большинство англо-американских исследователей женского движения признают своего рода предшественников феминизма в английской и французской революциях, а также в таких личностях, как Анна Хатчинсон, Элис Росси. Однако непрерывное развитие феминистской мысли, согласно англо-американским исследователям, начинается только с *Сенека Фоллз*¹. Историки французского феминизма говорят о его более далеком прошлом. Они склонны считать Кристину Пизанскую первой, у кого были современные феминистские взгляды, и они представляют других ранних авторов, высказывавших проженские идеи в период от Кристины до французской революции.

Итак, рассмотрим этапы развития феминизма.

¹ Сенека Фоллз (Seneca Falls) — город в штате Нью-Йорк — считается местом рождения американского феминизма, здесь в июле 1848 г. была принята первая Конвенция по правам женщин.

4.1. Этапы развития феминизма

Ранний феминизм

Феминистская теория возникает в XV в. в тесной связи с новой светской культурой современного европейского государства и как реакция на нее. Это был голос образованных женщин, которые ощутили себя и всех женщин оклеветанными и подавляемыми новой культурой, но в то же время эта культура вдохновила их высказаться в защиту женщин. *Кристина Пизанская* — первая феминистская мыслительница, и инициированная ею четырехвековая дискуссия о женщинах, известная как *querelle des femmes* («спор о женщинах»), стала тем средством выражения, с помощью которого эволюционировала ранняя феминистская мысль.

Ранние феминисты, конечно, не использовали термин «феминизм». Если они и называли себя как-то, то чаще — «защитниками» или «адвокатами» женщин, но было бы справедливо называть эту длинную линию проженских писателей, идущую от Кристины Пизанской до Мэри Уолстонкрафт, тем именем, которое мы используем для их последовательниц-феминисток XIX—XX вв. Позднейшие феминисты все еще включают основные положения, впервые принятые феминистами эпохи *querelle*. Они определяют точку зрения, в рамках которой развиваются идеи, «теорию» в первоначальном смысле слова, концептуальный взгляд¹.

¹ В 1846 и 1892 гг. Оксфордский словарь английского языка, а также Словарь философии и психологии, изданный в 1901 г., определяли феминизм как наличие у человека черт женственности. Но уже в 1906 г. французский Dictionnaire de philosophie определял феминизм как позицию в защиту прав женщин (P. 521). Историк Эллиен Дюбуа в своем исследовании «Феминизм и суфражизм: Возникновение независимого женского движения в Америке, 1848—1869» (*Du Bois Ellen. Feminism and Suffrage: The Emergence of Independent Women's Movement in America, 1848—1869. Cornell Univ. Press, 1978*) отмечает, что термин «феминизм» активно использовался в 1910 г. для описания политического движения и что родом он из Франции. Линда Кели (Linda Kealey), исследуя феминизм Канады и США, обнаружила, что термин использовался в 1890-х гг. и относился к «новой женщине». В статье Джулиет С. Пойнц в Новой международной энциклопедии (изданной в 1915 г.) указывалось, что термин появился во Франции около 1890 г. и что с того времени он использовался в Англии как для описания идей, лежащих в основе «современного женского движения», так и для описания социальных процессов, которые способствовали появлению этих идей в их различных фор-

До того времени, когда женское движение присоединилось к феминистской теории и практике, ранние теоретики феминизма терпеливо и долго оказывали интеллектуальное сопротивление вне связи с действием. Борьба в рамках *спора о женщинах* велась главным образом женщинами явно нового, образованного класса, служившего высшим кругам иерархического общества, и реже — женщинами этих высоких социальных кругов. В основном они были предшественницами тех, кого Вирджиния Вулф назвала «дочерьми образованных мужчин», — дочерей в их восстании против отцов, вышколивших дочерей для общества, в которое закрыли доступ всем женщинам.

У многих феминистских писательниц — Афры Бен, Мэри Астелл и венецианской поэтессы Лукреции Маринелли — отцы или мужья были солидными купцами. Еще больше было сестер, дочерей и племянниц гуманистов и учителей, которые и давали им образование. Рэйчел Шпет воспитывал ее отец — школьный учитель, Мэри Астелл — ее дядюшка-священник. Батсуа Мэйкин, Юдит Дрэйк и Элизабет Эльштоб были сестрами воспитанников Оксфорда, братья делились знаниями с сестрами. Кристина Пизанская, профессиональная гуманистка, была замужем за королевским секретарем. Образованная в области французской и итальянской литературы и немного в латинском языке благодаря своему отцу-итальянцу, советнику и врачу при королевском дворе Валуа, она решила обеспечивать себя, своих детей и мать-вдову как переписчик и автор, когда она сама овдовела в двадцатипятилетнем возрасте. Она училась в течение всей

маж (например, социалистический феминизм, христианский феминизм). Автор отмечает, что феминизм тесно связан с социальными силами эпохи трансформации феодального общества в современное индустриальное и с современной демократической мыслью, сопровождавшей эту трансформацию. «Книга о Граде Женском» Кристины Пизанской названа одной из первых феминистских работ наряду с некоторыми другими книгами, которые появились в период «спора о женщинах» (хотя о самом споре не упоминалось). В статье дается одна из трех формулировок, составляющих суть идей феминизма, представленных в этой работе. Первые две имплицитны: оппозиция мизогинии (социальной и культурной) и понимание женщин больше как группы социальной, нежели биологической. Третья формулировка вырастает из авторского определения феминизма как аргументов в пользу полной эмансипации женщин.

своей жизни и оставила около пятнадцати томов трудов в семидесяти больших записных книжках. Большинство из ее работ широко распространились и принесли ей как славу, так и деньги.

Несмотря на это, Кристина Пизанская испытывала разнообразные унижения, посещая по своим делам королевский двор, вынужденная храбро встречать свистки и окрики как на улицах, так и во дворце. Она пересекла границу между частной и общественной жизнью, которую все тверже устанавливали для среднего класса и даже для благородных женщин. В самом деле, никто из феминисток, следующих ей, не вел столь независимую и общественную жизнь вплоть до драматурга XVII в. Афры Бен, которая и сама была необычной фигурой для своего времени.

Начиная с 1399 г. Кристина Пизанская написала ряд произведений (благодаря которым она предстала защитницей своего пола) с целью дать критику и отпор резкому повороту к женоненавистничеству в отношениях и публикациях того времени. Противостоять грубости и женоненавистничеству, по крайней мере письменно, на языке литературы и образования, — это было новым для женщины. Кристина Пизанская целиком понимала новизну своего положения. Она удивлялась в «Книге о Граде Женском» (1404) — ее главном произведении в «защиту» женщин, — почему женщины не взяли за перо раньше, чтобы возражать против отвратительных вещей, написанных и сказанных о них.

Противостояние Кристины Пизанской женоненавистничеству вызвало четырехвековой спор о том, является ли женщина совершенством или злом, а также о статусе женщин по отношению к статусу мужчин. Темы спора о женщинах возникли ранее 1400 г., и они удерживались до 1789 г.; эти даты безошибочно отмечают поворотные точки в их истории.

Однако одной из родоначальниц движения женщин за свои права считается англичанка *Мэри Уолстонкрафт*. Проанализировав бесправное положение женщин всех сословий

в современной ей Англии, она издает книгу «Защита прав женщин» (1792), где блестяще доказывает, что вся современная система воспитания женщины неизбежно приводит ее к тем самым «женским слабостям и недостаткам», за которые она так часто критикуется. Девочки наряжаются и играют в куклы, а мальчики играют в другие игры — шумные, активные (сегодня это принято называть «гендерной социализацией»). В своей книге она критикует тех мыслителей, которые одновременно говорили о равенстве «природы» мужчины и женщины и об их «естественных» различиях, приписывая свойства женщин и мужчин своего окружения (слабость, кокетство или силу, агрессивность) всем мужчинам и женщинам. Она пишет: «Мужчины, и не без оснований, пеняют нам на нашу глупость и нашу вздорность, но острее их критики не целит в нашу неизбежную пассивность и отвратительное пресмыкательство... С младенчества женщины впитали, и матери им были в том примером: дабы снискать покровительство мужчин, достаточно лишь усвоить необходимость, играя на человеческих слабостях, изобразить лукавство, покладистость, прикинуться покорной и непременно казаться всегда и во всем легкомысленной. А уж если женщина хороша собой, то больше никаких ухищрений, по крайней мере, на ближайшее двадцатилетие, ей и не требуется... Сколь глубоко уязвляют нас те, кто заставляет нас превращаться лишь в ласковых комнатных собачонок! Как часто нам вкрадчиво внушают, что мы покоряем своей слабостью и царствуем благодаря покорности. Ну что за сказки! Сколь же ничтожно, да и может ли мечтать о бессмертии существо, способное унизиться до властвования такими порочными методами!.. Пусть меня сочтут самонадеянной особой, все же я выскажу то, в чем твердо убеждена: все, от Руссо и до доктора Грегори, кто писал о женщине, ее воспитании и поведении, неизменно выставляли ее в искаженном свете, показывая как существо более слабое, чем она в действительности является... В трудах упомянутых мною выше авторов... вызывает у меня возражение сама суть, кото-

рая отражает, на мой взгляд, стремление принизить значение половины рода человеческого и из всех ценных добродетелей женщины более всего выделить умение угождать» (Уолстонкрафт, 1992. С. 26).

В те же годы во Франции ведет публицистическую и общественную деятельность *Олимпия де Гуж*. Ее публикации были одновременно феминистскими и революционными. Наибольшую известность она получила после публикации «Декларации прав женщины и гражданки» (1791), главные требования которой заключались в следующем: в предоставлении активного и пассивного избирательного права для женщин, допущении их ко всем должностям, предоставлении права владеть и распоряжаться собственностью, права на образование, равных прав в семье и церкви. По ее убеждению, женщина не меньше, чем мужчина, способна пользоваться гражданскими свободами и управлять государством.

Немецкая социалистка и феминистка начала XX в. Лили Браун в книге «Женский вопрос» посвящает Олимпии де Гуж несколько страниц в главе о роли женщин в эпоху Великой французской революции. По ее мнению, Олимпия де Гуж была одной из самых своеобразных и оригинальных личностей, которой «суждено было сделаться первой организаторшей женского движения» (1906. С. 71). Она опубликовала манифест, прокламировавший права женщин и в сжатых, но сильных словах заключавший программу женского движения. Конвент разрешил женщинам участвовать в обсуждении политических вопросов и выступать в печати. Однако права голоса женщинам предоставлено не было. Во время революционных событий 1848 г. вопрос об избирательном праве для женщин был поставлен вновь, и вновь в этом было отказано.

Хотя Олимпия де Гуж поддерживала революцию, она активно выступала против кровопролития, против казни короля, против политики Робеспьера и Марата. Известность получила ее реакция на казнь французской королевской семьи: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну». Это привело ее на

эшафот в 1793 г., она была казнена не только как реакционная роялистка, «враг революции», но и как женщина, «забывшая о достоинствах своего пола». В 1793 г. специальным декретом правительства были запрещены женские клубы, появившиеся в революционной Франции и принимавшие активное участие в политическом процессе того времени. Равные избирательные права с мужчинами женщины Франции получили лишь в 1945 г.

Среди ранних и немногих сторонников политического равноправия женщин был французский философ и политический идеолог эпохи французской революции *Жан Антуан Никола де Кондорсе*. Он исходил из того, что женщины, так же как и мужчины, одарены разумом и нравственными идеями и потому должны иметь те же права, что и мужчины. Он требовал для них активного и пассивного избирательного права. В 1790 г. Ж. де Кондорсе опубликовал статью «О даровании женщинам гражданских прав». По его мнению, провозглашенный революцией принцип равенства был погран, т. к. половина рода человеческого была лишена права принимать участие в законодательстве: «Или вообще не существует врожденных человеческих прав, или каждый человек, независимо от пола, религии, расы, имеет одинаковые права» (цит. по: Браун, 1906. С. 78).

Другой прогрессивный мыслитель той же эпохи, прусский писатель *Теодор Готтлиб фон Гиппель*, опубликовал в 1792 г. книгу «Об улучшении статуса женщин», которая положила начало дебатам о правах женщин в Германии. В ней автор призывал к равноправию женщин в политике, образовании, профессиональной деятельности. От участия женщин в государственном управлении Т. Гиппель ожидал больших результатов, считая, что «в этом случае было бы меньше тиранов и расточительства сил подданных» (Там же. С. 79).

Первая волна феминизма

Феминистское движение XIX — начала XX в., направленное на осуществление права женщин на участие в выборах и избрание в законодательные органы власти, вошло в исто-

рию как «первая волна феминизма». Это период с 1840-х по 1920-е гг., «вторая волна» поднимется в середине 60-х гг. XX в., и это уже будут новые задачи.

Его наиболее яркими представительницами считают *суфражисток* (от англ. *suffrage* — голосование). Это движение активно развивается в середине XIX в. в Англии. Суфражистки верили, что, имея легальную возможность голосовать на выборах, женщины вскоре освободятся от всех других форм дискриминации. Основной социальной базой суфражистского движения был средний класс (интеллигенция и буржуазия — в России, что давало основание называть его также «буржуазным» феминизмом в отличие от «пролетарского» женского движения как составной части рабочего движения за социализм). В начале XX в. (в 1904 г.) суфражистские организации США, Канады, Великобритании, Германии, Нидерландов, Норвегии и Швеции объединились в Международный союз за женское равноправие, который уже в 1911 г. насчитывал двадцать четыре национальные ассоциации. Всероссийский союз равноправия женщин в 1905 г. был приглашен присоединиться к Международному союзу, и в 1906 г. делегация российских суфражисток участвовала в работе III конгресса женщин в Копенгагене. Во всех странах — участницах Союза ежегодно проводились тысячи митингов, миллионы листовок о бесправном положении женщин распространялись в самых отдаленных уголках земного шара. Участвуя в «становлении нового порядка» в начале нового века, женщины требовали права голоса, придавали этому «исключительно важное значение» и «на меньшее были не согласны».

В США движение женщин-суфражисток началось с конференции в местечке Сенека Фоллз в 1848 г., на которую собрались более 200 женщин и около 40 мужчин из ближайших деревень и городков. Конференция заявила о необходимости полноправного гражданства женщин: женщина не только мать, но и самостоятельная личность, и ее отношения с государством должны быть прямыми, а не опосредованными

через мужа или детей. Участники конференции приняли Декларацию чувств, документ, который напомнил Декларацию о независимости, принятую в годы Американской революции конца XVIII в., объявившую свободу и равноправие граждан. Декларация чувств заявляла о правах женщин и необходимости организованной борьбы за эти права. В 1869 г. Сьюзен Б. Энтони организовала Национальную ассоциацию за избирательные права женщин, и в том же году штат Вайоминг предоставил право голоса женщинам; в 1893 г. его примеру последовал штат Колорадо, в 1896 г. — штаты Айдахо и Юта. Но борьба американских женщин за общегражданское право голоса продолжалась более 70 лет: лишь в 1920 г. они обрели это право.

В Великобритании движение за права женщин связано с именем знаменитого философа *Джона Стюарта Милля*, который в 1867 г. выступил в английском парламенте с петицией в пользу избирательных прав для женщин. Его книга «Подчиненность женщин» (1869), написанная в соавторстве с его женой Гарриет Тэйлор, считается классическим либеральным произведением в защиту прав женщин. В 1867 г. Лидия Бекер организовала первую суфражистскую организацию — Национальное общество за избирательные права женщин. С 1890 г. ее лидером была Миллисент Фоссет. В 1903 г. организуется Женский социально-политический союз с новым лидером Эммелин Панкхерс, вошедшей в историю феминизма как организатор весьма воинственных выступлений женщин за свои избирательные права. Суфражистки применяли тактику обструкций, устраивали уличные манифестации, сознательно нарушали общественный порядок, пытаясь таким образом привлечь внимание общественности и властей к проблеме избирательных прав для женщин. Эти права англичанки получили ограниченно в 1918 г., а в полном объеме — в 1928 г.

Если в США и Великобритании борьба суфражисток была, несмотря на хорошо организованные и довольно массовые женские движения, очень длительной и безуспешной

вплоть до 20-х гг. XX столетия, то в России сложилась иная ситуация. Требование предоставления женщинам права избирать и быть избранными стало звучать здесь в начале XX в. Оно было включено в программы некоторых политических партий. Раньше других, в 1903 г., требование равноправия женщин включила в свою программу российская социал-демократическая рабочая партия (большевики и меньшевики); к концу 1905 г. вопрос о равноправии включали также программы кадетов и эсеров.

Революционная волна в России подняла женщин на борьбу за свои права. Многие феминистки («равноправки»), боровшиеся ранее за доступ женщин к высшему образованию и право на профессиональный труд, начали теперь борьбу за политические права женщин. В то время наиболее известной и крупной феминистической организацией было «Русское взаимно-благотворительное общество». В январе 1905 г. около тридцати женщин либеральных взглядов объявили о создании женской политической организации в Москве, а затем и в Петербурге — Всероссийского союза равноправия женщин (Союз действовал до 1908 г.). В декабре 1905 г. сформировалась третья и последняя из женских организаций периода 1905—1907 гг. — Женская прогрессивная партия.

Феминистические организации в России, боровшиеся за общегражданское право голоса, были, по сравнению с западными, не столь массовыми. Так, Всероссийский союз равноправия женщин в пик своей деятельности в 1905 г. насчитывал 8 тыс. членов, в то время как, например, Национальная американская ассоциация за избирательные права женщин выросла с 17 тыс. в 1905 г. до 100 тыс. в 1915 г. Национальный совет женщин в такой маленькой стране, как Дания, насчитывал в 1899 г. 80 тыс. участниц.

В июле 1917 г. Временное правительство объявило о своем решении предоставить российским женщинам все политические права, признав, в частности, что «право участвовать в выборах в Учредительное собрание принадлежит всем гражданам России обоих полов, достигших 20 лет к моменту

выборов». Октябрьская революция 1917 г. также подтвердила принцип женского равноправия и повышения социального статуса женщин. Россия стала одной из первых стран, предоставивших женщинам равные избирательные права с мужчинами в начале XX в.

Таблица 2 показывает, когда и в каких странах женщины получили право голоса наравне с мужчинами в результате борьбы, начатой суфражистками в XIX в. и продолженной в XX в.

Таблица 2
Предоставление права голоса для женщин
(см.: По дороге к гендерному ... 2003)

Год	Страна
1893	Новая Зеландия
1902	Австралия
1906	Финляндия
1913	Норвегия
1915	Дания, Исландия
1917	Россия
1918	Канада
1919	Австрия, Германия, Люксембург, Нидерланды, Польша, Швеция
1920	США
1922	Ирландия
1928	Великобритания
1929	Эквадор
1930	Южная Африка, Турция
1931	Испания, Португалия, Шри-Ланка
1932	Таиланд
1934	Бразилия, Куба
1936	Коста-Рика

Год	Страна
1937	Филиппины
1941	Индонезия
1942	Доминиканская Республика, Уругвай
1945	Болгария, Боливия, Венгрия, Вьетнам, Италия, Франция, Югославия, Япония
1946	Албания, Панама, Румыния
1947	Аргентина, Венесуэла
1948	Бельгия, Израиль, Корея
1949	Китай, Чили
1950	Гана, Гаити, Индия, Сальвадор
1951	Непал
1952	Греция
1953	Мексика
1954	Колумбия
1955	Никарагуа, Эфиопия
1956	Бенин, Габон, Египет, Мали, Пакистан, Сенегал, Сомали
1957	Ливан, Малайзия
1958	Буркина Фасо, Чад
1959	Мадагаскар, Марокко, Тунис, Танзания
1960	Гамбия, Кипр
1961	Бурунди, Парагвай, Руанда, Сьерра-Леоне
1962	Алжир, Монако, Уганда
1963	Иран, Кения, Конго, Ливия, Фиджи
1964	Замбия, Судан
1965	Афганистан, Ботсвана, Гватемала, Лесото
1967	Йемен
1971	Швейцария

Год	Страна
1972	Бангладеш
1977	Нигерия, Гвинея-Бисау
1979	Зимбабве
1980	Ирак
1984	Лихтенштейн
1986	Центрально-Африканская Республика
1989	Намибия
1990	Самоа

Первой страной, предоставившей женщинам гражданское право голоса, была Новая Зеландия (1893). Правда, в Скандинавских странах некоторые юридические препятствия для участия женщин в общественной жизни начали устраняться еще в середине прошлого века. Из таблицы 2 видно, что процесс обретения женщинами общегражданского голоса растянулся на долгие годы. К 1940-м гг. таких стран было уже 26. Наибольший прогресс в обретении равного избирательного права для женщин был достигнут после Второй мировой войны. К 1995 г. женщины не имели избирательного права в шести странах на Среднем Востоке (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты) и в Республике Бруней.

Обретение женщинами общегражданского права голоса означало радикальный прорыв в идеологии «естественного подчинения» женщин и мужского превосходства. Но надежды суфражисток, что с обретением женщинами равных избирательных прав политика автоматически изменится к лучшему, оказались иллюзией. Политика во всем мире остается бесконтрольной со стороны женщин как социальной группы. В начале XXI в. общественное сознание все еще с трудом воспринимает идею социального равноправия и партнерства полов. Почему? Этот и другие вопросы женского бытия в мире патриархатных ценностей поставит

«вторая волна» феминизма, поднявшаяся с середины 60-гг. XX столетия.

В 1860-х гг. в Англии существовало и другое направление — *аболиционизм*, борьба за равные права в сексуальной жизни и, в частности, против полицейского надзора за женской проституцией. И он, в самом деле, был отменен — в конце XIX в., хотя аболиционистов и обвиняли в призыве к разврату. Активистка аболиционистского движения *Сара Гримке* (1792—1873) завершает книгу «Письма о равенстве полов и положении женщин» (1838) — первый глубокий анализ положения женщин, сделанный женщиной в США. В нем — призыв к американкам покончить с пассивностью и активно выступать в защиту прав человека.

Наибольшего успеха феминистки добились в США: им разрешили быть школьными учителями, и к концу XIX в. среди учителей общественных школ две трети составляли женщины. Избирательных прав пришлось добиваться дольше. Важно, что борьба за права женщин шла параллельно с борьбой за отмену рабства.

Политические требования выдвигались параллельно с экономическими и с требованиями предоставить право на образование. В ряде стран женщины добились включения их в экономическую жизнь (опять же незамужние) и обнаружили, что их труд ценится слишком дешево. Были созданы женские профсоюзы — для борьбы за экономические права (в начале XX в. они действовали во многих странах Европы и Америки).

В России движение «равноправов» ставило более узкие задачи — право на образование и трудовую деятельность. В конце 1880-х гг. в Москве, Одессе и Петербурге были открыты высшие женские курсы, которые готовили врачей и учителей (в Петербурге они назывались Бестужевскими — по имени основателя), женский медицинский институт, женский педагогический институт. Хотя избирательное право ряду женщин (по имущественному цензу) было предоставлено, но голосовать от их имени могли только мужчины (мужья

или родственники). Были созданы общественные женские организации, которые оказывали помощь нуждающимся женщинам (в жилье, поисках работы, деньгах).

Иногда феминистки (не все) прибегали к эпатажным формам борьбы: демонстрациям, пикетам, поджогам, призывам к отказу от семьи, брака, детей, бойкотированию любых форм общения с мужчинами-работодателями, пропаганде лесбийской любви.

Последовавший вплоть до 60-х гг. XX в. период стал временем молчания, «невидимости» самих женщин и женских проблем в обществоведческом дискурсе. Между тем к середине 60-х гг. в США и других развитых странах в положении и образе жизни женщин произошло пять изменений, столь кардинальных, что их подчас характеризуют как революции: 1) суфражистская революция, за которой произошла 2) сексуальная, за ней 3) революция поведения, потом 4) кухонная революция и, наконец, 5) революция на рабочих местах, изменившая характер рабочей силы, а также роль женщины в экономике.

Вторая волна феминизма

Со второй половины 60-х гг. XX в. после долгого периода «молчания» начинается новый этап в движении за женское равноправие, получивший название «второй волны феминизма». Его развернули представительницы среднего класса США в рамках массового движения за гражданские права. Создание в 1966 г. Национальной организации женщин США, президентом которой стала Бетти Фридан, автор перевернувшей сознание американцев книги «Загадка женственности», повлекло за собой развитие самостоятельного массового нового женского движения. Национальная организация женщин, выросшая до 250 тыс., стала самой большой, заметной и одной из наиболее успешных феминистских организаций в США. С момента основания она защищала доступность аборта, а с течением времени в коалиции с другими группами стала работать над продвижением большего числа женщин в общественный офис. Некоторые сто-

явшие у истоков Национальной организации женщин (Белла Абзуг и Ширли Чишолм) были избраны в Конгресс. Другие (Глория Стайнем и Бетти Фридан) пришли к выводу, что необходимо также проводить работу в политических партиях. На неформальной конференции в Вашингтоне в 1971 г. они создали новую организацию — Национальный женский политический кокус. С момента основания в качестве своей миссии он рассматривал вовлечение женщин в политический офис и реализацию феминистских целей в общественной политике.

Другим важным событием стало основание Глорией Стайнем журнала «Ms», ставшего самым влиятельным феминистским изданием в стране. Первый же выпуск в январе 1972 г. включал петицию о легализации аборт, подписанную 50 известными женщинами. В том же году журнал «McCall's» назвал Г. Стайнем женщиной года. К середине 1970-х гг. количество читателей журнала выросло до 500 тыс. Сам «Ms» стал основным средством выражения идей феминистского движения в стране, превратив Г. Стайнем в его номинальную главу.

К 1970 г. «женское освобождение» стало одной из центральных тем общественной жизни. Почти в каждом номере ведущих газет появлялись серьезные публикации на эту тему, она же заполонила радио и телевидение. Новое женское движение нашло свою теоретическую базу в идеологии феминизма, который вел свои научно-теоретические поиски параллельно с развитием самого движения.

Развитие теории феминизма привело к его институализации внутри университетов и исследовательских учреждений с конца 60-х гг. в рамках программ *Women's Studies*. Феминизм из способа действия постепенно превратился в способ познания и образ мысли, стал овладевать академической средой.

4.2. Направления развития феминизма

Либеральная концепция феминизма

Новейшие направления феминистской теории появились на волне мощного, прежде всего политического, движе-

ния женщин за свои права, берущего свое начало с Мэри Уолстонкрафт и Олимпии де Гуж. Несомненно, на эти первые, но очень яркие шаги либерального феминизма, ставившего своей задачей дать женщинам равные права с мужчинами, повлияли просветительские идеи о социальной природе человека, о роли воспитания в формировании ребенка, а позже идеи политического либерализма, сподвигнувшие феминисток на создание первых политических проектов, как, например, американской Декларации чувств (1848)¹, и на политическую борьбу традиционными политическими методами за их воплощение.

Либеральным феминизмом заложены концептуальные основы юридического и политического равенства, которые получили дальнейшее развитие на протяжении всего XX в. Представительницы этого направления всегда действовали в рамках принципов представительной демократии и использовали свойственные ей средства, такие как группы давления, тактика лоббирования, избирательные кампании.

В странах Запада признание проблематики прав женщин в качестве неотъемлемой составной части прав человека происходит в несколько этапов. Впервые о своих претензиях на роль полноценных гражданок женщины заявили в ходе буржуазных революций, которые можно назвать еще и революциями «права» или «правосознания». Затем в ходе промышленных революций женщины в массовом порядке оказываются включенными в общественное производство, что вынуждает их добиваться равноправия уже в сфере социально-экономических отношений. Позднее наступает время культурных революций, изменяющих подход к репродуктивным функциям женщин, взгляды на любовь, рождение детей, семейную жизнь. Более двух столетий женщины отво-

¹ Первый программный документ феминисток был принят в 1848 г. на конференции в Сенека Фоллз и получил название «Декларация чувств». Программа критически оценивала современное положение женщин в США, подчеркивая несправедливость положения, когда женщина после замужества «умирает в гражданском смысле», «не имеет права даже на зарплату». Декларация апеллировала к тексту американской Конституции: обязанностью правительства является защита гражданских прав не только мужчин, но и женщин.

ывали для себя, условно говоря, три группы прав — политические (гражданские), социально-экономические, репродуктивные, реализация которых могла бы позволить им рассчитывать на социальный статус, сопоставимый по основным параметрам с мужским социальным статусом.

В 70-е гг. XX столетия на Западе интенсивно развивалось феминистское движение либеральной ориентации. *Либеральный феминизм провозглашает равенство полов, которого можно достигнуть посредством реформ.* Законодательные акты и политические решения должны (с либеральной точки зрения) учитывать аспект гендерной нейтральности, отражать идею схождения полов.

Либеральный феминизм основывается на следующих убеждениях:

- 1) все люди обладают определенными неотъемлемыми свойствами — способностью к разумной, духовной деятельности и самореализации;
- 2) осуществление этих способностей может охраняться благодаря законодательному признанию всеобщих прав;
- 3) приписываемое половой принадлежности неравенство между мужчинами и женщинами на самом деле — социальная конструкция, не укорененная в «природе»;
- 4) социальные изменения, направленные на устранение неравенства, могут осуществиться благодаря организованному призыву к интеллектуальной части общественности и с использованием возможностей государства.

Классиком либерального феминистского направления признана журналистка *Бетти Фридан* (1921—2006), которая изложила свои взгляды в книге «Загадка женственности» (1963), в которой впервые упомянула о «проблеме без названия». Многочисленные женские журналы, реклама, телевидение убеждали, что именно в конце 1950-х гг. представительницы среднего класса смогли добиться «женской американской мечты»: преуспевающий и заботливый муж, здоровые дети, дом в пригороде, автомобиль, красивая одежда, ко-

торую можно демонстрировать на вечеринках и благотворительных собраниях. Их благополучную жизнь омрачало лишь внутреннее неудовлетворение, причины которого они не могли сформулировать ни психоаналитикам, ни мужу, ни самим себе. Проблема заключалась в том, что, отправив, наконец, своих самых младших детей в школу, американские домохозяйки в свои тридцать с небольшим вдруг обнаружили, что роль жены Боба или матери Мэри — это единственное, что придавало смысл их существованию, и вне этих ролей оставшиеся сорок лет жизни не имеют ни цели, ни направления.

Б. Фридан описывает, какую деструктивную функцию играл в их жизни образ «истинной женственности», сформированный социальными стереотипами и активно тиражируемый в то время СМИ, искусством, наукой, всей пропагандистской машиной США. Загадкой женственности автор называет идеологию природного предназначения женщины и старается показать, что это не более чем социальная мистификация, не имеющая под собой никаких реальных физиологических или психологических оснований.

Б. Фридан сумела определить причины разочарований и недовольства американских женщин. Стремясь исполнить предписываемое обществом «истинное», «природное предназначение» матери, жены и хозяйки дома, американские женщины отказывались от карьеры и участия в социальной, политической жизни общества. Ориентируясь на мистические образы «настоящей женственности», они становились инфантильными, зависимыми, лишеными представлений о своих возможностях. Неназванная проблема оказывалась драмой женской идентичности, подавления профессиональных и социальных интересов. Образ счастливой домохозяйки был подвергнут критике как несуществующий миф.

Она приводит результаты своих социологических исследований, проведенных в разных штатах, многочисленные исповеди американок, выдержки из женской прессы и доказывает, что реальные женщины сегодня ничего общего с

«женственностью» не имеют и очень страдают от этого несоответствия, от комплекса неполноценности, от того, что они «не чувствуют себя женщинами», поскольку не соответствуют стандартам, предъявляемым Голливудом, прессой, литературой и т. п. Б. Фридан на основе приведенных исследований констатирует, что на самом деле женщины не не доросли до «женственности», а давно переросли ее. В интервью с «хранительницами домашнего очага» Б. Фридан обнаружила, что неудовлетворенность ощущают даже те женщины, чьей мечтой всегда была роль жены и матери. Согласно полученным ею данным, основная проблема состоит в том, что женщины в основном обслуживают нужды других, а иметь собственную личность им не полагается. Да, их роль важна, т. к. позволяет их детям и мужьям достигать чего-то в жизни, но жить в других — это не то же самое, что жить самому. И тем не менее, считается, что это и есть присущий женщинам «особый дар», вершина женского бытия. Другая проблема, связанная с ролью «хранительницы домашнего очага», по словам Б. Фридан и тех, кого она опрашивала, состоит в том, что домохозяйка оказывается «выброшенной за борт», она стоит в стороне от важнейших событий в жизни людей и потому не чувствует себя полноценным человеком. «Любовь, дети и дом — это хорошо, но это еще не весь мир, хотя большинство слов, написанных для женщин, говорят, что это именно так» (цит. по: Берн, 2001. С. 125).

После выхода в свет книги Б. Фридан многие американки развернули активную борьбу, направленную на принятие законов, ликвидирующих барьеры к полноценному участию женщин в общественной жизни. Например, как в большинстве стран, замужней американке требовалось письменное разрешение от мужа на открытие собственного счета в банке. В высших медицинских школах, школах бизнеса и права женщины в конце 1960-х гг. составляли от 5 до 8 % студентов. В Гарварде в 1970 г. среди 483 преподавателей гуманитарных и естественных факультетов не было ни одной женщины.

Либеральные феминистки, осмысливая положение женщин в рамках теории половых ролей Т. Парсонса, сформулировали тезис об угнетении женщин и мужчин предписанными им традиционными ролями. Либеральный путь решения проблемы заключался в повышении уровня образования женщин, вовлечении их в общественную сферу, создании условий для совмещения женщинами семейных и профессиональных ролей.

Роль феминистской либеральной концепции в качестве теоретической предпосылки развития гендерного направления в психологии определяется новым взглядом на проблему социальных и социально-психологических различий между полами. Среди психологов активизировались исследования в области психологии половых различий, особый акцент в процессе исследований был сделан на анализе детерминант выявляемых психологических различий. Тщательно проведенный анализ результатов многочисленных исследований, посвященных изучению различий в психологических характеристиках мужчин и женщин и особенностях их поведения, показал, что различий между представителями мужского и женского пола не так много, как кажется. Согласно более поздним исследованиям, даже к общепризнанным различиям между мужчинами и женщинами по уровню агрессивности, математическим и вербальным способностям нужно подходить с большой осторожностью.

Психологи при анализе детерминант немногих, научно обоснованных половых различий акцентировали свое внимание уже не на биологических, а на социокультурных факторах.

Марксистская и социалистическая концепции феминизма

Появляющийся уже к концу XVIII в. более теоретичный марксистский феминизм оказывается, согласно теории марксизма, составной частью борьбы за освобождение человека от социального угнетения. Социалистические и марксистские феминистки идентифицировали себя с этой борьбой. И этим они отличались от радикалов, которые считали

не капитализм, а мужчин ответственными за угнетение по признаку пола.

В дальнейшем идеи марксистского феминизма, дополненные анализом причин неудовлетворительных последствий их применения на практике, в значительно измененном виде влились в многообразие политических идей радикального феминизма.

Главные положения марксистского и социалистического феминизма опираются на взаимосвязи гендерного и классового неравенства с институтами частной собственности. Различие направлений заключалось в том, что первые полагали классовое неравенство основной и первичной формой социальных иерархий в обществе, а вторые рассматривали класс и пол как относительно автономные системы, каждая из которых создает свою иерархию.

Пожалуй, именно в этих работах (например, «К еврейскому вопросу» К. Маркса, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса или специально посвященной женскому вопросу и ставшей классической работе «Женщина и социализм» Августа Бебеля) понимание женского оказывается наиболее близким к тому, что востребовано теоретически сегодня: женщина — это не особый человеческий подвид, а полноправный член общества, проблемы которого связаны, прежде всего, с социальным угнетением, возникшим на основе частной собственности. Однако получалось, что и политического равноправия в рамках буржуазного общества быть не может.

Так, в статье «К еврейскому вопросу» (1843) *Карл Маркс* (1818—1883) сформулировал мысль о том, что полная «эманципация человека» включает в себя и освобождение женщины от социального угнетения. *Фридрих Энгельс* в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1883) развивал идею, что домашний труд женщин, ее социальные функции определяются конкретными условиями производства и распределения благ. Поэтому угнетенное положение женщины включено в логику развития классового

общества, основой которого является частная собственность и общественное разделение труда. Следовательно, ликвидация порабощения женщин возможна лишь с ликвидацией классового общества.

В дальнейшем эти идеи получили всестороннее обоснование в книге *Августа Бебеля* «Женщина и социализм» (1879), ставшей главным теоретическим трудом по «женскому вопросу» для представителей социал-демократической мысли. Один из наиболее важных вопросов по А. Бебелю — это вопрос о том, «каким образом женщина может развить свои силы и способности, чтобы сделаться полным, равноправным и деятельным членом человеческого общества». Ответом на него может стать ликвидация частной собственности, за которой должна последовать отмена «семейного рабства» для женщин и создание системы общественного воспитания детей.

Идеи марксистского феминизма явились идеологической базой формирования в начале XX в. пролетарских женских организаций. Считая требование политического равноправия женщин в рамках буржуазного общества реакционным (укрепляющим отжившую и несправедливую буржуазную систему), социалистические женские организации действовали отдельно от суфражистских, часто находились с ними в состоянии открытой вражды.

Марксистское направление феминизма акцентирует специфику капиталистической системы, порождающей классовое неравенство, так же как и экономическую зависимость женщины от мужчины. Гендерное неравенство может исчезнуть только с исчезновением капитализма и классов.

Внутри марксистского направления нет унифицированной системы взглядов. Подходы различаются в зависимости от того, какие аспекты марксистского анализа используются и для чего. Идеологически и организационно взаимоотношения феминизма и марксизма достаточно сложны, временами конфликтны. Одну из наиболее острых дискуссий в марксистском направлении феминизма вызвал вопрос о

«зарплате для домохозяек». Домашнюю работу женщин можно интерпретировать как участие в производстве, а женщин — как класс, производящий прибавочную стоимость в домашнем труде. Маргинальность домашней работы при капитализме порождает маргинальность женщины в обществе. Один из выходов — оплата домашнего труда. Поскольку домашняя работа интерпретируется как главное средство подавления женщины, постольку женщина должна по крайней мере получать за это зарплату. Тогда женщина не будет экономически зависеть от мужа, а будет получать зарплату у государства за работу по дому. «Зарплата для домохозяек» как лозунг борьбы отражала феминистское представление, что отношения между мужчиной и женщиной в семье имеют такой же социальный смысл, как и отношения на производстве.

На *социалистическое* направление феминизма (теория которого также начала развиваться в конце 60-х гг.) повлиял марксистский классовый анализ и радикально-феминистский анализ в терминах патриархата. Подавление женщины интерпретировалось как связанное не только с капитализмом, но и с полом, расой и пр. Власть и угнетение стали рассматриваться как следствие материальных и идеологических условий патриархата, расизма и капитализма. Теоретики данного направления — З. Айзенштайн, Дж. Митчелл, С. Роубосан употребляли термин «капиталистическая патриархия».

У всех женщин есть общий опыт, который касается материнства и сексуальности. Все женщины выполняют домашнюю работу и обладают меньшей степенью свободы по сравнению с мужчинами. Женщины имеют более длинный рабочий день, получая меньшее, чем мужчины, материальное и эмоциональное вознаграждение, они меньше участвуют в принятии решений, имеют меньше сексуальной свободы и получают меньше сексуального удовлетворения. Для освобождения женщины нужно не только изменение экономических условий, но и реорганизация воспроизводственной (ре-

продуктивной) сферы. Люди должны иметь возможность контролировать рождаемость, аборты, воспитание детей и, независимо от пола, должны иметь, например, отпуска по уходу за детьми, гибкие рабочие графики. В этом смысле равенство расширяется не только для женщин, но и для мужчин.

Марксистская и социалистическая идеология стала идеологией многих групп нового женского движения 60-х гг. К середине 70-х гг. социалистические феминисты начали терять свою силу, многие женщины-марксистки ушли из социалистических организаций и из женского движения вообще.

Психоаналитический феминизм

Психоанализ в его феминистской трактовке, в отличие от других идеологий, не стал основанием для отдельного направления феминистской борьбы (за исключением Франции), однако в теоретическом смысле был важен и для радикалов, и для марксистов. Он использовался как теоретический подход в 70-е гг. XX в., а затем послужил мостом для перехода к новым постмодернистским идеологиям феминизма 80—90-х гг.

В 60-е гг. XX в. некоторые феминистские теоретики левого направления обратились к психоанализу, обнаружив, что классовые аналогии недостаточны для объяснения иерархии соотношения полов в обществе и что необходимо включить в анализ более глубокие структуры человеческой психики. Работы *Джулиет Митчелл* (род. 1940) «Женщина: самая долгая революция» (1966), «Женское сословие» (1971) считаются классическими в этом направлении феминизма. Дж. Митчелл разделила гендерные отношения на четыре «структуры»: производство, воспроизводство, социализацию и сексуальность. Каждая из них, с ее точки зрения, создает свою форму угнетения женщин. Каждая имеет свой исторический путь и в различные периоды может претерпевать большие или меньшие изменения по сравнению с остальными. Для единого анализа материальных, биосоциальных и идеологических условий угнетения женщины автор использует марксизм и психоанализ.

Психология женщины, порождаемая определенным прохождением стадий психосексуального развития, достаточно устойчива в патриархальном обществе. Поэтому либеральные реформы могут изменить внешние проявления «женственности», но не могут изменить женщину. Экономические реформы также не превратят мужчин и женщин в равноправных партнеров, поскольку неравенство скрыто в глубинных слоях человеческой психики. Патриархат и капитализм — две автономные системы. Используя марксизм, можно уничтожить капитализм. Однако остается неясным, можно ли уничтожить коренящийся в психологической сфере патриархат, используя психоанализ, и возможна ли «революция бессознательного»?

Обращение к психоанализу не было простым, поскольку феминизм изначально относился к нему двойственно: с одной стороны, З. Фрейд подвергался критике за тезисы о зависти женщины к мужчине, об ощущении женщиной своей неполноценности, о биологическом детерминизме, с другой стороны, одновременно признавалось открытие З. Фрейдом ранее табуированных тем сексуальности и объяснение формирования гендерной субъективности на бессознательном уровне.

Жак Лакан (1901—1981), известный французский психоаналитик, оказал огромное влияние на развитие современных концепций феминизма. Теория Ж. Лакана развивалась в русле критики психоаналитической модели субъективности. Ж. Лакан отказался от концепции биологического детерминизма субъективности, переместив внимание: а) на лингвистические аспекты структуры бессознательного; б) воображение в структуре субъективности. Соответственно человек для Ж. Лакана — это не анатомический субъект З. Фрейда, а «субъект говорящий», проживающий жизнь на символическом уровне функционирования языка, социальных процессов и институтов.

Отправной точкой развития постлакановского феминистского психоанализа послужила теория *Мелани Кляйн* (1882—1960). М. Кляйн считала, что для понимания осо-

бенностей человеческой психики надо исследовать доэдипов комплекс развития человека, а именно первоначальную идентификацию ребенка не с отцом, а с матерью. Особенно важными, по мнению М. Кляйн, являются отношения «мать — дочь».

Феминистская теория использовала психоанализ в поисках ответа на вопрос о глубинных причинах гендерного неравенства в обществе, пытаясь выявить те пласты бессознательного, эмоционального, сексуального, которые существуют у всех людей. Психоанализ понимался феминистками как «метод и теория, направленные на исследование того, как мы развиваем и используем наши бессознательный фантазии и как мы конструируем и реконструируем наши прошлые ощущения в настоящем» (Введение в гендерные исследования, 2001. С. 693).

В то же время психоаналитический феминизм критикуется за то, что тяготеет к универсализму, не пытается понять разницу гендера и сексуальности в разных исторических условиях, применительно к разным классам, расам и этносам. Наиболее распространенная критика психоаналитического феминизма связана с тем, что он оставляет за пределами внимания многие социально-культурные и политико-экономические основания женской субординации. Именно поэтому он часто выступал не как самостоятельная идеология, а в сочетании с другими теоретическими направлениями, принимающими во внимание социальные, экономические, политические факторы гендерного неравенства. Психоаналитический феминизм мог бы быть значительно обогащен, если бы включал сравнение различных культурно-исторических условий. Вместе с тем, как пишет Н. Чодороу, ограничения психоанализа еще не основания для его отвержения, ибо в любой культуре люди имеют психику, самость, идентичность, бессознательные фантазии, способы реконструкции прошлого в настоящем.

Радикальная концепция феминизма

Следующая разновидность феминизма — радикальный (или революционный) — появилась в 60-е гг. XX в. в США,

Франции и других европейских странах на волне студенческого протеста 60-х гг. XX в. и была связана, прежде всего, с критикой современного общества как принципиально не способного осуществить идею равноправия полов — как тоталитарного.

Радикальный феминизм делится на несколько противостоящих друг другу групп, однако участников этого движения объединяет то, что, в отличие от «либералок», требующих равных прав для женщин, они объявляют «войну» всему обществу, устроенному мужчинами и для мужчин.

К тому времени вышла книга *Кейт Миллет* (род. 1934) «Теория сексуальной политики» (1969), благодаря которой слово «патриархат» стало обиходным среди феминисток. «Наш строй, — писала К. Миллет, — как и все другие в истории цивилизации, — это патриархат. Этот факт очевиден каждому, кто осознает, что армия, промышленность, технологии, университеты, наука, политика и финансы — короче говоря, каждая ветвь власти в обществе, включая политическую, полностью находится в руках мужчин» (Millet, 1969. P. 330).

Радикальные феминистки вводят в оборот противопоставление «патриархатного» современного общества, построенного по закону господства силы, по принципам властного доминирования — по мужским принципам, — обществу идеальному, не иерархичному — возвращающему нас отчасти к справедливому матриархату.

В понимании возможности достижения такого общества радикальные феминистки расходятся, однако все они считают, что именно женщины должны реализовать свое видение общества, будет ли это вместе с мужчинами или отдельно от них. Асимметрия во взаимоотношениях полов пронизывает все сферы, начиная с политической и заканчивая сексуальной, и объясняется это, прежде всего, биологическими характеристиками пола, прежде всего ответственностью женщины за репродуктивную функцию. Можно назвать работы представительниц этого направления феминизма, ставшие классическими, в которых акцент делается на традиционной

бинарной оппозиции биологических полов — мужского и женского, — «Политика изнасилования» (1970) Сюзан Гриффин, «Диалектика пола: проблема феминистской революции» Суламифи Файерстоун.

Так, по мнению *Сюзан Гриффин* (род. 1943), издавшей книгу «Политика изнасилования», современное общество проводит в отношении женщины сексистскую дискриминационную политику во всех сферах жизни, в том числе и в казавшейся раньше неприкосновенной частной сфере. Большинство радикальных феминисток пришло к выводу, что даже наиболее интимные человеческие связи включают в себя властные отношения и потому должны быть отнесены к политическим. Она считает, что тело, в котором наша культура видит только «немую и мистифицированную плоть», есть на самом деле «источник интеллектуального восприятия, воображения и видения». Мы «забыли» об этом, потому что в маскулинно ориентированной культуре внимание акцентируется на таких формах мышления, «которые стараются отделиться от тела» (Griffin, 1982. P. 243). Однако и здесь есть виды деятельности, где можно проследить их связь, — это, например, поэзия. С. Гриффин, сама поэт, убеждена, что «поэзия есть тайный путь, через который мы можем восстановить нашу собственную аутентичность... Вот почему поэзия так важна для феминизма» (Ibid. P. 244). Иными словами, поэзия представляет собой пример способности «мыслить через тело» — способности, которая, с точки зрения представителей этой тенденции, гораздо сильнее представлена в женском мировосприятии, хотя пока лишь потенциально.

Радикальные феминистки стремятся не к реформам, а к уничтожению существующего общества революционным путем, причем эта революция, по представлениям многих из них, должна носить даже не социальный, а биологический характер. Теоретическое обоснование радикальной позиции было дано в вышедшей в 1970 г. и сразу ставшей знаменитой книге *Суламифи Файерстоун* (род. 1945) «Диалектика пола: проблема феминистской революции».

В этой работе двадцатипятилетняя активистка «новолевого» движения и организатор «освободительных» групп С. Файерстоун предлагала новое объяснение причин тотального угнетения женщин: она определяла патриархат через контроль мужчин над репродуктивными функциями женщин. Поскольку именно рождение и воспитание детей делает женщину зависимой от мужчины в плане материального существования и выживания, постольку становилось очевидным, по мнению С. Файерстоун, что биологические различия формируют отношения власти и подчинения. Она предлагала простой, но утопический рецепт решения проблем, предопределенный эйфорией экономического роста и научно-технической революцией 1950—1960-х гг. Новые биотехнологии искусственной репродуктивности были призваны освободить женщин от мужского контроля и доминирования. Несмотря на то что позитивный проект, как и исходные теоретические посылы С. Файерстоун, были подвергнуты впоследствии феминистской критике, критическая часть и постановка проблем в книге, ставшей классическим текстом по теории феминизма, сыграли значительную социальную роль в радикализации женской «повестки дня» не только в США, но и в других странах (см.: Введение в гендерные исследования, 2001. С. 652).

Если либерально-феминистские организации имеют четкую структуру, то радикальные феминистки исповедуют принцип «безлидерства». Их организации — маленькие группы женщин, регулярно встречающихся по месту жительства или работы, чтобы что-то обсудить или сделать. Политические методы борьбы «радикалок» отличаются от традиционных (лоббизм, подача петиций, демонстрации, пропаганда через печать). Исходя из революционной доктрины радикальные феминистки 60-х гг. часто устраивали насильственные акции (захватывали заложников, срывали сеансы порнофильмов и т. д.). Демонстрации радикальных феминисток нередко проходили в экстравагантной форме (например, они одевались кельтскими ведьмами или вставали на ходули).

Огромное влияние на формирование феминистской политической философии оказали концепции французского социолога Мишеля Фуко, представителя постструктурализма.

Такое революционное возвращение к традиционному пониманию женского вопроса — простое смещение положительной оценки с традиционного мужского на женское — вызвало к жизни в 60-е гг. XX в. вторую волну либерального феминизма, предложившего в качестве нового реального объекта социальной борьбы борьбу со стереотипами, мешающими реализовать добытые на предыдущем этапе феминистского движения права — равное представительство в органах власти, равные права на образование, реформирование трудового законодательства и т. д. В это же время в рамках структурализма и символического лакановского психоанализа появляется движение так называемой феминистской критики Кристева, Иригарэй и др. Именно они вводят в феминистский оборот такой, например, ключевой термин, как «онто-лого-тео-телео-фоно-фалло-центризм», обозначающий и сегодня иерархический, «мужской», способ организации общества, знания, воспитания, семьи, культуры, языка (Костикова, 2003).

Первая половина 80-х гг. — период широкого распространения радикальной идеологии в западном феминистском движении. В определенном смысле радикальная идеология противоположна либерализму. Если либерализм в дилемме «сходство — различие полов» решает проблему через сходство, равенство, едва ли не одинаковость, то радикализм строит свою теорию и практику, исходя из различий между мужчинами и женщинами и делая на различиях акцент.

Радикальные феминистки адаптировали марксистские и психоаналитические категории к анализу отношений полов. Главными были вопросы власти, неравенства, угнетения женщин.

Радикальный феминизм базируется на следующих утверждениях:

- 1) женщины обладают абсолютной позитивной ценностью сами по себе — это утверждение выдвигается в качестве противопоставления обесцениванию роли женщин;
- 2) женщин подавляет система патриархата.

Мужчины воссоздают и поддерживают патриархатную систему не только потому, что располагают необходимыми для этого ресурсами, но и из-за своей заинтересованности в том, чтобы женщина была покорной и зависимой.

Чтобы преодолеть влияние патриархатной системы, прежде всего необходимо изменить сознание женщин, чтобы они поняли свою силу и значимость.

Как уже подчеркивалось, радикальная феминистская концепция использовала идеи марксистской и психоаналитической теорий. В соответствии с марксистской теорией главным угнетателем людей является капиталистический способ производства. Экономическая зависимость женщины от мужчины, так же как и классовое неравенство, порождены капиталистической системой. Гендерное неравенство может исчезнуть только с исчезновением капитализма и классов.

Вторым, значимым с научной точки зрения теоретическим направлением для радикальной феминистской концепции явился психоанализ. Влияние психоанализа на феминизм оказалось двунаправленным. С одной стороны, ряд основополагающих психоаналитических постулатов подвергнут феминистками резкой критике, с другой стороны, многие идеи фрейдистов и неофрейдистов послужили основой для ряда теоретических феминистских разработок.

Использование психоаналитической теории позволило радикальным феминисткам сформулировать причины неравенства и подавления женщин. Женщина подвергается угнетению со стороны мужчины, потому что основа эксплуатации заложена в способности женщин к деторождению. Спектр решений, который предлагает радикальный феминизм, варьирует в диапазоне от создания культуры *unisex* до замены мужской культуры на женскую.

Итак, радикальную феминистскую концепцию, так же как и либеральную, отличает несколько односторонний подход к решению проблемы неравенства женщин: концентрация внимания исключительно на проблеме патриархата и, как следствие, упрощенный взгляд на пути изменения ситуации в более позитивном направлении.

Ключевые идеи радикальной феминистской теории способствовали возникновению в психологии в 70-е гг. XX столетия нового направления, связанного с изучением женских проблем и женской психологии.

Современные концепции феминизма (цветной, культурный, экологический и др.)

Феминистское движение во второй половине 80-х гг. XX в. начинает характеризоваться множественностью ветвей: цветной феминизм, постмодернистский, гуманистический, экзистенциальный, культурный и др. Главным для осмысления новой теоретической платформы исследования проблем взаимоотношений полов в обществе явилось движение *цветных феминисток*. В основе нового представления цветных феминисток о гендерных отношениях лежит опыт деривации и страдания определенных групп женщин как представителей феминистского движения. Переживание несправедливости становится стимулом реформирования нового теоретического подхода. Основанием для нового подхода явилось понимание того, что женские опыты различаются в разных культурах и социальных группах, а различия задаются, прежде всего, через контексты возраста, расы, класса и сексуальной ориентации.

Известные журналистки, будущие популярные писательницы *Элис Уокер*, Нобелевский лауреат *Тони Моррисон*, *Анджела Дэвис* первыми в своих работах поставили проблему двойной идентичности и двойного угнетения чернокожих американок. Вовлеченные в 1960-е гг. в движение за гражданские права афро-американцев, они проделали в своей идейной эволюции тот же путь, что и их белые соратницы из молодежных организаций. Обнаружение маргинальности

женской ситуации не только в традиционно патриархатном американском обществе, но и в новых либеральных и радикальных концепциях афро-американского освобождения неизбежно привело их в ряды феминисток, неотвратимо вызвав обвинения в предательстве интересов расовой солидарности со стороны сторонников нового программного лозунга борьбы «Власть черным!».

Для самих цветных феминисток путь обретения женской солидарности протеста тоже не мог быть простым и гладким. Серьезным барьером на этом пути и главным объектом критики становилось то, что опыт чернокожих женщин не был включен в созданные белым феминизмом модели женского освобождения. В этом смысле концепции и практики обеих ветвей движения предыдущих десятилетий полностью игнорировали социальные, расовые и этнические различия среди женщин. Либеральная и радикальная парадигмы феминизма, выстроенные исключительно на опыте белых образованных женщин среднего класса, воспроизводили, по мнению цветных феминисток, властную иерархию среди самих женщин. Создаваемый ими механизм по обеспечению формального индивидуального равенства, не учитывающий двойную эксплуатацию женщин из расовых, этнических меньшинств и низших социальных слоев, оказывался неработающим, а подчас ухудшающим статус этих женщин. Одна из самых известных теоретиков черного феминизма *Белл Хукс*¹ (род. 1952) писала в своей книге «Феминистская теория: от края к центру» о необходимости не ограничивать рамки феминизма стремлением к достижению одинакового социального статуса с мужчинами. Добавление отсутствующих элементов анализа неизбежно вносит раскол в феминистскую среду, но при этом расширяет границы феминизма до понимания всей совокупности многообразных систем господства, взаимозависимости форм угнетения по признаку пола, расы и класса.

¹ Белл Хукс — американская чернокожая писательница, ведущий теоретик черного феминизма. Написание с маленькой буквы своего имени продиктовано ее собственной позицией как одной из «исключенных» на определенном этапе развития феминизма представительниц его «черного» направления.

Отождествление угнетения исключительно с мужским доминированием обозначало, по мнению Б. Хукера, слабость либерального и радикального политического анализа и затрудняло формирование жизнеспособных стратегий, способность мужчин и женщин быть подчиняемыми — общая точка их соприкосновения. Эта идея становится ключевой в формировании многокультурного феминизма 1980—1990-х гг.

Задачей новых сил феминистского движения конца 1980-х гг. становится прояснение оснований (деконструкция) гендерных отношений. Деконструкция отвечает на вопрос, как возможны гендерные отношения в данном обществе, каким образом они создаются, принимая вид естественных и имманентно присущих индивиду, группе, социуму.

Так, в рамках радикального феминизма выделилось «культурологическое» направление, занятое поиском принципов специфического женского мировоззрения: женской философии и культуры, женского способа познания и т. д.

«Культурное» течение в радикальном феминизме стало основой для нового течения в феминизме — *экологического феминизма*. Как и любое другое направление в феминизме, он связывает кризисные явления современности (экологический кризис, опасность войны, моральная деградация общества, кризис демократии) с господством маскулинной цивилизации. Маскулинный тип мышления характеризуется восприятием мира в рамках бинарных оппозиций: природа противопоставляется культуре, тело — духу, мужественность — женственности и др. Оппозиции укладываются в иерархическую систему, где вышестоящий наделяется большей ценностью и властью над нижестоящими. Природа, тело, женщина рассматриваются как ресурс для развития культуры, духа, мужчины.

По мнению психолога К. Гиллиган, работы которой используются как естественно-научная основа экофеминизма, эти черты маскулинного мышления проистекают из того, что половая идентификация мужчины осуществляется за счет его отделения от матери, противопоставления себя ей

(см.: Гиллиган, 1992. С. 357—366). По этой же причине основными ценностями маскулинной этики являются свобода, автономия личности, равенство, справедливость и т. д. Гипертрофия этих принципов и породила, согласно экофеминизму, глобальные проблемы. Выход цивилизации из кризиса экофеминизм связывает с осознанием существования иной, фемининной этической системы. Последняя характеризуется преобладанием ценностей взаимозависимости, сопереживания, заботы.

Вместе с тем экофеминизм, в отличие от радикального феминизма, не считает мужчин врагами и не признает насилия в социальной борьбе. Его сторонницы полагают, что мужчины не меньше женщин страдают от отрицательных сторон патриархатной цивилизации. Таким образом, экофеминизм предлагает синтез двух идей, поочередно господствовавших в понимании «природы женщины»: идеи равенства и идеи различия. Если либеральный феминизм строится на идее полного равенства мужчин и женщин, а радикальный — на идее их абсолютного несходства, то экофеминизм синтезирует эти две позиции в своей концепции «равенства в различии». Мужественность и женственность в экофеминизме понимаются не как нечто, что должно быть преодолено (как в классическом либерализме), и не в духе уничтожения одного из принципов во имя другого (как в радикальном феминизме). Мужественность и женственность понимаются как две равнозначные составляющие человека, каждая из которых имеет собственную ценность, вне зависимости от того, объединены ли эти составляющие в рамках одной человеческой личности или принадлежат двум половинам человечества.

4.3. Мужские движения

Может показаться странной идея включения нескольких заметок о мужских движениях в описание феминизма. Тем не менее многие из этих движений начинались как реакция на феминизм: некоторые вдохновлены им, другие про-

тивостоят. В этом контексте рассматриваемые мужские движения рассказывают о некоей специфичной реакции мужчин на феминизм.

Собственно говоря, мужские движения возникли почти параллельно с подъемом второй волны феминизма, но до поры до времени оставались малозаметными и не вызывали ничего, кроме иронии. Впрочем, феминизм долгое время также не воспринимался серьезно.

Большинство мужских движений, датируемых историками, возвращает нас к 70-м гг. XX в. В 1970 г. открывается первый мужской центр в Беркли (Калифорния) и журнал «Либерейшн» напечатал статью Джека Соьера, озаглавленную «О мужской свободе». В 1975 г. появляется книга Марка Фастау «Мужская машина», о которой Глория Штайнем пишет во вступительной статье: «Эта книга является комплиментом феминистской революции, и она написана не женщиной-писательницей. И это уже следующий этап революции».

Но пересмотр гендерной роли мужчины, конечно, предшествует 70-м гг. Как заметила Майрон Брентон в книге «Американский мужчина» (1966), когда положению женщины стало уделяться такое напряженное внимание, то внезапно и весь мир начал рассматриваться сквозь призму феминизма. По своему духу книга Майрон Брентон была дружелюбна по отношению к мужчинам, но одновременно включала профеминистское исследование сексуальной роли мужчины. С нее началось изображение мужского начала как опасного и разрушительного и физически, и эмоционально для самих мужчин.

Эта же тема легла в основу работ Марка Фастау, Херби Гольдберга и Уоррена Фаррелла в 70-е гг. Еще в 60-е гг. Р. Ф. Даул, сформировавший одну из мужских групп, боролся за реформу развода («Борцы за шумный развод», прямым продолжением которого стала Ассоциация «За права мужчин», существующая с 1973 г.).

Барбара Эхенрейх (род. 1941) в «Сердцах мужчин» проследила динамику мужского движения от его истоков до настоя-

щего момента. Она считает, что мужской мятеж против этики «победной бороды» особенно ярко выразился в последние годы. «Коллапс старой этики начался еще до возрождения феминизма, и именно он дал начало “второй волне” феминизма» (Ehrenreich, 1983. P. 12). Далее она пишет: «Самое смешное... что правое антифеминистическое крыло, возникшее в 70-е гг., направлено не столько против феминизма, как против мужского бунта... С середины до конца 50-х (она прослеживает и еще более ранние годы) это противостояние стало злободневной темой» (Ibid. P. 13).

Журнал «Плейбой», впервые вышедший в 1953 г., еще в начале 60-х предлагал «выработать связную последовательную программу мужского протеста» против однобокого понимания мужчины только как самца, исполняющего сексуальную роль (философия плейбоя), и выдвигал лозунг гетеросексуальности. Движение «За человеческий потенциал» также поддержало изменения в жизни мужчины; война во Вьетнаме дискредитировала образ мужественности; в 60-е контркультура признала андрогина; вторая волна женского движения дала толчок для критики гендерных ролей; группы свободных геев дифференцировали себя среди гетеросексуалов, предлагая и «нормальным» мужчинам изменить свои роли без обвинения в гомосексуализме — так можно в двух словах описать генезис мужского движения.

Существенные изменения стали происходить начиная с середины 80-х гг. и особенно в 90-х. В большинстве западных стран и в первую очередь в США стали появляться все новые и новые организации, представляющие разные течения, у них появились свои лидеры, численность участников движений также выросла.

Как и феминизм, мужские движения делятся на несколько направлений, часто друг с другом не соприкасающихся и друг от друга далеких: консервативное, мифопоэтическое, отцовские организации и либеральное.

1. *Консервативная ветвь* самая молодая и сумевшая стать за считанные годы самой привлекательной и многочислен-

ной. Одной из консервативных мужских организаций является «Верные слову» (*Promise Keepers*). Эту организацию в 1990 г. создал бывший футбольный тренер из Колорадского университета **Билл Мак-Картни** (род. 1940). Спустя всего лишь пять лет в ее рядах насчитывалось уже более полумиллиона мужчин. А в 1997 г. о ней узнала вся Америка, когда организация провела свой марш мимо Белого дома, в котором приняло участие несколько сотен тысяч человек. Это консервативное и религиозное сообщество, ставящее своей целью защиту традиционных ценностей, противодействует разрушительному влиянию феминизма и либерализма. Движение «Верных слову» воинственно выступает против «феминизации» и «гомосексуализации» общества. Мужскую агрессивность, которую либеральные теоретики хотели бы искоренить, «Верные слову» считают естественной и неизбежной, все дело в том, как и куда ее направить. В их идеологии нет явной мизогинии, но они утверждают, что колы скоро именно мужчина создан по образу и подобию Бога, он тем самым раз и навсегда поставлен выше женщины. Принцип женского равноправия подрывает традиционные семейные ценности и дезорганизует общество. Мужчина всюду и везде должен быть главой, ведущим, его сущность и призвание — быть ответственным лидером. Сторонники этого массового движения осуждают пьянство, наркоманию и сексуальное насилие, призывают мужчин «вернуться домой», быть верными мужьями, способными работниками и надежными кормильцами, заботливыми отцами и «христианскими джентльменами»: «Держи свое слово, данное жене и детям, будь человеком слова!» Защитой семейных ценностей это консервативное движение привлекает к себе симпатии не только мужчин, но и многих женщин. В его первом митинге в 1990 г. участвовали лишь 72 человека, а в 1995 г. его приверженцами считали себя уже свыше 600 тыс. мужчин в 13 городах США.

Еще одной организацией в этом течении является «Новые традиционалисты». Об этой организации известно

немного. Внешне она напоминает группы «За мужскую свободу», но подспудно самой существенной является обида на разложение старых половых ролей. Некоторые открыто говорят, что женщина не равна мужчине и должна сидеть дома с детьми. Популярность консервативных течений объясняется той неоконсервативной революцией, которая произошла в 90-е гг. Влияние ее было настолько заметным, что даже администрация Клинтона была вынуждена, к неудовольствию своих союзниц-феминисток, признать ценность материнства и семьи для женщины и отказалась ратифицировать документы ООН, согласно которым единственной альтернативой для женщин по всему миру провозглашалась работа.

2. *Мифопоэтическое мужское движение* отличается тем, что совершенно не занимается никакой общественной работой, его цель — пробуждать в мужчинах героический дух их предков, вспоминать о былом как о временах подлинной мужской славы и чести. Его идеологом принято считать **Роберта Блая** (род. 1926) с его крайне популярной книгой «Железный Джон» (1990). Эта книга, разошедшаяся огромным тиражом (свыше 500 тыс. экземпляров в твердой обложке), стала своеобразным манифестом этих мужчин.

Роберт Блай, «отец» этого движения, говорит так: «Сегодня по всей стране я сталкиваюсь с феноменом, который можно было бы назвать “мягкими мужчинами”. Их не интересуют события на Востоке, или развязывание войны, или работа в корпорациях. В их стиле жизни и общем настрое есть нечто, что они предпочитают непосредственной жизни. Но нечто ошибочное. Большинство из них несчастливы. Им не хватает жизненной энергии. Они защищаются от жизни, но не творят жизнь» (Bly, 1990. P. 97).

По мнению Р. Блая и его единомышленников, главная задача современности — направить мужчин на путь духовного поиска, чтобы помочь им восстановить утерянные ими базовые мужские ценности. Во всех древних обществах существовали особые ритуалы и инициации, посредством которых взрослые мужчины помогали мальчикам-подросткам

утвердиться в их глубинной, естественной маскулинности. Городское индустриальное общество разорвало связи между разными поколениями мужчин, заменив их отчужденными, соревновательными, бюрократическими отношениями, и тем самым оторвало мужчин друг от друга и от их собственной мужской сущности. (Сходные идеи развивали некоторые немецкие мыслители в начале XX в.) Место здоровых мужских ритуалов занимает, с одной стороны, разрушительная, агрессивная гипермаскулинность уличных шаек, а с другой — размягчающая и убивающая мужской потенциал женственность.

Поэтому Р. Блай видит современных мужчин как «половину взрослых», оказавшихся где-то между детством и зрелостью. Это состояние, в котором им трудно стать ответственными руководителями, воспитателями и отцами, что, в свою очередь, приводит к незрелости из поколения в поколение. Образ слабых мужчин, утверждает он, еще более усиливается с помощью популярных СМИ и голливудских фильмов. «Женщины, — пишет Р. Блай, — бросились заполнять, появившийся в течение 1960-х годов, пробел, выливая на мужчин повышенную эмоциональную чувствительность, которая сама по себе была хороша, т.к. она помогла мужчинам лучше понять женщин, но и привела к созданию “мягких мужчин”, которым не хватало силы оживить сообщество, не хватало уверенности в себе и сил воина» (Bly, 1990. P. 17).

Р. Блай и его последователи красочно описывают эмоциональную бедность и ущербность современных мужских взаимоотношений, будь то отношения сыновей с отцами или отношения между мужчинами на работе и в быту, и мечтают восстановить традиции древнего мужского братства и межпоколенного наставничества. Многие из этих людей политически не реакционны, но для них характерны иррационализм и антиинтеллектуализм, а их положительный идеал «нового мужчины» весьма расплывчат (Кон, 2001).

Говоря о реально существующих и всем знакомых вещах, мифопоэтическая идеология обладает большой эмоцио-

нальной притягательностью, ее главная философская база — учение К. Г. Юнга, в частности разграничение мужского духа (анимус) и женской души (анима), а также ставит акцент на мифологии (Р. Блай опирается на мифологию американских индейцев). Однако она произвольно истолковывает данные мифологии и антропологии, не видит конкретных социальных причин описываемых ею процессов, рассуждает о мужчинах вообще как о едином типе и абсолютизирует различия между мужчинами и женщинами.

3. *Отцовские организации* представлены самым наибольшим числом наименований. Это одна из старейших ветвей мужского движения, которая возникла примерно в то же время, когда в США были приняты дискриминационные законы, лишавшие отцов прав на своих детей. Со временем проблема становилась все острее и число организаций увеличилось. Сейчас они существуют во всех странах западного мира, в том числе и в Беларуси и России.

Группы, примыкающие к этому движению, интересуются только темами, связанными с реформами бракоразводных процессов (например, они выступают за равные родительские права, за введение эффективных санкций за отказ в доступе к ребенку, за получение опеки над детьми), и совершенно игнорируют темы, связанные с насилием по отношению к мужчинам, правами гомосексуалистов или набором в армию. Основные направления их деятельности включают: обеспечение поддержки и консультаций мужчин, сталкивающихся с разбирательствами в суде по семейным делам, а также предоставление информации и консультаций по вопросам алиментов.

В какой-то степени они являются своеобразной реакцией (или, что более вероятно, ответом) на феминизм с целью привлечь внимание к феминизму и обвинить его за вред, который он причинил, по их мнению, мужчинам и мальчикам через «позитивные действия» и институты, такие, например, как суд по семейным делам.

4. *Либеральная ветвь* мужского движения — старейшая его часть, не столь многочисленная, но имеющая свою ясную концепцию и идеологию, которая охватывает защиту прав мужчин в абсолютно всех областях их жизни. Первое мужское освободительное движение (*The Men's Liberation*) зародилось в США в 1970 г. именно в русле либеральной идеологии. Его организационным центром в 1970—1980-х гг. была «Национальная организация для меняющихся мужчин», которую в 1991 г. сменила «Национальная организация мужчин против сексизма» (*The National Organization for Men Against Sexism* — NOMAS).

Главный источник всех мужских проблем и трудностей идеологи движения усматривали в ограниченности мужской половой роли и соответствующей ей психологии, доказывая, что от сексистских стереотипов страдают не только женщины, но и сами мужчины. Мужское освобождение стремится помочь разрушить полоролевые стереотипы, рассматривающие «мужское бытие» и «женское бытие» как статусы, которые должны быть достигнуты с помощью соответствующего поведения. Мужчины не могут ни свободно играть, ни свободно плакать, ни быть нежными, ни проявлять слабость, потому что эти свойства «фемининные», а не «маскулинные». Более полное понятие о человеке признает всех мужчин и женщин потенциально сильными и слабыми, активными и пассивными, эти человеческие свойства не принадлежат исключительно одному полу.

Неформальным идеологом либеральной части мужского движения можно считать *Уоррена Фаррелла* (род. 1943). Начав свою деятельность как убежденный феминист, он в начале 80-х гг. решительно поменял свои убеждения и занялся мужскими вопросами. Уоррен Фаррелл — автор четырех бестселлеров о мужских проблемах, из которых наиболее радикальным, принесшим ему мировую славу, является книга «Миф о власти мужчин» (1993), в которой автор на огромном фактологическом материале опроверг все привычные представления о мужчинах как о привилегированном классе, об-

ладающем властью. «Мужчины умирают раньше во всех пятидесяти пяти главных причинах смертей — разве это согласуется с представлениями о привилегиях?» (Farrell, 1993. P. 30). «Когда женщина имеет право искать защиту и спасенье, а мужчину отправляют в качестве пушечного мяса на войну — какая же это власть, если ее не хватает даже, чтобы элементарно защитить свою жизнь?» (Ibid. P. 145). Эти и другие тезисы вызвали острую дискуссию в стране. В итоге книга была издана в пятидесяти странах и переведена на десять языков.

Либеральная ветвь мужского движения включает различные группы, идеологически очень близкие феминистическому движению. Они придерживаются взгляда, что мы живем в патриархальном обществе, в котором мужчины являются угнетателями женщин, и что мужское движение должно выявить и ликвидировать это угнетение. Большинство групп «Мужчины против насилия» (*Men Against Rape*) подпадает под эту категорию. Крупнейшая группа мужчин-феминистов состоит в «Национальной организации мужчин против сексизма» (бывшая «Национальная организация за изменение мужчин»).

Их позиция изложена в таких публикациях, как «Измененный мужчина» в журнале «NOMAS» и в следующих книгах: «Освобожденный мужчина» Уоррена Фаррелла, «Мужская машина» Марка Фегана Фастау. «Большинство из 49 %», изданной Деборой Дэвид и Робертом Бранноном, и «Отказывающиеся быть Мужчиной» Дж. Сталтенберга.

К либеральной ветви примыкает и движение «За мужскую свободу» (другие названия: «Маскулинистское движение», движение «За права мужчин»). Эти объединения, сходные с феминистами в некоторых аспектах (права гомосексуалистов, убежденность в необходимости равных возможностей на рабочем месте и т. д.), однако, не считают, что мы живем в патриархальном обществе, где мужчине отведена роль угнетателя, а женщине — угнетенной. Рихард Хэддэд в «Концепциях и обзорах мужского освободительного движения» (1998) писал: «Мои мысли привели меня к выводу о

том, что мужчины как класс не притесняют женщин как класс. Равно я не верю, что женщины как класс угнетают мужчин как класс. Скорее я чувствую, что женщины и мужчины совместно приложили руку для развития современных женских и мужских сексуальных ролей. Обе эти роли (имеют они преимущества или недостатки) существенно связывают природу и тех, и других, тормозят их рост, а в случае мужчин ускоряют физический конец» (Haddad, 1998. P. 3).

При всех своих различиях мужские движения не представляют реальной и организованной политической силы. В спорах о кризисе маскулинности больше эмоций и идеологии, чем спокойной рефлексии. Социально активные мужчины находят себе другие каналы самореализации, а остальным эти вопросы безразличны. Тем более что прикладные аспекты темы — мужское здоровье, сексуальность, педагогика отцовства и т. п. — широко освещаются в коммерческих изданиях и СМИ (Кон, 2001).

Но каков же итог существования мужского движения — сумело ли оно добиться своих поставленных целей хоть отчасти? Как сказал Уоррен Фаррелл, когда женщины просят помощи — это одно, а когда мужчины — совершенно другое. И это в точности характеризует главную проблему, препятствие, перед которым стоит мужское движение. К тому же прошедшие годы — это все-таки годы его становления, поэтому ожидать каких-то выдающихся результатов было бы наивно. Самое главное, чего уже отчасти смогло добиться мужское движение, так это заявить о себе, несмотря на тотальную цензуру, дать знать американцам и европейцам, что есть те, кто борется за права мужчин. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о количестве посещений мужских сайтов, которые значительно больше, чем аналогичные показатели у феминистских сайтов. Пока мало успехов в реализации конкретных дел. Тем не менее именно активистам отцовских организаций удалось добиться принятия закона о совместной опеке над детьми, в результате многолетней борьбы увеличилось и количество мужчин, добивающихся

единоличной опеки. Удалось добиться судебного прецедента, когда суд впервые в истории Америки освободил мужчину от уплаты алиментов на ребенка, который, как выяснилось на момент развода, был вовсе не его, а мужчину жена обманывала на протяжении одиннадцати лет. Удалось добиться открытия своих представительств при некоторых университетах и создания первых кризисных центров для мужчин. Активисты мужских организаций принимают активное участие в защите лжеобвиненных мужчин в сексуальных домогательствах и сексуальных преступлениях. Но все вышеперечисленное, конечно, весьма абстрактно и не дает совершенно ясной картины о влиянии и значимости мужского движения в современном западном мире.

4.4. Женские исследования

Развитие феминистской теории способствовало возникновению академических курсов в высшей школе США в 70-е гг. XX в., которые в дальнейшем стали академической дисциплиной (образовательной программой) под названием «Женские исследования» (*Women's Studies*). Женские исследования утвердились «на гребне» второй волны женского движения (конец 60-х гг.). Очень кратко она может быть обозначена как противостояние двух тенденций: с одной стороны, требования равноправия женщин, с другой — требования признания особенности женской сферы. На этих же постулатах основывается и «феминистская критика», составившая теоретический фундамент женских исследований. Она также выработала две противоположные стратегии: с одной стороны, стремление подчеркнуть *равенство* женщин и мужчин, а с другой — попытку настоять на существовании *различия*, т. е. постулировать специфически женскую культуру.

Лозунгом, объединившим в рамках нового направления представителей различных дисциплин, стал тезис «добавить женщину», в котором выразилось стремление устранить существовавшую дискриминацию женщин как объекта научного исследования и сделать видимой роль женщин в исто-

рии и жизни современного общества. Осознание невозможности решить эту задачу, пребывая замкнутыми в традиционных дисциплинарных рамках, привело к более целенаправленному развитию самостоятельных программ женских исследований, получивших впоследствии публичное и академическое признание. В этих программах в наибольшей степени была реализована специфика женских исследований, отличавшая их от традиционных исследований о женщинах и выразившаяся в идее включения женского жизненного и социокультурного опыта в научную работу.

Таким образом, «Женские исследования» (*Women's Studies*) — образовательная программа, основная цель которой заключалась в том, чтобы компенсировать отсутствие женской точки зрения в учебных программах традиционных университетских курсов, а также способствовать развитию нового взгляда на роль и статус женщин в современной общественной жизни. Женские исследования — это научное исследование «женского вопроса» с точки зрения женщин. Предметом этих исследований является собственно женский опыт, специфика женского вообще, осмысление способов мужского господства и женского угнетения в обществе.

Первая программа женских исследований была открыта в 1969/1970 учебном году в университете Сан-Диего. В последующие годы программы по женским исследованиям появились в большинстве университетов США и Европы. Академический статус новых университетских программ по женским исследованиям утверждал признание эпистемологических возможностей феминистских концепций (см. Клецина, 2004. С 65).

Речь идет о сфере знания, названной «психология женщин». Женские психологические проблемы стали объектом исследования двух групп психологов.

Представители *первой группы* сосредоточились на использовании психоаналитической концепции для изучения особенностей формирования женской психики и анализа личностного развития женщин. Совершенствуя и развивая

идеи З. Фрейда, *Карен Хорни, Мелани Кляйн* существенно расширили представления об особенностях психологического становления и развития девочек и женщин, о сложностях и проблемах формирования женской идентичности. Именно им принадлежит та заслуга, что женщина в психоаналитических исследованиях стала рассматриваться как субъект, равноценный мужчине.

Вторая группа психологов-исследователей, в число которых входили *Кэрол Гиллиган, Нэнси Чодороу, Джин Миллер* и др., сосредоточили свое внимание на изучении жизненного опыта женщин, который раньше фактически игнорировался психологией.

В исследовании *Кэрол Гиллиган* подтверждается мысль об особенностях женской психологии, проявляющейся в сфере морально-этического развития личности. Специфика морального развития женщины заключается в большей ориентации на конкретную ситуацию и взаимоотношения людей и их последствия, т. е. на ситуацию «здесь и теперь». Если для мужского менталитета в моральной сфере определяющими оказываются понятия справедливости, моральных законов и принципов, то для женского — понятия заботы, взаимопонимания, доверия.

Психолог *Нэнси Чодороу* считает, что причина половой дифференциации кроется в особенностях процесса половой идентификации в детском возрасте. Она отмечает, что те психологические отличия, которые исследовал Фрейд в природе женщин (пассивность, дефицит сверх-Я, женский нарциссизм и др.), реально имеют место, но они результат того, что в нашей социальной системе именно женщины несут основную ответственность за заботу о ребенке в детстве.

Заслугой психологов данного направления является представление более позитивного образа фемининности, как отражения женской психологии; образа, который не просто является противоположностью мужского, а несет черты нового качества — «другого».

Одной из составляющих женских исследований стала «женская история» («история женщин»)¹.

По мнению Л. П. Репиной, в истории женщин можно хотя бы условно выделить три направления, отражающих важнейшие тенденции и одновременно соответствующих стадиям развития этого историографического направления. В *первом* и наиболее традиционном из них, господствовавшем до середины 1970-х гг. XX в., ставилась задача «восстановления исторического существования женщин»; «забытых» или «вычеркнутых» из официальной «мужской» историографии. В соответствии с этим выстраивался проект написания особой «женской истории» — *her-story*, альтернативной по отношению к традиционной историографии, определявшейся как *his-story*. Научные работы, относящиеся к этому течению, имеют в большинстве своем описательный характер. *Второе направление*, утвердившееся во второй половине 1970-х гг., уже в гораздо большей степени принадлежало к парадигме социальной истории. Его представители видели свою цель в изучении исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ. Однако в своем стремлении связать женскую историю с историей общества они, в духе марксистских теорий, делали упор на объяснение полового неравенства его укорененностью в неравенстве экономическом. В работах представителей *третьего направления*, сформировавшегося на рубеже 1970—1980-х гг., мы находим стремление учесть всю неоднозначность взаимосвязи распределения половых ролей с другими социальными характеристиками и иерархиями, в частности соотношения сексуального и классового неравенства. Более того, в этих работах уже происходило переопределение понятий «мужского» и «женского» с учетом их внутренней

¹ Это историографическое направление. Понятие «женская история» выражает специфику женского опыта по отношению к «истории женщин» («истории о женщинах»), однако в противоположность «гендерной истории» эти понятия могут употребляться как идентичные.

дифференцированности и изменчивости, что в итоге привело к формированию гендерных исследований.

В современной литературе, посвященной возникновению и развитию женских исследований, выделяют четыре стадии развития Women's Studies. Рассмотрим эти стадии развития женских исследований, характерные для американского академического образования.

Первая стадия развития женских исследований связана с временным отрезком с конца 1960-х до конца 1970-х гг. Изучение женщин изначально появилось в рамках традиционных академических социальных и гуманитарных дисциплин — в основном в литературе, истории, философии, социологии и психологии. Главной задачей Women's Studies было «добавить женщину» в традиционные социальные и гуманитарные дисциплины. В учебном процессе стали использоваться несправедливо забытые труды женщин-ученых, демонстрировалась их роль в развитии науки и культуры. На протяжении долгого развития культуры женщины обычно исключались из публичного дискурса, т. к. их роль в жизни общества отождествлялась исключительно с домашней сферой. Например, исследовательница-антрополог Салли Слокум, в частности, опровергает теорию о том, что своим успехом эволюция обязана главным образом «мужчине-охотнику». Вместо этой теории автор предлагает свою теорию, где главное действующее лицо — «женщина-собирательница», т. е. антипод мужчины.

Вскоре стало ясно, что подход «добавить женщину» в социальное знание оказался недостаточным, поскольку ни одна из традиционных дисциплин не была в состоянии предоставить полноценное понимание жизни женщин. Задача женских исследований сделать женщину «видимой» в истории, науке, культуре общества сменилась задачей развития и институционализации самостоятельных программ женских исследований, которые бы целостным образом изучали жизнь женщин на основе «женского опыта», а не универсального мужского опыта.

Реализации задачи общенациональной институционализации женских исследований в системе высшего образования США была посвящена **вторая стадия** развития Women's Studies (начало 80-х гг.).

В университетах стали появляться кафедры, исследовательские институты и центры женских исследований, начали издаваться специальные журналы, хрестоматии, учебные пособия. В университетах начались широкие обсуждения статуса женщин, явлений дискриминации в публичной сфере и частной жизни, полоролевых предрассудков, существующих в социуме, литературе и образовании. Были опубликованы работы о продолжающейся дискриминации женщины в общественной и частной жизни, на рынке труда; об ограниченном доступе к образованию и профессиям, а также к политике на уровне принятия решений.

Процессы институционализации женских исследований вызвали к жизни дискуссию, которая продолжается и сегодня. Дискуссия была инициирована двумя точками зрения: одна отстаивала позицию, в соответствии с которой «Женские исследования» должны развиваться как отдельные дисциплины. Например, к этому времени уже появились такие дисциплины, как «Психология женщин», «История женщин», «Женская литература». Представители другой точки зрения отстаивали статус «Женских исследований» как дисциплины, имеющей междисциплинарный характер. Вместе с тем преобладающим стало мнение, что «Женские исследования» могут претендовать на статус самостоятельной дисциплины, а не просто фигурировать в рамках раздела о женщинах внутри уже существующих дисциплин.

Важно отметить, что в качестве теоретических оснований программы по женским исследованиям первой и второй стадий преимущественно использовали идеи либеральной и радикальной феминистских концепций.

Третья стадия развития женских исследований относится к середине 1980-х гг. Эта стадия связана с продолжением реструктуризации учебных программ в направлении включе-

ния опыта меньшинств, большей толерантности и чувствительности к мультикультуральным различиям студентов. В результате в некоторых университетах открываются специализации по «черным» женским исследованиям, финансируются проекты и сетевые программы для «цветных» женщин в высшей школе, проводятся конференции, семинары и летние школы. Таким образом, на третьей стадии развития женских исследований ученые стали обращать внимание на разнообразие женщин в аспектах расы, этничности, класса, религии, сексуальной ориентации.

Четвертая стадия развития женских исследований началась в 1990-х гг. и была связана с развитием глобальной инфраструктуры и повышением внимания к международным проблемам женщин. Образовательные программы и исследовательские проекты по проблемам женщин стали распространяться в странах Западной Европы, Африки, Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки. Были основаны регулярные международные летние институты, конференции и конгрессы, проводимые при поддержке многочисленных женских организаций. Образовательные программы приобрели международную, глобальную ориентацию.

Вслед за развитием женских исследований появилось и примерно с середины 80-х гг., параллельно с ним, развивалось в западных странах научное и образовательное направление — гендерные исследования.

4.5. Гендерные исследования

Гендер в качестве базового понятия формирует новый образ феминистского исследования, переопределяя основополагающие для феминизма стратегии равенства и различия. Это выразилось, во-первых, в осознании необходимости изучения мужчин и формирования мужского опыта *наравне* с изучением женщин и женского опыта. В этом смысле предметом гендерных исследований, в отличие от исследований женщин, оказываются уже не только женщины, но и соотношение полов и, более того, различные формы половой иден-

тичности, не укладывающиеся в рамки традиционной дихотомии («queer-идентичности»)¹. Во-вторых, гендерная оптика оказывается более продуктивной в плане фиксации *различий* в женском опыте (как, впрочем, и в опыте противоположного пола) и изучения механизмов воспроизводства этого опыта в их социально-исторической специфике.

Появление в образовательных структурах программ *Gender Studies* явилось логическим продолжением развития *Women's Studies*. Появлению гендерных исследований способствовали определенные предпосылки, созревшие внутри функционирования *Women's Studies*. Со временем стало понятно, что женские исследования натолкнулись на собственные границы в постановке и решении ряда ключевых вопросов. Во-первых, женские исследования жестко идентифицировались с феминизмом и стали выглядеть не только как автономная область знания, но и как идеологически и интеллектуально замкнутая сфера. Во-вторых, пришло осознание невозможности игнорирования мужчин как субъектов социальных отношений. Возникает дискомфорт в связи с противопоставлением женщин и мужчин, замалчиванием мужского опыта. Так, на первый план выступило рассуждение о том, возможно ли изучение женских проблем путем отделения их от мужских или же, что кажется более верным, в исследовании нуждается проблема соотношения полов (см.: Клещина, 2004. С. 68).

Гендерные исследования (*Gender Studies*) — междисциплинарная исследовательская и образовательная практика. В гендерных исследованиях изучаются практически все вопросы взаимодействия мужчин и женщин как на уровне макрообщества, так и в семье, в личной жизни. Как междисциплинарная образовательная программа *Gender Studies* получили широкое распространение в западных университетах и колледжах начиная с 80-х гг.

¹ Под «queer-идентичностью» («странной» или «эксцентричной») вначале понималась женская гомосексуальная идентичность, а затем любые формы идентичности, не укладывающиеся в рамки концепции гендерной дихотомии.

Таким образом, гендерные исследования стали качественно новым этапом развития образовательных и научных программ женских исследований.

Для женских исследований на первом этапе было важно указать и назвать различия между женщинами и мужчинами. Главная задача состояла в получении информации от женщин и о женщинах, чтобы таким образом создать фундамент для новых теоретических построений. Основная задача гендерных исследований состоит не столько в продолжении критики вытеснения женщин из сферы общественной жизни, сколько в акцентировании критического анализа механизмов дифференциации и иерархичности полов в социальной, культурной и политической реальности. При выявлении различий между женскими и гендерными исследованиями речь идет не о разграничении, а скорее о перестановке акцентов, при этом многие исследования, ориентированные преимущественно на жизненные условия и работу женщин, включаются в более широкий контекст.

В гендерных исследованиях новые акценты были связаны не столько с констатацией мужского доминирования и постулированием необходимости изучения женского опыта, сколько с анализом того, как гендер присутствует, конструируется и воспроизводится во всех социальных структурах и как это отражается на личностном развитии мужчин и женщин.

Ключевым вопросом в гендерных исследованиях является разграничение понятий «пол» и «гендер». Этому вопросу были посвящены работы феминистских теоретиков Гейл Рубин (G. Rubin), Роды Ангер (R. Unger), Адрианны Рич (A. Rich) и др. Термин «гендер» был призван подчеркнуть социокультурную причину межполовых различий. Эта «лингвистическая операция» была проделана на рубеже 70–80-х гг. XX в., когда в поле общественных наук попала и стала формироваться новая отрасль научного знания и дисциплина — «Гендерные исследования».

Предметом гендерных исследований был выбран анализ общего и различного в восприятии действительности и соци-

альном поведении мужчин и женщин. Общее и различное отныне стали связываться не с физиологическими особенностями лиц мужского и женского пола, а со спецификой их воспитания, образования, с распространенными в каждой конкретной культуре представлениями о том, как следует вести себя мужчинам и женщинам. Предмет гендерных исследований — гендерные отношения, различия и сходство полов.

На первом этапе своего развития гендерные исследования развивались в рамках полоролевого подхода. В процессе женского движения и в результате адаптации полоролевой концепции Т. Парсонса к гендерной проблематике сформировалось исследовательское направление — полоролевой подход, опирающийся на либеральный феминизм (*sex role theory*). Полоролевая концепция была ориентирована на подтверждение и обоснование естественности различий в социальном поведении мужчин и женщин, но в то же время эта концепция интенсифицировала развитие феминистской мысли в направлении анализа социокультурных факторов, выступающих в роли детерминант половых различий.

Таким образом, в 80-е гг. XX в. гендерные исследования развивались преимущественно как феминистская критика биологического детерминизма и эссенциализма и активно искали доказательства социокультурного происхождения различий между мужчинами и женщинами.

Полоролевой подход стал первой теорией, объясняющей функционально обусловленное различие мужских и женских ролей в обществе, она помогла осмыслить позиции мужчин и женщин в семье в системе властных отношений. В русле этого подхода было сформулировано положение о кризисе семьи и, соответственно, мужественности и женственности.

Собственно гендерные исследования как теоретическое направление и исследовательская практика оформились в 90-е гг. XX столетия. Гендерные исследования стали развиваться в связи с активизацией движения цветных феминисток и широким распространением идей социально-конструктивистского подхода. В центре внимания гендерных ис-

следований находятся механизмы создания и воспроизводства множественного гендерного неравенства.

Основной теорией, на которой базируются современные гендерные исследования, является теория социального конструирования гендера.

Признание гендерных исследований в западных научных центрах происходило стремительно. К началу 90-х гг. XX в. практически все научно-образовательные учреждения с солидной репутацией считали своим долгом как развивать гендерные исследования, так и преподавать специальные гендерные курсы. В Россию и Беларусь первые сведения о развитии гендерных исследований проникают в конце 80-х гг. XX в. Очень медленно, но настойчиво гендерные исследования утверждаются и в отечественной науке. Одновременно начинается гендерное просвещение общества.

Таким образом, женские и гендерные исследования являются образовательной и научно-исследовательской сферами, в которых, как правило, акцентируется внимание на ограниченности методологии, методов и результатов традиционной науки о человеке, анализируются гендерные отношения в различных сферах социальной жизни, отрицается идея биодетерминизма в объяснении различий между людьми разного пола в связи с особенностями их поведения в обществе.

В истории развития гендерной проблематики в западной психологии можно выделить три направления:

- *первое направление* развивалось под влиянием полоролевого подхода. Доминирующая научная парадигма психологических исследований пола этого периода — *парадигма половых (гендерных) различий*;
- *второе направление* формировалось под влиянием психоанализа и других классических психологических концепций. Научная ориентация этого направления — *парадигма уникальности женской психологии*;
- *третье направление* оформляется под влиянием социоконструкционистского и постмодернистского интеллектуального движения. В рамках этого направле-

ния доминирующей в психологии стала *парадигма социального конструирования гендера*.

В отечественной психологии весьма распространенной является ситуация, при которой сущность гендерной проблематики трактуется довольно рутинно. Многими специалистами-психологами гендерное направление не рассматривается как научная новация, а выступает как «свежий» и модный ярлык традиционных проблем, разрабатываемых психологией пола. «Гендерное» отождествляется с традиционным пониманием особенностей поведения и полоспецифичных характеристик мужчин и женщин как проявлений, обусловленных биологическими особенностями их организмов.

Период становления отечественных гендерных исследований можно разделить на четыре этапа. Первый, *просветительский организационный этап* внедрения новой научной парадигмы (с конца 80-х до 1992 г.): в это время возникают первые феминистские группы, независимые женские организации, появляются первые публикации в журналах. В этот же период начинается деятельность зарубежных и отечественных научных фондов, направленных на поддержку гендерных исследований и оказание финансовой помощи исследователям. Второй этап — *институционализация исследований* (1993—1995), т. е. рост числа гендерных центров и начало официальной регистрации научных коллективов и организаций. На этом этапе началось создание вузовских программ по феминологии. Третий этап — *консолидация ученых и преподавателей отечественных гендерных исследований* (1996—1998). В этот период начали организовываться конференции по гендерным исследованиям и возросло число публикаций на эту тему. Четвертый этап — активизация работы, направленной на *легитимацию и распространение гендерного образования* (1999 — настоящее время). В этот период в ряде ведущих вузов страны начинают читаться учебные курсы по гендерным исследованиям. В настоящее время программы по гендерному образованию есть во многих вузах, по этой теме регулярно проводятся конференции, создается информаци-

онная сеть, объединяющая на сегодняшний день целый ряд сайтов, в том числе сайты научных центров и сайты, посвященные «женской» и гендерной истории.

Современное состояние гендерной проблематики в отечественной психологии позволяет говорить о двух направлениях развития гендерных исследований в сфере научного психологического знания: гендерной психологии и психологии гендерных отношений.

Современная социальная психология оказалась наиболее подготовленной дисциплиной для восприятия и развития гендерной тематики и аккумуляирования ключевых идей гендерных исследований.

Вопросы для самопроверки

1. Что собой представляет феминистская теория? В чем заслуга феминизма как теории?
2. Каковы вопросы, которые волнуют сторонников феминизма?
3. Какие из наиболее известных феминистских теорий вы знаете?
4. Каковы современные направления феминизма? Если бы вас назвали феминисткой (феминистом), к какому направлению вы бы себя отнесли?
5. Каковы различия между женскими и гендерными исследованиями?
6. Какие стадии и направления развития женских исследований вы знаете?
7. Что является предметом гендерных исследований?
8. Какие направления развития гендерных исследований в сфере научного психологического знания вы знаете?

Задания для самостоятельной работы

1. Изучите краткую историю феминизма.
2. Проведите в группе дискуссию «Плюсы и минусы феминизма во влиянии на развитие гендерной психологии».

Литература

1. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. — СПб. : Питер, 2005.

2. Введение в гендерные исследования. — Ч. 1 : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001.
3. Введение в гендерные исследования / под общ. ред. И. В. Костиковой. — М. : Аспект-Пресс, 2005.
4. *Гиллиган, К.* Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин / К. Гиллиган // Эстетическая мысль : науч.-публицист. чтения / общ. ред. А. А. Гусейнова. — М., 1992. — С. 357—366.
5. *Келли, Г.* Основы современной сексологии / Г. Келли. — СПб. : Питер, 2000.
6. *Клецина, И. С.* Психология гендерных отношений / И. С. Клецина. — СПб. : Алетейя, 2004.
7. *Митрофанова, А.* Политическая концепция эофеминизма / А. Митрофанова // Мировой политический процесс: проблемы и исследования. — М., 1996.
8. *Уолстонкрафт, М.* В защиту прав женщины / М. Уолстонкрафт // Феминизм: проза, мемуары, письма / под ред. М. Шнеир. — М., 1992. — С. 26—39.
9. *Успенская, В. И.* Суфражизм в истории феминизма / В. И. Успенская // Женщины в социальной истории России : сб. науч. тр. / под ред. В. Успенской. — Тверь, 1997. — С. 70—81.
10. *Фридан, Б.* Загадка женственности / Б. Фридан. — М. : Прогресс, 1994.
11. *хуке, б.* Феминистская теория: от края к центру / б. хуке // Антология гендерной теории : сборник / пер., сост. и коммент. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. — Минск, 2000. — С. 236—253.
12. *Элиот, П.* Теории феминизма / П. Элиот, Н. Менделл // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / под ред. И. Жеребкиной. — Харьков, 1998. — С. 15—46.

Раздел II

Гендерные характеристики личности

Глава 5. Гендерная идентичность, гендерные роли и гендерные стереотипы личности

5.1. Понятия идентичности и социальной идентичности

Человеческие существа обладают отчетливым внутренним ощущением своей принадлежности к мужскому или женскому полу или занятию некой промежуточной кроссгендерной позиции. Это частичное, внутреннее восприятие своего пола обозначается как **гендерная идентичность**. Понятие гендерной идентичности является ключевым для проблематики гендерной психологии, проявляющейся на уровне отдельной личности.

Обратимся к категории «**идентичность**». Теоретическая и эмпирическая разработка проблемы идентичности началась в последние десятилетия XX в. Проблема идентичности разрабатывалась представителями психоаналитической, интеракционистской, когнитивистской, социально-конструкционистской ориентации.

Первыми к психологическому анализу феномена идентичности обратились сторонники психоаналитического направления. Детальная разработка феномена идентичности была представлена в работе *Эрика Эриксона*¹ (1902—1994)

¹ Э. Эриксон — один из тех, кто считает, что женщина до тех пор не достигает полной идентичности, пока не встретит в своей жизни мужчину.

«Детство и общество» (1950). Понимая идентичность в целом как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное «Я», Э. Эриксон делает акцент на динамичности, изменчивости идентичности на протяжении всей жизни человека, выделяя в качестве основной адаптационную функцию данной личностной структуры. Понятие идентичности соотносимо для Э. Эриксона прежде всего с понятием постоянного, непрекращающегося развития «Я».

Э. Эриксон задает идентичность как сложное личностное образование, имеющее многоуровневую структуру. Это связано с тремя основными уровнями анализа человеческой природы: индивидуальным, личностным и социальным (рис. 1).

Рис. 1. Структура идентичности по Э. Эриксону

Так, на первом, индивидуальном, уровне анализа идентичность определяется им как результат осознания человеком собственной временной протяженности. Это есть представление о себе как о некоторой относительно неизменной данности, человеку того или иного физического облика, темперамента, задатков, имеющем принадлежащее ему прошлое и устремленном в будущее. Со второй, личностной, точки зрения идентичность определяется как ощущение человеком собственной неповторимости, уникальности своего жизненного опыта, задающее некоторую тождественность самому себе. Наконец, в-третьих, идентичность определяется Э. Эриксоном как тот личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными,

групповыми идеалами и стандартами и тем самым помогает процессу «Я-категоризации». Последней структуре Э. Эриксон дал название социальной идентичности.

Таким образом, идентичность рассматривается как некая структура, состоящая из определенных элементов, переживаемая субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности при восприятии других людей признающими эти тождество и непрерывность. Чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни и уверенности во внешнем одобрении. С точки зрения Э. Эриксона, идентичность опирается на осознание временной протяженности собственного существования, предполагает восприятие собственной целостности, позволяет человеку определять степень своего сходства с разными людьми при одновременном видении своей уникальности и неповторимости.

В рамках психоаналитического подхода исследуется понятие «кризис идентичности», которое отражает сложность процесса развития последней. Развитие идентичности нелинейно, оно проходит через кризисы идентичности — периоды, когда возникает конфликт между сложившейся к данному моменту конфигурацией элементов идентичности с соответствующим ей способом «вписывания» себя в окружающий мир и изменившимися условиями существования индивида. Для выхода из кризиса индивид должен приложить определенные усилия, с тем чтобы найти и принять новые ценности и виды деятельности.

Исследования идентичности, проводимые в рамках *интеракционистской* ориентации, исходят из концепции «Я» *Джорджа Герберта Мид* (1863—1931). Рассматривая проблему соотношения личных и социальных начал в человеке, Дж. Мид выделяет осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Неосознаваемая идентичность базируется на неосознанно принятых нормах, привычках. Это принятый человеком комплекс ожиданий, поступающих от социальной группы, к которой он принадлежит. Осознаваемая идентичность возникает тогда, когда человек начинает размышлять о

себе и своем поведении. Однако осознаваемая идентичность не означает автономии личности от социума, поскольку она формируется при помощи приобретенных в социальном взаимодействии категорий, выработанных в языке. Дж. Мид считал, что при рождении человек не обладает идентичностью, она возникает как результат его социального опыта, взаимодействия с другими людьми. Таким образом, акцент делается на социальной обусловленности идентичности: она возникает только при условии включенности индивида в социальную группу, в общении с членами этой группы. Развитие идентичности идет от неосознаваемой идентичности к осознаваемой.

В рамках когнитивистской ориентации проблематика идей идентичности активно разрабатывалась в таких социально-психологических концепциях, как *теория социальной идентичности Генри Тэджфела* (1982) и *теория самокатегоризации Джона Тернера* (1985). Идея о наличии двух аспектов идентичности — ориентированного на социальное окружение и на уникальность проявлений человека — наиболее полно воплотилась в теории социальной идентичности. Идентичность представляется в данной теории как когнитивная система, выполняющая роль регуляции поведения в соответствующих условиях. Она включает в себя две подсистемы: личностную идентичность и социальную идентичность. Первая относится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт. Вторая же складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, национальности, полу и т. д. Наряду с личностной идентичностью социальная идентичность оказывается важным регулятором самосознания и социального поведения. По мнению Г. Тэджфела, личностная и социальная идентичность представляют собой два полюса одного биполярного континуума. На одном полюсе — поведение, полностью определяющееся личностной идентичностью, на втором — поведение, полностью определяющееся социальной идентичностью. Более типичным является поведение, находящееся между этими полюсами (рис. 2).

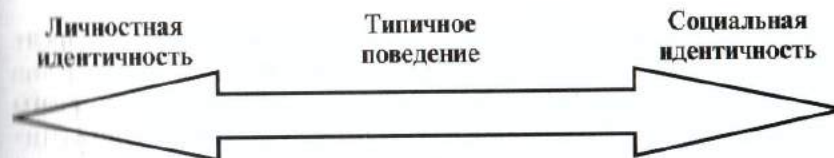

Рис. 2. Структура идентичности по Г. Тэджфелу

Дж. Тернер от мотивационно-когнитивных оснований теории социальной идентичности перешел к собственно когнитивным основам своей теории самокатегоризации. Одним из базовых постулатов его теории является выделение трех уровней самокатегоризации:

- самокатегоризации себя как человеческого существа (человеческая идентичность);
- групповой самокатегоризации (социальная идентичность);
- личностной самокатегоризации (персональная (личная) идентичность).

Глилис Бреквелл по-иному решает проблему соотношения личностной и социальной идентичности. Она подчеркивает взаимосвязь между ними. С точки зрения реальной динамики личностная и социальная идентичность — не различные части или аспекты единой идентичности, а разные точки в процессе развития последней. Г. Бреквелл выделяет следующие структурные компоненты идентичности (рис. 3).

1. *Биологический организм.* Идентичность является продуктом взаимодействия биологического организма с социальным контекстом. Биологический организм — «сердцевина» идентичности, однако со временем он становится все менее значимой ее частью.
2. *Содержательное измерение.* Включает все характеристики, которыми индивид пользуется, чтобы описать себя, и которые описывают его как уникальную личность. Содержательные характеристики, образующие это измерение, относятся как к социальной (роли, групповое членство), так и к личностной (ценности, мотивы, эмоции, установки, каузальные схемы, персональные конструкты) идентичности. Предполагается, что содержательное измерение непрерыв-

но во времени и сводит воедино характеристики, относящиеся к личностной и социальной идентичности.

3. **Ценностное измерение.** Каждый элемент содержательного измерения имеет свою оценку, позитивную или негативную, которая приписывается ему индивидом исходя из социальных норм и ценностей. Оценки также не статичны, они могут меняться в соответствии с изменениями в наличной социальной ситуации. Таким образом, ценности индивида находятся в состоянии изменения.
4. **Время.** Развитие идентичности протекает в плане субъективного времени. Биографическое же время определяется содержательным и ценностным параметрами измерения идентичности, влияя, в свою очередь, на их структурную организацию.

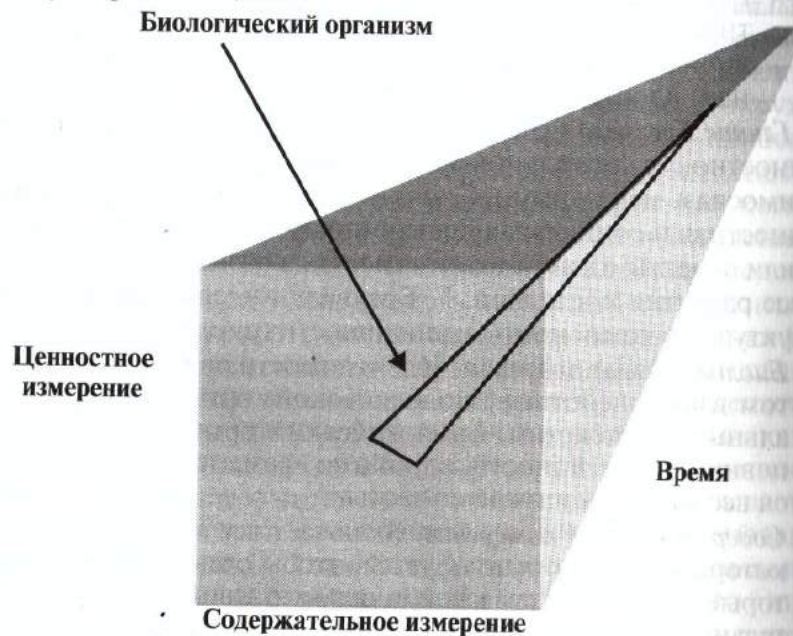

Рис. 3. Структура идентичности по Г. Бреквелл

С точки зрения *социального конструкционизма* идентичность является ключевым элементом субъективной реальности. Конструкционизм фактически снимает вопрос об

отношениях между социальным и индивидуальным, показывая, что мы можем не только понять любой психический процесс как процесс социальный, но и что социальный процесс — продукт текущих отношений, которые несводимы к групповым феноменам. Так, Д. П. Макадамс (2008) предлагает рассматривать идентичность как жизненную историю и утверждает, что идентичность сама по себе может принимать форму истории, которая содержит в себе некую обстановку, сцены, персонажей, сюжет и главную тему. В старшем подростковом возрасте, юношестве и взрослости люди начинают реконструировать свое прошлое, воспринимать свое настоящее и предвосхищать свое будущее в терминах некой интернализированной развивающейся Я-истории (*self-story*), которая в определенной степени сообщает жизни современного человека психосоциальное единство и осмысленность. Жизненные истории — это психосоциальные конструкции, соавторами которых является сам человек и тот культурный контекст, в который жизнь человека встроена и который этой жизни придает смысл. Как психосоциальные конструкции жизненные истории отражают ценности, нормы и отношения власти, существующие в тех обществах, в которых эти истории обеспечивают жизни значение и смысл.

В каждом из рассмотренных подходов проблема идентичности рассматривается с различных точек зрения, акцентируются различные моменты. При этом обнаруживаются и некоторые общие тенденции теоретической интерпретации проблемы идентичности. Рассмотренные теоретические подходы не противоречат, а скорее взаимодополняют друг друга, выделяя в качестве объекта исследования различные стороны феномена идентичности.

Обобщая результаты исследований представителей данных теоретических ориентаций, можно выделить следующие тенденции интерпретации феномена идентичности:

1. Идентичность имеет структурное строение. Основными параметрами ее измерения являются содержательный и оценочный, находящиеся во взаимодействии и взаимосвязи.
- Идентичность существует в плане субъективного времени.

2. Возможно выделение двух аспектов идентичности — личностного и социального.
3. Идентичность — динамичная структура, она развивается на протяжении всей жизни человека, причем это развитие нелинейно и неравномерно.
4. Идентичность является социальной по происхождению, т. к. она формируется в результате взаимодействия индивида с другими людьми и усвоения им выработанного в процессе социального взаимодействия языка. Изменение идентичности также обусловлено изменениями в социальном окружении индивида.

Понятие «идентичность» наиболее тесно связано с понятием «Я-концепция личности». Идентичность — ведущая характеристика «Я-концепции», отражающая более или менее осознаваемую и принимаемую ее когнитивную составляющую («образ Я», «картину Я») и обеспечивающая целостность и непрерывность личности в течение жизни. В данном контексте гендерная идентичность может быть представлена утверждением «Я как женщина» или «Я как мужчина». В связи с этим нередко идентичность изучают, используя психологический инструментарий, разработанный для «Я-концепции».

Иногда слово «идентичность» даже заменяют словом «идентификация», что неверно, т. к. первый термин обозначает структуру, а второй — процесс.

Теперь обратимся к рассмотрению понятия «*социальная идентичность*». Социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям — таким как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом.

Понятие социальной идентичности описывает то, как другие люди определяют человека на основе широких социальных категорий или признаков, таких как пол, возраст, профессия или этническая принадлежность. Это те компоненты «Я» человека, которые переживаются им на уровне

осознания принадлежности к какой-либо группе. Социальная идентичность — это результат процесса социальной идентификации, под которым понимается процесс определения себя через членство в социальной группе. Социальная идентификация выполняет важные функции как на групповом, так и на личностном уровне: именно благодаря этому процессу общество получает возможность включить индивидов в систему социальных связей и отношений, а личность реализует базисную потребность в групповой принадлежности, обеспечивающей защиту, возможности самореализации, оценки других и влияние на группу.

В соответствии с концепциями А. Тэджфела и Дж. Тернера процесс становления социальной идентичности содержит в себе три последовательных когнитивных процесса.

Во-первых, индивид самоопределяется как член некоторой социальной категории (так, в «Я-концепцию» каждого из нас входит представление о себе как о мужчине или женщине определенного социального статуса, национальности, вероисповедания, имеющего или не имеющего отношение к различным социальным организациям и пр.).

Во-вторых, человек не только включает в «образ Я» общие характеристики собственных групп членства, но и усваивает нормы и стереотипы поведения, им свойственные.

В-третьих, процесс становления социальной идентичности завершается тем, что человек приписывает себе усвоенные нормы и стереотипы своих социальных групп: они становятся внутренними регуляторами его социального поведения (Белинская, Тихомандрицкая, 2001).

Кроме деления идентичности на личностную и социальную составляющие, можно классифицировать это личностное образование и по другим основаниям. Так, в зависимости от сферы или вида социализации можно говорить о формировании половой, полоролевой, гендерной, этнической, профессиональной, религиозной идентичности личности. С учетом возрастных закономерностей становления и развития идентичности различают зрелую (сформировавшуюся)

идентичность и незрелую, формирующуюся идентичность. В зависимости от степени принятия личностью себя речь может идти о позитивной или негативной идентичности. В зависимости от глубины переживаний процесса трансформации самоопределений можно говорить о кризисе идентичности или его отсутствии (о кризисной или некризисной идентичности) (см. : Клецина, 2004. С. 355).

Таким образом, сказанное позволяет заключить, что гендерная идентичность — это вид социальной идентичности.

5.2. Гендерная идентичность. Соотношение гендерной, половой и полоролевой идентичности

Остановимся более подробно на половой, полоролевой и гендерной идентичности, т. к. появляющиеся в отечественной психологии работы, посвященные различным гендерным проблемам, свидетельствуют о возрастающем интересе ученых к данной проблематике. Но, к сожалению, в отечественной науке получил распространение псевдогендерный подход, в котором «гендер» используется как синоним слова «пол», а первый термин представлен просто как «более современное понятие в науке». Представляется важным прояснить сходства и отличия гендерной идентичности от таких видов идентичности, как половая и полоролевая.

Половая идентичность (Sex Identity) — это осознанная принадлежность к определенному полу, результат сложного биосоциального процесса, соединяющего онтогенез, половую социализацию и развитие самосознания. Половая идентичность основывается, с одной стороны, на соматических признаках (образ тела), а с другой — на поведенческих и характерологических свойствах, оцениваемых по степени их соответствия или несоответствия нормативному стереотипу маскулинности или фемининности.

Наиболее распространенное определение половой идентичности, представленное в отечественном психологическом словаре, выглядит следующим образом: «Половая

идентичность — осознание индивидом своей половой принадлежности; переживание им своей маскулинности — фемининности; готовность играть определенную половую роль. Единство самосознания и поведения индивида, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответственной половой роли» (Словарь практического психолога, 1998. С. 230). В этом определении подчеркивается согласованность сознания и поведения человека как представителя определенного пола, т. е. связанность когнитивного (познавательного) и конативного (поведенческого) компонентов идентичности личности. Ориентирами для такого согласования выступают требования половой роли.

Половая идентичность строится на основании того, что Столлер называет ядром половой идентичности. Это самое примитивное, отчасти осознанное и отчасти не осознанное чувство принадлежности одному биологическому полу, а не другому. Столлер определяет его как базовое чувство своего пола — мужского у мужчин и женского у женщин (Stoller, 1968).

Среди многих факторов, участвующих в формировании ядра половой идентичности: физиологические и биологические силы, психологические факторы, объектные отношения, функции эго и когнитивные способности. Столлер предполагает, что ядро половой идентичности зарождается еще у плода как биологическая сила; половые гормоны, воздействующие на плод, вносят существенный вклад в этот процесс. Анатомия и физиология внешних половых органов также играют важную роль в формировании ядра половой идентичности; обычно по ним происходит отнесение к биологическому полу. На эти биологические и анатомические факторы накладываются социальные и психологические условия. Хотя ядро половой идентичности устанавливается в первые несколько лет жизни, половая идентичность в широком смысле по мере дальнейшего развития продолжает укладываться, разрабатываться, детализироваться.

До последнего времени в работах отечественных исследователей, посвященных изучению гендерной идентичности, наряду с использованием термина «половая идентичность», использовались и такие термины, как «полоролевая идентичность», «полоролевые стереотипы» (В. С. Агеев, Т. А. Репина, Я. Л. Коломинский, М. Х. Мелтсас и др.). Однако даже близкие на первый взгляд понятия (как, например, «гендерная идентичность» и «полоролевая идентичность») не являются синонимами. Полоролевая идентичность сказывается на многих сферах жизни и деятельности, т. к. человек оценивает себя и свои действия не только через призму паспортного пола, но и через призму своей идентичности. Полоролевая идентичность существенно влияет на восприятие и оценку маскулинности — фемининности других людей. Дж. Мани, подчеркивая тесную связь понятий «роль» и «идентичность», говорит о полоролевой идентичности как субъективном переживании половой роли.

Полоролевая идентичность (sex role identity) возникает на базе ядра половой идентичности, но не тождественна ей: это обусловленные полом паттерны сознательных и бессознательных взаимодействий с другими людьми. Этот аспект своего образа формируется на основе тонких взаимодействий между родителями и ребенком с самого рождения, которые зависят от позиций родителей по отношению к биологическому полу ребенка, а также от того, как они ощущают себя мужчиной или женщиной, и от стиля взаимодействий каждого из них с другими. Представления о «ролевых отношениях» соединяются с другими аспектами полового сознания, и в итоге образ себя содержит элементы половой идентичности вместе с ролью или привычным способом взаимодействия, принимаемым для отношений с другими людьми в связи с собственной мужественностью или женственностью.

Не следует смешивать полоролевую идентичность с социально обусловленными выученными ролями: в отличие от последних, она представляет собой внутриспсихическое представление взаимодействий.

Гендерная же идентичность является более широким понятием, чем полоролевая идентичность, поскольку гендер

включает в себя не только ролевой аспект, но и, например, образ человека в целом (от прически до особенностей походки).

Таким образом, гендерная идентичность и полоролевая идентичность взаимосвязаны и предполагают друг друга, но они не тождественны. *Полоролевая идентичность* предстает как результат идентификации с точки зрения соответствия индивида мужской или женской модели поведения, т. е. как интегрированная половая роль.

Также понятие «гендерная идентичность» не синонимично понятию «сексуальная идентичность». Сексуальная идентичность может быть описана с точки зрения особенностей самовосприятия и самопредставления человека в контексте его сексуального поведения в структуре гендерной идентичности.

Термин «половая идентичность» также более многозначен, чем термин «сексуальная идентичность», т. к. если последний относится к биологической характеристике мужественности или женственности, то первый обозначает более широкую концепцию. Это психологическая система, которая соединяет и интегрирует личностную идентичность с биологическим полом и на которую оказывают значительное влияние объектные отношения. Наконец, понятия, связанные со словом «секс», часто используются для обозначения эротических фантазий или поведения, что скорее относится к психосексуальности, чем к идентичности.

Гендерная идентичность (gender identity) предстает как базовая структура, которая включает в себя половую, полоролевую, сексуальную идентичность.

Гендерная идентичность определяет степень, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины, женщины или некоего сочетания того и другого. Это внутренняя структура, создаваемая в процессе развития, которая позволяет индивиду организовать «образ Я» и социально функционировать в соответствии с воспринимаемым им полом и гендером. Она не дается индивиду автоматически, при рождении, а вырабатывается в результате сложного взаимодействия его природных задатков и соответствующей социа-

лизации, «типизации» или «кодирования». Активным участником этого процесса является сам субъект, который принимает или отвергает предлагаемые ему роли и модели поведения, вплоть до «перекодирования» или «переустановки» гендерной идентичности.

Гендерная идентичность — продукт социального конструирования. Она начинает формироваться с рождения ребенка, когда на основании строения его наружных половых органов определяется его паспортный (гражданский, акушерский) пол. С этого начинается процесс гендерной социализации. Именно на основании существующих в обществе эталонов формируются представления ребенка о собственной гендерной идентичности и роли, его поведение, а также самооценка.

Таким образом, *гендерная идентичность* — базовая структура социальной идентичности, которая характеризует человека (индивида) с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо, как сам человек себя категоризирует.

Первым, кто ввел понятие гендерной идентичности для описания внутреннего состояния личности с точки зрения ощущения себя мужчиной или женщиной, был *Джон Мани*.

Дж. Мани и А. Эрхард определяют гендерную идентичность как тождественность, единство и неизменность индивидуальности человека как мужской, женской или амбивалентной. Таким образом, чувство принадлежности к мужскому или женскому полу вызвано взаимодействием обозначения родившегося ребенка представителем одного или другого пола и реакций ближайшего социального окружения на его идентифицированный биологический пол — мужской или женский.

Другой смысловой оттенок понятия «гендерная идентичность» заключается в том, что индивидум обладает маскулинностью или фемининностью; эти качества — открытое выражение гендерных, равно как и биологических и средовых, влияний, оказываемых на развивающегося ребенка. С момента рождения существует отнесенность индивидума к тому или иному полу и соответствующей маркировке — мужской или женской — обращение с ним семьи и окружаю-

щей культуры. Эти различия в обращении окружающих формируют базисное восприятие себя. Человеческие существа постоянно «бомбардируются» посланиями о том, как быть адекватно маскулинным или фемининным, — посланиями, широко варьирующимися в зависимости от принадлежности к той или иной культуре и расе.

Концептуальные границы, проведенные между половой, полоролевой и гендерной идентичностью, дают в наше распоряжение структуру, позволяющую понять эволюцию психического развития личности (рис. 4).

Рис. 4. Соотношение половой, полоролевой и гендерной идентичности

Таким образом, в феномене *половой идентичности* в первую очередь акцентируются соматические признаки, на основе которых формируется идентичность человека как представителя определенного пола. В феномене *полоролевой идентичности* наряду с биологическими основаниями особую значимость приобретают психологические и поведенческие проявления личности как индикаторы мужского и женского, наполняющие содержанием аспекты самосознания личности, связанные с полом. В *гендерной идентичности* на первый план выходят социокультурные параметры категорий «мужское» и «женское», в соответствии с которыми человек идентифицирует себя с конкретной гендерной группой, конструируя свою идентичность как представитель какого-либо пола.

В приведенных определениях половой, полоролевой и гендерной идентичности существуют и общие моменты. Во всех определениях этих терминов речь идет об аспекте самосознания личности, описывающем переживание человеком себя как представителя пола, как носителя конкретных полоспецифичных характеристик и особенностей поведения, соотносимых с представлениями о маскулинности/фемининности. Обобщающим понятием выступает категория «маскулинность/фемининность», являющаяся маркером и коррелятом мужской или женской идентичности.

Однако, несмотря на видимое сходство анализируемых категорий «половая идентичность» и «гендерная идентичность», важно отметить, что внешне похожие описания этих феноменов строятся на различных методологических основаниях. За каждым термином стоит различное понимание данного феномена. Термин «половая идентичность» используют исследователи, придерживающиеся взглядов, согласно которым «женское» или «мужское» в личности во многом биологически детерминировано. Термин «гендерная идентичность» используют те исследователи, которые «создание гендера» считают элементом культуры, а «мужское» и «женское» представляют как социальные конструкты. То есть

представления о половой идентичности, разрабатываемые в 80-е гг. XX в., и современные концептуализации гендерной идентичности опираются на различные научные парадигмы.

До конца 80-х гг. XX столетия в сфере психологического знания, исследующего проблемы пола и межполового взаимодействия, весьма популярна была *биолого-эволюционная парадигма*, в соответствии с которой системой представлений утверждается, что идентичность человека как представителя определенного пола задается биологией и все психологические и социально-психологические проявления в поведении мужчин и женщин могут быть объяснены природными основаниями мужчин и женщин как биологических видов. Маскулинность мужчин и фемининность женщин трактуются как совокупность природных качеств.

Современные данные дифференциальной психологии показывают, что индивидуальных различий между представителями одного пола больше, чем межполовых, поэтому можно говорить о том, что характеристики идентичности мужчин и женщин, особенности их поведения и социальные функции прямо не вытекают из полового диморфизма. Психологическая концепция андрогинии С. Бем и последующие эмпирические исследования идентичности личности показали, что независимо от половой принадлежности и исполняемых половых ролей людям могут быть одновременно присущи выраженные и маскулинные и фемининные черты. Таким образом, был сделан вывод, что дифференциация людей на основе мужских или женских ролей не является однозначным условием, определяющим психологическую идентичность личности.

В рамках *социально-конструктивистской парадигмы* утверждается, что не существует единой мужской или женской идентичности: в разные исторические периоды, в различных социальных и культурных контекстах существуют разные гендерные идентичности. Согласно социально-конструктивистской парадигме гендер понимается как организованная модель социальных отношений между мужчинами

и женщинами, конструируемая основными институтами общества. Создание новой парадигмы связано с именем К. Дж. Гергена. Сторонники теории социального конструирования гендера подвергают сомнению тот факт, что отношения, складывающиеся между полами в обществе, являются дериватами принадлежности к биологическому полу, что все социальное биологически фундировано и поэтому считается естественным и нормальным.

В соответствии с современным пониманием гендерной идентичности множественность и текучесть образов маскулинности и фемининности проявляется не только в истории, но и в жизни каждого конкретного индивидуума, который, как отмечает И. С. Кон, в разных ситуациях с разными партнерами «делает», «разыгрывает» и представляет разную маскулинность и фемининность как основу гендерной идентичности, поэтому ключевое понятие половой идентичности — «половая роль» в контексте гендерной идентичности заменяется категорией «гендерный дисплей» (2001. С. 562).

Существуют три уровня явлений, которые объясняют возникновение и трансформацию идентичности женщин и мужчин (см.: Клецина, 2004. С. 360):

- 1) биологический;
- 2) психологический;
- 3) социальный.

Биологический уровень — это ресурс женщин и мужчин как индивидов, их жизненный потенциал, начиная от клеток и заканчивая системой органов. Это возможности и условия функционирования женщин и мужчин, обусловленные структурными и функциональными особенностями организма.

Психологический уровень — это личностный ресурс, который мужчины и женщины используют для конструирования своей идентичности, т. е. комплекс психологических особенностей, включающий в себя когнитивные способности, мотивационно-волевой потенциал, доминирующие ориентации, ценности и др.

Социальный уровень — это социальные трансформации, доминирующая в обществе идеология, которые влияют на мужчин и женщин как участников общественных отношений. Эволюция, происходящая в процессе социальных изменений, создает условия для процесса изменений на поведенческом уровне.

Таким образом, конкретизируя основные моменты, касающиеся выделения специфики гендерной идентичности, можно сформулировать следующие выводы:

1. Идентичность имеет структурное строение. Основными параметрами ее измерения являются содержательный и оценочный, находящиеся во взаимодействии и взаимосвязи.
2. Гендерная идентичность характеризует человека (индивида) с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо, как сам человек себя категоризирует — в качестве мужчины, женщины или некоего сочетания того и другого.
3. Термины «половая идентичность», «полоролевая идентичность» и «гендерная идентичность» не синонимичны. В феномене половой идентичности в первую очередь акцентируются соматические признаки; в феномене полоролевой идентичности наряду с биологическими основаниями особую значимость приобретают психологические и поведенческие проявления личности; в гендерной идентичности на первый план выходят социокультурные параметры категорий «мужское» и «женское».
4. Исследования, базирующиеся на биолого-эволюционной парадигме, изучают половую и полоролевую идентичность; исследования, базирующиеся на социально-конструктивистской парадигме, изучают гендерную идентичность.

Личность, конструируя гендерную идентичность, строит не только свой собственный образ, но и образ группы, к которой она принадлежит или не принадлежит. Конструктивный потенциал гендерной идентичности заключается в

том, что осознание человеком своей принадлежности к гендерной группе и эмоциональная значимость для него этой группы обуславливают построение «образа Я» и «образа группы» в конкретных социальных условиях.

Гендерная идентичность при этом предстает как многоуровневая сложноорганизованная структура. По мнению И. С. Клециной, в структуре гендерной идентичности можно выделить три компонента (рис. 5):

- а) *когнитивный* (познавательный) — осознание принадлежности к определенному полу и описание себя с использованием категорий «мужественность» — «женственность». Это «образ Я» мужчины или женщины, осознание степени типичности — нетипичности черт как представителя гендерной группы;
- б) *аффективный* (оценочный), предполагающий оценку психологических черт и особенностей ролевого поведения на основе их соотнесения с эталонными моделями маскулинности — фемининности (понятия «позитивная и негативная идентичность» касаются именно оценочного компонента);
- в) *конативный* (поведенческий) — самопрезентацию себя как представителя гендерной группы, а также способы разрешения кризисов идентичности на основе выборов способов поведения в соответствии с личностно значимыми целями и ценностями.

Рис. 5. Структура гендерной идентичности

Мишель Палуди (2007) считает, что гендерная идентичность состоит из следующих компонентов:

- 1) гендерно-ролевых предпочтений, которые отражают желание людей усваивать поведение, характерное для женщин или мужчин; такие предпочтения показывают, что человек понимает, что такое поведение является желательным и предпочтительным в обществе;
- 2) гендерной идентификации как осознания женской или мужской роли и характеристик поведения, присущих данной роли;
- 3) осознания ролевых стандартов, определяемых полом, как представления человека о гендерных стереотипах женственности и мужественности и проявления их в поведении;
- 4) осознания гендерных ролей, которое происходит тогда, когда человек ведет себя так, как это характерно для данного пола, а не просто так, как ему или ей хочется;
- 5) гендерно-ролевой ориентации, которая относится к определению индивидом себя как мужественного или женственного.

Достижение гендерной идентичности не обусловлено реально выполняемыми ролями, связанными с полом. Идентичность мужчин и женщин выступает как производная процесса исследования и выбора в сферах, составляющих основу потенциальной (планируемой) деятельности. Изучение личности невозможно без учета гендерной идентичности.

6.3. Механизмы конструирования гендерной идентичности. Факторы, влияющие на формирование гендерной идентичности

В соответствии с основополагающими разработками в области идентичности, осуществленными в рамках различных теоретических ориентаций, можно выделить и разные механизмы конструирования гендерной идентичности.

В психоаналитической ориентации в качестве основного механизма конструирования гендерной идентичности выступают способы разрешения кризисов идентичности, конструируемые как осознанные выборы и решения, обуслов-

ленные личностно значимыми целями и ценностями. Достижение идентичности понимается как способность к выбору, выражающему личные предпочтения и возможности, при этом какие-либо различия между мужчинами и женщинами в возможностях достижения зрелой идентичности не выявлены.

Традиционный психоанализ признает, что мужская и женская модели диаметрально противоположны по своим качествам. И если для типично мужского поведения характерны активность, агрессивность, решительность, стремление к соревнованию и достижению, способности к творческой деятельности, рассудочность, то для женского — пассивность, нерешительность, конформность, отсутствие логического мышления, эмоциональность и социальная уравновешенность. З. Фрейд (1989) полагал, что личность тогда развивается гармонично и полноценно, когда следует вышеописанным моделям. В этом случае не нарушается ее половая идентификация. В концепции «стремления к власти» А. Адлера слабость приравнивается к фемининности, а сила — к маскулинности. При этом оба пола пытаются вытеснить чувства несостоятельности и неполноценности, что выражается в такой форме гиперкомпенсации, как «маскулинный протест».

Другое объяснение было предпринято в рамках школы *социального научения*, которая рассматривает механизмы формирования гендерной идентичности, модифицируя основной принцип бихевиоризма — принцип обусловливания. Поскольку взрослые поощряют мальчиков за маскулинное и осуждают за фемининное поведение, а с девочками поступают наоборот, ребенок сначала учится различать полодиморфические образцы поведения, затем выполнять соответствующие правила и, наконец, интегрирует этот опыт в своем «образе Я». Исходя из положений этой школы предписываемое полу поведение определяется как поведение, вызывающее разные подкрепления для разного пола, и обозначается как половая типизация.

В *интеракционистской ориентации* механизмом конструирования гендерной идентичности мужчин и женщин выступает осознание своей социальной позиции и статуса сквозь призму восприятия ее другими людьми, т. е. социальная рефлексия.

В *когнитивистском направлении* основным механизмом конструирования гендерной идентичности являются процессы самокатегоризации. Согласно когнитивной теории формирование полового стереотипа зависит от общего интеллектуального развития ребенка. Этот процесс не является пассивным, а связан с проявлением самокатегоризации, т. е. причислением ребенком себя к определенному полу. С точки зрения Л. Кольберга, формирование гендерного стереотипа в дошкольные годы зависит от общего интеллектуального развития ребенка, и этот процесс не является пассивным, возникающим под влиянием социально подкрепляемых упражнений, а связан с проявлением самокатегоризации. Ребенок усваивает представление о том, что значит быть мужчиной или женщиной, затем определяет себя в качестве мальчика или девочки, после чего старается согласовать поведение с представлениями о своей гендерной идентичности. Л. Кольберг считает, что подкрепление начинает оказывать существенное влияние только после того, когда прошла первичная типизация.

Представители «*новой психологии пола*» (С. Бем, Э. Маккоби, Дж. Мани и др.) считают, что основную роль в формировании гендерной идентичности играют социальные ожидания общества, которые возникают в соответствии с конкретной социально-культурной матрицей и находят свое отражение в процессе воспитания.

На разных этапах жизненного пути женщин и мужчин разные механизмы конструирования своей идентичности играют разную роль. Так, процессы самокатегоризации более актуальны в детском возрасте, а социальная рефлексия и освоение конструктивных способов разрешения кризи-

сов идентичности значимы и востребованы в молодом и зрелом возрасте.

Анализ этих концепций позволяет выявить многоуровневость понятия «гендерная идентичность».

Факторы, которые способны оказывать влияние на формирование гендерной идентичности, бесконечно разнообразны и сложны. Существование таких факторов было подтверждено в работах Дж. Мани (Money, 1977, 1994), Дж. Мани и А. Эрхард (Money, Ehrhardt, 1972). Модель, которую мы рассмотрим, постепенно оформлялась, начиная с 70-х гг., и все еще уточняется данными новых исследований. Полезно сгруппировать факторы, определяющие гендерную идентичность человека, по **трем категориям**:

1. Пренатальные факторы. До рождения ребенка на свет целый ряд факторов, обусловленных наследственностью, деятельностью гонад и общим ходом развития, взаимодействует между собой, подготавливая почву для последующей идентификации его как мальчика или девочки. Еще до того, как ребенок родился и его пол установлен, большая часть событий, служащих основой для гендерной идентификации, уже произошла.

Самое раннее событие, определяющее первоначальный пол человека и запускающее программу гендерной идентичности, происходит в момент зачатия, когда комбинируются хромосомы обоих родителей. Как правило, человеческие гаметы — яйцеклетка и сперматозоид — содержат по 23 хромосомы, одна из которых является половой. Половая хромосома, переносимая сперматозоидом, может быть как X-, так и Y-хромосомой. Яйцеклетка всегда содержит X-хромосому. Если ее оплодотворяет сперматозоид, несущий X-хромосому, возникающая в результате XX-комбинация половых хромосом обеспечивает осуществление генетической программы развития женского организма. Если яйцеклетку оплодотворяет сперматозоид, содержащий Y-хромосому, возникающая XY-комбинация означает развитие признаков мужского пола. Если генетический механизм функционирует

нормально, заложенная в нем программа приводит к появлению мальчика или девочки.

Реальные механизмы, с помощью которых эти гены могут влиять на формирование мужских или женских признаков, все еще не поняты до конца. Иногда оплодотворенная яйцеклетка содержит только непарную X-хромосому, или же вторая X-хромосома как-либо повреждена. Это приводит к развитию по женскому типу, но яичники не могут нормально развиваться, и взрослая женщина не способна иметь детей (синдром Тернера). Оплодотворенная яйцеклетка с непарной Y-хромосомой и без X-хромосомы, очевидно, нежизнеспособна. До сих пор не было обнаружено ни одного человека с одной непарной Y-хромосомой.

Другие неправильные комбинации половых хромосом у человека — XXX (триплодия X-хромосомы), XXY (синдром Клайнфельтера) и XYY (синдром избыточной Y-хромосомы). В некоторых случаях может быть в наличии нормальная пара половых хромосом, но с генетическими дефектами на одной из них. Дети, рожденные с подобными генетическими нарушениями, обычно отличаются неправильным развитием половых органов, необычной формой тела, нарушениями в поведении или задержкой умственного и эмоционального развития.

Вплоть до восьмой недели развития у человеческого эмбриона невозможно определить пол по внешнему виду гениталий. Тем не менее генетический материал половых хромосом содержит всю информацию, необходимую для формирования гонад и гениталий. Первоначально внутри зародыша формируется пара крошечных половых желез, которые потенциально могут развиваться в яички или яичники. У зародыша также представлены две пары выводящих путей: мюллеровы протоки, являющиеся потенциальными органами размножения женщины, и вольфовы протоки, которые могут преобразоваться в мужскую репродуктивную систему. Исследования показывают, что именно наличие или отсутствие Y-хромосомы определяет развитие из гонад яичек или яичников. Если присутствует одна X-хромосома и по мень-

шей мере одна Y-хромосома, то в норме развиваются яички. Любая комбинация, в которой отсутствует Y-хромосома, приводит к формированию яичников.

Половые железы зародыша, чьи хромосомы запрограммированы на формирование женских признаков, автоматически разовьются в яичники. Однако если гонады запрограммированы на развитие по мужскому типу, для формирования яичек необходим еще один процесс. Значительный объем исследовательских данных указывает на существование вещества, названного H-Y-антигеном, которое помогает превращению зародышевых половых желез в яички. Тот факт, что для развития эмбриона по мужскому типу необходимо присутствие этих двух гормонов, называется «принципом Адама».

Насколько известно на сегодняшний день, развитие женских половых органов и всей репродуктивной системы не зависит от производства какого-либо гормона, и этот факт получил обозначение «принцип Евы».

В нижней части формирующегося плода располагается крошечный, одинаковый у обоих полов генитальный бугорок. На двенадцатой неделе развития мужские и женские половые органы ясно различимы.

Одним из наиболее замечательных достижений в исследовании пола у животных было открытие того факта, что на стадии эмбрионального развития гормоны не только управляют образованием половых органов зародыша, но и способны влиять на формирование частей мозга и гипофиза. Начаты исследования человеческого мозга, которые призваны показать отличия в числе и локализации нервных синапсов в гипоталамусе у мужчин и женщин.

Таким образом, *пренатальными факторами* являются:

- 1) соединение хромосом сперматозоида и яйцеклетки при зачатии;
- 2) зародышевые половые железы (яички и яичники);
- 3) выработка или отсутствие выработки гормонов у плода;
- 4) рост мужских или женских половых органов.

2. **Факторы младенчества и детства.** Сразу же после рождения ребенка его морфологический пол устанавливается по внешнему виду его гениталий. За исключением случаев рождения детей с неясно выраженными половыми органами, при рождении младенцев обычно не возникает трудностей с определением их пола. Мимолетного взгляда на гениталии достаточно, чтобы определить, отнести новорожденного к мальчикам или девочкам. Как только кто-нибудь объявляет «Мальчик!» или «Девочка!», запускаются социальные механизмы, которые впоследствии будут помогать формированию гендерной идентичности взрослого человека.

Хотя это может показаться довольно простой задачей, иногда аномалии дородового развития делают невозможным однозначное определение пола ребенка — мужского или женского. Подобного рода неопределенность порождает ситуации, когда родителям необходимо принять решение о характере медицинского вмешательства и его необходимости, если они хотят, чтобы их ребенок мог соответствовать той или иной категории. Как только такие решения приняты и лечение проведено, младенец воспитывается как мальчик или девочка, независимо от того, каким является его генетический пол. В конце концов, каждый ребенок начинает вырабатывать отчетливые представления и восприятие своего собственного тела и половых органов.

Большинство специалистов полагают, что мальчики и девочки в процессе воспитания подвергаются разному обращению, что получило название *дифференцирующей социализации*. В каждом обществе от мужчин и женщин ожидается соответствие неким предписанным ролям, и в каждом обществе, как правило, мужчины и женщины обладают довольно согласованными представлениями об этих ожиданиях, нравятся они им или нет. Например, сразу же после определения пола розовый и голубой цвета могут быть использованы как отличительный признак, соответствующий названному полу, а о ребенке будут говорить «он» или «она». Также предполагается,

что с девочками будут обращаться нежнее и в более опекающем стиле, а с мальчиками — жестче, поощряя их на независимое поведение, свидетельство того, что физические наказания чаще применяются к мальчикам, чем к девочкам.

Подрастая, дети подвергаются дальнейшей социализации и усваивают поведенческие паттерны, которые считаются уместными для их пола. По мере того как ребенок все больше и больше осознает себя, он начинает реагировать на воздействия со стороны окружающих его людей и становится носителем различимой «Я-концепции», включающей представление о себе как о мальчике или девочке. Постепенно ребенок все явственнее осознает свой пол, наличие у себя мужских или женских половых органов и определяет их как часть своей природы.

Двухлетние дети уже могут обозначить себя как мальчиков или девочек. С этого возраста их поведение начинает дифференцироваться в довольно определенном направлении, как в смысле биологического развития, так и в отношении формирования гендерной идентичности.

Такими образом, *факторами младенчества и детства* являются:

- 1) определение пола при рождении;
- 2) воспитание ребенка в качестве мальчика или девочки;
- 3) представления ребенка о своем теле.

Все эти факторы ведут к развитию *первичной гендерной идентичности*.

3. Факторы пубертатного периода. Ребенок продолжает повседневно получать от других людей подтверждение или опровержение своей гендерной идентификации. В период полового созревания новые гормональные изменения в его теле ведут к дальнейшему развитию половых органов и появлению вторичных половых признаков. Также в этот период происходит увеличение интереса к сексуальным темам. Эти процессы, если они протекают обычным образом, продолжают подтверждать гендерную идентичность индивидуума по мере приближения к

взрослому состоянию. Если в пубертатном периоде не происходят ожидаемые изменения (если программа гендерной идентификации имеет некие внутренние несоответствия) и гендерная самоидентичность ребенка не подтверждается, это часто приводит к душевному конфликту и эмоциональному кризису.

Факторами пубертатного периода являются (Келли, 2000):

- 1) гормоны во время пубертатного периода;
- 2) физические изменения в пубертатный период у подростков;
- 3) изменения в половом влечении и в поведении при половом созревании.

Таким образом, эти три стадии формирования гендерной идентичности (пренатальные факторы, факторы младенчества и детства и факторы периода полового созревания) влияют на развитие гендерной идентичности взрослого человека.

Гендерная идентичность взрослых обычно распознается как более маскулинизированная у мужчин и более феминизированная у женщин. Маскулинные и фемининные элементы присутствуют в каждом человеке, даже если его доминирующая идентичность больше склоняется к тому или иному типу. Поэтому различия в поведении мужчин и женщин носят во многом количественный характер, т. е. отличаются в основном по частотности проявления индивидуумом конкретных видов поведения. Также следует понимать, что многое из того, что рассматривается как маскулинные и фемининные черты, определяется обществом и культурой.

Женскую идентичность определяют через категоризацию себя как представительницу женской социальной группы. Мужская идентичность — категоризация себя как представителя мужской социальной группы. Женская и мужская идентичность предполагают воспроизведение гендерно обусловленных ролей, диспозиций, самопрезентаций.

Конструирование женской идентичности непосредственно связывают со специфичным для женщины «женским опытом». Он начинает создаваться благодаря особенностям

социализации девочек. Родители с младенческого возраста создают гендерно-нормированный образ новорожденного ребенка (бантики, длинные волосы, нарядные платья и т. п.), а также поощряют гендерно-нормированное поведение (нерешительность, эмпатийность, пассивность и т. п.). В дальнейшем «быть девочкой» «помогают» институты социализации, важнейшими агентами которых являются ровесники, а также СМИ, наиболее жестко отстаивающие гендерные ролевые стереотипы.

Традиционно считается, что в процессе социализации мальчик находится в более сложном положении, чем девочка. Его воспитатели, как правило, женщины, что обуславливает недостаточность объектов для идентификации. Кроме того, «мужской» ролевой набор более ограничен и жесток, а традиционное воспитание не поддерживает проявлений «мужского» поведения (независимого, инициативного, активного и т. д.). Дальнейшая социализация мальчиков связана с социальными барьерами на пути развития маскулинности, провоцирующими эмоционально-когнитивный диссонанс, следствием которого является «полоролевая растерянность» либо утрированно маскулинные полоролевые ориентации.

На первый взгляд, современное общество предъявляет к поведению девочки менее жесткие нормативные требования, чем к поведению мальчика. Кроме того, с детства ее окружают воспитатели-женщины, с которыми девочка может идентифицировать себя. Однако меньшая ценность «женского» в обществе затрудняет развитие позитивной «Я-концепции» девочки. Принадлежность к «лучшей половине человечества», но реально «менее ценной» и обладающей меньшими возможностями и властью в социальной группе, рождает проблемы со становлением женской идентичности, особенно если девочка обладает высокими социальными способностями и склонна лидировать.

Существует довольно мало качественных различий между мужчинами и женщинами, т. е. таких черт, которые являются исключительной принадлежностью тех либо других.

Несколько мужских и женских физиологических характеристик или функций не могут быть сколько-нибудь существенно изменены под влиянием культуры: менструации, вынашивание детей и выработка молока молочными железами у женщин, эякуляция спермы у мужчин. Различия в половых органах и в их роли в размножении и, в меньшей степени, различия вторичных половых признаков обычно легко распознаваемы. За пределами этих основных черт мало доказательств существования врожденных характеристик, которые могут быть определены как несомненно мужские или женские.

Таким образом, двухлетний ребенок знает свой пол, но еще не может определить причины своего выбора. В 3—4 года он уже способен осознанно определять пол окружающих людей, но зачастую связывает его с внешними, случайными признаками, кроме того, половая принадлежность считается детьми данного возраста изменяемой характеристикой. Необратимость половой принадлежности осознается детьми примерно к 6—7 годам, что сопровождается усилением половой дифференциации поведения и установок. Следующий важнейший этап формирования гендерной идентичности — это подростковый возраст. Подростковая гендерная идентичность становится центральным компонентом самосознания. Гендерная идентичность взрослого человека представляет собой сложно структурированное образование, включающее помимо осознания собственной половой принадлежности сексуальную ориентацию, «сексуальные сценарии», гендерные стереотипы и гендерные предпочтения.

5.4. Понятие ролей, социальных ролей и гендерных ролей

В научный оборот термин «роль» ввели в 1920—1930-е гг. Дж. Мид и Р. Линтон. Основоположник интеракционистской ориентации Дж. Мид не дал определения понятия роли. При изложении своих концепций он употреблял понятие роли как весьма неопределенное и применял этот термин, когда развивал идею «принятия роли другого» для объясне-

ния акта взаимодействия индивидов в процессе речевой коммуникации. Фактически понятие роли было взято из сферы театра, где оно использовалось как метафора для обозначения ряда феноменов социального поведения.

Значительный вклад в развитие ролевой теории внес Р. Линтон. Он предложил статусно-ролевую концепцию, в рамках которой связи индивида с различными системами общества раскрываются через понятия «роль» и «статус». Широко известно его определение роли как динамического аспекта статуса. Роль, по мнению Р. Линтона, включает установки, ценности и поведение, предписываемое обществом для каждого, имеющего определенный статус. Роль представляет собой внешнее поведение.

В психологическом словаре дано следующее определение роли: «роль (от франц. *role*) — соответствующий принятым нормам способ поведения людей в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений» (Психология, 1991. С. 346). Индивидуальное исполнение человеком роли имеет определенную «личностную окраску», зависящую, прежде всего, от его знаний и умения находиться в данной роли, от ее значимости для него, от стремления в большей или меньшей степени соответствовать ожиданиям других. Диапазон и количество ролей определяются многообразием социальных групп, видов деятельности и отношений, в которые включена личность, ее потребностями и интересами.

Таким образом, в широком смысле понятие роли обозначает способ поведения людей в системе межличностных отношений, зависящий от их позиции в обществе, отвечающий принятому в данном обществе набору норм, предписаний и ожиданий.

Социальная роль представляет собой функцию равноуровневых явлений объективного и субъективного порядка, которые находят отражение в ролевом поведении личности. *Объективный аспект* ролевого поведения задается исполнителю общим способом или выработанным в данном обще-

стве стандартом поведения той или иной социальной роли. *Субъективная сторона* роли определяется особенностями личности исполнителя роли; ролевое поведение при этом приобретает индивидуализированную, личностную окраску. Каждый человек привносит индивидуальное своеобразие в процессе выполнения той или иной роли.

Субъективные и объективные стороны проявления социальной роли соотносятся с социологическим и социально-психологическим подходами к ее изучению. Социологический подход к социальной роли, как правило, имеет отношение к ее безличной, содержательной и нормативной стороне, т. е. к виду и содержанию деятельности, к предполагаемому выполнению определенной социальной функции, а также нормам поведения, предъявляемым обществом к выполнению этой функции. Социально-психологический аспект социальной роли связан, прежде всего, с исследованием субъективных факторов социальной роли, т. е. с раскрытием определенных социально-психологических механизмов и закономерностей восприятия и исполнения социальных ролей.

Исследования социальных ролей помогают прояснить особенности поведения личности, ее взаимосвязи с социальной средой. Специфика социальных ролей, их классификация, взаимовлияние личности и социальной роли, ролевые конфликты — все эти вопросы разрабатывались в ролевых теориях.

Американские социальные психологи М. Дойч и Р. Краузе выделяют следующие аспекты социальной роли как феномена (см.: Клецина, 2004. С. 167):

- 1) роль как существующая в обществе система ожиданий относительно поведения индивида, занимающего определенное положение, в его взаимодействии с другими индивидами;
- 2) роль как система специфических ожиданий по отношению к себе индивида, занимающего определенное положение, т. е. как он представляет модель своего собственного поведения во взаимодействии с другими индивидами;
- 3) роль как открытое, наблюдаемое поведение индивида, занимающего определенное положение.

Другими словами, в первом случае речь идет о представлении других людей о том, как должен вести себя индивид, занимающий определенное положение или позицию, во втором — о его собственном представлении, как он должен себя вести в той или иной статусной позиции, и в третьем — о наблюдаемом (реальном) поведении индивида, занимающего определенную позицию.

Если окружающим людям известна социальная роль какого-либо индивида в данный момент, то они будут предъявлять к его поведению соответствующие ролевые ожидания. Эти ожидания могут включать в себя вполне определенные предписания (то, что человеку *необходимо* делать обязательно), определенные запреты (то, чего человек *не должен* делать) и ряд менее точно определенных ожиданий (то, что человеку *следовало бы* делать в данной роли). Когда поведение индивида, выполняющего какую-либо социальную роль, соответствует ожидаемому образцу, оно считается успешным.

Успешность выполнения роли индивидом зависит от ряда факторов:

- 1) от знания роли или представления о правилах и обязанностях, связанных с данной ролью;
- 2) значимости выполняемой роли;
- 3) умения выполнять данную роль;
- 4) способности рефлексировать свое ролевое поведение.

Неуспешное исполнение той или иной роли может вызвать конфликт.

Одним из видов социальных ролей являются гендерные роли.

Люди демонстрируют окружающим, насколько они по отношению к обществу занимают мужскую, женскую или кроссгендерную позицию, своими высказываниями на эту тему, стремлением к сексуальной привлекательности, поведением. Это публичное, внешнее выражение гендера называется гендерной ролью. Под гендерной ролью понимается система социальных стандартов, предписаний, стереотипов,

которым человек должен соответствовать, чтобы его признавали как мальчика (мужчину) или девочку (женщину).

Параметры, по которым люди оценивают и воспринимают свою гендерную роль, частично являются физическими (например, внешний вид половых органов и всего тела) и частично социокультурными (например, длина волос, одежда и принятые в данном обществе стандарты мужского и женского поведения).

Развитие психических качеств, способов поведения не имеет жестких биологических предписаний. Это в полной мере относится и к половой дифференциации. Осознание собственной половой принадлежности и становление гендерной идентичности человека — одно из направлений его социализации. Процесс гендерной социализации определяется и направляется с помощью различных социальных и культурных средств. Для этого в каждом обществе существуют определенные гендерные роли.

Таким образом, *гендерные роли* — это роли, обусловленные дифференциацией людей в обществе по признаку пола. Гендерная роль — дифференциация деятельности, статусов, прав и обязанностей индивидов в зависимости от их половой принадлежности; относится к виду ролей социальных, нормативна, выражает определенные социальные ожидания (экспектации), проявляется в поведении. На уровне культуры они существуют в контексте определенной системы половой символики и стереотипов маскулинности и фемининности. Гендерные роли всегда связаны с определенной нормативной системой, которую личность усваивает и преломляет в своем сознании и поведении.

Гендерные роли можно рассматривать как внешние проявления моделей поведения и отношений, которые позволяют другим людям судить о принадлежности индивида к мужскому или женскому полу. Другими словами, *это социальное проявление гендерной идентичности индивида*.

Гендерные роли относятся к типу предписанных ролей. Статус будущего мужчины или будущей женщины приобре-

тается ребенком при рождении, а затем в процессе гендерной социализации ребенок обучается исполнять ту или иную гендерную роль. Существующие в обществе гендерные роли оказывают большое влияние на процесс социализации детей, во многом определяя его направленность.

Гендерные роли можно изучать на **трех различных уровнях**. На *макросоциальном уровне* речь идет о дифференциации социальных функций по половому признаку и о соответствующих культурных нормах. Описать «женскую роль» на этом уровне — значит раскрыть специфику социального положения женщины (типичные виды деятельности, социальный статус, массовые представления о женщине) через соотнесение его с положением мужчины в рамках данного общества.

На *уровне межличностных отношений* гендерная роль производна не только от общесоциальных норм и условий, но и от изучаемой конкретной системы совместной деятельности. Роль матери или жены всегда зависит от того, как конкретно распределяются обязанности в данной семье, как определяются в ней роли отца, мужа, детей и т. д.

На *интраиндивидуальном уровне* интернализированная гендерная роль — производная от особенностей конкретной личности: индивид строит свое поведение в качестве мужа или отца с учетом своих представлений о том, каким, по его мнению, вообще должен быть мужчина, на основе всех своих осознанных и неосознанных установок и жизненного опыта.

Гендерная социализация ребенка начинается буквально с момента рождения, когда родители и другие взрослые, определив паспортный пол младенца, начинают обучать его гендерной роли мальчика или девочки.

Следующий этап усвоения гендерной роли связан с внедрением гендерной схемы в структуру «Я-концепции» ребенка. Дети учатся применять схему не только для селекции поступающей извне информации, но и в отношении к самим себе. Дети выбирают из множества возможных человеческих характеристик только те, которые определены в данной культуре как приемлемые для его или ее собственного пола и

поэтому подходят для организации разнообразного содержания «Я-концепции».

В традиционных обществах мужские и женские роли резко отличаются. Они, как правило, полярны. От женщины в первую очередь ожидается, что в системе ее ценностей приоритетными будут роли матери, жены, хозяйки, хранительницы домашнего очага, т. е. семейные роли. Все остальные роли должны быть второстепенными, они не должны мешать исполнению главных социальных женских ролей.

Для мужчин главными ролями являются профессиональные роли, от мужчины ожидается успехи в публичной сфере, а также то, что он материально обеспечит свою семью.

Широко распространены предубеждения в невозможности исполнения мужчинами или женщинами определенных ролей. Например, многие люди придерживаются следующих мнений относительно гендерных ролей: «Женщина не может быть хорошим руководителем», «Политика — не женское дело», «Мужчине нельзя доверить грудного ребенка» и др.

В научной литературе описаны люди, которые чрезмерно усиливают принятые в данной культуре признаки маскулинности или фемининности. *Гипермаскулинность* — это склонность к усилению того поведения, которое воспринимается как мужское. Она принимает такие формы, как агрессивность, внешнее непроявление эмоций в сексе и подчеркнутая защита своей чести, если та подвергается действительной или мнимой угрозе. *Гиперфемининность* характеризуется большей внимательностью и почтением к другим, особенно мужчинам, большим принятием агрессивного поведения со стороны окружающих и поддержкой традиционных установок о правах и роли женщин в обществе.

Некоторые люди переходят через традиционную грань, разделяющую «ожидаемые» гендерные роли мужчин и женщин. Они испытывают определенный дискомфорт от традиционной мужской и женской идентификации и/или проявляют определенный уровень нонконформизма по отношению к ним. *Кроссгендерность* может проявляться в разной степени. Степень кроссгендерности может варьировать от

случайных дней или времени на отдыхе, когда человек одевается и действует как представитель «противоположного» пола, и вплоть до того, что такое поведение проявляется в течение длительных периодов, при этом человек может даже доказывать своим друзьям и коллегам, что это и есть его настоящая гендерная идентичность. Наиболее крайней формой кроссгендерности является транссексуализм. Очень мало известно о причинах кроссгендерности. Только дальнейшие исследования факторов, определяющих гендерную идентичность, гендерную роль и сексуальную ориентацию, могут дать правильные ответы на те загадки, которые все еще окружают истоки кроссгендерности.

Традиционные гендерные роли сдерживают развитие личности и реализацию имеющегося потенциала. Эта идея явилась толчком к разработке Сандрой Бем концепции андрогинии, согласно которой человек, независимо от своего биологического пола, может обладать чертами как маскулинности, так и фемининности, соединяя в себе как традиционно женские, так и традиционно мужские качества. Это позволяет выделить маскулинную, фемининную, андрогинную модели гендерных ролей. Эта идея была развита дальше, и Дж. Плек в своих работах начал говорить о расщепленности, или фрагментарности, гендерных ролей. Не существует единой мужской или женской роли. Каждый человек выполняет ряд разнообразных ролей (жены, матери, деловой женщины и т. д.), зачастую эти роли могут не совмещаться, что ведет к ролевому внутриличностному конфликту.

Многообразие гендерных ролей в различных культурах и в разные эпохи свидетельствует в пользу гипотезы о том, что наши гендерные роли зависят от культуры и от исторической эпохи.

Результаты исследований говорят о разительном неравенстве женщин во всем том, что касается работы, оплаты труда, статуса и власти в обществе. Рассмотрим *ограничения, которые накладываются традиционной женской ролью.*

1. Хранительница домашнего очага

Многие из нас воспитаны в убеждении, что место женщины — у домашнего очага, но только 40 % женщин проводят

дома все свое время (эта цифра включает женщин пенсионного возраста). Оплачиваемый труд удовлетворяет не только экономические, но и многие социальные потребности человека, такие как потребность в признании, уважении, статусе и стимуляции. Человеку, проводящему целый день дома, удовлетворить эти потребности гораздо сложнее. Для фрустрации, переживаемой многими женщинами, чьей единственной ролью оказалась роль домохозяйки, Таврис и Оффер (Tavris, Offer, 1997) даже ввели специальный термин — синдром домохозяйки («*housewife syndrome*»).

Домохозяйки часто чувствуют свою социальную изоляцию. Это ощущение усиливают такие факторы, как ограничение свободы передвижений, большое количество работающих женщин вокруг и постоянное внимание, которого требуют маленькие дети. Поэтому некоторые исследователи находят, что домохозяйки обычно имеют более низкую самооценку, чем работающие женщины.

Согласно теории власти в семье (*family power theory*) тот из супругов, кто обладает большими экономическими возможностями, обладает также и большей властью. Финансовая зависимость домохозяйки от мужа делает ее менее влиятельной фигурой в доме, т. к. это «его» деньги и он единственный, кто занят «настоящим» делом (поскольку труд женщины в доме не оплачивается, люди часто рассматривают его как менее ценный, чем оплачиваемый труд).

Таким образом, роль домохозяйки, «хранительницы домашнего очага» — это вовсе не такая идиллия, как это представляет нам телевидение, и те, кто играет эту роль в реальной жизни, достойны большего уважения и влияния, чем они имеют.

2. Домашний труд и работающая женщина

Одним из значительных ограничений, налагаемых традиционной женской ролью в наше время, является то, что работающая женщина продолжает нести на себе бремя домашних забот и ответственности за детей. Отработав смену вне дома, женщина приходит домой и работает вторую смену. Эта «вто-

рая смена» является причиной «разрыва во времени отдыха» у мужчин и женщин. Хотя исследования показывают, что мужья за последние 10 лет существенно увеличили свой вклад в ведение хозяйства, тем не менее работающая женщина по-прежнему выполняет в среднем 69 % работы по дому. Увеличение доли времени, которое женщины посвящают работе, привело лишь к небольшому сокращению их семейных обязанностей, а количество времени, отнимаемого у них заботой о детях (подготовка детей к школе, посещения врачей и т. д.), и вовсе осталось неизменным (см.: Берн, 2001. С. 129).

3. Различия в оплате труда мужчин и женщин

Американки европейского происхождения, работающие полную рабочую неделю на протяжении всего года, зарабатывают 68 % от того, что зарабатывают американские мужчины европейского происхождения. Заработная плата афроамериканок еще меньше, она составляет 61 % от зарплаты белых мужчин и 90 % от зарплаты белых женщин. Более того, они получают меньше, даже если выполняют ту же самую работу, что и мужчины. В СССР в 1979 г. 88,4 % женщин трудоспособного возраста работали или учились, что являлось самым высоким показателем занятости женщин в мире (среди мужчин — 89,2 %). Разрыв в оплате труда мужчин и женщин в то время был порядка 25—30 % в пользу мужчин. В 90-е гг. в условиях наступления хронического социально-экономического кризиса произошло снижение женской занятости. За рассматриваемый период средняя разница в оплате труда мужчин и женщин в нашей стране еще более сместилась в пользу мужчин: она составляет теперь порядка 30—40 %.

Существуют несколько наиболее распространенных объяснения различной оплаты труда мужчин и женщин. Во-первых, женщины, в силу традиции, заняты на преимущественно «женских» работах, за которые платят меньше, чем за традиционно «мужские» работы. Объяснение на основе компенсирующих отличий предполагает, что женщины выбирают низкооплачиваемые работы, получая взамен лучшие условия тру-

да: хороший социальный климат, возможность помогать другим, более гибкий график или более легкую работу.

Рабочая сила разделена по признаку пола, т. е. большинство профессий принадлежат преимущественно одному или другому полу. Женщины сконцентрированы в основном в таких отраслях экономики, как здравоохранение, социальное обеспечение (82,9 % всех занятых в этой сфере), образование (79,7 %), культура (73,6 %) (см.: Беларусь, 2000. С. 70). Структура профессиональной деятельности женщины в определенном смысле воспроизводит сложившуюся в обществе систему социальных ролей, когда на уровне социума за женщинами закрепляются такие виды занятий, которые они традиционно выполняют в семье: воспитание детей оборачивается концентрацией женщин в образовании; здоровье близких — в здравоохранении; забота и уход за другими членами семьи — в социальном обеспечении. Эти отрасли экономики традиционно финансировались по остаточному принципу, что негативно сказывалось на заработной плате. В определенном смысле это можно назвать профессиональной сегрегацией — концентрацией одного пола в профессиях, которые оплачиваются ниже, чем остальные.

Что укрепляет женщин в готовности продолжать работать или идти на низкостатусную и плохо оплачиваемую работу? Это негативное восприятие собственных шансов на рынке труда и в связи с этим готовность считать свой второсортный статус само собой разумеющимся. Женщины и на разваливающихся, и на успешных предприятиях часто настроены пессимистичнее мужчин по поводу своих шансов найти другую работу.

Часть женщин убеждены, что предпочтение мужчин нанимателями чаще всего вполне справедливо. Достаточно часто считают, что их пол действительно менее способен и менее пригоден для ряда постов, даже когда этому противоречит их собственный опыт. Такое принятие иерархии рынка труда, где мужчины наверху, может считаться формой самоограничения со стороны женщин, лежащей в основе го-

товности согласия с плохо оплачиваемой низкостатусной работой, в конечном счете подчеркивающей подчиненную позицию. Большинство белорусских (как и российских) женщин не считают превосходство мужчин в сфере труда фундаментально несправедливым.

В Национальном отчете о человеческом развитии указываются истинные причины, по которым ущемляются права женщин (хотя напрямую работодатель их не называет): возраст (26,8 %), наличие малолетних детей (13,9 %), нежелание брать на работу именно женщину (9,8 %) (см.: Беларусь, 2000. С. 70). Несмотря на более высокий образовательный уровень, у женщин ниже самооценка своих трудовых возможностей и уверенность в своей ценности на рынке труда, сильнее ощущение своей неконкурентоспособности. Они считают, что у них не хватает молодости, смелости и решительности, плохое здоровье. Кроме того, на женщинах лежит все бремя ведения домашнего хозяйства, что значительно снижает их активность вне дома.

Возможно также, что женщины избегают «мужских» работ, предчувствуя неприятную психологическую обстановку, которая ожидает их на рабочем месте. Женщинам в мужских коллективах часто сопутствует «прохладная рабочая атмосфера»: их игнорируют, их профессиональные навыки недооцениваются, их ошибки преувеличиваются, к ним применяются двойные стандарты, на каждом шагу они встречаются с нежелательными сексуальными комментариями или в выражении прямого неприятия, им зачастую даже трудно получить доступ к необходимому оборудованию.

Во-вторых, *женщинам платят меньше, потому что они менее ценные работники, чем мужчины*. Мы знаем, что рабочие места в большинстве своем подразделяются на «мужские» и «женские» и что за работы, традиционно выполняемые женщинами, платят меньше, чем за те, что обычно делают мужчины. Но женщинам платят меньше даже тогда, когда они выполняют ту же самую работу, что и мужчины. Одно из распространенных объяснений такого несоответствия зар-

плат мужчин и женщин, выполняющих одну и ту же работу, основано на *принципе оценки человеческого капитала*. Этот принцип предполагает, что вознаграждение, получаемое индивидуумом за работу, зависит от его прошлых инвестиций в образование и профессиональную подготовку. Считается, что женщины зарабатывают меньше потому, что они меньше умеют, хуже образованы или имеют меньше опыта и, следовательно, являются менее ценными работниками. Хотя и в самом деле различные зарплаты мужчин и женщин иногда можно объяснить разницей в квалификации и опыте, статистические данные, касающиеся уровня образования, стажа и возраста работников, показывают, что 75 % подобных случаев остаются необъясненными.

В-третьих, *женщины получают меньше, потому что они ожидают получить меньше*. Существует предположение, что женщины заранее готовы получать более низкую зарплату, чем мужчины. Если женщина ожидает получить меньше, чем ожидает мужчина, то скорее всего ей и предложат меньшую по сравнению с мужчиной той же квалификации зарплату (см.: Берн, 2001. С. 137).

Важно помнить, что низкие ожидания женщин — наименее весомая причина низкой оплаты их труда. Большинство женщин просто работают на традиционно «женских» работах, за которые традиционно меньше платят.

Женщины, желающие делать карьеру в фирме, часто встречаются с явлением *«стеклянного потолка»*. Эта метафора выражает тот факт, что во многих организациях существует как бы невидимый потолок, выше которого женщины не могут продвигаться.

«Стеклянный потолок» (Glass ceiling) — термин, предложенный Линн Мартин для обозначения искусственно созданных барьеров, основанных на предрассудках, которые не позволяют квалифицированным работникам, и в первую очередь женщинам и представителям национальных меньшинств, продвигаться по службе и занимать руководящие посты в своих организациях (см.: Берн, 2001. С. 144).

Самыми распространенными объяснениями того, почему женщины, как правило, занимают в фирмах низкие должности, являются следующие:

1. *Женщины вносят меньший человеческий капитал в работу организаций.* Предполагается, что женщины меньше получают и медленнее продвигаются по службе, чем мужчины, из-за различий в человеческом капитале. Сравнивая мужчин и женщин — менеджеров из 500 компаний, Строч и его коллеги (Stroch, Brett, Reilly, 1992) заметили существенные различия в скорости продвижения по службе мужчин и женщин, даже в тех случаях, когда те и другие имели приблизительно одинаковое образование, опыт и способности. Они пишут, что «хорошая деловая практика», т. е. желание делать карьеру, приобретение опыта и т. д., оказывает более сильное влияние на продвижение человека по службе, чем его пол, но, тем не менее, женщины, следующие традиционно мужской модели карьеры, все-таки никак не могут догнать мужчин.
2. *Женщина не может управлять делом так же хорошо, как мужчина.* Тот факт, что женщины обычно занимают в фирме периферийные позиции, а места, предполагающие быстрое продвижение по служебной лестнице, оккупированы преимущественно мужчинами, часто объясняется следующим образом: хотя женщины и могут обладать некоторыми навыками, полезными для руководителя, у них обычно отсутствуют качества, позволяющие стать настоящим лидером. Однако существуют убедительные доказательства того, что женщины являются не менее эффективными руководителями, чем мужчины, что женщины-менеджеры часто имеют более высокий уровень мотивации, чем менеджеры-мужчины, а также что женщины-менеджеры лучше умеют справляться с конфликтными ситуациями.
3. *Стереотипы восприятия женщин, бытующие в обществе, возможно, являются причиной того, что женщин считают непригодными для роли лидера и руководящей работы.* Ген-

дерные стереотипы, изображающие женщин непригодными для роли лидера, настолько сильны в обществе, что свидетельства, говорящие об обратном, часто не принимаются во внимание при подборе кадров и принятии решений, касающихся карьеры женщин. Если принято считать, что место женщины в доме или что женщины — плохие лидеры и не годятся для ответственной работы, то их и не назначают на руководящие должности. Поскольку в нашем сознании преобладает образ женщины в традиционной женской роли, требующей совсем иных качеств, чем те, что необходимы для роли руководителя, нам трудно увидеть в женщине человека, подходящего для руководящей работы.

Гендерные стереотипы, возможно, являются причиной того, что начальство склонно приписывать достижениям женщин на типично мужских должностях скорее их стараниям, чем способностям. Успех женщин в «мужском деле» нарушает наши представления о жизни, и это заставляет нас недооценивать их деятельность, защищая привычную для себя картину мира. Обследование 748 менеджеров и их начальников показывает, что хорошая работа женщин-менеджеров очень редко приписывается их способностям, а характеристика работника как «способного» положительно коррелирует с его служебными перспективами (см.: Берн, 2001. С. 148).

4. *Внутри организаций могут существовать неписанные нормы, согласно которым на высокие должности лучше назначать мужчин.* Если правила, принятые в организации, прямо не предписывают назначать на руководящие посты и мужчин и женщин, то лицо, производящее эти назначения, часто выбирает мужчин просто в силу привычки. В некоторых случаях действительно существуют нормы, согласно которым женщины не должны назначаться на руководящие должности. Люди, работающие в такой организации, вынуждены действовать по этим правилам независимо от того, что они сами думают о пригод-

ности женщин к руководящей работе. Зачастую вышестоящие руководители хотя и не имеют сами никаких предрассудков по отношению к женщинам или национальным меньшинствам, тем не менее проводят дискриминационную политику, т. к. опасаются, что, если они будут действовать по-другому, это может отрицательно сказаться на их собственной карьере и влиянии в организации.

5. *Женщины не приобретают в ходе своей работы в организациях подходящего опыта, необходимого для продвижения по службе.* В большинстве организаций некоторые виды работ предполагают быстрое продвижение по служебной лестнице. Согласно статистике все эти места, как правило, заняты мужчинами. Женщины обычно назначаются на должности с меньшей властью и меньшими возможностями, таким образом, они оказываются «структурно дискриминированными» в своих организациях. Женщины в престижных, «мужских» организациях обычно сконцентрированы на «женских» должностях с малым влиянием или принимаются на работу в отделы с малой властью.

Женщинам, как правило, не поручают заданий, которые дали бы им возможность приобрести необходимый опыт и проявить себя в качестве претендента на руководящую должность.

Возможно, причиной медленного продвижения женщины по служебной лестнице является также относительное отсутствие у них доступа к неформальным взаимоотношениям, влияющим на политику компании. Из-за гендерной принадлежности, забот о своей женской привлекательности и неприкосновенности частной жизни женщины редко участвуют в неформальном общении своих коллег-мужчин. Разговоры о том, как делать карьеру, часто происходят за стойкой бара, на поле для гольфа или на теннисном корте.

6. *Обязанности женщин по отношению к дому и семье мешают им продвигаться по службе.* Возможно, домашние обязанности женщин не позволяют им тратить дополнитель-

ное время и силы на работу, что необходимо для продвижения по служебной лестнице. Возможно, для женщины трудно быть руководителем, потому что она не может оставаться на работе по вечерам и работать в выходные или потому, что забота о детях отнимает у нее много времени. Возможно, она даже нарочно выбирает работу с меньшими карьерными перспективами, но такую, которая не создаст ей больших проблем дома.

Для некоторых женщин эти обязанности действительно являются причиной того, что они не могут тратить дополнительного времени на работу и ездить в командировки, без чего невозможно быстрое продвижение по службе. Чем более ответственна работа и чем больше подготовки она требует, тем больше среди женщин, занятых этой работой, бездетных и тем меньше среди них женщин с тремя и более детьми. Женщины значительно чаще прерывают свою карьеру по семейным обстоятельствам, чем мужчины, и такие перерывы отрицательно влияют в дальнейшем на принятие решений о продвижении человека по службе, и в первую очередь это касается женщин.

Для женщины семья означает дополнительные обязанности и время, посвященное дому, для мужчины — нет. Напротив, многие мужчины думают, что делают все для своей семьи, будучи «добытчиками». Более того, поскольку традиционная роль мужчин предполагает, что работа и карьера — главное дело их жизни, мужчины, в отличие от женщин, обычно не чувствуют себя виноватыми, если работа оставляет им мало времени для семьи или если жена вынуждена отказываться от своих дел из-за их работы.

7. *Общепринятое мнение о том, что главная обязанность женщины — дом и семья, может мешать их продвижению по службе.* Многие женщины вполне выдерживают двойную нагрузку на работе и дома, но не получают должного вознаграждения, т. к. работодатели имеют вполне определенные устоявшиеся представления, касающиеся отно-

шения женщин к работе. Даже если женщина, имеющая детей, выполняет такой же объем работы и с тем же качеством, что и раньше, до появления у нее детей, начальство все равно склонно предполагать, что из-за семейных обязанностей она работает хуже. Работодатели также обычно придерживаются убеждения, что семейные обязанности женщины, имеющей детей, отрицательно влияют на эффективность ее работы.

Здесь неплохо вспомнить о том, что, согласно статистике, женщины, как правило, работают более старательно, чем мужчины, поэтому, когда в самом деле случается так, что из-за семейных обязанностей женщина начинает работать немного хуже, чем раньше, это часто означает лишь то, что эффективность ее работы снизилась до уровня, типичного для мужчины без всяких семейных обязанностей.

Существуют также *ограничения, накладываемые традиционной мужской ролью*. Мужчины постоянно сталкиваются с трудностями, созданными и поддерживаемыми традиционной мужской ролью. Можно выделить несколько причин, указывающих на необходимость изучения мужской психологии:

1. Хотя в целом мужчины обладают большим влиянием, чем женщины, существуют мужчины, и их немало, которые этим влиянием не наделены и которым жесткая мужская социализация принесла только вред. К тому же, обладая в обществе сравнительно большой властью, мужчины могут оказать интенсивную помощь в осуществлении перемен.
2. Общаясь с сильными женщинами, мужчины зачастую испытывают серьезные трудности. Ведь с детского возраста мальчики воспитываются в убеждении, что именно они должны быть сильными и властными, поэтому сильные женщины воспринимаются как угроза мужскому началу. Это противоречие требует разрешения, поскольку сильных женщин с каждым днем становится все больше.
3. Качество взаимоотношений с окружающими у мужчин нередко страдает из-за того, что эти отношения развора-

живаются в рамках, где не остается места для базовой человеческой потребности — интимности.

На сегодня существует сравнительно немного научных исследований, касающихся ограничений, которые накладывает традиционная мужская роль. Психологи начали изучать женскую роль после того, как внимание общества было привлечено феминистским движением к низкому социальному статусу женщин. В последние несколько лет мужская роль тоже пользуется все возрастающим вниманием исследователей. Это увлекательная и относительно новая область гендерных разработок. Все большее распространение получает та точка зрения, что некоторые социальные проблемы, например мужское насилие над женщинами, отчасти коренятся в традиционных представлениях о мужественности.

Нормы мужской роли также усваиваются посредством наблюдения за моделями поведения мужчин и через культурные каналы, например СМИ.

Носители роли находятся под постоянным нормативным и информационным давлением. Мужчины с головой погружены в океан социальной информации, которая дает им знания о том, что такое «мужественность» (информационное давление); общество поощряет их за гендерно соответствующее поведение и не устает наказывать за малейшие действия, не укладывающиеся в рамки ролевых норм (нормативное давление).

Томпсон и Плек определили мужскую роль как «социальные нормы, содержащие предписания и запреты относительно того, что мужчинам надо чувствовать и делать» (Thompson, Pleck, 1986. P. 531). Структура этих ролевых норм складывается из трех факторов. Первый связан с ожиданиями, что мужчины завоевывают статус и уважение других (*норма статуса*). Второй фактор, *норма твердости*, отражает ожидание от мужчин *умственной, эмоциональной и физической твердости*. Третий фактор — это ожидание того, что мужчина должен избегать стереотипно-женских занятий и видов деятельности (*норма антиженственности*) (см.: Берн, 2001. С. 167).

И наконец, *норма успешности/статуса*. В нашем обществе успех мужчины, а в конце концов и его мужественность определяются тем, насколько хорошо он удовлетворяет материальные нужды и потребности своей семьи. Первый вопрос, который задают мужчине при встрече, это: «Чем занимаешься? Где работаешь?» С этой нормой связан целый ряд ограничений для мужчин. Во-первых, большинство мужчин не способны на 100 % ей соответствовать, из-за чего имеют заниженную самооценку. Еще одним пунктом в этом ряду является тот факт, что носитель традиционной мужественности никогда не знает меры и не может наслаждаться тем, что имеет. Он должен постоянно наращивать объем и время работы, и такой стиль жизни часто приводит к появлению обусловленных стрессом физиологических и психологических симптомов.

Точка зрения, что главная обязанность мужчины в семье — исправно приносить большую зарплату, отрицательно влияет на исполнение им родительских функций, т. е. чтобы соответствовать этим ожиданиям, мужчина должен почти все свое время посвящать работе. По мере того как доходы отца растут, его вклад в воспитание обычно сокращается. Например, в Японии, где понятие о мужественности включает в себя полную самоотдачу на работе, отцы проводят со своими детьми в среднем 3 мин по будним дням и 19 мин по выходным (см.: Ishii-Kuntz, 1993. P. 46).

Норма твердости существует у мужчин в нескольких формах: физической, умственной и эмоциональной.

Норма физической твердости есть не что иное, как ожидание от мужчины физической силы и мужественности. Ту популярность, которой пользуется в наши дни бодибилдинг, смело можно считать реакцией на эту норму. Кроме того, такой реакцией является и категорическое отрицание боли и отказ от медицинской помощи при физическом недомогании. Мужчины, не способные реализоваться другими способами, особенно любят демонстрировать мужественность путем насилия. Иначе говоря, насилие часто уходит корнями в компенсаторную мужественность. Насилие является для

беспомощного в других областях мужчины единственным способом почувствовать себя сильным, сказать: «Я — мужчина, пускай я и не успешен в экономическом плане». Насилие над женщинами тоже может быть отнесено на счет компенсаторной мужественности.

Общепринятые стереотипы относительно мужчин говорят, что они с огромным трудом признают, что чего-то не знают, и предпочитают не спрашивать совета. В основе этого может лежать *норма умственной твердости*, которая поддерживает ожидания того, что мужчина будет выглядеть компетентным и знающим. Эта норма порождает большие проблемы в межличностных отношениях, т. к. мужчина, старающийся соответствовать ей, часто унижает других тем, что отказывается признать перед ними свою неправоту или допустить, что кто-то знает больше, чем он.

Норма эмоциональной твердости подразумевает, что мужчина должен быть эмоционально твердым: испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешить свои эмоциональные трудности без помощи со стороны. Именно эта норма порождает наиболее серьезные проблемы для мужчин и их любимых. Мужчины не менее эмоциональны, чем женщины, но из-за своей традиционной роли могут быть менее экспрессивны, им доступно выражение лишь одной социально приемлемой эмоции — злости.

Норма антиженственности побуждает мужчин избегать стереотипно считающихся женскими занятий, деятельности и моделей поведения. Эта норма (как и норма успешности/статуса) мешает полноценному отцовству. Многим мужчинам сложно даются эти действия, т. к. они связывают их с женственностью, а социализация учила их избегать любых проявлений женственности. В результате многие люди подрастают, оставаясь в неведении, любили ли их отцы по-настоящему или нет. Традиционная мужская роль отрицательно влияет на отцовство.

Таким образом, помимо позитивных аспектов мужественности, таких как настойчивость и уверенность, для каждого

конкретного мужчины существуют и негативные последствия традиционной социализации. Вместо того чтобы быть источником идентичности, мужская гендерная роль часто оказывается причиной тревоги и напряжения. В ситуациях, когда мужчине сложно поддерживать стандарт мужской роли или когда обстоятельства требуют от него проявления женских моделей поведения (например, заботы и сопереживания), которых просто нет в его репертуаре или есть, но они запрещены мужской ролью, возникает стресс. Этот стресс Айзлер называет *мужским гендерно-ролевым стрессом (МГРС)*. Обнаружилось, что МГРС положительно коррелирует со злостью и повышенным уровнем тревоги у мужчин. Мужчины с высоким показателем МГРС менее удовлетворены и тем, как они сами получают от окружающих поддержку. Прослеживается четкая взаимосвязь: избегая выражать нежные чувства, человек снижает вероятность самому получить эмоциональную поддержку и оказать ее другим (см.: Sauger, 1990. P. 270).

Не исключено, что мужчины изменились больше, чем мы думаем, но стереотипы о них не дают увидеть реальную картину происходящего, т. к. мы выделяем именно тех индивидумов и те элементы поведения, которые подтверждают традиционные стереотипы.

Для полноценного развития и самореализации человеку необходимо избавиться от ограничений, накладываемых традиционным стереотипом мышления на поведение мужчин и женщин, которые представляют собой лишь условность. Свобода от подобных стереотипов (а по сути — предрассудков) дает человеку возможность обрести душевное и физическое здоровье и способность жить полной жизнью.

Понятие гендерной роли неразрывно связано с проблемами гендерной социализации, гендерных стереотипов и гендерных отношений. Понимание этого термина дает ключ к осознанию таких психологических проблем, как межличностные и внутрличностные ролевые конфликты (напри-

мер, ролевой конфликт работающей женщины, конфликт позиции успеха и др.).

5.5. Модели маскулинности и фемининности

Рассмотрим существующие модели маскулинности и фемининности.

Простейшая модель, используемая для построения концепции гендерных ролей и гендерной идентичности, — это взгляд на «совершенно маскулинные» и «совершенно фемининные» как на два крайних полюса в непрерывном спектре. Это *биполярная модель*. Предположение, положенное в основу этой модели, следующее: чем чаще или сильнее человек проявляет маскулинное поведение, тем реже и слабее будет проявляться фемининное поведение, и наоборот. Другими словами, чем больше женского, тем меньше мужского. Другими словами, мужчины должны обладать маскулинной идентичностью, а женщины — фемининной.

Биполярная модель маскулинности и фемининности — это простейшая модель для построения концепции гендерных ролей. На этой основе западные психологи 30—60-х гг. XX в. сконструировали несколько специальных шкал для измерения маскулинности и фемининности умственных способностей, эмоций, интересов (шкала М/Ф ММРІ, шкала маскулинности Гилфорда). Эти шкалы предполагают, что индивиды могут в пределах какой-то нормы различаться по степени маскулинности и фемининности. Однако сами свойства маскулинности и фемининности представлялись альтернативными, взаимоисключающими: высокая маскулинность должна коррелировать с низкой фемининностью и наоборот: если мужчина имеет высокие показатели по шкале маскулинности, то его показатели по фемининным качествам должны быть низкими, а у женщин при высокой фемининности должны быть низкие показатели по маскулинным качествам личности.

Предполагалось, что выраженность маскулинных черт для мужчины и фемининных черт для женщины должна отражать их наибольшую психологическую адаптированность, однако эмпирические исследования успешности социального поведения не подтверждали эту жесткую биполярную описательную модель идентичности личности. Биполярная модель в силу своей упрощенности и схематичности продемонстрировала свои ограниченные возможности как теоретического конструкта.

Другие концепции фемининности и маскулинности, напротив, предполагают большую взаимную независимость этих двух качеств, чем в биполярной модели. В этих моделях считается, что некоторые люди с высокой частотой проявляют как маскулинное, так и фемининное поведение.

Ортогональная модель исходит из полной независимости маскулинности и фемининности, различные сочетания которых оказывают разное влияние на социальную адаптацию мужчин и женщин. В этой модели считается, что некоторые люди с высокой частотой проявляют как маскулинное, так и фемининное поведение. Мужественность и женственность не противопоставлены друг другу, а личность может обладать одновременно и мужественными и женственными чертами (психологическая андрогинность). В соответствии с существующими представлениями индивид не обязательно является носителем четко выраженной психологической маскулинности или фемининности. В личности могут быть на паритетных началах представлены существенные черты как маскулинного, так и фемининного типов. При этом предполагается, что у андрогина эти черты представлены гармонично и взаимодополняемо.

В **неортогональной модели** маскулинность и фемининность рассматриваются как полузависимые черты. Предполагается, что утверждение: чем более «маскулинизирован» человек, тем менее он «феминизирован», и наоборот, верно только до некоторой степени. Различие между этими

двумя моделями заключается лишь в степени независимости, которую они приписывают этим двум факторам.

Таким образом, определение маскулинного и фемининного поведения в первую очередь основано на влиянии среды и культурных ожиданиях. Биполярная модель предполагает наличие континуума маскулинных и фемининных черт, повышению частоты проявления которых к одному полюсу соответствует понижение частоты проявления тех же черт к другому. В ортогональной модели маскулинность и фемининность рассматриваются как совершенно независимые черты, а в соответствии с неортогональной моделью — как полунезависимые. В ортогональной и неортогональной моделях предполагается, что люди могут иметь различную степень выраженности маскулинности и фемининности. Ортогональную и неортогональную модель можно рассматривать как мультиполярный конструкт.

Гендерный подход к исследованию психологических проблем пола опирается на понимание гендерной идентичности как мультиполярного конструкта. Данный теоретический подход, используемый для исследования проблем гендерной идентичности, можно встретить в работах Джудит Спенс, Ричарда Костнера и Дженифер Аубе. В отечественной литературе об этом писал И. С. Кон в своей работе, посвященной мужским исследованиям и изучению маскулинности.

Основное отличие **мультиполярной модели** от биполярной заключается в том, что психологический пол рассматривается уже не просто как набор противоположных черт маскулинности или фемининности, а как более сложноорганизованный конструкт. В рамках данной концепции предполагается, что психологический пол личности, кроме маскулинных и фемининных свойств, включает в себя также и другие характеристики гендерной направленности: гендерные представления, стереотипы, интересы, установки полоролевого поведения. Все эти составляющие гендерной идентичности сложно взаимосвязаны меж-

ду собой, например, гендерные стереотипы, присущие личности, могут не коррелировать с ее гендерными поведенческими установками, а комплекс имеющихся у индивидов фемининных или маскулинных черт может находиться в обратной связи с полоспецифичными интересами. Гендерная идентичность при этом предстает как многоуровневая, сложноорганизованная структура, включающая в себя основной (базовый) и периферические комплексы характеристик (см.: Клецина, 2004. С. 82).

Индивидуальная концепция маскулинности или фемининности закладывается в раннем детстве и остается неизменной в течение жизни. У большинства людей гендерная идентичность соответствует биологическому полу. Лежащее в основе чувство принадлежности к мужскому или женскому полу соединяет основные компоненты психологического пола. Если глобальная гендерная идентичность будет сохраняться неизменной в течение жизни, то ценности, черты личности, полоролевое поведение будут меняться, что станет следствием или возрастными изменениями, или пережитого жизненного опыта.

Гендерная идентичность как мультиполярный конструкт состоит из множества составляющих, не жестко связанных между собой, причем каждая из гендерных характеристик может иметь свою историю развития. Маскулинные или фемининные характеристики не являются чем-то самоодовлевающим, они органически переплетаются с другими компонентами социальной идентичности личности: этнической, классовой, профессиональной, конфессиональной и др.

При мультиполярном подходе в процессе изучения проблем гендерной идентичности и ее составляющих использование одно- или двухшкальных опросников для измерения степени выраженности маскулинных и фемининных характеристик личности не может способствовать решению актуальных исследовательских задач.

В таблице 3 приводятся сравнительные описания биполярной и мультиполярной моделей.

Таблица 3

Сравнительная характеристика двух моделей психологического пола личности: биполярной и мультиполярной (см.: Клецина, 2004. С. 83—84)

№ п/п	Параметры	Биполярная модель	Мультиполярная модель
1	Количество типов психологического пола	Объектом изучения являются два психологических пола: мужской и женский	Объектом изучения являются не два, а существенно большее количество идентичностей, например пять: мужская, женская, транссексуальная, гомосексуальная, лесбийская
2	Содержательные составляющие психологического пола личности	Черты маскулинной идентичности: активность, целеустремленность, выраженность творческого потенциала, агрессивность, доминантность, инструментальный стиль деятельности и др. Черты фемининной идентичности: эмоциональность, нежность, любовь к детям, экспрессивный стиль деятельности и др.	Идентичность личности независимо от половой принадлежности может сочетать в себе разные свойства и качества личности: активность и эмоциональность, целеустремленность в делах и направленность на других людей и заботу о них, склонность к лидерству и дружелюбие и т. п. Например, женщина может продемонстрировать маскулинное поведение и проявлять фемининные интересы и ценности
3	Основные детерминирующие факторы	Преимущественно биологические факторы: маскулинные и фемининные характеристики предопределены биологическим полом индивида, они универсальны	Преимущественно социокультурные факторы: характеристики идентичности формируются в процессе гендерной социализации, они не универсальны, а существуют в определенном социокультурном контексте (социальный класс, этничность, место и время проживания)

№ п/п	Параметры	Биполярная модель	Мультиполярная модель
4	Устойчивость во времени	Характеристики психологического пола личности не изменяются	Практически неизменной остается базовая идентичность — принадлежность к определенному полу, другие характеристики гендерной идентичности могут изменяться под воздействием фактора времени и условий жизнедеятельности
5	Характер соотносительности маскулинных и фемининных качеств в структуре психологического пола	Характеристики двух психологических типов соотносительно противоположны, находятся в оппозиции, взаимоисключают друг друга	Маскулинные и фемининные характеристики существуют как независимые конструкты
6	Степень согласованности компонентов в структуре психологического пола	Все составляющие психологического пола согласованы и непротиворечивы (например, ценность семьи для женщины отражается в проявлениях заботы о членах семьи)	Гендерная идентичность не представляет собой монолитную структуру, ее компоненты могут быть рассогласованными и внутренне противоречивыми (например, женщина может иметь выраженную направленность как на семейную, так и на профессиональную самореализацию)
7	Степень нормативности конструктов	Маскулинность и фемининность — нормативные эталоны. Каждое отступление от норматива	Традиционные представления о маскулинности и фемининности не являются норматив-

№ п/п	Параметры	Биполярная модель	Мультиполярная модель
	маскулинности — фемининности	рассматривается как патология или шаг по направлению к ней	ными эталонами. Отступление от норматива маскулинности или фемининности не рассматривается как патология
8	Отношение к нетрадиционным формам сексуальной ориентации	Осуждение и запрет негетеросексуальных форм влечения и поведения	Принятие как существующий факт. Неосуждение, но и непропагандирование негетеросексуальных форм влечения и поведения
9	Психологическая адаптированность личности	Выраженность маскулинных черт для мужчины и фемининных черт для женщины отражает наибольшую психологическую их адаптированность	Индивиды, обладающие выраженными характеристиками, строго соответствующими их полу, не обнаруживают высокого уровня психологической адаптированности

Из таблицы 3 видно, что в биполярной модели маскулинность и фемининность биологически predetermined, неизменны, существуют как взаимоисключающие наборы психологических и социально-психологических черт, противопоставляемых друг другу в рамках нормативных конструктов для мужчин и женщин. В мультиполярной модели психологического пола принятие гендерной идентичности как дихотомичной структуры сменяется пониманием ее как множественного образования личности.

В мультиполярной модели конструкты «маскулинность» и «фемининность» выступают как независимые измерения. Психологический пол в биполярной модели представлен как нечто единое и объективно данное, в мультиполярной — как подвижная и изменчивая множественность, как продукт социума и культуры, производная существующей в конкретном обществе системы гендерных представлений и ожиданий.

Мультиполярная модель психологического пола раздвигает нормативные каноны полоспецифичного поведения. В соответствии с данной концепцией личность получает индульгенцию на проявление более широкого спектра индивидуальных поведенческих проявлений без боязни услышать в свой адрес упреки типа: «Женщины так не поступают» или «Мужчине такое поведение не свойственно» и др. Мультиполярная концепция оппонирует распространенному тезису о том, что современные мужчины совсем не такие мужественные, как раньше, а женщины перестают быть женственными.

В психологической литературе, кроме биполярной и мультиполярной моделей психологического пола, представлено описание и *андрогинной модели* гендерной идентичности. В соответствии с данной концепцией в маскулинной идентичности мужчин могут присутствовать и фемининные характеристики, а фемининная идентичность женщин может включать в себя и маскулинные черты. Эта концепция позволяет преодолеть обыденно понятное и неподвергаемое сомнению суждение о том, что в сообществе людей существуют представители только двух полов.

Биполярная модель половой идентичности в настоящее время является доминирующей в исследованиях специалистов по психологии пола, а в массовом сознании нормативные мужские и женские свойства по-прежнему выглядят альтернативными и взаимодополнительными.

И. С. Клецина рассматривает андрогинную модель психологического пола как переходную модель от биполярной к мультиполярной модели, позволяющей более полно описать гендерную идентичность современной личности (см.: 2004. С. 87).

Итак, главное отличие нового гендерного направления в психологии от традиционного изучения проблем пола заключается в том, что теоретические положения социального конструкционизма и мультиполярная модель психологического пола выступают как методологические основания изучения гендерных проблем.

5.6. Понятие и характеристика гендерных стереотипов. Их типология. Причины возникновения и механизм формирования

Слово «стереотип» пришло из типографской лексики, в которой оно использовалось в XVIII в. для обозначения формы для печати оттисков.

Стереотип — это мнение о личностных качествах группы людей, которое может быть чрезмерно обобщенным и неточным. С их помощью человек воспринимает, «классифицирует» других людей по их принадлежности к той или иной группе, социально-экономическому классу или по их физическим характеристикам (пол, возраст, цвет кожи и т. д.), например подростки, женщины/мужчины, политики, безработные и т. д. Стереотипы, в том числе и гендерные, часто порождают слишком условное и упрощенное представление о людях, формируют ожидания и установки в отношении других, содействуют упрощенному восприятию.

Стереотипы осознаются и приобретаются индивидом в ходе социализации в той группе, к которой он принадлежит (родителей, друзей, учителей, СМИ и т. д.). Причем даже собственные представления личности о себе могут быть тесно связаны со стереотипами.

Впервые понятие «стереотип» было введено в науку американским психологом У. Липманом. В 1922 г. в книге «Общественное мнение» (Lippman, 1965) он использовал термин «типичный стереотип», определяя его как упорядоченную, схематичную, детерминированную культурой «картинку мира» в голове человека, спасающую человека от сложности окружающего мира, — этот яркий образ впоследствии часто использовался как краткая дефиниция стереотипов. Он же указал на две важнейшие причины стереотипизирования.

Первая причина заключается в реализации принципа экономии усилий, характерного для повседневного человеческого мышления. *Вторая причина* стереотипизирования связана с защитой групповых ценностей как чисто социальной

функцией, реализующейся в виде утверждения своей непохожести, специфичности.

С тех пор было предложено огромное количество конкретных определений социального стереотипа. В зависимости от теоретической ориентации автора на первый план выдвигались соответствующие аспекты этого социально-психологического явления.

Так, по мнению Г. Олпорта, стереотип выступает рационализацией бессознательных импульсов, лежащих в основе избирательной перцепции, разграничивающей референтные группы «мы» и «они» и позволяющей воссоздать обобщенный образ контрагента коммуникации как «хорошего» или «плохого». Т. Адорно считает, что стереотипы как форма мышления выполняют функцию «респессантов, позволяющих подавить индивидуальные негативные стремления, приписывая эти стремления представителям “враждебных групп”» (цит. по: Семендяева, 1985. С. 165). Такое понимание стереотипов в немалой степени было обусловлено влиянием разного рода психоэнергетических моделей человека, в соответствии с которыми стереотип объявлялся неизбежным элементом авторитарного, догматического, ригидного, консервативного мышления.

Очевидно, что социальный стереотип не может быть понят только как порождение общественной практики или только как рационализация бессознательных импульсов, лежащих в основе избирательной перцепции. Он есть единство того и другого, единство объективного и субъективного, может выступать как в объективной, так и в субъективной форме. Принципиальный вопрос, который возникает при анализе различных особенностей стереотипа, состоит в следующем. Являются ли они следствием индивидуально-психологических характеристик или вызваны иными причинами? Если учесть социальное происхождение ценностей, логично предположить, что стереотипы выполняют какие-то важные функции не только на индивидуальном, но и на социальном

уровне и, следовательно, детерминированы взаимодействием социальных факторов.

Это обстоятельство обнаружилось в исследовании Г. Тэджфела, посвященном анализу роли феноменов каузальной атрибуции в межгрупповых отношениях, в том числе в формировании стереотипов, а также выявлению обратного влияния стереотипов на эти процессы. Стереотип, как подчеркивает Г. Тэджфел, становится социальным только тогда, когда он принят, разделяется большим числом людей, объединенных в группу.

Отечественная психологическая школа также уделяет значительное внимание проблеме стереотипов. В 60-е гг. XX в. появляются первые работы отечественных авторов (Н. С. Кон, В. А. Ядов), посвященные до этих пор не поднимавшейся в отечественной науке проблеме социальных стереотипов. Социальные стереотипы определяют как «набор» качеств, приписываемых субъектом познания лицам, класс которых, как ему кажется, установлен. Дается определение стереотипа как «предвзятого, т. е. не основанного на нашей непосредственной оценке каждого явления, а выведенного из стандартизованных суждений и ожиданий, мнения о свойствах людей и явлениях» (Кон, 1966. С. 188). Однако, на наш взгляд, данное определение не учитывает, что это мнение не обязательно является предвзятым, тем более что объем истинных знаний в стереотипе превышает объем ложных. Представляется ошибочным и выделение в качестве истинных свойств социального стереотипа его схематичность, косного характера и необоснованной обобщенности. Схематичность, косность стандарта, обращенного в стереотип, не является необходимым его условием. Другое дело — устойчивость, прочность стереотипа. Однако для большинства отечественных исследователей характерным является лишь определение позитивных качеств социальных стереотипов, а не однозначно негативная их оценка (В. С. Агеев, П. И. Шихирев и др.).

В результате проведенных исследований в отечественной науке сложилось определение социального стереотипа как устойчивого психического образования, в котором схематизированно, упрощенно и эмоционально отражается некоторый достаточно сложный факт действительности, складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта и представлений, принятых в обществе. Стереотипы обычно некритически усваиваются человеком под влиянием его социального окружения и широко используются, хотя он и не осознает этого.

Стереотипы являются чувственно окрашенными образами, аккумулирующими в себе социальный и психологический опыт общения и взаимоотношений индивидов.

Возникают стереотипы в силу действия двух определенных тенденций человеческого сознания. Во-первых, это *конкретизация* — стремление к ассоциации абстрактных понятий с какими-либо конкретными образами, обладающими привычной реальностью, и, во-вторых, это *упрощение*, суть которого сводится к выделению одного или нескольких простых признаков в качестве ведущих для обозначения сложных явлений. В рамках этих двух тенденций человек фиксирует в своем сознании воздействие внешней для себя социальной среды.

Отметим основные черты стереотипов и стереотипизации. Независимо от разногласий в трактовке отдельных аспектов рассматриваемой проблемы, исследователи сходятся в определении стереотипизации как процесса приписывания индивидам характеристик на основании их групповой принадлежности, а стереотипов — как набора представлений о характеристиках (атрибутах) группы людей. Основные свойства стереотипов могут быть обозначены следующим образом. Во-первых, они используются для оценки *Своих и Чужих*, поэтому не являются аксиологически нейтральными. Во-вторых, стереотипизация возникает тогда, когда при сравнении двух культур или социальных групп различия трактуют как полярные противоположности. В-третьих, эти

упрощенный способ репрезентации *Другого*: несколько характеристик «сплющиваются» в один, весьма упрощенный образ, который и призван репрезентировать сущность всей группы. При этом имеет место гомогенизация *Другого*, который представлен как нечто однородное; «стереотипизация есть способ мышления, который не признает возможных различий между членами стереотипизируемой группы и не допускает исключений из общих правил» (Scollon R., Scollon S. W., 2001, P. 169). Наконец, о социальном стереотипе в точном значении этого термина можно говорить лишь в том случае, если он разделяется внутри социальной общности — субъекте стереотипизации («консенсус среди членов группы в отношении атрибутов другой группы» (Gardner, 1994, P. 3).

Выделяют следующие виды социальных стереотипов: стереотипы массового сознания, стереотипы группового сознания, классовые, региональные, национально-этнические, расовые, гендерные, личностные (индивидуальные) стереотипы.

Исходя из данной классификации можно говорить, что *гендерный стереотип является одним из видов социального стереотипа*. И обладает всеми свойствами последнего, отличаясь лишь содержательно. Гендерный стереотип характеризуется повышенной эмоциональностью и устойчивостью в отражении черт стереотипизируемой группы. Гендерный стереотип, как и любой социальный стереотип, может быть *интрастереотипом*, т. е. описывающим собственную группу, и *гетеростереотипом*, т. е. описывающим другую группу. Гендерные стереотипы очень устойчивы. М. Джекмен и М. Сентер выявили, что гендерные стереотипы намного сильнее расовых. Кроме того, существуют сильные гендерные стереотипы, и члены группы, в отношении которых эти стереотипы действуют, принимают эти стереотипы.

В исследовании Кэй До и Тима Эмсвейлера это убедительно продемонстрировано. Их эксперимент заключался в следующем. Студентов и студенток познакомили с весьма неожиданными результатами, которых добился их коллега (мужчина или женщина) при выполнении сложного зада-

ния. После этого испытуемых просили высказать собственное мнение о том, что, с их точки зрения, послужило причиной успеха. Оказалось, что и студенты, и студентки приписывали достижения мужчины почти исключительно его способностям, в то время как на успехи женщины, по оценкам обеих групп, больше повлияла удача (см.: Введение в гендерные исследования, 2001. С. 336).

Можно назвать и множество других стереотипов такого рода. Вот как можно представить стереотипные описания характерных мужских и женских черт, полученные в исследовании американских студентов, проведенном в конце 70-х гг. XX в. (табл. 4).

Таблица 4
Характерные мужские и женские черты (см.: Смелзер, 1994. С. 342)

Характерные черты мужчины	Характерные черты женщины
Сильный, склонен к занятиям спортом	Слабая, не склонна к занятиям спортом
Меньше беспокоится о своей внешности и почти не боится старости	Беспокоится о своей внешности и боится старости
Выполняет роль кормильца	Проявляет привязанность к семье
Имеет опыт сексуальной жизни	Добродетельна
Неэмоционален, стоек	Эмоциональна, нежна
Логичен, рационален, объективен, обладает развитым интеллектом	Легкомысленна, непоследовательна, обладает тонкой интуицией
Стремится к власти и лидерству	Уступчива, услужлива
Независим, свободен	Зависима, в большей мере нуждается в защите
Активен	Пассивна
Стремится к успеху, честолюбив	Робка, застенчива

В настоящее время отмечается тенденция к ослаблению подобных стереотипов. И психологические исследования показывают, что нет «чисто» мужской или женской лично-

сти; и все больше проникает в научное и обыденное сознание идея о том, что стереотипы не являются чем-то природным, а создаются обществом.

В чем заключается специфика гендерных стереотипов по сравнению с другими видами социальных стереотипов? Выделяя особенности гендерных стереотипов, рассмотрим их типологию, функции, условия возникновения и возможности изменения.

В отечественной литературе определение гендерных стереотипов было предложено в статье О. А. Ворониной и Г. А. Клименковой «Гендер и культура». Гендерные стереотипы — стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям «мужское» и «женское». Гендерные стереотипы являются наиболее ярким и эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей (см.: 1992. С. 16). Сходное определение гендерных стереотипов предлагается Д. Мацумото: «Гендерные стереотипы — психологические и поведенческие характеристики, традиционно приписываемые мужчинам либо женщинам» (2002. С. 189). Отличие в этих определениях гендерных стереотипов связано с тем, что в первом случае акцент сделан на понимании гендерных стереотипов как компонента культуры, а во втором — как социально-психологической характеристики личности.

Схематизированные обобщенные образы женственности/феминности и мужественности/маскулинности — такое типичное определение гендерных стереотипов. Не возражая против него, приведем другую дефиницию, учитывающую разные аспекты гендерных отношений: «Гендерные стереотипы — это социально конструируемые категории «маскулинность» и «феминность», которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально одоб-

ряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» (R. Unger) (цит. по: Basow, 1992. P. 17). Это определение представляется нам наиболее корректными. Во-первых, оно фиксирует природу гендерных стереотипов, их социально сконструированный характер. Во-вторых, оно охватывает социальные представления о мужских и женских качествах, а также о подобающих мужчине и женщине поведении, занятиях и социальных ролях в обществе и семье. В-третьих, в этом определении отражена роль гендерных стереотипов в идентичности личности. В-четвертых, оно учитывает присутствие в концепте «гендер» не только социальной, но и культурно-символической составляющей, предполагающей соотнесение с мужским и женским началом вещей, свойств и отношений, непосредственно с полом не связанных. Например, феминизации или маскулинизации могут подвергаться нация или страна, социальный класс, политический противник, элементы ландшафта и т. д. В дальнейшем мы намерены придерживаться этого определения.

Рассмотренные определения гендерных стереотипов ориентируют на анализ гендерных стереотипов в двух ракурсах: первый связан с анализом гендерных стереотипов как атрибута социальной и культурной жизни общества. Гендерные стереотипы как продукт культуры представляют собой существующие в сознании людей нормативные модели относительно поведения и психологических характеристик мужчин и женщин. Эти модели упрощенные и схематичные, они помогают человеку систематизировать информацию о мужчинах и женщинах не как об индивидуальностях, а как о представителях больших социальных групп.

Второй ракурс анализа связан с акцентом на гендерные стереотипы как индивидуальном когнитивном конструкте личности, который является следствием восприятия мужчин и женщин как представителей гендерных групп. Гендерные стереотипы — инструмент классификации окружающих людей на основании их половой принадлежности. Кроме того, они выступают как ориентиры ожиданий в отношении пове-

дения мужчин или женщин, с которыми человек взаимодействует. Психологические и поведенческие характеристики мужчин и женщин, наполняющие гендерные стереотипы, на объективном уровне становятся нормативными эталонами, с которыми субъект соотносит и характеристики своей гендерной идентичности, и личностные особенности мужчин и женщин, которые его окружают.

А. И. Донцов и Т. Г. Стефаненко (2002) выделяют следующие характеристики социальных стереотипов:

- согласованность;
- схематичность и упрощенность;
- эмоционально-оценочную нагруженность;
- устойчивость и ригидность;
- неточность.

Рассмотрим, как эти общие для социальных стереотипов характеристики представлены или проявляются в гендерных стереотипах.

Первая из рассматриваемых характеристик — *согласованность стереотипов* — отражает высокую степень единства представлений среди членов стереотипизирующей группы. Г. Таффел считал согласованность важнейшей характеристикой стереотипов. По его мнению, социальными стереотипами можно считать лишь представления, разделяемые достаточно большим числом индивидов в пределах социальных общностей. Многолетний устойчивый интерес исследователей к изучению стереотипов выступает подтверждением того, что согласованность является весьма значимой характеристикой стереотипа, потому что если бы стереотипы не были согласованными, не было бы смысла их изучать.

Убедительный пример согласованности гендерных стереотипов дают нам результаты исследования Джона Уильямса и Деборы Бест (Williams, Best, 1986). Был проведен опрос случайного числа студентов и студенток университетов из 10 стран. Опрошенных просили просмотреть список из 100 прилагательных и отметить, какие из них чаще ассоциируются с женщинами и какие — с мужчинами. Их просили

давать ответы в соответствии с представлениями, бытующими в их родных культурах, а не в соответствии с их личными представлениями. Черты, отмеченные более чем двумя третями опрошенных разных национальностей, стали составной частью стереотипа, выделенного экспериментальным путем. Дж. Уильямс и Д. Бест установили очень большую степень общности в ответах студентов разных национальностей, что позволяет выделить общие психологические характеристики, которые ассоциируются с женщинами и мужчинами. Исследователи пришли к выводу, что полученные ими результаты подтверждают точку зрения о том, что существуют гендерные стереотипы, общие для различных культур, которые проявляются во всех культурах.

Поскольку степень совпадения типичных описаний мужчин и женщин, полученных от представителей разных культур, оказалась поразительно высокой, полученные результаты могут свидетельствовать о кросскультурном консенсусе, т. е. о высоком уровне культурной общности во взглядах на характеристики, приписываемые как мужчинам, так и женщинам.

В социально-психологической литературе распространена гипотезой, объясняющей причины высокой степени согласованности стереотипов, является «гипотеза недостатка контактов». Консенсус вытекает из-за недостатка личных контактов со стереотипизируемой группой. Однако, по мнению И. С. Клециной, данное предположение не может объяснить согласованность гендерных стереотипов. Согласованные представления о чертах личности и особенностях поведения мужчин и женщин присущи большому числу представителей мужского и женского пола разных стран и культур. Однако мы не можем говорить о том, что между мужчинами и женщинами как социальными группами нет контакта. Мужчины и женщины находятся, как правило, в постоянном контакте, в процессе которого есть возможность накапливать информацию об особенностях личности и поведения представителей другой группы (см.: 2004. С. 253).

Более убедительным может быть объяснение, основанное на теории самокатегоризации Дж. Тернера, согласно которой стереотипы являются логическим завершением категоризационных процессов, а согласованность стереотипов есть результат процесса самостереотипизации при значимости социальной идентичности. Другими словами, если поиск социальной идентичности для членов группы становится значимыми, повышается согласованность представлений о ней, поскольку (Донцов, Стефаненко, 2002):

- 1) усиливается воспринимаемая гомогенность группы;
- 2) активизируются ожидания взаимного согласия ее членов;
- 3) предпринимаются активные попытки достичь консенсуса посредством взаимного влияния.

Следует заметить, что для мужчин и женщин как представителей больших социальных групп гендерная идентичность является весьма значимой характеристикой личности практически на протяжении всего жизненного цикла. Гендерная идентичность — одна из базовых подструктур социальной идентичности личности, и эта подструктура оказывает большое влияние на самооценку, самопринятие, самоотношение личности в целом, поэтому этими факторами и объясняется высокая степень согласованности гендерных стереотипов.

Вторая характеристика стереотипов — *схематичность и упрощенность*. Классический подход к рассмотрению особенностей стереотипа как когнитивного феномена фокусируется на их упрощенной, схематичной природе. В последние десятилетия, во многом благодаря работам Г. Тэджфела, стереотипизация стала рассматриваться как рациональная форма познания, призванная систематизировать и упрощать информацию, получаемую человеком из внешнего мира. В рамках психологии социального познания стереотипы понимаются как категории, вносящие согласие и порядок в социальное окружение личности, а стереотипизирование — это не упрощающий, а адаптивный процесс, переводящий взаимодействие на более высокий уровень социальной организации. Итак, схематичность и упрощенность социальных

стереотипов не рассматривается как негативное явление при условии, что речь идет о явлении межгруппового восприятия. Схематичное восприятие не будет искажением реальности, если актуальное взаимодействие с индивидом или группой будет происходить на мезоуровне социальной организации.

Если спектр действия стереотипов неоправданно расширяется и переносится из межгрупповой плоскости в межличностную, то он подменяет собой или вытесняет более гибкие и тонкие межличностные механизмы восприятия. В. С. Агеев подчеркивает, что подмена механизмов восприятия одного уровня другим всегда негативно сказывается на общении и взаимодействии людей, причем одинаково неблагоприятны оба варианта: и замена межличностных механизмов межгрупповыми (случаи ригидности, стереотипности в оценках и восприятии «ближнего своего»), и, наоборот, замена межгрупповых — межличностными (например, случаи ложной идентификации или рефлексии, создающей иллюзию понимания «дальнего своего»).

Общие закономерности действия социальных стереотипов распространяются и на гендерные стереотипы. Когда с позиций гендерных стереотипов мужчины и женщины начинают оценивать друг друга в ситуации непосредственных межличностных контактов и взаимодействия, тогда образ Другого будет искаженным, весьма схематичным и поспешным. Актуализируются гендерные стереотипы в сознании личности обычно в ситуации межличностных конфликтов, в этом случае для оценки конкретного человека определенного пола используются стереотипные обобщения «Все вы такие...» В этом случае мы можем говорить о гендерном стереотипе как о преимущественно негативном феномене, искажающем видение социальной реальности.

Эмоционально-оценочная нагруженность — третья отличительная характеристика гендерных стереотипов. Эта характеристика раскрывает такую особенность стереотипа, как способность к дифференциации когнитивного и аффективного аспектов стереотипа. Хотя при формировании стерео-

типа эти аспекты связаны между собой, при актуализации стереотипа они могут существовать независимо друг от друга. Поэтому информация о группах может существовать в памяти дважды: в представлениях, основанных на описаниях (когнитивный аспект), и в представлениях, основанных на оценках (аффективный аспект) (Донцов, Стефаненко, 2002).

Эмоционально-оценочная нагруженность как свойство гендерных стереотипов обычно проявляется в более позитивной оценке образа типичного мужчины по сравнению с образом типичной женщины, причем эта тенденция касается оценок, даваемых и мужчинами и женщинами.

Устойчивость и ригидность — четвертая характеристика гендерных стереотипов. Гендерные стереотипы проявляют высокую жизнестойкость. Например, М. Джекман и М. Сентер в своем исследовании обнаружили, что гендерные стереотипы намного сильнее расовых. Только 22 % мужчин думали, что оба пола в равной степени эмоциональны. Из оставшихся 78 % соотношение тех, кто считал женщин более эмоциональными, и тех, кто считал более эмоциональными мужчин, составляло соответственно 15 : 1. Ответы женщин оказались идентичными, с разницей в 1 % (Jackman, Senter, 1981).

Чем можно объяснить такую высокую степень устойчивости гендерных стереотипов? Устойчивость стереотипов коренится в культурно-историческом происхождении атрибутируемых членам социальных общностей типических черт и особенностей. Гендерные стереотипы, как и другие социальные стереотипы, — это глубоко укоренившиеся представления, трудно изменяемые и часто неосознаваемые. Укоренившиеся в индивидуальном сознании в форме доминирующих взглядов, гендерные стереотипы благополучно передаются из поколения в поколение.

Однако устойчивость гендерных стереотипов не является неизменной. Процесс изменения стереотипов обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. В массовом сознании гендерные стереотипы могут изменяться под влиянием таких объективных условий, как социальные-экономические или политические трансформации. Так,

повсеместное вовлечение женщин в общественное производство, характерное для последних десятилетий, повлекло за собой изменения стереотипа, ограничивающего сферу жизнедеятельности женщины исключительно интересами семьи. Хотя семейная роль для женщин по-прежнему является приоритетной, она для них не единственная социальная роль.

Что касается субъективных факторов, то они связаны с индивидуально-психологическими особенностями и условиями социализации личности. В любом обществе, в любой группе всегда есть люди, более и менее подверженные гендерным стереотипам.

Каково содержание гендерных стереотипов?

Обратимся к результатам исследования гендерных стереотипов. Т. Б. Рябовой было проведено исследование, результаты которого выявили, что в стереотипном образе мужчины присутствуют качества, во-первых, коррелирующие с *деятельностью и активностью*: предприимчивость, стремление к достижению цели и к соревнованию, склонность к авантюризму, решительность, настойчивость, отвага, самоконтроль, уверенность в своих силах, нонконформизм, желание быть оригинальным, умение делать бизнес. Женщине же отказывается в обладании этими качествами — ей, напротив, приписываются пассивность, нерешительность, осторожность, забота о соблюдении норм, конформизм.

Во-вторых, «мужскими» являются характеристики, обычно соотносимые с позициями *власти и управления*, — стремление к лидерству, амбициозность, власть, ответственность, объективность, сила, умение принимать решения, ум, реализм. В качестве «женских» описываются такие характеристики, как покорность, беспомощность, зависимость, безответственность, слабость, вера в превосходство мужского пола, пристрастность, необъективность.

Качества, характеризующие *когнитивную сферу* человека, также полярны как по содержанию, так и по оценке. Логичность, рациональность, склонность к размышлению, более быстрый ум, объективность, находчивость, критичность приписываются мужчине; меньшая способность рассу-

жать, иррациональность, нелогичность, некритичность восприятия и даже глупость — женщине. Пожалуй, единственно социально одобряемым атрибутом женщины в когнитивной сфере является интуиция — качество, которое нередко противопоставлялось ограниченности мужского разума.

В *эмоциональной сфере* как маскулинность, так и феминность содержат характеристики с разными знаками оценки — и позитивными, и негативными. «Мужскими» являются способность отделить рациональные доводы от эмоциональных, хладнокровие; «женские», фемининные характеристики — это эмоциональность, восприимчивость, внушаемость, чувствительность, легкая смена эмоциональных состояний, склонность к тревожности, жалобам, слезам, ранимость, истеричность, капризность.

Характеристики, связанные с *процессом межличностного взаимодействия*, также коррелируются с гендерными стереотипами; образ женщины и здесь весьма многообразен и содержит оценки с разными знаками. Обычно как позитивные оцениваются такие «женские» качества, как жертвенность, милосердие, заботливость, дружелюбие, тактичность, внимательность, чувствительность к эмоциям другого, склонность к проявлению чувств, мягкость, нежность, застенчивость и скромность, любовь к детям. Среди негативных характеристик — непостоянство, ненадежность, хитрость, коварность, ворчливость, одержимость идеей завести семью, трусость. В мужском стереотипе присутствуют как позитивные, так и коррелирующие с ней бестактность, грубость, резкость; как самообладание, надежность, взвешенность, так и черствость, эгоизм, бесчувственность, жестокость; как справедливость, так и отсутствие милосердия и жалости. Замечательно упоминания и то, что стереотипным является представление о большей искушенности мужского пола в вопросах секса (Рябова, 2003).

Также было проведено исследование по изучению гендерных стереотипов у студентов (Степанова, 2002). Для их выявления был использован вариант методики «Кто я?». Интерпретация полученных ответов проводилась с помощью

тезауруса личностных черт (Степанова, 2006б). В исследовании приняли участие студенты 1—2-го курсов вузов Минска (в возрасте 18—22 лет).

Каждому испытуемому предлагалось написать по 10 прилагательных, описывающих категории «большинство мужчин», «большинство женщин», «идеальный мужчина», «идеальная женщина».

Заслуживает внимания тот факт, что полнота описаний всех предложенных к характеристике понятий была различна в зависимости от пола испытуемых, что можно рассматривать как меру неудовлетворенности в существующих гендерных стереотипах. Полученные данные позволили выделить три группы испытуемых. В первую группу по самоописаниям вошли испытуемые, которые наиболее полно (т. е. по 10 прилагательных из 10 возможных для каждого понятия) описали себя, идеальные и реальные образы мужчины и женщины. К этой группе были отнесены девушки (26,32 %) и юноши (18,35 %), которые дали полные характеристики всем образам.

Во вторую группу по самоописаниям вошли испытуемые, которые дали как полные, так и неполные характеристики себя, идеальных и реальных образов мужчины и женщины. В этой группе оказались юноши (33,03 %) и девушки (47,37 %), которые дали наиболее полные характеристики идеальной женщины, наименее полные — идеального мужчины и равное количество характеристик — себя и большинства женщин и мужчин. К этой же группе были отнесены и юноши (3,67 %), которые дали наиболее полные характеристики идеальных образов женщины и мужчины, однако образам себя и большинства женщин и мужчин дали в 2 раза меньше характеристик.

В третью группу по самоописаниям вошли испытуемые, которые наименее полно (т. е. не более 3—4 прилагательных из 10 возможных для каждого понятия) описали себя, идеальные и реальные образы мужчины и женщины. В этой группе оказались испытуемые, которые дали наименьшее количество характеристик для всех категорий, чем другие испытуемые. Юноши этой группы (44,95 %) наиболее полно раскрыли

понятие «идеальная женщина», а девушки (26,32 %) наиболее полно — понятия «идеальные женщина и мужчина», наименее полно — себя и понятие «большинство мужчин».

Все юноши, независимо от группы, при описании себя на первые три места по важности ставят качества, относящиеся к интеллектуальному развитию, эмоционально-волевой регуляции и морально-нравственному облику. При описании идеальной женщины первое место занимают качества, относящиеся к морально-нравственному облику (в то время как для реальной женщины юноши единодушно эти качества поставили на третье место), а последнее — нервно-психическое здоровье (в то время как для реальной женщины предпоследнее место занимают качества, относящиеся к социальному поведению). Так, при характеристике образа идеальной женщины все юноши важное значение придают таким характеристикам, как доброта, великодушие, отзывчивость, сочувствие, чуткость, верность, хрупкость, женственность (морально-нравственный облик), а менее всего таким характеристикам, как покладистость, жизнерадостность (нервно-психическое здоровье). У всех юношей для идеального мужчины на первом месте стоят качества, относящиеся к эмоционально-волевой регуляции (активность, вежливость, надежность, уверенность).

Девушки, вне зависимости от группы самоописания, при описании всех образов в первую очередь указывали на качества, связанные с интеллектуальным развитием, например: развитое чувство юмора, эрудированность, мечтательность, практичность, сентиментальность.

Справедливо допустить, что в идеальных представлениях отражаются не только гендерные стереотипы как таковые, но и степень личностной удовлетворенности отношениями между идеальными представлениями и реальными образами соотносятся не только как должное и сущее, но и как желаемое и действительное. Кроме того, различная полнота описаний всех предложенных к характеристике понятий может рассматриваться как мера неудовлетворенности в существую-

щих гендерных стереотипах. Это допущение подтвердилось при анализе описаний.

В них многие определения даются через отрицание (не-, мало-, без- и др.): *некрасивые, небогатые, неаккуратные, безграмотные, малосамостоятельные, малообразованные* и др. Даже некоторые положительные характеристики подчиняются этому правилу: *неглупые, неслабые, неболтливые, негрубые* и др. Разным было и соотношение положительных, отрицательных и нейтрально констатирующих определений.

Это особенно характерно для юношей, которые наименее полно описали идеальные и реальные образы мужчины и женщины (3-я группа самоописаний). Эти испытуемые для описания большинства женщин используют негативные характеристики в 71 % от общего числа описаний, для описания большинства мужчин — в 51,16 % случаев, а для описания себя — 69,3 %.

Юноши, которые дали как полные, так и неполные характеристики идеальных и реальных образов мужчины и женщины (2-я группа самоописаний), также в половине случаев описывают реальные образы мужчин и женщин (54,1 и 56,4 % соответственно) через негативные характеристики. Так, по их мнению, большинство женщин коварны, изменчивы, злы, болтливы, а большинство мужчин глупы, грубы, раздражительны, жестоки.

Если исходить из того, что негативные определения отражают личностную неудовлетворенность, то можно заключить, что у этих юношей она более выражена. Девушки 2-й и 3-й групп по самоописаниям образы реальных мужчин в большинстве случаев (76,8 и 72,1 % соответственно) описывают через отрицательные характеристики: «невнимательные», «непорядочные», «непостоянные», «хилые», «поколебимы», «эгоисты» и др. Образ реальной женщины, напротив, дается через положительные определения. Характерно для описаний как себя, так и реальных женщины и мужчины наличие одновременно противоположных характеристик: *умные — дураки, сильные — слабые, смелые — трусы* и др. Это свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии жестких ро-

левых стереотипа восприятия других людей как своего, так и противоположного пола.

В целом для испытуемых 3-й группы по самоописаниям независимо от пола свойственно резкое противопоставление идеального и реального образа, что может негативно сказываться на эмоциональном состоянии личности, что, в свою очередь, может влиять на самоопределение.

Можно выделить общие для испытуемых обоего пола характеристики и характеристики, отражающие мужскую и женскую точки зрения при описании идеальных и реальных образов мужчин и женщин (табл. 5).

Таблица 5
Полозависимость совпадающих представлений о реальных и идеальных мужчинах и женщинах у испытуемых

Группа	Совпадение понятий	Полозависимость характеристики		
		общая точка зрения	мужская точка зрения	женская точка зрения
1-я	ИМ — БМ	—	—	Интеллектуальное развитие и духовная сфера
	ИЖ — БЖ	Интеллектуальное развитие и духовная сфера	Самоотношение и самоподача	Нервно-психическое здоровье и комфорт
2-я	ИМ — БМ	Эмоционально-волевая регуляция поведения; морально-нравственный облик личности	Самоотношение и самоподача	—
	ИЖ — БЖ	Морально-нравственный облик личности	Самоотношение и самоподача	Интеллектуальное развитие и духовная сфера

Группа	Совпадение понятий	Полозависимость характеристики		
		общая точка зрения	мужская точка зрения	женская точка зрения
3-я	ИМ — БМ	—	—	—
	ИЖ — БЖ	Морально-нравственный облик личности	Самоотношение и самоповедение	Интеллектуальное развитие и духовная сфера

Примечание. ИМ — БМ — совпадение образов «идеальный мужчина» — «большинство мужчин»; ИЖ — БЖ — совпадение образов «идеальная женщина» — «большинство женщин».

Представленные данные в табл. 5 хорошо демонстрируют как неоднозначность и известную противоречивость, так и динамичную сбалансированность гендерных стереотипов у студентов. Совпадение представлений о реальных и идеальных образах женщин было выявлено у всех испытуемых, однако были выявлены также и отличия, касающиеся содержательной характеристики. Как свидетельствует анализ высказываний, у юношей и девушек 3-й и 2-й групп выявлено значимо большее количество морально-нравственных характеристик (нравственное чувство, праведность, деликатность, социальные и эстетические нормативы, этикет и др.) реального и идеального образа женщины по сравнению с испытуемыми 1-й группы, которые давали характеристики с точки зрения интеллектуального развития и духовной сферы (интеллект, зрелость, уникальность, креативность и др.).

Интересен тот факт, что общей точки зрения на представления о реальном и идеальном образе мужчин у испытуемых как 1-й, так и 3-й группы выявлено не было. Это связано в первую очередь с тем, что традиционные мужские качества, характеризующие так называемую «базовую мужественную природу» мужчин, еще сильны в идеалах, однако в реальности большинство мужчин феминизированы.

В повседневной жизни проявление эмоционально-нагруженного компонента гендерных стереотипов мы можем

часто наблюдать в связи с демонстрацией снисходительно-покровительственного отношения к женщинам, которое декларируют и демонстрируют многие мужчины.

Еще раз следует подчеркнуть, что, по результатам исследования гендерных стереотипов, характеристики в образах мужчин и женщин не только дифференцированы, но и иерархично организованы, т. е. мужские характеристики более позитивны, желательны, социально приемлемы и поощряемы.

Результаты исследования подчеркивают значение нескольких моментов:

1. На наш взгляд, различная полнота описаний всех предложенных к характеристике понятий может рассматриваться как мера неудовлетворенности существующими гендерными стереотипами. Так, в восприятии юношей, которые дали наиболее полное описание (1-я группа), между образами идеальной и реальной женщины и идеального и реального мужчины нет никакого соответствия. У девушек из этой группы была выявлена схожая картина. Но в то же время у этих юношей образ себя взаимосвязан с образом идеального мужчины, а у девушек — с образом реального мужчины. У юношей и девушек, которые дали как полные, так и неполные характеристики образам себя, большинства и идеальных мужчин и женщин (2-я группа), была выявлена интересная тенденция, проявляющаяся в следующем. Если у юношей образы идеального и реального мужчины оказались схожими, то у девушек схожи образы идеальных мужчин и женщин. Кроме того, у юношей образ себя оказался взаимосвязан с образом идеальной женщины. В целом описания идеальных и реальных образов испытуемых обоего пола этой группы отличаются отсутствием противопоставления. Для юношей, которые дали наименее полное описание образов (3-я группа), свойственно резкое противопоставление себя реальным и идеальным образам мужчин и женщин. У девушек этой группы было выявлено только соответствие образов реального мужчины и женщины.

2. Свидетельством личностной неудовлетворенности существующими гендерными стереотипами также может служить преобладание негативных определений при описании образов. Так, среди этих юношей и девушек, которые наиболее полно описали образы мужчины и женщины (1-я группа), обнаружено наибольшее, а среди испытуемых, которые наименее полно описали образы (3-я группа), — наименьшее количество человек с позитивными характеристиками в описании себя, реальных и идеальных образов. При переходе от 1-й группы испытуемых к испытуемым 3-й группы растет число негативных характеристик в описании себя, реальных и идеальных образов.
3. Негативные характеристики включены в стереотипы своего пола, причем у юношей это выражено резче, что можно объяснить напряжением идентификации, сказывается и «романтизация полового сознания», благодаря которому стереотипы противоположного пола воспринимаются более позитивно. Так, в описании реального образа женщин юношами, которые наиболее полно описали идеальные и реальные образы мужчины и женщины (1-я группа), преобладают положительные характеристики, хотя в описании реального образа мужчин — отрицательные характеристики.
4. «Мужская позиция», вне зависимости от группы, более биполярна, чем «женская». Если для мужчины (как идеального, так и реального) значима характеристика материального благополучия, то для женщины (как идеальной, так и реальной) она значения не имеет. В восприятии девушек образы идеальных мужчины и женщины схожи. Оба интеллектуальны, решительны, уравновешены, практичны, целеустремленны.
5. Стереотипы у девушек больше включают характеристики интеллектуального развития и духовной сферы, у юношей — самоотношения и самоподачи. Так, если в представлениях об идеальном мужчине у юношей первое место занимают качества, относящиеся к эмоционально-во-

левой регуляции поведения, то в представлениях о реальном мужчине на первое место ставятся качества, относящиеся к самоотношению и самоподаче, затем морально-нравственные качества, а наименьшее значение придается качествам, относящимся к нервно-психическому здоровью и комфорту. Девушки, вне зависимости от группы самоописания, при описании всех образов в первую очередь указывали на качества, связанные с интеллектуальным развитием.

Нередко, говоря о содержании гендерных стереотипов, имеют в виду некую «среднюю женщину», не принимая во внимание какие-либо другие статусные характеристики личности. Очевидно, такая «женщина вообще» (равно как и «мужчина вообще») не существует. Человек обладает совокупностью статусных позиций, многие из которых могут корректировать содержание гендерных стереотипов, причем эта вариативность имеет место и у субъектов, и у объектов стереотипизации.

На гендерную стереотипизацию влияют различные факторы, среди которых выделяют этническую и расовую принадлежность человека, его возраст, профессиональный статус и ряд других.

Наиболее изученной является роль расового и этнического фактора (прежде всего, по понятным причинам, на американском материале). Так, чернокожие мужчины воспринимаются как менее компетентные, менее независимые по сравнению с белыми, а женщины, напротив, как более активные, более независимые и менее эмоциональные, чем белые женщины. Латиноамериканским мужчинам приписывают гипермаскулинность, а женщинам — особую женственность, любовь, материнство, выносливость. Есть специфика восприятия французов и француженок, немцев и немецких женщин и мужчин из других национальных групп. Особенности стереотипа русской женщины и русского мужчины нуждаются в исследовании (так же как и белорусских мужчин и женщин). Изучение своеобразного «мифа о русской женщине», создаваемого в философских, художествен-

ных, исторических текстах отечественных и зарубежных авторов, позволило выявить те черты, верификация которых могла бы стать отправной точкой такого исследования. В этих текстах русской женщине атрибутируются не только многочисленные достоинства и западных и восточных женщин, но также качества, которые в западных культурах включаются скорее в стереотип маскулинности: ум, сила, трудолюбие. При этом образ сильной женщины нередко дополняется образом слабого мужчины, и если национальный стереотип («англичанин вообще», «немец вообще» и т. д.) базируется, как правило, на мужском стереотипе соответствующей нации, то символом русскости избирается женщина. Еще раз оговоримся: подобный продукт «высокой культуры» не может быть рассмотрен как стереотип. Более репрезентативный материал используется в лингвистических и социологических исследованиях, в которых отмечено наделение русской женщины такими качествами, как ум, красота, сила, доброта, душевность.

Другим значимым фактором является непосредственно пол индивида; гендерные стереотипы разделяются мужчинами и женщинами не в равной мере, во-первых, и по-разному оцениваются, во-вторых.

Возраст также оказывает влияние на стереотипизацию. Считается, что гендерные стереотипы потому более распространены в молодежной среде, что с возрастом женщины становятся все более агентивными, и в стереотип женственности вносятся исправления, связанные с оценкой ее деятельности и социального положения. Другими возможными факторами могут выступать половая ориентация (данные социологии свидетельствуют о совпадении многих характеристик стереотипа женственности и гомосексуальности), социальный статус (женщина из низшего класса часто описывается как более пассивная, безответственная, чем женщина из среднего класса). Любая дополнительная информация о различных статусных позициях женщины и мужчины снижает роль гендерных стереотипов в восприятии данного человека. Например, на

¹ Например, вполне устоявшееся словосочетание Матушка Русь.

восприятие женщины-юриста влияют и существующие в данной культуре образы женщины, образы юриста, соответственной национальной и возрастной групп и т. д. В зависимости от контекста тот или иной образ может выступить на первый план. Более того, те же самые люди воспринимаются по-разному в зависимости от ситуации: женщину-офицера могут сравнивать с мужчиной-офицером и с женщиной-сестрой милосердия; роль гендерных стереотипов в этих двух случаях будет различной. От контекста зависит и оценка стереотипических качеств: так, «женская слабость» может оцениваться позитивно или негативно в зависимости от того, употребляется ли этот маркер в отношении женщины-политика или женщины-домохозяйки. При этом содержание такого стереотипа может восприниматься самими женщинами как негативно, так и позитивно.

Выделяют несколько групп гендерных стереотипов.

Первая группа гендерных стереотипов — это стереотипы маскулинности — фемининности. Мужчинам и женщинам приписывают конкретные социально-психологические качества и свойства личности, стиль поведения.

Маскулинные характеристики обычно противопоставляются фемининным, рассматриваются как противоположные, взаимодополнительные. «Мужское» (маскулинное) или отождествляемое с ним считается позитивным, значимым, доминирующим, рациональным, духовным, культурным, активно-творческим. А «женское» (фемининное) связывается с негативным, вторичным, чувственным, телесным, гревным, природным, пассивно-репродуктивным. В стереотипном представлении маскулинности приписываются «активно-творческие» характеристики, инструментальные черты личности, такие как активность, доминантность, уверенность в себе, агрессивность, логическое мышление, способность к лидерству. Фемининность, наоборот, рассматривается как «пассивно-репродуктивное начало», проявляющееся в экспрессивных личностных характеристиках, таких как

зависимость, заботливость, тревожность, низкая самооценка, эмоциональность.

А. Маслоу считал, что понятия «мужское» и «женское» не отражают сущности явления, которое они должны покрывать. Эти понятия, говорит А. Маслоу, только вводят всех в заблуждение, т. к. качества, которые в обществе считаются присущими мужчине, порой обнаруживаются в большей степени у женщин, и наоборот. На основе этих устоявшихся стереотипов строятся отношения между людьми, а также требования к человеку в зависимости от пола.

Вторая группа гендерных стереотипов включает представления о распределении семейных и профессиональных ролей между мужчинами и женщинами. Одним из оснований формирования традиционных гендерных ролей выступает разделение труда по признаку пола. Основным критерием в этом разделении выступает биологическая способность женщин к деторождению. В современных обществах давно отпала социальная необходимость разделения труда на основе детородной способности женщин, которая существовала в архаических обществах. Большинство женщин работают в производственной сфере вне дома, а мужчины давно перестали быть только «воинами и охотниками», защищающими и кормящими свою семью. И тем не менее стереотипы о традиционных гендерных ролях очень устойчивы: от женщин требуется концентрация на частной (домашней) сфере деятельности, а от мужчин — на сфере профессиональной, общественной.

Для женщины наиболее значимой социальной ролью считается роль домохозяйки, матери; женщине предписывается нахождение в приватной сфере жизни — дом, рождение детей; на нее возлагается ответственность за взаимоотношения в семье. В немецком языке существует поговорка о триаде «К», отражающая стереотипное представление о социальной роли женщины. Переводится она как «кухня, церковь, ребенок». Мужчинам предписывается включенность в общественную жизнь, профессиональная успешность, ответственность за обеспечение семьи. Наиболее значимыми соци-

альными ролями для мужчины являются именно профессиональные роли. Таким образом, женщина должна реализовываться в микросреде (семья, быт), а мужчина — в макросреде (работа, политика, наука).

Многие писатели, политики, общественные деятели (например, Л. Коваленко, В. Распутин, В. Крупин) ратуют за возвращение женщины в семью. Есть и те, кто занимает противоположную позицию. Так, М. Г. Панкратова считает, что возвращение женщины в семью не будет благом. Работающая женщина более самостоятельна и в большей мере способна принимать проблемы и интересы мужа и детей.

Несколько иной точки зрения придерживается Г. В. Туренская. Она выделяет две группы «деловых» женщин по параметру страха успеха. Первая группа ориентирована на карьеру, вторая — на семью. Но обе ощущают беспокойство и вину из-за того, что не уделяют семье достаточно внимания.

Вопрос о семейной роли мужчины также достаточно актуален. Мужчина практически не включен в дела семьи, принятие решений, т. к. «мужские» обязанности выходят за рамки семьи. Мужчина становится инфантильным: не хочет ни за что отвечать, не хочет разделять семейные обязанности пополам.

Третья группа гендерных стереотипов определяется спецификой содержания труда. В соответствии с традиционными представлениями предполагается, что женский труд должен носить исполнительский, обслуживающий характер, быть частью экспрессивной сферы деятельности. Женщины чаще всего работают в сфере торговли, здравоохранения, образования. Для мужчин возможна творческая и руководящая работа, их труд определяется в инструментальной сфере деятельности. В научной практике подобное распределение гендерных ролей подтверждалось концепцией взаимодополняемости полов Т. Парсонса, Р. Бейлза. Эти исследователи говорят о позитивном влиянии такой дифференциации ролей, отмечая, что, «несмотря на противоположности, коими являются мужчина и женщина, они могут разнообразно

взаимодействовать с учетом выполнения предназначенных им ролей» (Кириллина, 1997. С. 68).

Согласно их точке зрения, в современной семье супруги должны выполнять две различные роли. Инструментальная роль состоит в поддержании связи между семьей и внешним миром — это профессиональная деятельность, приносящая материальный доход и социальный статус; экспрессивная роль предполагает в первую очередь заботу о детях и регулирование взаимоотношений внутри семьи. Каким образом на основе этих двух ролей происходит распределение обязанностей между супругами? Парсонс и Бейлз считают, что способность жены к деторождению и уход за детьми определяют однозначно ее экспрессивную роль, а муж, который не может выполнять эти биологические функции, становится исполнителем инструментальной роли.

Эта теория способствовала интеграции в единую схему социально-антропологических и психологических данных. Однако феминистская критика показала, что в основе дилеммы инструментальности и экспрессивности — при всей ее эмпирической и житейской убедительности — лежат не столько природные половые различия, сколько социальные нормы, следование которым стесняет индивидуальное саморазвитие и самовыражение женщин и мужчин.

Указанные стереотипы отличаются поразительной устойчивостью. Их прочная укорененность в сознании большей части населения способствует воспроизводству стереотипов из поколения в поколение в процессе социализации.

В соответствии со стереотипами закрепления семейных иерархий их жизненных ценностей должна быть семья и выполнение материнских обязанностей, а у мужчин — ценность профессиональной самореализации и социального успеха. Поэтому считается естественной ситуация, когда женщина ради семейных интересов жертвует своей карьерой и профессиональными достижениями, тогда как для мужчины такая ситуация будет противоестественной.

Таким образом, во-первых, гендерные стереотипы, ориентируя мужчин и женщин на разные жизненные стратегии, а также пути и способы самореализации, задают и определяют неравноценные социальные позиции для мужчин и женщин. Типично женские качества личности, семейные роли, репродуктивный характер деятельности — все это определяют социальный статус женщины как менее престижный в системе общественного устройства. Качества «настоящего мужчины», профессиональные успехи, созидательно-творческий труд — все эти составляющие определяют высокий социальный статус, престиж и общественное признание.

Во-вторых, гендерные стереотипы побуждают мужчин и женщин в ситуациях взаимодействия друг с другом выстраивать не равноправные, паритетные отношения, а соподчиненные, взаимодополнительные, комплементарные отношения, при которых мужчины как люди, обладающие более высоким общественным статусом, выполняют лидирующую роль и занимают доминирующую позицию.

Возникает вполне резонный вопрос: как возникли гендерные стереотипы? Понимание причин возникновения гендерных стереотипов лежит в плоскости анализа этого феномена как специфического когнитивного конструкта, которому присущи такие характеристики, как схематичность и универсальность. Причины возникновения гендерных стереотипов можно объяснить при помощи теории гендерной схемы *Сандры Бем*.

Гендерный стереотип представляет собой гендерную схему, помогающую организовать информацию полоспецифичного содержания. Гендерные схемы — социокультурные нормы полоспецифичного поведения, а гендерная схематичность — обобщенная и натренированная когнитивная готовность индивида кодировать и организовывать информацию в себе и других соответственно культурным определениям маскулинности — фемининности.

Схема — это познавательная структура, сеть ассоциаций, которая организует восприятие индивида и управляет им.

Схема функционирует как предвосхищающая структура. Иными словами, она заранее настроена на то, чтобы искать и связывать входящую информацию в пучки ассоциаций (в терминах, релевантных схеме). Таким образом, процессы схематизации информации высокоизбирательны и способны навязывать индивиду структуру и значение огромного множества входящих стимулов. Процессы схематизации информации содержат в себе готовность сортировать информацию в категории на основе некоторых особых измерений, несмотря на существование других, которые индивид тоже может применять.

Таким образом, процесс гендерной схематизации включает спонтанную сортировку характеристик и поведения на маскулинные и фемининные категории или «эквивалентные классы», несмотря на их различия по множеству других направлений, не связанных с гендером. Хотя эти характеристики могут значительно различаться друг от друга по иным основаниям, люди игнорируют последние, т. к. они не относятся к гендеру. Например, понятия «нежный» и «соловей» спонтанно помещаются в категорию фемининных, а «уверенный» и «орел» — в категорию маскулинных.

Теория гендерной схемы рассматривает восприятие как конструктивный процесс, т. е. созидательный и творческий, а не просто копирующий. Теория гендерной схемы утверждает, что феномен полотипизации происходит частично:

- 1) в результате процессов гендерной схематизации;
- 2) из обобщенной готовности индивида обрабатывать информацию на основе связанных с полом ассоциаций.

Эти ассоциации, в свою очередь, формируют гендерную схему.

Далее, согласно теории гендерной схемы процесс полотипизации оканчивается в результате внедрением самой «Я-концепции» в гендерную схему. При этом дети обучаются содержанию гендерной схемы, характерной для каждого конкретного общества. Помимо этого, они обучаются тому, какие характеристики связаны с их собственным полом, а

следовательно, и с ними самими. Так, «сильный — слабый» отсутствуют в схеме, которую можно применить для девочек. А характеристика «заботливость» вообще исключена из схемы, применяемой для мальчиков. Ребенок учится применять эту селективную схему к себе, выбирая из множества возможных человеческих измерений только те, которые определены как приемлемые для его (ее) собственного пола и поэтому подходящие для организации разнообразного содержания «Я-концепции». Таким образом, «Я-концепция» ребенка становится типизированной по полу, и представители двух полов различаются в своих собственных глазах не столько по степени выраженности свойств, сколько по качеству.

Одновременно с этим ребенок обучается оценивать свою личность с позиции соответствия гендерной схеме, противопоставляя собственные предпочтения, отношения, поведение, характеристики предпочтениям, отношениям, поведению, характеристикам другого пола. Гендерная схема становится предписывающим, диктующим стандартом, а самооценка становится заложницей этого стандарта. Затем, становясь усвоенными, мотивационные факторы побуждают индивида регулировать собственное поведение таким образом, чтобы оно соответствовало культурным определениям мужественности и женственности. Так, культурный миф становится самовыполняющимся реперентом, и в соответствии с теорией гендерной схемы мы вновь обращаемся к феномену, известному как типизация по полу (см.: Бем, 2004. С. 316).

Необходимо подчеркнуть, что теория гендерной схемы является теорией процесса, а не содержания. Полотипизированные индивиды регулируют свое поведение и информационные процессы независимо от того, какое содержание фемининности и маскулинности определено в данной культуре. Процесс делит мир на фемининные и маскулинные категории, а не на содержания данных категорий — это является центральным положением теории гендерной схемы.

Соответственно полотипизированные индивиды отличаются от других индивидов не только по степени фемининности и маскулинности, которой они обладают, но и по тому, насколько их «Я-концепция» и поведение организованы на основе гендера, а не на основе других категорий. Каждый человек в зависимости от условий гендерной социализации и особенностей когнитивного развития будет в большей или меньшей степени гендерно-схематизирован, следовательно, он будет носителем либо предельно жестких, либо менее категоричных гендерных стереотипов.

Гендерные стереотипы выступают генеральными соглашениями о взаимодействии «мужского» и «женского». Позитивным в действии гендерных стереотипов Дж. Мани и П. Такер считают поддержку межличностного и межгруппового взаимопонимания и сотрудничества. Культурные стереотипы, по их мнению, должны быть одновременно ригидны и гибки, чтобы, с одной стороны, обеспечивать устойчивость представлений, с другой — не останавливать развитие общества.

Гендерные стереотипы могут отрицательно сказываться на самореализации мужчин и женщин, выступать барьером в развитии индивидуальности.

Женщина, проявившая свои способности, желающая реализовать свой потенциал, часто приходит к конфликту с традиционными взглядами окружающих на место женщины в обществе и, возможно, к конфликту с собственным представлением о себе как о личности. Женщины работают и в то же время несут большую часть обязанностей по дому и уходу за детьми. На пути женщин к традиционно мужским, высокооплачиваемым и высоким по статусу работам поставлено множество барьеров: культурные, юридические, образовательные. Женщины сталкиваются с завышенными требованиями, дискриминацией при приеме на работу, при служебном продвижении — все это препятствует реализации женщиной себя как личности.

Но и на мужчину гендерные стереотипы также оказывают негативное влияние. К компонентам традиционной мужской роли относят нормы успешности/статуса, умственной, физической и эмоциональной твердости, ответственности. Для многих мужчин полное соответствие этим нормам недостижимо, что вызывает стресс и приводит к компенсаторным реакциям: ограничению эмоциональности, гомофобии, навязчивому стремлению к соревнованию и успеху и т. п.

Но даже индивид, признающий свою независимость от гендерных стереотипов, может им следовать на бессознательном уровне. Так гендерные представления превращаются в самоисполняющиеся пророчества.

Например, Герти Деловитую только что повысили в должности и назначили менеджером сектора связей с клиентами ее компании. Предвкушая большую самостоятельность, она радовалась будущей возможности развивать и проводить в жизнь свои собственные идеи. К сожалению, ее радость не разделял Тим Типичный, менеджер отдела информации и непосредственный начальник Герти. Тим возражал против назначения Герти на эту должность. Тим точно знал, какой менеджер необходим для этого сектора — «способный и энергичный молодой мужчина», который включится в работу, примет дела и что-нибудь предпримет. Герти как-то не соответствовала этому образу, однако Тим не был убежденным противником женщин. Он бы первым сказал вам (если бы вы его спросили), что всегда считал, что женщины не менее компетентны, чем мужчины; просто он не мог представить себе, что Герти способна проявить инициативу. Смирившись с назначением Герти, Тим решил оказывать ей как можно больше помощи, поэтому в последующие месяцы он постоянно снабжал ее проектами, над которыми она должна была работать, — таким образом, у нее не оставалось времени развивать свои собственные предложения (см.: Джейс, 2001. С. 145).

Это и есть самоисполняющееся пророчество¹ — первоначально ошибочное мнение, которое вызывает именно такое поведение, благодаря которому это мнение становится правильным. Считая, что Гerti не хватает инициативности, Тим загружал ее работой над его собственными проектами, не давая ей возможности проявить инициативу, которой она на самом деле обладала, и таким образом создавалось впечатление, что его первоначальное ошибочное мнение подтверждается.

Самоисполняющиеся пророчества состоят из двух основных элементов. Один из них — это ментальный, или когнитивный, элемент, включающий в себя знания, убеждения, ожидания, чувства, установки, намерения, цели и ценности. Во второй элемент входит видимое, наблюдаемое поведение, в том числе действия, слова, образы, выражения лица и «язык тела». Основным смысл понятия «самоисполняющееся пророчество» состоит в том, что убеждения порождают поведение, а поведение, в свою очередь, порождает убеждения.

В частности, стереотипные мнения о мужчинах и женщинах являются причиной предвзятого восприятия их поведения и пристрастного отношения к ним, в том числе дискриминации при распределении ролей и приписывании статуса, а появляющиеся в результате гендерные различия в поведении и достижениях затем якобы подтверждают правильность изначальных ожиданий.

Гендерные стереотипы — неотъемлемая часть повседневных практик. Как писала Дж. Батлер, все общество «гендерно схематизировано». Основной целью в работе с гендерными стереотипами является их осознание. Почему? Ответ на данный вопрос может быть найден при анализе механизмов действия гендерных стереотипов.

Осознание гендерных стереотипов предоставляет человеку выбор: **В каждой жизненной ситуации субъект свободно**

¹ Модель самоисполняющегося пророчества была теоретически сформулирована социологом Мертоном (1948). Но первую эмпирическую проверку она прошла в исследовании, проведенном на крысах (!) психологом Робертом Розенталем. После дальнейших эмпирических исследований в контексте изучения оживаний педагогов в отношении различных групп студентов данная модель была применена к изучению гендера.

выбирает способы поведения независимо от того, насколько они соответствуют его гендерным стереотипам.

5.7. Сексизм как один из видов социальных гендерных стереотипов

Сексизм (англ. *sex* — пол) — категория, введенная представителями феминистской парадигмы и обозначающая поведению или действие, которые принижают, исключают, недооценивают и стереотипизируют людей по признаку пола. Другими словами, сексизм — это ориентация, которая ставит в неблагоприятные условия один пол по отношению к другому. Сексизм рассматривается как один из видов социальных гендерных стереотипов, которые основаны на принятых в обществе представлениях о маскулинном и фемининном и их иерархии. Причем уже сама попытка выстраивания такой иерархии является сексизмом. Стереотипы в отношении пола встречаются ребенка уже при рождении (первый вопрос, который задают при рождении ребенка: «Мальчик или девочка?») и сопровождают его на протяжении всего жизненного цикла (профессиональное общение, брачно-сезонные отношения, образование, воспитание и т. д.). Сексизмские предрассудки и стереотипы (наряду с расизмом, национализмом и эйджизмом — дискриминацией по возрасту) не так безопасны, как могло бы показаться. Они с самого детства влияют на сознание и поведение людей, деля их на «своих» и «чужих». Сексизм так глубоко укоренен в нашей культуре, в нашем обществе, в нашем сознании, что его часто просто не замечают. Нас всех воспитывают в духе сексизма с раннего детства. Если не родители, то по крайней мере окружающая среда, общество и традиции приучают мальчиков играть с машинками, а девочек — в куклы. Далее, юноши должны быть сильными и смелыми, а девушки обязаны следить за фигурой, и, наконец, мужчины должны содержать семью экономически, а женщины — следить за порядком в доме.

Эти готовые шаблоны поведения, мнений, оценок, замечаний понимание явления его опознанием и отнесением к

принятой схеме, иногда столь глубоко укореняются в бессознательных структурах человеческой психики, что с ними трудно бороться рациональными доводами. Стереотипы женственности и мужественности не просто формируют людей, они часто предписывают людям в зависимости от пола определенные психологические качества, нормы поведения, род занятий, профессии и многое другое.

Термин появился в 1960-х гг. в США в женском освободительном движении. Особенно часто он употребляется при осуждении предубеждений против женщин, гендерных стереотипов. Мужчины тоже могут являться жертвами сексизма и в персональном отношении, и как гендерная социальная группа: например, сексизм лежит в основе принудительного призыва в армию только мужчин. В 1981 г. ЮНЕСКО легально закрепило понятие «сексизм». Сексизм означает дискриминацию или предубеждение по признаку пола, т. е. ограничение или лишение прав женщин или мужчин только потому, что они имеют определенные половые признаки.

По своим идеологическим функциям в отношениях между полами сексизм можно сравнить с расизмом в отношениях между расами и этносами. Сексизм в повседневной жизни проявляется разнопланово. В современном белорусском, а и постсоветском обществе в целом наблюдается укорененность сексистских привычек и норм в языке, нормах общения, в общем гендерном укладе жизни населения. Сюда входят все анекдоты и шутки, в которых женщина показана как глупая, тупая, некомпетентная. Никто даже не пытается оспорить содержание таких шуток — это считается плохим тоном, и поэтому анекдоты становятся частью неосознанной идеологии, которая учит, что женщина ниже мужчины. Эта идеология вдвойне опасна потому, что она не сразу бросается в глаза и против нее трудно бороться.

Сексизм может проявляться на индивидуальном (например, мужчина говорит партнерше: «Для женщины вы в шахматы играете неплохо...»), культурном (например, предписание личности определенных ролей в зависимости от пола)

институциональном (как его результат, в нашем обществе женщины получают 40 % от зарплаты мужчин) уровнях.

В чем можно видеть проявления сексизма?

1. Низведение женщины или мужчины до роли сексуального объекта или вещи, у которого нет прав и по отношению к которому не может быть никаких обязанностей.
2. Низведение мужчины или женщины до роли экономическо-сырьевого придатка семьи. Убеждение, что ответственность за материальное обеспечение семьи или оплату совместного досуга несут люди определенного пола (обычно мужчины).
3. Убеждение, что мужчины имеют право или обязаны проявлять уверенность в себе, силу характера и агрессивность, а женщины — слабость и уступчивость, что, по мнению ряда авторов (С. Бем), ограничивает жесткими гендерными ролями людей обоюбого пола.
4. Убеждение, что права и ответственность в определенной ситуации следует предоставлять только или преимущественно мужчинам или женщинам, в зависимости от традиционного разделения сфер ответственности на мужские и женские.
5. Запрет (или общественное неодобрение) женщинам (или мужчинам) заниматься некоторыми профессиями или занимать определенные должности только на том основании, что они женщины (мужчины).
6. Более низкая оплата труда лиц определенного пола (чаще женщин) может выражаться в более низкой оплате за равный труд или в более низкой оплате профессий, считающихся традиционными для лиц определенного пола.
7. Убеждение, что домашняя работа является обязанностью в первую очередь женщин.
8. Убеждение, что воспитание детей является обязанностью и правом в первую очередь женщин.
9. Убеждение, что мужчине следует играть активную роль при знакомстве и в отношениях с людьми другого пола, а женщине — пассивную.

10. Убеждение, что мужчина имеет право на внебрачные или добрачные сексуальные отношения, а женщина нет.
11. Убеждение, что мужчина имеет право на супружескую измену, а женщина нет.
12. Убеждение о необходимости неприменения карательных мер к женщинам, эквивалентных применяемым к мужчинам.

Проблема сексизма является одной из самых противоречивых. Например 7—8 декабря 2004 г. Национальная ассамблея Франции после острейших дебатов приняла проект закона по противодействию дискриминации, подразумевающий наказание за проявления сексизма и гомофобии. Наиболее распространенной формой сексизма является мужской шовинизм. Однако на волне феминизма иногда проявляется сексизм в отношении мужчин — женский шовинизм. В частности, деятели движений за права мужчин считают, что существуют нижеследующие *формы дискриминации мужчин со стороны государства*:

1. Более высокий пенсионный возраст для мужчин (в России и Беларуси — 60 лет, для женщин — 55) при более короткой в среднем продолжительности жизни.
2. В большинстве стран, где существует призывная система комплектации армии, призыву подлежат только мужчины.
3. В ряде стран (в частности, в России и Беларуси) законодательно запрещено выносить женщинам приговоры с наказанием в виде пожизненного заключения и смертной казни.
4. Несмотря на декларируемое равенство прав родителей, при разводе, как правило, ребенок остается жить с матерью.
5. В развитых странах женщины имеют возможность единолично принимать решение о рождении ребенка, в то время как отцы обязаны содержать детей вне зависимости от своего согласия на их рождение, в том числе и в ситуациях, когда беременность наступила в

результате обмана со стороны женщины (например, вследствие заведомо ложного заявления об использовании контрацептивов).

6. Множество норм о допустимом размере перемещаемых тяжестей для женщин более низкие, чем для мужчин.

Следует отметить, однако, что эти формы дискриминации мужчин являются не результатом борьбы феминисток за равноправие, а итогом законодательной деятельности государственных органов, во многих из которых доминируют мужчины. По мнению ряда авторов, такая дискриминация мужчин является следствием гендерных стереотипов, характерных для патриархата, которые ограничивают возможности не только женщин, но и мужчин.

Другой известной и распространенной *формой сексизма* является *лингвистический сексизм* — принижение роли женщин посредством языковых конструкций. Например, казавшая бы, обычная формула вежливости — обращение «Уважаемые дамы и господа» — являет собой пример лингвистического сексизма, т. е. половой дискриминации языковыми средствами. Вряд ли слово «господа» (единственное число — «господин», т. е. хозяин, владелец) можно считать всего лишь нейтрально окрашенной частью лингвистической конструкции, только указанием на половую принадлежность. «Господа» — это указание не только на пол, но и на роль, значимость этого пола, его доминирующую функцию. В этом смысле «дамы и господа» — знак не только пола, но и иерархической подчиненности. Таким образом, обращение «дамы и господа» — это иерархическая структура, замаскированная под лингвистическую оппозицию.

Примеры подобного сексизма можно проследить во многих языках. В ряде языков (например, в английском) понятие «мужчина» обозначается тем же словом, что и понятие «человек», для обозначения «женщины» употребляется другое слово, т. е. «женщина» оказывается не равной «человеку».

Исследование лингвистического сексизма показывает, что когда используются родовые местоимения (например,

он, ему, его) в печатной или разговорной форме, то слушатели или читатели, как правило, предоставляют себе мужчину, а не женщину. Например, когда студентов просили выбрать подходящие иллюстрации для учебника, они чаще выбирали фотографии с мужчинами для заголовков «деловой человек» или «общительный человек» (Schneider, Hacker, 1973).

Женщина часто идентифицируется в зависимости от ее взаимоотношений с отцом, братом, мужем или сыном. Многие биографии женщин-психологов излагаются в первую очередь с точки зрения их взаимоотношений с мужчинами и только во вторую очередь рассказывают о вкладе этих женщин в психологию. Так, об Анне Фрейд часто пишут, что она дочь Зигмунда Фрейда, а потом уже говорят как о психоаналитике и самостоятельном ученом.

Почему одни и те же фразы о себе, сказанные мужчинами и женщинами, воспринимаются по-разному? Действительно ли большинство этих фраз в отношении женщины обретают негативный смысл? Если мы возьмем несколько одних типичных выражений, то увидим в них скрытое порицание женщин, например, в словосочетаниях «старая дева» или «закоренелый холостяк». Холостяк — это стереотипное представление о мужчине около 30 лет, которому нравится весело проводить время и который не хочет выполнять обязанности мужа или отца. Если кого-то называют холостяком, то подразумевают, что он может никогда не жениться, но что никто не испытывает к нему жалости, потому что он мог бы жениться, если бы захотел, но решил этого не делать. Типичная старая дева — это женщина средних лет, которая живет одна, она не очень привлекательная, и ни один мужчина никогда не предлагал ей выйти замуж. Если мужчина говорит, что он неженатый, то все понимают так, что он *не хочет* жениться, но в любой момент это сделает, как только возникнет такое желание. А если женщина говорит, что она не замужем, то все понимают, что выйти замуж она *не смогла*.

Если мы рассмотрим слова, описывающие сексуальную распушенность, то обнаружим, что большое количество

описывают сексуально активную женщину («проститутка», «распутница», «куртизанка», «сожительница» и т. д.), а для тех же мужчин слов гораздо меньше («распутник», «грязный старик» и т. д.). Если мужчина говорит, что у него богатый сексуальный опыт, то это воспринимается как его достоинство. Но если женщина говорит, что у нее богатый сексуальный опыт, то это не в ее пользу. Если мужчина не работает, то это воспринимается как его недостаток, а если женщина не работает, про нее говорят — «домохозяйка», «хранительница очага», «может себе это позволить». Например, если женщина говорит: «Я сейчас не работаю, меня муж содержит», она всегда это говорит с гордостью. А мужчина в таком случае, скорее всего, не признается.

В языке, как и в культуре в целом, доминирует стремление определить женщину через мужчину. Подавляющее большинство профессий и должностей имеют мужской грамматический род. Прибавление к ним женского окончания и суффикса придает словам интенциональный, принижающий смысл.

Возьмем слова, обозначающие профессии. Уже в первом приближении выявляются четыре группы. *Первая* — когда и мужской и женский род равноправно образуются от одного корня путем приращения к нему суффиксов и окончаний и мужского и женского рода. Например, певец — певица, танцор — танцовщица, уборщик — уборщица и т. д. *Вторая группа* — когда женский род образуется от мужского путем приращения к слову, обозначающему профессию, суффиксов и окончаний женского рода: поэт — поэтесса, писатель — писательница, журналист — журналистка. *Третья* — это слова, или не имеющие женского рода, или женский род которых обозначает не профессию, а жену, муж которой занимается данной профессией: архитектор — архитекторша, президент — президентша, дирижер — дирижерша, композитор — композиторша, концертмейстер — концертмейстерша, доктор — докторша и т. д. *Четвертая группа* — это профессии, не имеющие мужского рода, как правило, из

сферы обслуживания — няня, медсестра, горничная, швея, кухарка, прачка и т. д.

Первая группа отражает воззрения современного общества на ряд профессий как на равнодоступные и мужские, и женские. Вторая же, имея видимость равноценной грамматической оппозиции, по сути, являет собой плохо замаскированную иерархию, третья и четвертая отражают воззрения общества на женщину как на производное от мужчины и создают определенный психолингвистический эффект. Такой грамматический способ на самом деле оказывается не только средством словообразования, но и мощным идеологическим средством внушения, внедрения в глубины сознания мысли о том, что женщина, занимающаяся вышеперечисленными профессиями, является как бы пародией на мужчину, она занимается «не своим» делом.

Джанет Хайд провела эксперимент, придумав несуществующую профессию wudgemaker (изготовитель вуджей), и оставила в следующем описании пустые места для местоимений: «Мало кто слышал об этой работе на фабриках — изготовление вуджей. Вуджи делаются из пластмассы, они необычной формы и являются важным компонентом в видеоиграх. Изготовитель вуджей работает по плану или образцу, который расположен на уровне глаз... складывает вместе кусочки на столе, при этом... видит. Нужно соединить вместе 11 пластмассовых деталей. Некоторые из деталей настолько малы, что... необходимо обладать хорошей координацией пальцев. Как только все 11 деталей оказались вместе... надо проверить вудж, чтобы все движущиеся детали перемещались нормально. Вуджмейкерам хорошо платят и... нужно иметь среднее образование, но для этой работы не обязательно заканчивать колледж» (Hyde, 1984. P. 699). В эксперименте с детьми одна группа получила это описание со словом «он» или «его» во всех пропущенных местах; одна треть получила то же описание со словом «они» или «их» и одна треть получила версию со словами «она» или «ей» во всех

пропущенных местах. Хайд попросила детей оценить, насколько хорошо женщина сможет справиться с работой вуджмейкера, дети должны были использовать трехбалльную шкалу: 3 — «очень хорошо», 2 — «нормально» и 1 — «не очень хорошо». Хайд также попросила детей оценить, насколько хорошо, по их мнению, может справиться мужчина с изготовлением вуджей. Дети, как показал эксперимент, не поддавались влиянию местоимений, когда оценивали работу мужчины в качестве вуджмейкера. Дети, использовавшие местоимение «он», считали, что женщины значительно хуже справятся с этой работой, чем мужчины. Дети, которые видели два других местоимения, не приходили к такому мнению, так что исследование Хайд показывает, что язык влияет на концепции детей, связанные с профессией.

Вопросы для самопроверки

1. Каким образом проблема идентичности рассматривалась представителями психоаналитической, интеракционистской, когнитивистской, социально-конструкционистской ориентации?
2. Каков процесс становления социальной идентичности?
3. В чем сходство и различие в содержании таких понятий, как «гендерная идентичность», «половая идентичность» и «полоролевая идентичность»?
4. Каковы механизмы конструирования гендерной идентичности?
5. Какие факторы способны оказывать влияние на формирование гендерной идентичности?
6. Что такое гендерные роли?
7. Какие выделяют уровни изучения гендерных ролей?
8. Какие ограничения накладываются традиционной женской и мужской ролью?
9. Какие модели маскулинности и фемининности вы знаете?
10. Как общие для социальных стереотипов характеристики представлены или проявляются в гендерных стереотипах?
11. Какие существуют группы гендерных стереотипов?
12. Как возникают гендерные стереотипы?

Задания для самостоятельной работы

1. Вспомните гендерные стереотипы, с которыми вы сталкивались. Сформулируйте их кратко, например: «женщины эмоциональны, мужчины рациональны», «женщина должна быть красивой и сексуально-привлекательной, мужчина должен все знать и ни в чем не сомневаться».
2. Проанализируйте стереотип «мужчина — добытчик, а женщина — хранительница очага» и заполните таблицу:

Для мужчины		Для женщины	
Выгоды	Потери	Выгоды	Потери

3. Проанализируйте, какие игрушки предназначены для мальчиков, какие — для девочек, как это способствует закреплению гендерных стереотипов?
4. Как ваши личные гендерные стереотипы проявляются в отношениях с вашими близкими, детьми, сокурсниками?
5. Как вам кажется, кто сыграл (или что сыграло) решающую роль в становлении вашей гендерной идентичности?
6. Какие качества женщин и мужчин ассоциируются у вас с понятиями «настоящая женщина», «настоящий мужчина»? Заполните таблицу:

Быть «настоящей женщиной» — это быть... (какой?)	Быть «настоящим мужчиной» — это быть... (каким?)

7. Возможно, вам приходилось встречаться с выражением «женское счастье». Как вы думаете, что под ним подразумевается?
8. Как вы думаете, существует ли «мужское счастье»? Если да, то чем оно заключается?
9. Возьмите лист бумаги и разделите его на две половины. Назовите одну половину «девочки/женщины», а другую «мальчики/мужчины», затем разделите каждую половину на четыре колонки и назовите их «растение», «животное», «еда» и «прочее». Попросите своих друзей (вы тоже можете принять участие) придумать слова и фразы каждой категории, которые используются, когда речь идет о девушках/женщинах и мальчиках/мужчинах. Например, для девушек/женщин:

Растение	Животное	Еда	Прочее
Роза	Лисица	Булочка	Дитя
	Гусыня	Сладости	

Пометьте каждое слово как позитивное, негативное или нейтральное. Сосчитайте количество слов, названных позитивными, негативными или нейтральными для девушек/женщин и мальчиков/мужчин. Какой пол имеет больше позитивных существительных или фраз? Обсудите, насколько важно избегать использования терминов, обозначающих девушек/женщин как что-то съедобное, инфантильное.

10. Проиллюстрируйте лексический сексизм.

Список рекомендуемой литературы

1. Антонова, Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // *Вопр. психологии*. — 1996. — № 1. — С. 131—143.
2. Бем, С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. — М.: РОССПЭН, 2004.
3. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
4. Джейс, Ф. Самоисполняющиеся пророчества: гендер с социально-психологической точки зрения / Ф. Джейс // *Сексология: хрестоматия* / под ред. Д. И. Исаева. — СПб., 2001. — С. 144—160.
5. Келли, Г. Основы современной сексологии / Г. Келли. — СПб.: Питер, 2000.
6. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений / И. С. Клецина. — СПб.: Алетейя, 2004.
7. Кон, И. С. Психология предрассудка / И. С. Кон // *Новый мир*. — 1966. — № 9. — С. 187—205.
8. Кон, И. С. Введение в сексологию / И. С. Кон. — М.: Олимп: ИНФРА, 1999.
9. Кон, И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И. С. Кон // *Введение в гендерные исследования*. — Ч. 1: учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков: СПб., 2001. — С. 562—606.

10. Мани, Дж. Ориентация / Дж. Мани, П. Такер // Сексология хрестоматия / под ред. Д. И. Исаева. — СПб., 2001.
11. Рябова, Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т. Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. — 2003. — Т. 5, вып. 1—2 (15—16). — С. 120—139.
12. Семендяева, О. Ю. «Эффект стереотипизации»: теоретическое обоснование манипулирования массовым сознанием в социологии США / О. Ю. Семендяева // Социологические исследования. — 1985. — № 1. — С. 164—167.
13. Уэст, К. Создание гендера / К. Уэст, Д. Зиммерман // Гендерные тетради. — СПб., 1997. — Вып. 1. — С. 94—124.
14. Эрикссон, Э. Детство и общество / Э. Эрикссон. — СПб.: Ленато [и др.], 1996.

Глава 6. Гендерные различия и сходства

Мы считаем мужчин и женщин совершенно разными существами. Согласно Уильямсу и Бест, мужчины, в отличие от женщин, обычно считаются амбициозными, рациональными, независимыми и неэмоциональными, тогда как женщины представляют нежными, чувственными, эмоциональными и общительными. Эти представления о мужчинах и женщинах общеприняты в нашей культуре. Юморист Дейв Барри говорил, что женщины хотят, чтобы их любили, слушали, желали, уважали, нуждались в них и верили им, а мужчинам нужен только билет на чемпионат мира по футболу.

Малейшим различиям в строении мозга у представителей разных полов ученые склонны приписывать гораздо большее значение, чем на то дают право объективные данные, а СМИ охотно и очень подробно освещают подобного рода открытия.

В своем знаменитом обзоре Э. Маккоби и К. Жаклин выявили только четыре психологических отличия между полами (способность к ориентированию в пространстве, математические способности, речевые навыки и агрессивность). Обычно авторы трудов по психологии ссылаются именно на эти четыре отличия, упоминая лишь вскользь, а иногда вообще не упоминая о том, что у мужчин и женщин гораздо больше сходства, и по большей части умалчивая о том, что по результатам недавних исследований эти отличия оказались совсем невелики и ситуационно-специфичны. Именно об этом пойдет речь в этой главе.

Изучение различий между полами осуществлялось в рамках двух альтернативных парадигм: социобиологической и социокультурной. В рамках социобиологической модели половая дифференциация — это универсальный биологический процесс, который культура только оформляет и осмыс-

ливают. Анатомо-физиологические различия между полами настолько очевидны, что психологические различия обусловлены главным образом биологическими факторами. Согласно социокультурной модели половая дифференциация является результатом социализации и влияния культуры в направлении освоения конкретных социальных ролей. В догендерный период социобиологическая модель половой детерминации была популярнее, ее принимало значительное число зарубежных и отечественных ученых. В гендерный период исследования половых различий строились на социокультурной модели. Было доказано, что многие из существующих особенностей личности мужчин и женщин поддаются изменению в ходе обучения, при перемене жизненного уклада и социальных ожиданий.

Самые последние тенденции изучения проблем половой дифференциации связаны с развитием социально-конструктивистского подхода, который основное внимание уделяет не измерению и описанию гендерных различий, а анализу процесса их конструирования. Другими словами, гендерные различия изучаются не как продукт и результат, а как процесс.

Психологи начали изучать гендерные различия еще в конце XIX в., но вплоть до 1970-х гг. они по большей части занимались тем, что демонстрировали различия полов и обосновывали этим разное отношение к мужчинам и к женщинам. Только за последние 20 лет опубликовано более 20 000 статей о половых различиях, и в некоторых из них упорно проводилась мысль, что два пола отличаются коренным образом. Необходимо все же помнить, что даже если такие отличия и обнаруживаются, они относительно невелики, обычно не больше 10 %, а в большинстве случаев распределения мужской и женской выборки на 90 % совпадают.

Проблема, связанная с литературой, посвященной гендерным различиям, именно в том и заключается, что в печатных изданиях проявляется больший интерес к отличиям, чем к сходствам, соответственно отчеты об обнаруженных отли-

чиях имеют гораздо больше шансов попасть в печать, чем сообщения о найденном сходстве.

Наконец, когда мы находим отличия, мы зачастую склонны приписывать их фундаментальной биологической разнице между полами. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что эти отличия возникают из-за нашего личного опыта и из-за разницы в требованиях, предъявляемых социумом к мужской и женской гендерной роли.

6.1. Гендерная демография

Для того чтобы лучше понять различия и сходства между мужчинами и женщинами по ряду психологических явлений, нужно рассмотреть различия и сходства в здоровье, болезнях, продолжительности жизни, а также рождаемость и смертность.

Итак, начнем со здоровья. Кто больше и чаще болеет — мужчины или женщины? Если взять такой показатель, как обращение к врачу и субъективные жалобы, то окажется, что женщины болеют гораздо чаще. Но так ли это на самом деле? Зарубежные исследования 1970—1980-х гг. XX в. породили шутку о различии полов: «Женщины болеют, а мужчины — умирают». Исследование Риты Чоу (Chou, 1987) о состоянии здоровья и методах лечения среди китайцев-эмигрантов показало следующее. Китайцы-эмигранты мужского пола, особенно пожилые, отказываются прибегать к медицинской помощи. Р. Чоу описывает, как консервативные китайские старики с возмущением отказывались от посещения клиники, считая это вопросом чести. Они буквально предпочитали умирать или молча страдать, но не обращаться за помощью. Защищая свое право контроля над собственной жизнью, старики обращались к самолечению с помощью часто неэффективных средств традиционной китайской медицины, над которыми они имели полный контроль, или вообще отказывались от медицинской помощи с вполне предсказуемым результатом. При выяснении причины такого упрямства оказалось, что, по их мнению, обратиться к докторам означало

показать свою беспомощность или зависимость. «Мужчины не нуждаются в помощи, — говорили они, — в ней нуждаются только женщины», добавляя, что просить помощи стало малым детям. То есть обращение за медицинской помощью противоречит их представлениям о мужественности (см.: Гилмор, 2005).

Распространенная проблема среди мужчин — это категорическое отрицание боли и отказ от медицинской помощи при физическом недомогании. Есть основания считать эту особенность одной из причин меньшей продолжительности жизни у мужчин по сравнению с женщинами (Helgeson, 1990). Наверняка вы знаете мужчин, которые не прекращали физической активности после травмы, не хотели обращаться за медицинской помощью и в результате оказались гораздо в более тяжелом состоянии. Действительно, если судить по телевизионным комментариям во время футбольного матча, то игрок, продолжающий играть вопреки серьезной травме, заслуживает всеобщего восхищения.

В 1990-х гг. миф о сверхболезненности женщин стал развенчиваться: они просто охотно говорят о своих проблемах со здоровьем и чаще ходят к врачу. Женщины также больше стремятся вести здоровый образ жизни (в частности, это касается здоровой пищи), возможно, потому, что они более подвержены воздействию СМИ, которые пропагандируют различные диеты и продукты. Кросскультурные исследования П. Розина и коллег показали, что женщины в США, а также европейских и азиатских странах едят более здоровую пищу, чем мужчины. В то же время женщины настолько увлекаются диетами, что им угрожает недоедание. Мужчины и женщины одинаково опасаются набрать лишний вес, но, тем не менее, по-разному относятся к продуктам. Так, мужчины чаще женщин считают жирную питательную пищу полезной для здоровья и в целом, оценивая пищу, больше заботятся о питательной ценности продуктов, а женщины — об их влиянии на стройность фигуры, т. е. для них важнее красота. Они имеют установку на то, что лучше пожертвовать

питательной ценностью продуктов, если они содержат много калорий. Эти результаты вновь демонстрируют проявление гендерного эффекта. Даже в таком вопросе, как питание, связанном с физиологией, общество вмещивается и насаждает гендерные стереотипы, влияющие на поведение.

В связи с этим возникает следующий вопрос — кто дольше живет: мужчины или женщины и что влияет на продолжительность жизни? Средняя продолжительность жизни женщин значительно превышает продолжительность жизни мужчин — 74,3 и 64,6 года соответственно. Наиболее высокой продолжительностью жизни была в 1964—1969 гг. — 72,9 лет. В 90-е гг. происходило снижение ее уровня: в 2006 г. она составила 69,4 года. Обобщенным показателем общественного здоровья является ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении (ОППЖР). В Республике Беларусь, по сравнению с развитыми странами, этот показатель ниже у мужчин на 12—14 лет, а у женщин — на 5—6 лет. ОППЖР для женщин снизилась с 77,20 (1984—1985 гг.) до 75,49 года, для мужчин — с 68,90 (1964—1965 гг.) до 63,56 года. Подсчитано, что к 2010 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин снизится до 64 лет, женщин — до 74 лет, т. е. разница в 10 лет останется, хотя доказано, что она должна составлять всего 2,1 года за счет биологических факторов, а остальные потери у мужчин — за счет образа жизни.

Для сегодняшней Беларуси актуальной тенденцией стало превышение смертности над рождаемостью. Возросла также материнская смертность, которая является важным медико-социальным показателем. Так, в течение 1990—2002 гг. показатель материнской смертности варьировал от 13,8 (1995 г.) до 24,2 (2000 г.) на 100 тыс. новорожденных, в 2006 г. он составил 11,4 (2005 г. — 15,5), а в 2009 г. снизился до 0,9 %. Хотя пока еще этот показатель в Беларуси значительно выше, чем в экономически развитых странах Европы, где он составляет не более 10 на 100 тыс. новорожденных.

Несмотря на то что зачатий мальчиков происходит больше, чем зачатий девочек, намного больше эмбрионов муж-

ского пола по сравнению с женским полом погибают еще до рождения. Девочки переживают меньшие трудности во время самого процесса рождения и, следовательно, имеют меньше врожденных дефектов. Исследования подтверждают более высокую жизнеспособность женского пола и после рождения. У девочек меньше врожденных заболеваний, для них менее вероятны случаи смерти, вызванные синдромом внезапной смерти (SIDS — смерть во сне внешне здоровых детей, у которых останавливается дыхание по непонятным с медицинской точки зрения причинам).

На продолжительность жизни мужчин в значительной степени влияло постоянное возрастание потребления спиртных напитков (уровень потребления алкогольных напитков за последние 5 лет возрос от 8,8 до 10,3 л в пересчете на абсолютный алкоголь на одного человека в возрасте 20 лет и старше), а также возросшая нестабильность жизни: большое количество стрессов, ведущих к тяжким заболеваниям. С 1995 по 2006 г. контингент больных хроническим алкоголизмом и алкогольным психозом увеличился на 56,5 % (с 1 187,4 до 1 858,9 на 100 тыс. населения). В то же время в последнее время возросло количество женщин, страдающих алкоголизмом и наркотической зависимостью. За пять лет численность женщин, состоящих на учете в Минском наркологическом диспансере, возросла с 3,025 до 4,018 тыс., а количество женщин, вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, — за последний год в 2 раза. Из числа больных алкоголизмом 14,4 % составляют женщины. Ежегодно увеличивается уровень смертности, обусловленной потреблением алкоголя: с 1990 г. этот показатель возрос почти в 2,6 раза. В 2006 г. было зарегистрировано 2 932 случаев смерти в состоянии алкогольного опьянения — 30,1 на 100 тыс. населения, из них 77 % приходится на мужское население.

Существует статистика «мужских» и «женских» заболеваний. У мужчин это, к примеру, дальтонизм и гемофилия (нарушение свертываемости крови), а у женщин — униполярная депрессия. Рассеянный склероз поражает в два раза

больше женщин, чем мужчин. Его первые симптомы часто проявляются в возрасте 20—40 лет. Стенокардией страдает почти в два раза больше женщин, чем мужчин. В течение шести лет после подтвержденного инфаркта миокарда у 18 % мужчин и у 35 % женщин случится повторный инфаркт, 22 % мужчин и 46 % женщин лишатся трудоспособности по причине сердечной недостаточности, 25 % мужчин и 38 % женщин умирают в течение года после первого инфаркта; а 25 % женщин и 22 % мужчин умирают в течение года после инсульта. У женщин астма во все времена наблюдалась чаще, чем у мужчин. Болезнь Альцгеймера поражает в 2—3 раза больше женщин, чем мужчин, ею страдают около 70 % женщин в возрасте старше 80 лет. 70 % пациентов, страдающих мигренями, — женщины. Женщины также более, чем мужчины, подвержены хроническим заболеваниям и заболеваниям, приводящим к потере трудоспособности, например диабету, артриту и гипертонии. Депрессивные расстройства случаются у женщин почти в 2 раза чаще, чем у мужчин (12 и 6,6 % соответственно).

Депрессия повышает риск суицидальных попыток. Несмотря на то что мужчины в 4 раза чаще, чем женщины, погибают в результате суицида, женщины предпринимают в 2—3 раза больше попыток покончить с собой. Так, в случаях завершённых суицидов преобладают мужчины (69,7 %), а незавершённых — женщины (65,9 %). При этом избираются различные способы самоубийства при завершённом и незавершённом суициде. В первом случае это повешения (81,08 %), а во втором — медикаментозные отравления (73,4 %) (Костенко, Вакула, Васянина, 2006). В Беларуси уровень суицидов среди женщин значительно ниже, чем среди мужчин: соотношение уровней в 2002 г. 6 : 1. В 2002 г. максимальные уровни суицидов в мужской популяции отмечены в возрастном диапазоне 50—59 лет: 99 на 100 тыс. данной подгруппы. Уровень суицидов среди женщин плавно поднимается до максимальных значений в возрасте старше 70 лет (17,6 на 100 тыс.) (Статистический ежегодник ... 2003).

Алкогольное опьянение (определяемое по содержанию алкоголя в биологических жидкостях) сопровождало 59 % суицидов мужчин и 25 % — женщин (Клинико-эпидемиологическое исследование ... 2001).

Значительное преобладание уровня мужских суицидов над женскими отражает хорошо известную закономерность: среднемировой коэффициент соотношения «мужских» уровней и «женских» в 1995 г. составил 3,6 : 1 и в 2020 г. составит 3,9 : 1 (Bertolote, Fleischmann, 2002). Шестикратное и более преобладание «мужских» уровней характерно для многих государств: Латвии, Новой Зеландии, Швейцарии, Австралии, Великобритании и др. В мире существует только 1 страна — Китай, где уровни суицидов среди женщин постоянно выше (примерно в 2 раза), чем среди мужчин (Phillips, Zhang, 2002). Если последнее явление, по-видимому, связано с местными культуральными и социально-экономическими особенностями и требует специальных исследований, то первое (значительное преобладание «мужских» суицидов) имеет частичное объяснение. Так же, как и смерть от ишемической болезни сердца, убийств, несчастных случаев, передозировки алкоголя и наркотиков, суицид является феноменом, присутствующим мужчинам в большей степени, чем женщинам.

С точки зрения гендерной психологии это явление во многом связано с различными общественными ожиданиями от мужской и женской социальных ролей. Ключевыми для данного вопроса факторами являются различия в способах эмоциональной экспрессии и поведении, направленном на поиск помощи. По-видимому, именно благодаря требованиям социума (и в меньшей степени в связи с биологическими различиями) мужчина приучается не выражать негативные эмоции («мальчики не плачут»), а зачастую и не осознавать их (алекситимия), т. к. это не отвечает принятому в обществе стереотипу маскулинности. То же относится к поиску помощи в состоянии кризиса. Демонстрировать свою депрессию, так же как и искать помощи у специалиста (или близких людей), равносильно признанию своей слабости и, соответ-

венно, социальной неуспешности. Для социального стереотипа феминности в значительно большей степени приемлемо более открытое выражение эмоций и активный поиск помощи. Вероятно, это во многом связано с парадоксальным феноменом в 2 раза большей распространенности диагноза депрессии в женской популяции при значительно меньшем, чем у мужчин, уровне суицидов. Активным же поиском помощи можно объяснить и то, что суицидальные попытки (мотивом которых часто и является «крик о помощи») чаще регистрируются в женской популяции.

Для статистической характеристики здоровья населения существенное значение имеют данные о численности и составе населения. Распространено мнение, что женщин в целом больше, чем мужчин.

В 2005 г. численность женщин в мировом населении достигла 3 209 млн, из которых 622 млн (19,4 %) проживают в более развитых странах¹, а 2 587 млн (80,6 %) — в менее развитых, включая 633 млн (19,7 %) женщин, проживающих в Китае. В Африке сосредоточено 13,9 % общей численности женщин мира (446 млн), в Северной Америке — 5,3 % (169 млн), в Латинской Америке и странах Карибского бассейна — 8,8 % (282 млн), в Европе — 11,7 % (375 млн), в Океании — 0,5 % (16 млн), а остальные 59,8 % (1 920 млн) — в Азии.

В большинстве стран женщины по своей численности превосходят мужчин, но примерно в трети стран, в основном азиатских, напротив, больше численность мужчин. Небольшой перевес численности мужского населения над женским наблюдается также в ряде стран Африки, Центральной и Южной Америки, Океании. Число женщин на 100 мужчин варьирует по странам мира от 47 в Объединенных Арабских Эмиратах и 48 в Кувейте до 118 в Эстонии и на Украине и 119 в Латвии.

Диспропорция населения Беларуси по половому признаку не очень существенна: в 2002 г. 47 % населения составляли мужчины, 53 % — женщины (Здравоохранение в Республике

¹ Согласно классификации ООН к ним относятся все страны Европы и Северной Америки, Австралия, Новая Зеландия и Япония.

Беларусь, 2003). По сравнению с 1999 г. численность мужчин сократилась на 6,2 %, а женщин — на 4,9 %. По данным на 14 октября 2009 г., на 1 000 мужчин приходилось 1 145 женщин. В 1999 г. этот показатель составлял 1 129¹ (табл. 6).

Таблица 6
Численность и естественный прирост населения в Республике Беларусь

	1995	2000	2005	2006	2007	2009
Численность населения (на конец года), тыс. человек	10 177	9 990	9 751	9 714	9 690	9 489
В том числе:						
Мужчины	4 767	4 687	4 556	4 535	4 522	4 423
Женщины	5 410	5 303	5 195	5 179	5 168	5 066

Поскольку женщины обычно живут дольше мужчин, численное соотношение между женщинами и мужчинами с возрастом увеличивается. Женщины старшего возраста численностью значительно превышают мужчин этого возраста в большинстве стран мира. К возрасту, когда женщинам исполняется 85 лет и больше, на 220 женщин приходится 100 мужчин. Для объяснения причин существования различий по половому признаку в вопросах долголетия были выдвинуты на рассмотрение факторы влияния со стороны окружения и факторы биологического характера. Например, гормональные и генетические факторы повышают сопротивляемость женщин определенным болезням, включая сердечно-сосудистые заболевания. Другим существенным аспектом является то, что женщины чаще обращаются за помощью в медицинские учреждения.

Подобное соотношение мужчин и женщин в зависимости от возрастной группы характерно и для Беларуси. Так, в возрасте до 30 лет у нас теперь преобладают лица мужского пола:

¹ Данные на 1 декабря 2010 г. с сайта Национального статистического комитета Республики Беларусь: www.belstat.gov.by

на 100 женщин — 103 мужчины. В возрасте 30—39 лет численность мужчин равна численности женщин. Но в возрасте 50—59 лет на 100 женщин уже приходится 79 мужчин; в возрасте 60—69 лет — 53; в возрасте 70—79 лет — 43, а в возрасте 80 лет и старше — лишь 33,0 (рис. 6).

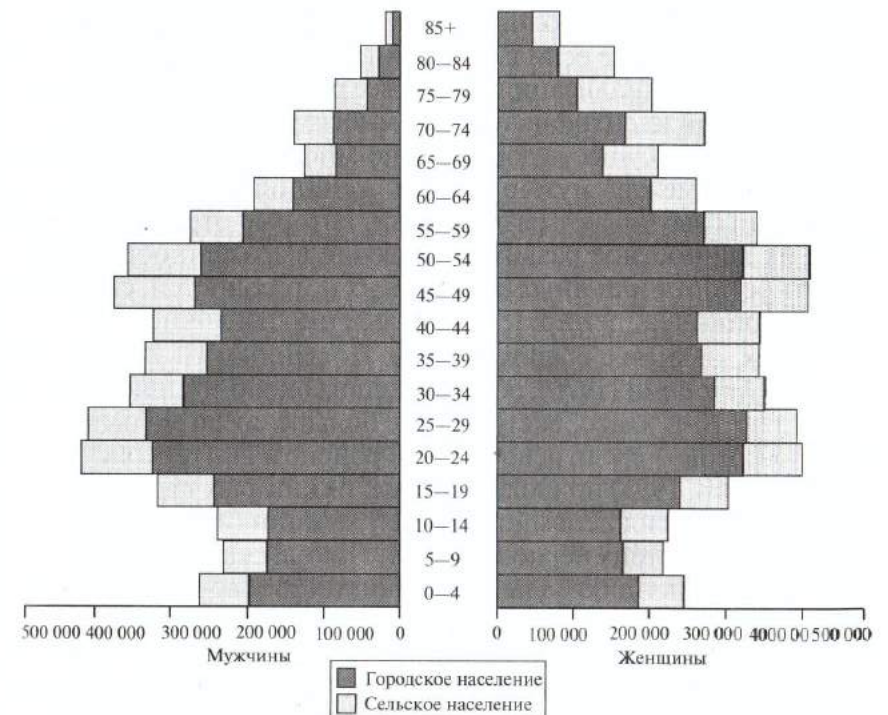

Рис. 6. Половозрастная пирамида населения Республики Беларусь (на 1 января 2010 г., человек)

Таким образом, 670 тыс. недостающих мужчин приходится на возраст старше 50 лет, что обусловлено, прежде всего, разницей в продолжительности жизни мужчин и женщин и образом жизни. В фертильном же возрасте для каждой женщины есть пара, а в брачном — даже дефицит невест.

¹ Данные с сайта Национального статистического комитета Республики Беларусь: www.belstat.gov.by

6.2. Гендерные различия и сходства в свойствах личности

В литературе, посвященной гендерным проблемам, все чаще утверждается, что личностных различий между мужчинами и женщинами нет. Однако с какой стороны ни подходи к этому вопросу — биологической или социальной, поверить в это трудно. Даже если в освоении гендерных ролей главную роль играет социализация, то это все равно не снимает вопроса о половой идентификации по многим признакам, а следовательно, и о существующих, а не мифических личностных различиях между мужчинами и женщинами. Мужчины и женщины выучивают разные роли, которые отражают и разное их личностное развитие, включая выраженность (доминантность) тех или иных социальных потребностей, склонностей, привычек, ценностей, направленности личности.

Итак, начнем с **общительности**. По данным Н. В. Бирюковой с соавторами (1976), обследовавших около 800 школьников с 1-го по 10-й класс, экстравертов больше среди мальчиков, а интровертов — среди девочек. Л. Фрэнсис и П. Пирсонс (Francis, Pearsons, 1993) приводят данные, из которых также следует, что экстраверсия ненамного выше у мужчин (исключая постоянно посещающих церковь). И. М. Никольская (2001) обнаружила как тенденцию большую замкнутость девочек, а А. И. Винокуров (1996) — большую общительность мужчин.

Часто считается, что женщины больше тратят времени на разговоры, чем мужчины. Тем не менее это мнение не подтверждается эмпирическими данными. Данные экспериментов показывают совершенно противоположный результат: если учесть все время, потраченное на разговоры, то мужчины говорят больше женщин (Kollock, Blumstein, Schwartz, 1985).

Имеющиеся данные по **моральному развитию** мужчин и женщин весьма противоречивы. По данным В. М. Погорьши (1997), женщины имеют более высокие показатели по моральным установкам. С другой стороны, И. М. Никольская (2001) отмечает, что недобросовестность и безответственность, с точки зрения взрослых, чаще отличают девочек, чем

мальчиков. С. М. Петрова (1995) выявила, что у девушек показатель нравственной мотивации ниже, чем у юношей. К. Гиллиган (1992) обнаружила, что девочки и женщины обычно получают более низкие оценки за разрешение моральных дилемм, чем мальчики и мужчины. Однако К. Гиллиган считает, что это еще не значит, что лица женского пола имеют более низкий уровень морального развития, просто они используют другие критерии для вынесения своих моральных суждений. Ведь мальчиков и девочек с детства учат ценить разные качества. К. Гиллиган считает, что существуют два разных типа моральных рассуждений: один базируется на понятии абстрактной справедливости, а другой — на человеческих отношениях и заботе о ближнем. Первый тип характерен для мужского мышления, второй — для женского. Мужчины часто строят свои рассуждения вокруг прав человека; женщины же рассматривают нравственные проблемы с точки зрения заботы о нуждах других людей. Однако и эти различия не являются абсолютными, т. к. многие женщины высказывают моральные суждения, руководствуясь приоритетом справедливости, а некоторые мужчины решают нравственные вопросы с точки зрения заботы о людях.

Существуют ли гендерные различия в **честности и лжи**? Распространено мнение, выраженное еще Н. А. Бердяевым, что «женщины лживее мужчин, ложь есть самозащита, выработанная историческим бесправием женщины со времен победы патриархата над матриархатом» (1991. С. 79). О большей лживости женщин писал и О. Вейнингер. Так, по его мнению, «благодаря характерной лживости женской природы, она в состоянии уверить себя, что поняла всю преступность своего поступка, и таким образом ввести в заблуждение и себя, и мужчину» (1991. С. 196). С другой стороны, В. В. Знаков (1999) выявил, что лица женского пола считают себя более честными, чем лица мужского пола.

В более ранней работе В. В. Знаков (1997) показал, что важную роль в понимании неправды, лжи и обмана мужчинами и женщинами играют в разной степени сознаваемые

теми и другими механизмы психологической защиты. В общении женщины в большей степени, чем мужчины, обращают внимание на побудительные причины и последствия неправды, лжи и обмана. Они придают большее значение сокрытию и представлению в искаженном виде мыслей и чувств, чем фактов. Женщины обращают внимание на процессуальные, коммуникативные аспекты искажения и анализируют, можно ли морально оправдать людей, совершивших их. Мужчины связывают неправду, ложь и обман в основном с искажением фактов. У мужчин смыслообразительные признаки названных феноменов представлены когнитивным знанием и нравственной оценкой результата их воздействия на собеседников (см.: Знаков, 1997. С. 38).

Как отмечает В. В. Знаков, «проблема значительно усложняется и становится менее однозначной, если ее перевести в плоскость психологического анализа разных степеней осознания субъектом своего намерения солгать или обмануть. У некоторых женщин первоисточником обмана оказывается “маленькая неправда”, безобидное преувеличение, в основе которого лежит естественное и осознанное желание наилучшим образом представить себя в глазах собеседников. Существенную роль в этом, очевидно, играют механизмы психологической защиты. Вначале неправда требует самооправдания, обычно основанного на очень пристрастном и необъективном отражении социального окружения. Затем, переходя в привычку, становясь компонентом нравственного сознания личности, неправда нередко заменяется сначала полуосознаваемым, а потом вполне сознательным обманом и даже ложью (которым тоже подыскивается “разумное” самооправдание). В результате такая женщина может считать себя честным человеком, допускающим невинную ложь там, где, по ее мнению, без этого не обойтись. У мужчин ложь и обман чаще бывают ситуативными: они точнее могут описать ситуации, в которых лгут, и отчетливее осознают, зачем, с какой целью это делают. А поскольку они знают обстоятельства, в которых нарушают известную им моральную нор-

му, то критичнее женщин относятся к собственной честности. Следствие самокритичности — более низкие самооценки» (Знаков, 1999б. С. 204).

В дальнейшем, на основании экспериментальных данных, В. В. Знаков замечает, что «маскулинность является преимущественно (но не исключительно) мужским качеством, а фемининность женским... Эксперименты не выявили количественных различий в ответах, но показали многообразие видов понимания моральной дилеммы. Мужчины и женщины, маскулинные и фемининные субъекты, люди с высокой и низкой самооценкой нравственных качеств личности совершенно по-разному объясняют причины формально одинаковых ответов» (2004. С. 41).

Приведем одно высказывание, которое хорошо иллюстрирует феномен лжи мужчин и женщин: «Почему-то принято считать, что лживы именно женщины. Действительно, мы легко говорим неправду, однако это очень несущественная ложь. Мы опаздываем на свидание и придумываем на ходу достоверные объяснения, что сломался поезд метро и его долго чинили. Мы изобретаем правдивые истории, почему именно сегодня не можем пойти в театр с Петей, поскольку, если честно, уже договорились пойти на концерт с Пашей. Мы часто приукрашиваем правду, рассказывая об отношении к нам мужчин, о наших профессиональных победах. А еще мы говорим мужьям, что эта кофточка стоила всего пятьсот рублей, в то время как она обошлась нам в две с половиной тысячи. Короче, женщина лжет часто и охотно, но по мелочи. С целью сберечь мужские нервы. Мужчина же в состоянии придумать себе “легенду” не хуже Штирлица. В ней будут родители-аристократы, Оксфорд, первый заработанный миллион, внезапное предательство друга, банкротство, алчная бывшая супруга, которой он оставил особняк и машину, а также многое другое. Я сама неоднократно сталкивалась с подобными гражданами и каждый раз крайне удивлялась, когда все оказывалось лишь плодом их воображения. Мне казалось, что так вдохновенно лгать нормаль-

ный человек не способен в принципе... Действительно, для многих представителей сильного пола ложь — это своеобразный уход от безотрадной действительности. Возможность показать себя в выгодном свете. Они придумывают свой воображаемый мир, и единственным их благодарным слушателем оказывается женщина. Как говорил австрийский писатель Карл Краус: “Я долго остаюсь под впечатлением, которое я произвел на женщину...” » (Ильин, 2002. С. 150)

Конформность. Социальные стереотипы, касающиеся гендера, могут вынудить нас поверить, что по сравнению с мужчинами женщины более конформны, легко убеждаемы и управляемы из-за своей зависимости и подчиненности. В ряде работ показано, что конформность женщин выше. Это имеет следствием и различия в типе мотивации. В исследовании Л. Османа это было выявлено при наблюдении за тем, как мужчины и женщины переходят улицу на красный цвет светофора. Мужчины идут первыми чаще, чем женщины, однако женщины чаще нарушают правила вслед за более решительным нарушителем. Автор делает вывод, что женщины более податливы к требованиям, запрещающим нарушение правил, но одновременно более конформны к групповому давлению.

Голландский ученый Г. Гейманс еще в начале XX в. в своих исследованиях доказал, что внушаемость не связана с полом. Более внушаемы и поддаются чужому влиянию эмоциональные женщины и эмоциональные мужчины по сравнению с неэмоциональными представителями обоих полов.

В работе Игли и Карли (Eagly, Carli, 1981), на которую ссылается Ш. Берн, отрицая большую конформность женщин, были обнаружены половые различия в подверженности внешнему влиянию, хотя и небольшие (но на статистически значимую величину). Этот факт может объясняться тем, что женщины — более «общественные» создания и, следовательно, стараются сохранить гармонию в группе и добрые чувства ее членов друг к другу. Другой причиной может быть то, что мужчины менее конформны из-за социальных

норм, которые предписывают им быть независимыми и не поддаваться влиянию со стороны. Было обнаружено, что мужчины менее конформны в ситуации, когда они считают, что члены группы знают их мнение, чем тогда, когда они уверены, что другим их мнение неизвестно. На конформность женщин этот фактор не оказывал никакого влияния.

Есть и более любопытные находки в отношении гендера и внушаемости. Одна из них заключается в том, что пол исследователя, судя по всему, сильно влияет на факт обнаружения гендерных отличий. Игли и Карли подсчитали, что 79 % исследований, в которых были обнаружены гендерные отличия в пользу большей внушаемости женщин, были осуществлены мужчинами, а также что исследователи-мужчины обнаруживали более значительные отличия, чем их коллеги женского пола. Исходя из этого, Игли и Карли заключили, что, вероятнее всего, ученые склонны планировать, осуществлять и излагать свои исследования в таком виде, который бы польстил тому гендеру, к которому они сами принадлежат.

Была также обнаружена следующая закономерность: когда затрагиваются «женские» темы (уход за детьми, ведение хозяйства и т. п.), мужчины более склонны к конформному поведению, чем женщины, и наоборот.

Альтруизм. Общепринятые стереотипы, описывающие женщин заботливыми и сочувствующими, наталкивают на мысль, что они должны больше, чем мужчины, помогать окружающим, тогда как в ходе метаанализа социально-психологических исследований готовности помочь, проведенного Игли и Кроули (Eagly, Crowley, 1986), выяснилось, что чаще помогают другим как раз мужчины, а не женщины. Авторы объясняют такой результат тем фактом, что типичное социально-психологическое исследование готовности помочь включает в себя создание ситуаций кратковременной помощи незнакомому человеку, как раз таких, в которых мужчина скорее всего окажет необходимую помощь. По словам Игли и Кроули, проведенный ими метаанализ подтвердил, что мужчины не отличаются от женщин в готовности по-

мочь, однако существуют половые различия в оказании помощи, которые зависят от типа помогающих действий.

Отличие типов помощи у мужчин и у женщин можно понять, предварительно рассмотрев различные социальные роли, которые занимают мужчины и женщины. В отношении помогающих действий это положение можно сформулировать так: нормы, отвечающие за оказание помощи, различны для мужской и женской роли. Например, женская гендерная роль предписывает женщине заботиться о личных и эмоциональных потребностях других и помогать им достигать целей («заботливая помощь»). Мужская роль поощряет проявления более «героических» видов помощи, включающих необычные и рискованные действия по спасению, а также «кавалерские» виды помощи: помочь женщине, несущей тяжести, придержать открытую дверь. Женщины предпочитают домашние роли, роль секретарши или няньки, такие, в которых требуется помогать людям добиваться цели. Мужчин, наоборот, чаще можно увидеть на ролях, требующих героической помощи (например, пожарный, полицейский, военный).

Пилявин и его коллеги объясняли гендерные различия в оказании помощи в терминах соотношения «цена — выгода». Следуя их модели, мы помогаем в том случае, если считаем, что выгода от помощи превосходит ту цену, какой мы ее осуществляем. Мужчины и женщины склонны по-разному определять цену и выгоду, в зависимости от требуемого приложения физической силы и связанной с действиями опасности. Например, в серии исследований, проведенных в метро, требуемое вмешательство заключалось в том, чтобы поднять на ноги упавшего мужчину. Неудивительно, что в таких исследованиях получают весомые показатели половых различий, из которых делается вывод, что мужчины скорее готовы помочь окружающим. Определенные виды помощи могут быть в большей или меньшей степени присущими тому или иному гендеру (см.: Берн, 2001).

Общепринятые стереотипы содержат и идею о существовании множественных гендерных отличий в сфере *эмпатии* и *эмоциональности*. Говоря о различиях между мужчинами и женщинами, мы часто считаем, что женщины лучше выражают эмоции и более восприимчивы к чувствам окружающих (эмпатичны), чем мужчины. Действительно, вера в то, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, является одной из наиболее тривиальных находок в ходе изучения гендерных стереотипов. Это можно объяснить тем, что мужественность обычно связывают с достижениями, автономностью и стремлением к контролю, причем такому, в котором на первом месте стоит способность влиять на осознанное выражение или сокрытие своих чувств. Женственность, наоборот, ассоциируется с межличностной коммуникацией, стремлением к объединению и активным выражением своих чувств.

Говоря об *эмпатии*, мы имеем в виду способность понимать эмоциональные состояния других (*эмпатию*) и умение выразить это понимание (*эмпатическую экспрессию*). Считается, что женщины более эмпатичны, чем мужчины. Если это и так, то причиной, вероятно, являются социальные нормы. Мужчины не желают, чтобы окружающие видели их эмпатичными, потому что это не соответствует гендерной роли. Забота и ласка — это важные части женской гендерной роли. Так называемые «женские занятия», вроде ухода за детьми, требуют эмпатийной отзывчивости. В исследованиях, объектом которых были одинокие мужчины, вынужденные заботиться о своих детях, т. е. остались вдовцами или были брошены женами (причем когда эти отцы еще были женаты, то и не думали брать на себя заботу о детях), обнаружено, что у таких мужчин развиты типично женские черты, например заботливость и сочувствие. Иначе говоря, они стали ухаживать за детьми совсем не оттого, что были такими заботливыми, а наоборот, стали заботливыми, лишь начав ухаживать за детьми. В этом случае социальная роль требует эмпатийного поведения, а подобные социальные роли присущи почти исключительно женщинам. А немалая часть

опыта социализации развивала в мужчинах способность подавлять эмпатийную отзывчивость. Общепринятые стереотипы относительно мужчин говорят, что мужчина должен быть эмоционально твердым: испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешить свои эмоциональные трудности без помощи со стороны; ему доступно выражение лишь одной социально приемлемой эмоции — злости.

Таким образом, мужчины не хуже женщин способны определять чувства других и внутренне сопереживать им, но они заинтересованы в том, чтобы окружающие никак не заметили этого по их поведению. В первую очередь вышесказанное относится к мужчинам, приверженным традиционной гендерной роли и, следовательно, считающим эмпатийную отзывчивость качеством, не согласующимся с этой гендерной ролью.

Эмоциональность рассматривают как один из важнейших моментов женственности, как правило противопоставляя ее мужской рациональности. Принято считать, что, в отличие от мужчин, женщины реже скрывают свои эмоции, чаще выражают нежные чувства, чаще плачут и чувствуют себя обиженными. В многочисленных тестах (или шкалах) по измерению фемининности — маскулинности, которые начали разрабатываться с 30-х гг. XX в., эмоциональность является одной из важнейших характеристик, позволяющих отделить «нормальных» женщин от «нормальных» мужчин и «нормальных» женщин от женщин маскулинных.

Однако действительно ли так, что женщины эмоциональнее мужчин? Действительно ли так, что женщины более склонны к выражению эмоций, чем мужчины? Результаты тех немногих исследований, которые были проведены, говорят о том, что мужчины и женщины обладают равной эмоциональностью. Вопрос в том, какие эмоции они проявляют? Проявление таких эмоций, как гнев, пренебрежение, ненависть, выражающих позицию доминирования, не противоречит традиционной мужской роли. Иногда мужчины даже превосходят женщин по эмоциональности — по пережива-

нию таких негативных эмоций, как гнев, презрение и отвращение. В то же время предполагается, что женщины, будучи эмоционально сензитивными, будут сохранять гармоничные отношения с другими людьми.

В нашем обществе существуют различные ожидания и нормы относительно эмоциональной экспрессии для мужчин и женщин. Эти различные ожидания передаются нам в течение всей жизни. Например, эмоциональная жесткость считается одной из важнейших описательных характеристик «настоящего мужчины», и в определенной социальной среде отклонения по этому показателю низводят их обладателя до положения «не мужика» (многие из нас были свидетелями того, как какого-нибудь мужчину, который не дотягивает до мачо, называли «слюнтяем» или «неженкой»). Сходным образом воспитывали многих женщин, поучая их, что следует походить на настоящую «леди», что подразумевает, помимо целого ряда других условий, умение сдерживать или избегать выражения гнева, который мог бы поставить под угрозу межличностные взаимоотношения.

Гендерные различия в выражении эмоций являются более ярко выраженными, чем различия в самих эмоциях, переживаемых мужчинами и женщинами. Женщины более экспрессивны, у них более открытое выражение лица, они больше улыбаются, больше жестикулируют и т. п. Женщины более свободны в выражении страха и грусти, чем мужчины. Правда, Н. Айзенберг и соавторы выявили по мимике и самоотчету испытуемых лишь небольшие различия в проявлении эмоциональности в пользу женщин. С возрастом эти различия увеличивались, в основном за счет того, что мужчины больше маскируют свои эмоции. В ряде других исследований также показана большая экспрессивность лиц женского пола, независимо от их возраста (Stapley, Naviland, 1989; Snell, 1989; Saurer, Eisler, 1990; Суханова, 2001). Было обнаружено, что женщины проявляют более эмоциональное поведение в чисто женских группах, чем в смешанных (Cross, Madson, 1997). Женщины лучше кодируют экспрес-

сивное выражение счастья, а мужчины — гнева и злобы (Sots, Feldman, 1996). Традиционная женская роль в целом позволяет открытое выражение эмоций, в том числе и эмоций, выражающих беспомощность (страх, печаль и т. п.). Мужская, наоборот, мужчины очень неохотно показывают свою уязвимость, беспомощность и зависимость от других.

Различия в эмоциональной экспрессии мужчин и женщин многие психологи связывают с особенностями воспитания тех и других. Согласно К. Юнгу, у мальчиков в процессе их воспитания чувствования подавляются, в то время как у девочек они доминируют. Для мужчин открытое проявление эмоций достойно насмешек и позора.

Это дает основание говорить (Ш. Берн), что эмоциональность (т. е. сила переживаемых эмоций) у мужчин и женщин одинаковая, различна же степень их внешнего выражения. Различно у мужчин и женщин и выражение разных эмоций: то, что «прилично» для женщин (плакать, сентиментальничать, бояться и т. п.), «неприлично» для мужчин, и наоборот, то, что «прилично» для мужчин (проявлять гнев и агрессию), «неприлично» для женщин. У женщин существует «запрет» на выражение ряда эмоций и чувств. Р. Сальвагио отмечает, что у женщин весьма желательно выражение эмоциональной зависимости от противоположного пола, погруженности в «любовь» при запрете на открытое выражение чувств и проявление агрессии. Как считает автор, это создает у женщин мазохистскую установку.

Параметры эмоционального развития личности включают в себя развитие способности распознавать собственные эмоции и эмоции других людей, способность владеть ими и выражать в общении, мотивируя себя на основе интеллектуального анализа и синтеза, что можно назвать **эмоциональным интеллектом**. Под эмоциональным интеллектом понимается умение определять свои эмоции, а также способность управлять ими таким образом, чтобы достичь поставленной цели.

Понимание эмоций, согласно данным ряда исследований, преобладает у лиц женского пола. Женщины, по

сравнению с мужчинами, проявляют большие способности в прочтении изменяющейся социальной информации по лицевой экспрессии и другим невербальным признакам. Возможно, это связано с тем, что у женщин область мозга, обслуживающая процессы, связанные с обработкой эмоциональной информации, больше, чем у мужчин (Семенова, 1991).

Определенные различия в сфере понимания эмоциональных состояний обнаруживаются уже в подростковом возрасте. Так, современные девочки в целом лучше, чем мальчики, вербализуют свои чувства, имеют более богатый тезаурус для описания эмоциональных состояний (Березовская, 2003), более склонны к сопереживанию.

Большую склонность к эмпатии женщин по сравнению с мужчинами объясняют их гендерными ролями (заботливость первых и властность, независимость, соперничество вторых), а также соответствующим воспитанием детей. Игры девочек с куклами развивают эмпатийную экспрессию, а игрушки мальчиков ее не развивают. По мнению Д. Блока (Block, 1973), у мужчин вследствие этого имеется менее богатый опыт в сфере эмпатийной отзывчивости. В результате они просто не знают, как реагировать на эмоциональный дискомфорт другого человека. Правда, указанные исследования эмпатичности связаны с изучением со-горева-ния. Интересным представляется, какими были бы различия в сфере эмпатийности между мужчинами и женщинами в ситуациях, требующих со-радования?

В исследованиях И. Н. Андреевой (2004) обнаружено, что у девушек-студенток по сравнению с юношами более высокого уровня достигают такие предпосылки понимания эмоций, как распознавание эмоций других людей и эмпатия. При этом различий в понимании эмоций в целом у лиц юношеского возраста выявлено не было. Это позволяет предположить, что понимание эмоций у лиц мужского и женского пола обслуживается различными системами психических процессов, при этом менее выраженные у мужчин распознавание эмоций других людей и эмпатия компенсируются бо-

лее высоким уровнем развития иных составляющих понимания эмоций (Андреева И. Н., 2007).

Еще одна сфера, тесно соприкасающаяся с эмоциональной, в которой задействованы гендерные различия, — это **агрессия** и **агрессивность**. Понятия «агрессия» и «агрессивность» несинонимичны. Агрессия есть совокупность определенных действий (поведение), причиняющих ущерб другому объекту, тогда как агрессивность — это личностная особенность, выражающаяся в готовности к агрессивным действиям в отношении другого. В психологии этот сложный феномен относят не только к сфере эмоций, но и, по большей части, к поведению человека.

Наличие большей агрессивности у мужчин, чем у женщин, считается одним из наиболее устойчивых гендерных различий. Однако, как правило, здесь имеется в виду такой яркий вид агрессии, как открытая физическая агрессия, причем гендерные различия в этом плане не уменьшаются, а увеличиваются с возрастом.

Одной из причин, которая заставляет нас считать мужчин более агрессивными, — это устоявшаяся в нашей культуре вера в то, что такими их делает более высокий уровень тестостерона в крови. На самом деле пока не существует убедительных экспериментальных доказательств наличия у человека связи «тестостерон — агрессия».

Тот факт, что агрессивность у мужчин выше, чем у женщин, установлен во многих исследованиях, хотя некоторые авторы это, казалось бы очевидное, положение оспаривают. Так, Т. Тигер (Tieger, 1980) на основе обстоятельного анализа данных заключает, что до шести лет различий в агрессивности между мальчиками и девочками нет и что появляющиеся в дальнейшем различия обусловлены полоролевым воспитанием. А. Фроди и Дж. Маколэй пишут, что женщины, обладая более выраженной эмпатией, тревожностью и чувством вины, подавляют у себя открытое проявление агрессивности там, где мужчины ее проявляют. На самом деле женщины не менее склонны к агрессии, если расценивают

свои действия как справедливые или чувствуют себя свободными от ответственности.

Очевидно, что решение вопроса о том, кто более агрессивен — мужчины или женщины, — во многом определяется видом агрессивности, тем, на кого она направлена. Существует несколько факторов, от которых зависит, кто более агрессивен — мужчина или женщина: гендер участников конфликта, тип агрессии и конкретная ситуация. Например, было обнаружено, что девочки 11—12 лет предпочитают использовать косвенные формы агрессии (распускают слухи, заводят нового друга «в отместку» старому), в то время как мальчики этого возраста чаще открыто выражают агрессию (толкаются, кричат, дерутся). Можно предположить, что женщинам из-за того, что они более слабы физически, нет смысла применять физическую агрессию, и поэтому они прибегают к вербальной или косвенной агрессии. Целый ряд ученых в своих кросскультурных исследованиях говорили о том, что стратегии косвенной агрессии в целом чаще встречаются у женщин, чем у мужчин, хотя и отмечали некоторые вариации.

Поскольку прямое проявление агрессии может угрожать сохранению хороших взаимоотношений с окружающими, что традиционно считается более важным для женщин, они прибегают к скрытой вербальной агрессии в виде клеветы, злословия, раскрытия чужих секретов, остракизма, стремления вызвать у другого человека чувство вины. Так, в 6 лет девочки сильнее, чем мальчики, реагируют на новичков (как мальчиков, так и девочек), но используют скрытую агрессию (игнорирование, избегание, отказ во взаимодействии, исключение из группы). В подростковом возрасте девочки также чаще мальчиков прибегают к стратегиям социального остракизма и манипулирования другими в конфликтах с представителями своего пола. Представители мужского пола начинают использовать скрытую агрессию только во взрослости, но продолжают уступать женщинам по частоте ее использования.

Анализ данных, касающихся **страха**, показывает, что в ситуациях, которые могут быть реально опасными для ма-

ленького ребенка, и мальчикам и девочкам одинаково свойственно испытывать страх. Не зафиксировано серьезных различий в их поведении при встрече с незнакомым человеком, подъеме на высоту, по реакции на необычные (яркие и жужжащие) игрушки и на громкий голос, по преодолению робости при необходимости отойти от мамы, чтобы получить привлекательную игрушку, по поведению во время первого посещения детского учреждения. Дошкольники обоего пола одинаково испытывают тревогу, когда их кладут в больницу. Наконец, дети обоего пола одинаково склонны сообщать о своих страхах.

Этот результат закономерен. Трудно представить ребенка, который не испугался бы в незнакомой ситуации или при встрече с необычным предметом. Эмоция страха позволяет адаптироваться в мире взрослых, настороженность перед опасностью — адекватная реакция. Но при этом ни в одном исследовании мальчики не испытывали и не демонстрировали большего страха, чем девочки. Напротив, девочки и девушки в большинстве ситуаций проявляли большую робость, чем мальчики.

О чем свидетельствуют эти результаты? Если иметь в виду 19-летних девушек и даже младших школьников, то здесь можно было бы говорить о влиянии гендерных стереотипов, которые предписывают мальчикам и мужчинам не демонстрировать страх. Однако вряд ли в 8 месяцев можно всерьез принимать во внимание гендерные стереотипы. По-видимому, дело здесь в гендерных стереотипах самих родителей. Они по-разному относятся к страхам девочек и мальчиков: первых надо защищать и жалеть, а вторых подбадривать для преодоления этой эмоции, нежелательной для «настоящего мужчины». В одном из исследований в 1976 г. студентам колледжа показывали видеозапись, на которой у 9-месячного ребенка проявлялась сильная, но неоднозначная эмоциональная реакция на «Джека в коробочке». Когда этого ребенка считали мальчиком, его реакцию чаще называли «гнев-

ной», а когда этого же ребенка считали девочкой, реакцию чаще представляли как «страх».

Таким образом, можно говорить о гендерной специфике эмоциональной сферы: мужчины более эмоциональны в выражении гнева, физической агрессии, а женщины — в выражении страха и печали, косвенной агрессии.

Исследования показали, что отношения между мужчинами характеризуются большей конфликтностью и соревновательностью, меньшим самораскрытием и обсуждением чувств, чем отношения между женщинами. Самораскрытие, во-первых, может лишиться преимущества в соревновании, а во-вторых, никак не соотносится с образом твердости и компетентности, который является важной характеристикой «настоящего мужчины». Маккоби (Maccoby, 1990) высказала следующее предположение: для того чтобы иметь возможность, ничего не опасаясь, находиться рядом с другими лицами своего пола, многие мужчины нуждаются в особенной структуре, предоставляемой им спортом и другой подобной деятельностью, тогда как женщинам такая структура не нужна. Например, те редчайшие случаи, когда можно увидеть, как мужчины обнимают и тискают друг друга, — это момент спортивной победы. Месснер (Messner, 1987) выдвинул предположение, что спорт привлекает мужчин потому, что для них это и способ доказать свою мужественность, и возможность испытывать принятие и привязанность со стороны других мужчин. Мужчины, несомненно, проигрывают из-за этих трудностей в самораскрытии. Мейджерс и Биллсон (Majors, Billson, 1992) показали, насколько отрицательно влияет на установление тесных связей с друзьями, семьей и женщинами бытующее в среде мужчин мнение, что выражать эмоции — это «не круто».

По мнению Барби (Effects of gender role ... 1993), от мужчин редко ждут эмоциональной поддержки, ведь порой они реагируют на раскрытие перед ними чувств другого человека настолько логично и безэмоционально, что это можно принять за отвержение. Проведя с мужчинами беседы на тему

дружбы, Райд и Файн (Reid, Fine, 1992) предположили, что дело не в том, что мужчины проявляют открыто негативную реакцию на самораскрытие перед ними другого мужчины, а скорее в том, что, раскрывшись перед другом, мужчина не получает в ответ такой же откровенности. Мужчины часто говорили исследователям о том, что друзья были готовы оказать им поддержку на поверхностном уровне (например, починить машину или помочь при переезде), но по реакциям было заметно, что глубоких взаимных откровений они не хотят. В целом можно сказать, что их друзья отвечали так, чтобы не спровоцировать подобные самораскрытия. Самораскрытие должно вознаграждаться реакцией, демонстрирующей увлеченность и заинтересованность, признание и понимание чувств, вопросами, которые побуждают к еще более глубокому раскрытию. Подобные реакции могут отсутствовать в поведенческом репертуаре мужчин еще и из-за социализации, которая поощряет соревнование. Возможно также, что мужчины менее, чем женщины, уверены в своей способности правильно реагировать на чужие эмоции, это и заставляет их предотвращать самораскрытие других людей.

Самооценки личностных качеств. Этот вопрос можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, можно сравнивать, какие положительные и отрицательные качества находят у себя мужчины и женщины, т. е. как они представляют свой «Я-образ», у кого он полнее, на чем делается акцент при его описании. Во-вторых, кто — мужчины или женщины — адекватнее оценивает себя.

С. М. Петрова (1995) выявила, что при описании реального «Я-образа» девушки оценивают свои коммуникативные и нравственные качества выше, чем юноши. В то же время при описании идеального образа человека вообще большую значимость этим качествам приписывают юноши. Творческий потенциал достоверно выше в группе юношей, а духовный потенциал выше у девушек, причем это касается как описания «Я-образа», так и образа идеального человека вообще.

При описании своего психологического портрета девушки значительно чаще характеризуют свою эмоциональную сферу («вспыльчивая», «отзывчивая», «спокойная», «веселая», «жизнерадостная» и т. д.), в то время как в ответах юношей чаще встречаются характеристики интеллектуальной и волевой сферы («ответственный», «волевой», «целеустремленный», «настойчивый» и т. д.). Юноши в качестве положительных черт личности называют чаще всего такие, как «верен в дружбе», «не подвожу друзей», «помогаю в беде». У девушек на первом месте стоят «чуткость к людям», «правдивость», «честность», «общительность».

У мужчин основанием для позитивной самооценки являются такие качества, как психическая уравновешенность, адаптированность, способность к самоконтролю, социальность, моральность. У женщин позитивная самооценка связана не столько с наличием социально желательных черт, сколько с отношением к себе в целом.

По поводу того, кто адекватнее оценивает себя — мужчины или женщины, исследователи не пришли к согласию. О. М. Мороз (1976) выявил, что юноши 16—17 лет дают в большинстве случаев завышенные самооценки; девушки оценивают себя адекватно либо обнаруживают неадекватно заниженную самооценку. Однако В. Л. Ситников (2001) нашел, что по всем компонентам структуры «Я-образа» младшие мальчики более самокритичны, чем девочки. Самооценки мужчин в возрасте 20—25 лет более высокие, чем у женщин того же возраста.

Было проведено исследование, в котором старшеклассники должны были сравнить свою внешность с внешностью сверстников. Выяснилось, что юноши на 10 % чаще, чем девушки, оценивали свою внешность выше, чем внешность сверстников, а девушки несколько чаще, чем юноши, оценивали свою внешность ниже, чем внешность сверстников. Юноши в целом были больше удовлетворены своей внешностью, чем девушки. Самооценка юношей носит завышенный, нереалистичный характер. Они по 9 исследуе-

мым признакам более высоко оценили себя по сравнению с девушками, что не соответствовало реальной картине. Девушки выше оценили свой внешний вид и дали более высокую общую самооценку.

Отношение к себе как к представителю определенного пола (привилегированного или непривилегированного по меркам данного общества) влияет и на формирование оценки себя как личности в целом («Я-концепция»). «Я-концепция» содержит в себе множество аспектов. Представление о себе, оценка себя и отношение к себе могут касаться разных сторон личности и поведения. Самооценка мужчин и женщин может различаться не только по количественным (у кого-то она ниже, у кого-то выше), но и по качественным показателям. Рассмотрим некоторые эмпирические результаты по двум категориям, которые можно назвать маскулинными (связанными с физическим развитием и с доминантностью) и фемининными (социальная самооценка).

Начнем с рассмотрения самооценки физического развития, доминантности и власти. Как и следовало ожидать, почти по всем показателям наблюдается превосходство мальчиков и мужчин. В 6—8 лет мальчики более высоко оценивают свои потенциальные возможности и власть (а по физической силе различий с девочками нет), в подростковом возрасте — физическую силу. Мальчики также ценят свое доминирование над другими и грубость и склонны переоценивать свой статус в классе, но больше им интересуются.

Очень показательно, что в 8 лет свою физическую силу девочки и мальчики оценивают одинаково — в связи с акселерацией девочки в этом возрасте не только не уступают мальчикам, но порой и превосходят их по физическим параметрам. Но с началом полового созревания все меняется, и, по-видимому, в этом случае самооценка физической силы адекватна — и у мальчиков, и у девочек.

Эти результаты объясняются параметрами, выбранными для самооценки. Девочек меньше интересуют иерархические

отношения, связанные с властью, поэтому они и не ценят такое качество, как доминантность (Cross, Madson, 1997).

Взрослые мужчины также оценивают свои физические возможности, власть и богатство выше, чем женщины. Не исключено, что мужчины в чем-то переоценивают себя — такой результат часто встречается по другим параметрам, хотя, конечно, их физические возможности действительно выше, а это часто порождает представление о своем превосходстве и в других областях.

Интересные закономерности обнаруживаются при анализе исследований *социальной «Я-концепции»* и *самооценки*.

В целом можно говорить о превосходстве женского пола по социальной «Я-концепции» — начиная с 10 лет. Девочки больше мальчиков ценят свои социальные качества — свою чувствительность и межличностную гармонию. Однако по другим данным в отдельные периоды мальчики им не уступают в этом плане. При этом данные различия по-разному проявляются в младшем школьном возрасте, у подростков и взрослых.

По-видимому, с началом школьного обучения у ребенка идет активное развитие и осознание своих социальных качеств — ориентации на группу и групповую деятельность, стремления к межличностному общению, коммуникативных черт, а ориентиром для самооценки в этом возрасте служит оценка учителей. Неудивительно, что в этот период самооценка социальности и ее оценка учителями совпадают (и у мальчиков и у девочек). В 16 лет половых различий по самооценке не отмечено, а начиная с 17 и вплоть до 45 лет девушки и женщины оценивают свою социальную ориентацию, межличностные отношения и социальный опыт выше, чем юноши и мужчины. Исключения можно обнаружить у выборок, отличных от традиционной американской: у представителей черной расы и у индейцев различий между полами по самооценке социальности нет. Возможно, эти результаты объясняются влиянием культуры (см.: Ильин, 2002. С. 158).

Исследования Т. В. Бендас (2005) также демонстрируют влияние культуры на самооценку. Так, студентки превосхо-

дят студентов по самооценке и уверенности в себе, а русские превосходят по этим же показателям казахов (так же как и женщины-русские превосходят женщин-казашек). При этом мужчины воспринимают себя как более уверенных в себе (методика Т. Лири, направленная на изучение не глубинных характеристик личности, а именно представления о себе) по сравнению с женщинами. Объяснение результатов следует искать, прежде всего, в этнической принадлежности испытуемых.

Следует обратить внимание и на то, что молодые женщины более уверены в себе (на уровне глубинных характеристик). Это служит доказательством эгалитарных процессов, происходящих в нашем обществе. Тем не менее женщины склонны занижать эту свою особенность на уровне мнений. У мужчин иное соотношение — они считают себя уверенными, хотя и не являются таковыми. Таким образом, мужчины пытаются компенсировать свою низкую самооценку представлением о себе как об уверенном человеке. Эти данные ярко демонстрируют, что причина различий между полами по самооценке — желание соответствовать существующим в обществе гендерным стереотипам, которые предписывают женщинам и мужчинам определенное поведение (здесь традиционные мужчины — уверенные, женщины — не уверенные в себе люди), которое может и не соответствовать их истинным устремлениям и потенциальным возможностям.

Большая разноречивость получаемых данных, вероятно, зависит от используемой методики, от оцениваемых качеств, от возраста испытуемых.

6.3. Гендерные различия и сходства в познавательной сфере и способностях

Если бегло взглянуть на перечень имен в биографических справочниках, то легко можно заметить, что лишь немногие женщины попали в разряд выдающихся деятелей. В исследовании Г. Эллиса, которое было проведено в 1904 г., в группу из 1 030 одаренных людей Британии входило только 55 жен-

щин. К. Кастрл в 1913 г. выделил 868 выдающихся женщин из 42 стран, живших с VII до XX в. Из них только 38 % получили известность благодаря интеллектуальным занятиям (в литературе). В более позднее время в справочник американских ученых были включены лишь 50 женщин из 2 607 ученых, заслуживших известность между 1903 и 1943 г.

По данным Г. Гейманса, к 1911 г. в некоторых указателях имен по истории науки женщин было всего от 4 до 8 %. Примерно до 1840 г. только 20 патентов было выдано женщинам. К началу XX в. из 54 тыс. патентов на изобретения только 6 были получены женщинами.

И дело не в том, что женщины не умеют изобретать или у них нет творческой жилки, просто они сталкиваются с многочисленными препятствиями при получении «кредита» для своих идей. Возьмем, к примеру, случай *Сибиллы Мастерс* (1670—1720), женщины, которая жила в американских колониях. Понаблюдав за работой индейских женщин, она придумала новый способ превращать кукурузу в кукурузную муку. Сибилла поехала в Англию для того, чтобы получить патент на свою идею, однако по действующим тогда законам женщинам запрещалось иметь свою собственность, в том числе и интеллектуальную. Такая собственность, как правило, принадлежала либо отцу женщины, либо ее мужу. В 1715 г. патент на ее изобретение все же был выдан, но в документе было указано имя ее мужа. Такие законы о собственности не позволяли многим женщинам приобретать патенты на свои изобретения. Женщины также реже получали и получают техническое образование, которое помогло бы им генерировать гениальные идеи и делать из них реальный продукт. Многие женщины сталкивались с предрассудками и насмешками, когда они искали помощи у мужчин в реализации своих идей.

Мэри Кис (1752—1837) была первой американской женщиной, которая зарегистрировала патент на свое имя. Закон о патентах 1790 г. открыл двери для всех, как мужчин, так и женщин, кто хотел бы защитить свое изобретение (патент).

Однако многие женщины в то время юридически не владели собственностью независимо от их мужей, поэтому многие женщины-изобретатели не утруждали себя получением патента на свои изобретения. Мария Кис сломала эту схему 5 мая 1809 г. Она разработала способ плетения соломенных шляпок, что было экономическим благом для Новой Англии. Правительство США прекратило импорт европейских товаров, т. к. в то время Наполеон находился в состоянии войны со многими странами Европы, и одним из способов, которым он пытался выиграть войну, было блокирование торговли с целью ослабления своих врагов в экономическом плане, а США не хотели быть втянутыми в этот конфликт. Президент Джеймс Мэдисон искал для американской промышленности замены потерянных европейских товаров. Техника плетения соломенных шляпок, предложенная Мэри Кис, оказалась экономически эффективной. При этом она укрепила экономику Новой Англии, которая была прерывистой из-за европейского эмбарго. Соломенные шляпки производились только в штате Массачусетс. Получив документ на свое имя, Мэри тем самым открыла путь другим женщинам-изобретателям иметь право патентовать свои идеи.

В 1845 г. *Сара Мазер* получила патент на изобретение подводного фонаря и телескопа для подводной лодки. Это было замечательное устройство, которое позволило морским судам обследовать глубины океана.

В 1871 г. *Марта Костон* (1826—1904) запатентовала факельную систему, которая позволяла судам общаться между собой в ночное время. Это была новая система связи, которая помогала спасать жизни и выигрывать сражения. Марта Костон усовершенствовала набросок планов вспышек, который она нашла в дневнике своего покойного мужа, военно-морского ученого (Марта овдовела в 1847 г., когда ей был 21 год; на руках у нее было четверо детей). Марта эту идею превратила в сложную систему ночных вспышек. ВМС США купили права на нее. Цветные сигнальные ракеты Костон

широко использовались во время гражданской войны. Согласно военной документации Костон произвела для военно-морского флота во время гражданской войны около 1 200 000 ракет, которые она предоставила им по себестоимости. Ей должны были заплатить 120 000 долларов, из которых она получила лишь 15 000, и, как она писала в своей автобиографии, флот отказался выплатить ей всю сумму в связи с тем, что она была женщиной.

Кэтрин Блоджетт (1898—1979) стала первой женщиной-ученым, нанятой научно-исследовательской лабораторией компании General Electric в Шенектеди в штате Нью-Йорк (1917). Первые несколько лет под руководством химика Ирвинга Лэнгмюра она занималась усовершенствованием ламп накаливания, а в 1924 г. отправилась в Великобританию, в знаменитую Кавендишскую лабораторию, которой руководил лауреат Нобелевской премии по химии 1908 г. сэр Эрнст Резерфорд. Спустя два года Кэтрин уже в звании доктора вернулась в родную компанию и вместе с Лэнгмюром занялась химией тонких пленок. Итогом исследований мономолекулярных (толщиной в одну молекулу) слоев на поверхности жидкости стало присуждение Лэнгмюру в 1932 г. Нобелевской премии по химии. Пленки Лэнгмюра оставались чисто научным феноменом, способным разве что объяснить цвет мыльных пузырей и бензиновой пленки на воде, до тех пор пока К. Блоджетт в середине 1930-х гг. не нашла способ переноса мономолекулярных пленок на твердые пластинки (до сих пор этот способ известен как метод Лэнгмюра — Блоджетт) и не обнаружила, что пленки можно наносить одна на другую. Кэтрин пришла в голову мысль: ведь если каждая толщина имеет свой «интерференционный» цвет, то, нанеся нужное количество слоев, можно сделать обычное стекло (отражающее до 10 % падающего света) полностью, на 99 %, прозрачным. И в 1938 г. компания General Electric объявила о создании «невидимого» (просветленного) стекла, знакомого ныне практически каждому, кто хоть раз видел бинокль или фотообъектив.

Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891) — первая в России и Северной Европе женщина-профессор, первая женщина член-корреспондент Петербургской АН (1889) и первая в мире женщина-профессор математики. Софья Ковалевская является выдающейся личностью в науке. Но в то время женщине была закрыта дорога в науку. Поступление женщин в высшие учебные заведения России было запрещено. Поэтому Ковалевская могла продолжить обучение только за границей, но выдавать заграничный паспорт можно было только с разрешения родителей или мужа. Отец не собирался давать разрешения, т.к. не хотел дальнейшего обучения дочери. Поэтому в 1868 г. Софья заключает фиктивный брак (позже он становится фактическим) с В. О. Ковалевским, и они вместе уезжают за границу. Софья отправляется в Гейдельберг — заниматься математикой. Из Гейдельберга Ковалевская приезжает в Берлин, но здесь ее постигает разочарование — женщин в местный университет не принимают. Ковалевская берет уроки частным образом. Софья мечтает получить степень доктора. Для этого в ученый совет требовалось предоставить научную работу. Но Ковалевская в течение двух лет выполняет целых три работы — две по математике и одну по астрономии. Пораженные уровнем выполненных работ, академики решают в 1874 г. присудить ей докторскую степень без обычного экзамена и без публичной защиты — случай беспрецедентный. В то же время одна из ее работ публикуется в журнале Крелля (многие именитые математики не удостоивались этой чести). В 1883 г. Ковалевская отправляется в Швецию — преподавать на кафедре математики Стокгольмского университета. Затем она становится профессором. Тем временем ее научные достижения в области математики оценивают во всем мире, в том числе и в России. Парижская академия наук присуждает ей премию Бордена, Академия наук Швеции — премию короля Оскара, а на Родине ее избирают членом-корреспондентом Российской академии по разряду математических наук. Но, несмотря на признание, места для Ковалевской в России так и не находят-

ся. Когда рассматривался вопрос о приглашении знаменитой женщины-математика в университет Петербурга, президент Императорской Санкт-Петербургской академии великий князь Константин Константинович сказал: «Так как доступ на кафедры в наших университетах совсем закрыт для женщин, каковы бы ни были их способности и познания, то для гражданки Ковалевской в нашем отечестве нет места столь же почетного и хорошо оплачиваемого, как то, которое она занимала в Стокгольме». И она остается на чужбине.

Мария Склодовская-Кюри (1867—1934) — физик. На пути к осуществлению мечты Марии Склодовской о высшем образовании стояло препятствие: запрет на прием женщин в Варшавский университет. Покинув Польшу в 1891 г., Мария поступила на факультет естественных наук Парижского университета (Сорбонны). В 1893 г., закончив курс первой, Мария получила степень лиценциата по физике Сорбонны (эквивалентную степени магистра). Через год она стала лицензиатом и по математике. Она открыла радий и полоний. В конце 1910 г. по настоянию многих ученых кандидатура Кюри была выдвинута на выборах в одно из наиболее престижных научных обществ — Французскую академию наук. Пьер Кюри был избран в нее лишь за год до своей смерти. За всю историю Французской академии наук ни одна женщина не была ее членом, поэтому выдвижение кандидатуры Кюри привело к жестокой схватке между сторонниками и противниками этого шага. После нескольких месяцев оскорбительной полемики в январе 1911 г. кандидатура Кюри была отвергнута на выборах большинством в один голос. Через несколько месяцев Шведская королевская академия наук присудила Кюри Нобелевскую премию по химии «за выдающиеся заслуги в развитии химии: открытие элементов радия и полония, выделение радия и изучение природы и соединений этого замечательного элемента». Кюри стала первым дважды лауреатом Нобелевской премии.

Юлия Всеволодовна Лермонтова (1847—1919) — первая русская женщина-химик, получившая степень доктора хи-

мии. Путь Лермонтовой в науку был чрезвычайно трудным, т. к. в России того времени двери высших учебных заведений перед женщинами были закрыты. Однако Лермонтова смогла преодолеть все трудности и, став ученым, обогатить своими работами химическую науку. Многие из ее трудов не потеряли значения и в наши дни. Только один пример: с 1878 г. и по настоящее время для синтеза углеводов широко используется реакция Бутлерова — Эльтекова — Лермонтовой.

Но эти факты не свидетельствуют ни против, ни в пользу женского ума. Высокому развитию женщин препятствуют неблагоприятные социальные условия: характер воспитания девочек, невозможность сделать карьеру и связанная с этим низкая мотивация, предубеждения против ученых-женщин (удивительно, что почти все эти факторы сохранились до сих пор!). Приведем красноречивую цитату из книги Г. Гейманса «Психология женщины»: «Делать выводы о способности женщин и мужчин к науке сейчас можно с таким же правом, как заключать о физическом превосходстве мужчин на основании состязания в беге, в котором принимали бы участие тысяча мальчиков и одна девочка, причем последняя была бы к тому же стеснена в своих движениях непрактичной одеждой, и в котором победу одержал бы один из мальчиков».

Тот факт, что выдающимися деятелями чаще становятся лица мужского пола, а не женского, К. Хорни объясняет тем, что мужчина, имея ограниченную причастность к сотворению новой жизни (под ограниченностью автор понимает неспособность мужчин вынашивать и рожать детей), сублимирует свою энергию, создавая что-то новое в различных сферах общественной жизни (государство, религия, искусство, наука).

Надо сказать, что говорить о большей талантливости мужчин или женщин «вообще» некорректно. Вспомним, например, творческие профессии: сколько талантливых артистов, педагогов, поэтов, писателей среди женщин и сколько бесталанных мужчин в тех же профессиях. Поэтому следует

дифференцированно подходить к оценке познавательной сферы и способностей мужчин и женщин.

При выполнении заданий на внимание, в частности корректурных проб, выявлено, что женщины выполняют задания быстрее, но менее точно, мужчины же наоборот. При выполнении заданий на внимание женщины ориентируются на быстроту, а мужчины на точность. При этом женщины могут повышать темп выполнения работ без снижения точности, мужчины при увеличении темпа теряют в точности. Задачи на пространственное и временное ориентирование с большим успехом и с меньшим напряжением умственных сил выполняются лицами мужского пола. Так, по данным Г. С. Шляхтина (1997), женщины в большей степени переоценивают длительность временных интервалов (от 3 до 40 с), чем мужчины, т. е. для женщин время бежит быстрее. Мужчины шире, чем женщины, распределяют свое внимание, в незнакомой обстановке (новая местность, новый маршрут движения) они держатся увереннее, лучше ориентируются. Внимание женщин не распределяется столь широко, как у мужчин. Но зато в пределах воспринимаемого все отражается в их сознании детально и тщательно. Поэтому известную им местность они знают лучше.

Тесты на интеллект в детском возрасте показывают некоторое превосходство девочек над мальчиками, уровень вербального и невербального интеллекта и речемыслительных функций у девочек выше, чем у мальчиков. Возможно, это связано с более ранним созревaniem головного мозга девочек. В возрасте 15—17 лет картина меняется, мальчики обгоняют девочек и в среднем показывают более высокие результаты.

Преимущество мужчин или женщин в кратковременной памяти зависит от заучиваемого материала: при запоминании цифр преимущество имеют мужчины, а при запоминании слов — женщины, однако при запоминании слов эти различия незначительны. Правда, по В. Н. Андреевой (1973), различия выявляются только в том случае, если на заучивание даются пары слов, а не отдельные слова.

Как и в отношении любых различий между мужчинами и женщинами, в отношении различий в познавательной сфере тоже имеются два подхода. Первый подход *эволюционистский*, который отстаивает генетическую природу этих различий. Второй — *культурологический*, который говорит о том, что эти различия — результат воспитания или деятельности людей, т. е. социальной среды. Едва ли не все согласны с тем, что нам нужны оба подхода: наши гены формируют адаптивный человеческий мозг — своеобразный жесткий диск, а культура — источник программного обеспечения для него.

В математических способностях успешность мужчин и женщин традиционно считается различной, поэтому рассмотрим более подробно именно наличие сходства и различий в математических способностях мужчин и женщин.

Изучение гендерных различий в математических способностях ведется уже более 30 лет. В целом исследования мальчиков и девочек в возрасте до окончания неполной средней школы либо совсем не обнаруживают различий между полами, либо обнаруживают различия, говорящие в пользу девочек. Что касается исследований, проведенных с учениками старших классов, в некоторых из них девочки выполняли задания лучше мальчиков, в других — мальчики лучше девочек, в третьих различий вообще не обнаружилось. Более последовательные результаты были получены со студентами: молодые люди выполняли задания в целом успешнее, чем девушки.

Споры вокруг половых различий в математических способностях не утихают до сих пор. Исследования охватили грандиозное количество испытуемых — более 309 000 человек. И многие результаты свидетельствуют об отсутствии половых различий. Это касается в основном вычислительных способностей, а также невербального *IQ*. Но гораздо чаще обнаруживается превосходство мальчиков и мужчин, которое проявляется с 12 лет и вплоть до 21 года (более поздних исследований не было) в разнообразных параметрах (рассуждениях, вычислительных способностях, математических

достижениях и при прямом определении математических способностей по специальным тестам) и сохраняется на выборке одаренных (когда одаренные девочки сравниваются с одаренными мальчиками), а развитие математических способностей совпадает с развитием невербального интеллекта в целом. Все эти закономерности свидетельствуют о более значительном преобладании мальчиков и юношей над девочками и девушками по математическим способностям.

Таким образом, вплоть до окончания школы девочки учатся лучше, чем мальчики, по всем предметам, включая математику, а в институте молодые люди начинают обгонять девушек по математическим дисциплинам.

Почему в высшем учебном заведении успеваемость мужчин и женщин начинает различаться? Какими могут быть причины внезапного появления различий между мужчинами и женщинами в успешности решения математических задач?

Тому есть, по мнению Ш. Берн, несколько убедительных объяснений.

1. *Женщинам недостает уверенности в своих математических способностях, и они не рассчитывают на успех в этой области.* По результатам некоторых исследований женщины реже посещают лекции по математике не только потому, что в противном случае они рискуют почувствовать, что уклоняются от социальных норм, но и из-за того, что им просто недостает уверенности в своих математических способностях и они не рассчитывают на успех. Уверенность женщин в своих математических способностях снижается начиная с 7-го класса и далее, включая период обучения в высших учебных заведениях. По результатам одного исследования мужчины вообще имеют более высокие ожидания успеха в решении задач, чем женщины.
2. *Девочки могут считать математические достижения неподходящими для своей гендерной роли.* Это объяснение предполагает веру многих женщин в то, что хорошо учиться по математике — это гендерно несоответствующее поведение.

ние, и, следовательно, они и не стараются добиваться успехов в этой области. Примечательно, что мальчики и девочки, вплоть до подросткового возраста, не различаются в своем отношении к математике. Было установлено, что среди студентов юноши с большей уверенностью считают математику мужским занятием, чем девушки.

3. *Родители и учителя редко поощряют девочек в изучении математики.* Возможно, причину того, что женщины мало верят в свои математические способности, следует искать в ожиданиях и поддержке со стороны родителей и учителей. В целом ряде исследований показано, что учителя поощряют мальчиков гораздо больше, чем девочек, давая им понять, что их успехи являются следствием хороших способностей, а ошибки, допущенные мальчиками, предпочитают объяснять в основном различными переходящими факторами, например недостаточным старанием. Такие атрибуты снижают уверенность девочек в своих академических способностях, несмотря на то что успеваемость девочек обычно выше, чем у мальчиков. Родители в том случае, если успехи в математике делает их дочь, предпочитают относить их за счет старания, а не способностей. Что касается сыновей — для них действительно обратное. Однако родители в равной степени поощряют математические достижения мальчиков и девочек, если они экстраординарны.
4. *Есть основания полагать, что жизнь девочек за пределами школы менее богата опытом в математической области и сфере решения задач.* Этот факт может частично объяснять наличие гендерных различий в решении математических задач (см.: Берн, 2001. С. 94—100).

До сих пор эта проблема остается одной из самых спорных в психологии женщины.

Можно согласиться с Т. В. Бендас, которая считает, что в области математических способностей необходимо, во-первых, провести формирующие эксперименты, нацеленные на выяснение вопроса, могут ли быть улучшены эти способно-

сти у девочек, если их обучать по специальной программе, во-вторых, выяснить причины страха перед математикой. Возможно, родители и учителя запугивают детей (и в первую очередь девочек) тем, что математика — очень страшный предмет, который нельзя понять. В-третьих, необходима гендерная экспертиза учебников по математике. Можно ли так переформулировать задачи, чтобы они стали интересны и более понятны девочкам? Кроме того, многие мальчики тоже не успевают по математике, так что же они — «ненастоящие» мальчики? Каковы причины этого неуспеха у мальчиков (которым вроде бы никто не запрещает заниматься математикой и быть математиками)? Все эти вопросы требуют дальнейших исследований.

Также традиционно различной считается успешность мужчин и женщин в языковых способностях. Женское превосходство в вербальных, или лингвистических, функциях отмечается с младенчества до зрелого возраста. Так, девочки в младенчестве начинают говорить на 2—4 месяца раньше мальчиков. В 18 месяцев девочки знают приблизительно 50 слов, мальчики же приобретают такой же запас слов лишь к 22 месяцам. Девочки используют предложения раньше мальчиков и проявляют тенденцию к более длинным и зрелым по своей структуре предложениям. Они быстрее продвигаются в обучении чтению. Артикуляционные способности девочек в 1-м классе сравнимы с такими же способностями мальчиков 2-го класса.

В одном исследовании языкового развития детей с 4-го по 12-й класс учащихся попросили написать сочинение на заданную тему, интересующую оба пола. Написанные за одно и то же время сочинения оказались короче у мальчиков, количество использованных ими слов составило в среднем 83—86 % от количества слов, использованных девочками.

В речи мальчиков преобладают слова, передающие действия, тогда как девочки (и женщины в целом) более склонны к использованию предметно-оценочных слов. Показателен в этом отношении эксперимент, проведенный с детьми

6—7 лет. Дети должны были свободно называть слова, которые считают «хорошими» и «плохими». «Плохими» словами у мальчиков были «не бегай», «не прыгай», «не лазай», а у девочек — «волк», «Баба Яга», «Кошей Бессмертный». «Хорошими» словами у мальчиков были «танкист», «летчик», «космонавт», а у девочек — «мамочка», «папа», «бабушка», «мир».

У девочек речь беглая, они быстрее читают и красивее пишут, но подбор словесных ассоциаций, решение кроссвордов лучше удаются мальчикам. Нарушения речи чаще наблюдаются у мальчиков. Соотношение мужского и женского заикания колеблется от 2 : 1 до 10 : 1.

Хотя по таким группам показателей, как голосовая активность младенцев, способности правильно произносить звуки и подражать им, словарный запас, декодирование и понимание речи, вербальное поведение, понимание грамматики, чтение, словесные ассоциации, ухудшение речи у пожилых и стариков, половые различия отсутствуют. Тем не менее огромное количество других данных свидетельствует о наличии различий в пользу мужчин или в пользу женщин, поэтому более внимательно рассмотрим именно эти результаты.

Впервые превосходство мужского пола обнаруживается около 3 лет, своего пика оно достигает в 5—11 лет, а отдельные «всплески» преимущества наблюдаются в 14, 17, 29 и 41 год. Выделяются следующие группы показателей: артикуляция речи, ее декодирование, словарный запас (при описании картин и по устным командам, а также словарному IQ), беглость речи, скорость чтения, понимание прочитанного и интеллектуальные показатели. В этих результатах, пожалуй, выделяется интеллектуальный компонент. Преимущество мальчиков в артикуляции наблюдается только в 7 лет.

Превосходство девочек и женщин гораздо более яркое как по количеству показателей, так и по возрастному диапазону. Здесь можно отметить следующие закономерности. Превосходство женского пола начинается уже в 6 месяцев, продолжается в другие возрастные периоды (с 3 лет до 21 года) и заканчивается (исходя из имеющихся данных) в

84 года. Это превосходство в равной степени проявляется во всех культурах, а также как среди обычных испытуемых, так и среди одаренных, т. е. при сравнении талантливых мальчиков и талантливых девочек.

Причина явного превосходства девочек по речевым способностям по-прежнему неясна. Можно выдвинуть гипотезу о более раннем созревании девочек, но почему же тогда и в 84 года речь женщин меньше поддается инволюционным изменениям? Возможно, дело в функциональной асимметрии мозга. Фактор гендерной социализации, скорее всего, также играет свою роль: гуманитарные предметы традиционно считаются более «женскими», и еще в школе девочек ориентируют в первую очередь на них.

Некоторые исследователи предлагают разделить паттерны речи, так же как и темы речи, на «женский» и «мужской» тип (Carli, Bukato, 2000; Tannen, 2000). Исследователи, изучающие языковые паттерны, отметили, что в целом речь женщин со стороны часто представляется невнятной и неуверительной, а слова мужчины, наоборот, кажутся понятными и убеждают (Tannen, 2001). Робин Лакофф (Lakoff, 1975) отмечала, что в паттернах женской речи значительно больше разделительных вопросов, определителей и длинных просьб и все эти паттерны в разговорах с другими передают ощущение беспомощности. Разделительный вопрос — это отчасти утверждение, отчасти — вопрос. Например: «Сегодня отличная погода, как вы думаете?» В этой фразе «сегодня отличная погода» — утверждение, а разделительный вопрос — «как вы думаете?» Разделительные вопросы интерпретируются как означающие слабость, пассивность и сомнение. В некоторых ситуациях (на деловых встречах, при обсуждении командных соревнований, на занятиях в школе, в вузе) разделительные вопросы — это пример неуверенности говорящего, и, задавая такой вопрос, человек попутно сообщает, что не может отстоять свои идеи, если увидит, что их отвергают. Еще одна интерпретация состоит в том, что разделительные вопросы поддерживают разговор и подразумевают вежливую

форму: один человек спрашивает мнение другого по определенной теме. Таким образом, разделительные вопросы воспринимаются как выражение сердечности и чуткости (Carli, Bukato, 2000). Определители — это слово или фраза, смягчающие смысл утверждения. Например, если вы скажете: «Может быть, я и ошибаюсь, но мне кажется, что этот курс по психологии интересный», то вы выразите свою мысль не прямо, а косвенно. Женщины часто используют в речи определители (Carli, 1999; *Minority influence...* 1994), так что можно предположить, что они нерешительно и неуверенно высказываются по той или иной теме или приводят свое мнение. Кроме разделительных вопросов и определителей многие женщины в речи используют длинные просьбы (Carli, 1999). Например, слова «пожалуйста», «будьте добры» или фразы «Я была бы признательна вам, если...». Человек, который использует «женские» паттерны речи, воспринимается другими как некомпетентный и неубедительный, в отличие от человека, не применяющего такие паттерны, независимо от того, кто говорит — мужчина или женщина.

Это также свидетельствует о социальной природе выявленных различий. Общество изначально ориентирует мужчину на значимость внешних обстоятельств, на признание другими мужчинами, формирует самооценку, ориентирующуюся на результаты, как то: карьера, деньги, признание. Женщин же подталкивают к значимости для них отношений, семьи, эмоциональной гармонии. При таком отличии структуры целей неудивительно, что усилия мужчин и женщин направлены на развитие различных способностей и навыков. При этом девочки и мальчики сталкиваются с разной системой ожиданий от них. От мальчиков ожидают более яркого проявления математических способностей, более высокого интеллекта, лучшего практического мышления, от девочек ожидают скорее прилежания, чем гениальности. В принципе в настоящий момент мы наблюдаем определенный слом стереотипов и общественных ожиданий и от женщин, и от мужчин. Девочек и мальчиков нужно обучать, учи-

тывая их особенности, как природные, так и сформированные в результате социализации.

6.4. Гендерные различия и сходства в социальном поведении

Эрих Гуд (Goode, 1996) проанализировал ответы на фиктивные объявления, размещенные им в четырех разделах рубрики «Знакомства». В этих объявлениях с предложением о знакомстве обращались: «красивая официантка», «женщина-юрист с обычной внешностью», «привлекательный водитель», «мужчина-юрист с обычной внешностью». Эти характеристики показывали заинтересованность в физической привлекательности, а также в профессиональном и финансовом положении потенциального партнера. На объявление «красивой официантки» откликнулось 668 человек, «женщина-юрист с обычной внешностью» привлекла 240 человек, «мужчина-юрист с обычной внешностью» 64 человека, «привлекательный водитель» 15 человек. О чем говорят результаты Гуда? Мужчин в женщинах больше привлекает приятная наружность, а не удачная карьера, а женщины, напротив, больше интересуются профессиональными успехами мужчин, чем их физической привлекательностью.

Мужчины и женщины по-разному разрешают конфликтные ситуации, возникающие в семейном и домашнем кругу. Женщины проявляют больше терпимости и стремления к компромиссному примирению интересов. Мужчины в этой ситуации чаще прибегают к «крепким» выражениям и ругательствам, а женщины скорее готовы заплакать.

При преодолении конфликтов у мужчин больше, чем у женщин, выражены соперничество и, особенно, компромиссы, а у женщин — приспособление и сотрудничество. Стратегия избегания выражена у мужчин и женщин одинаково.

Женщины при разрешении конфликтов больше ориентируются на чужое мнение. Отсюда при разрешении конфликта с участием женщин велика роль посредника. Поэтому женщины чаще обращаются за помощью к другим людям,

психологам, врачам, психотерапевтам, пытаюсь снять психическое напряжение путем разговора. При этом мужчины выбирают посредника по его деловым и статусным параметрам, а женщины придают значение и его внешности. Женщины в трудную минуту больше нуждаются не только в какой-то реальной значимой фигуре, но и в «воображаемой» (в том числе и Бога), чтобы опереться на ее силу и мощь и вступить с ней в разные формы вербального и невербального взаимодействия. Например, девочки часто используют такие приемы, как «говорю сама с собой», «молюсь». Это, возможно, может объяснить большую религиозность женщин, а также мужчин с выраженным фемининным личностным профилем. Так, было выявлено, например, что у регулярно посещающих церковь мужчин «фемининный» личностный профиль обнаруживается значительно чаще, чем у других мужчин, и пришли к выводу, что религиозность мужчин более гармонично сочетается с «фемининным мировоззрением».

Половые различия в производственных конфликтах выражаются в следующем. Мужчины больше предрасположены к конфликтам, связанным непосредственно с трудовой деятельностью. Для женщин характерна тенденция к большей частоте конфликтов в связи с их личными потребностями.

Считается, что мужчины будут демонстрировать в своем поведении ориентацию на задачу, а женщины — на взаимоотношения. Иногда этот стереотип имеет уточнение: ориентацию на задачу будут демонстрировать не все, а лишь маскулинные мужчины, а ориентацию на людей — фемининные женщины.

Переживания, которые возникают из-за ухудшения взаимоотношений с близкими людьми, вызывают низкую самооценку девочек и женщин, например когда близкие друзья не прощают им обид; у мужчин такое событие не оказывает влияния на самооценку (Hedges, Olkin, 1985). Возможно, это происходит потому, что для женщин более значимы близкие взаимоотношения, и не последнюю роль здесь играют гендерные стереотипы — общество предписывает женщине та-

кие переживания и такое поведение (то, что Парсонс назвал экспрессивным стилем).

В разговоре женщина чаще смотрит на собеседника, т. е. она старается сохранять социальный контакт глаз. Контакт глаз может выражать влечение женщины или ее заинтересованность в развитии более близких отношений с этим человеком. Еще одна форма контакта глаз — это взгляд в упор. Для многих женщин взгляд в упор — это выражение агрессии. Что касается позы, то женщины обычно принимают менее расслабленную позу, чем мужчины. Позы женщины чаще более сдержанны, чем у мужчин, которым позволено вести себя на людях естественнее и откровеннее. Общество поощряет девушек и женщин сидеть, как сидят «леди» (т. е. сжав ноги вместе или скрестив их в лодыжках и положив руки на колени). Женщины реже сидят, положив лодыжку на колено другой ноги или раздвинув ноги.

Кроме того, женщины чаще улыбаются, чем мужчины. Об этом свидетельствуют результаты изучения 9 000 выпускных альбомов колледжей (La France, 1995), а также 1 100 фотографий из газет и журналов и 1 300 фотографий, сделанных в универсальных магазинах, в парках и на улицах (Halberstadt, Saitta, 1987). Окружающие негативно реагируют, когда женщины не улыбаются. По данным исследований, женская улыбка не обязательно означает счастье или другое позитивное чувство. В действительности улыбка может ассоциироваться с негативными чувствами, но женщины считают, что они должны улыбаться из-за ожиданий, связанных с их гендерной ролью (Halberstadt, Saitta, 1987).

При изучении стратегии поведения было выявлено, что у женщин разрыв между тремя видами стратегии (избегание, агрессия и миролюбие) минимален, в то время как у мужчин наблюдается либо избегание (стремление уйти от конфликта), либо агрессия. Миролюбие у них выражено значительно меньше, чем у женщин.

Были также получены результаты, свидетельствующие о специфике использования механизмов психологических за-

шит. Так, С. С. Носовым и В. М. Мордуховичем (2006) было выявлено, что интенсивность использования защитных механизмов выше у девушек, что может быть связано со спецификой их эмоциональной сферы. Согласно этим исследованиям индекс общей эмоциональности больше у девочек, они более чувствительны и уязвимее, а значит, острее реагируют на тревогу и дискомфорт и интенсивнее от нее защищаются.

Девушки чаще используют защитные механизмы регрессии и реактивного образования. Поскольку реактивное образование подразумевает подмену негативного импульса или чувства на социально одобряемые, можно предположить, что девушки чаще скрывают от самих себя мотивы собственного поведения. Возможно, причина в том, что девушек с самого раннего детства больше осуждают за проявление каких-либо негативных чувств в отношении к другим людям, и поэтому они чувствительнее к внешнему осуждению. Со временем девушки научаются скрывать осуждаемые импульсы и чувства, заменяя их на противоположные. Регрессия развивается для сдерживания чувств неуверенности в себе и страха неудачи, в связи с проявлением инициативы. По данным А. И. Захарова, у женщин в значительной степени выражен страх сделать что-либо неправильно. В нашей культуре вполне «прилично» для женщин плакать, сентиментальничать, бояться и т. п. (т. е. проявления регрессивного, детского поведения), что совершенно «неприлично» для мужчин, т. к. не соответствует мужским гендерным эталонам. Возможно, именно поэтому юноши больше пользуются таким защитным механизмом, как подавление. В нашей культуре мальчиков с раннего детства учат не показывать своих чувств, поэтому юноши учатся их скрывать от окружающих. Со временем вытеснение как вид защиты, позволяющий выключать из сознания неприемлемые чувства и импульсы, становится одним из наиболее характерных для мужчин.

Молодые мужчины не реагируют на негативную обратную связь (когда им сообщают, что их социальная чувствительность недостаточно развита), но реагируют на позитивную (в

этом случае их чувствительность подобного рода увеличивается). Женщины в этом плане более чувствительны и уязвимы — они реагируют и на позитивную, и на негативную обратную связь (данные Игли). Здесь мы снова наблюдаем, что и та и другая позиции имеют свои плюсы и минусы. Нечувствительность дает более мощную защиту от обид и неудач, но зато может приводить к проблемам во взаимоотношениях (например, из-за ошибок восприятия). Зато высокая чувствительность к мнениям других людей (которая позволяет быстро повышать коммуникативную компетентность) может причинять страдания ее обладателю.

Так, получив негативную обратную связь о своих способностях и качествах личности, люди стараются компенсировать тот урон, который может быть нанесен их самооценке, и прибегают к стратегии, которая называется «самоусиление после тревоги» (стараются поддержать себя, уверить в ценности своей личности). Но у женщин наиболее уязвимый удар по самооценке наносится, когда задевают их способности устанавливать хорошие взаимоотношения с другими людьми, а у мужчин — когда касаются их независимости.

Такая защитная реакция позволяет мужчинам ощущать свои потенциальные возможности, не зависящие от мнения других, а женщинам — чутко реагировать на изменение ситуации. Так что у обоих полов есть и преимущества, и недостатки. Проблема возникает только тогда, когда представители какого-либо пола не получают возможностей для своего развития, если окружающие и общество в целом искусственно занижают их самооценку. Это может касаться и женщин и мужчин.

В 1988 г. Тессер (Tesser, 1988) создал теорию сохранения самооценки, согласно которой человек, добивающийся больших успехов, чем другие, испытывает положительные эмоции и сохраняет свою высокую самооценку, особенно если он сравнивает себя с близкими людьми и в области, значимой для его самоопределения. Напротив, если близкие добиваются большего успеха, он ощущает угрозу своему благополучию. Это явление было названо эффектом сохранения

самооценки. Иначе говоря, позитивная самооценка возможна лишь при условии дистанцирования от близких людей. Тессером были получены результаты, подтверждающие эту теорию в области половых различий: мальчики чаще девочек дружат с теми, кто добивается худших результатов в решении важных для них задач, а также склонны дистанцироваться от тех сверстников, которые успешны в учебе, спорте и других областях больше, чем они сами. У женщин же (в студенческом возрасте), вопреки предсказаниям теории, эффект сохранения самооценки не проявлялся — они считали, что их друзья добьются больших успехов, чем они.

Позже было проведено исследование, где студентов попросили оценить свои академические успехи в будущем, сравнивая себя с самым неуспевающим учащимся. Когда они отвечали анонимно, гендерных различий не было, но когда надо было делать это публично, девушки старались принизить свои успехи и возможности. Это дало основание утверждать, что теория Тессера применима только к мужчинам, т. е. им традиционно общество предписывает независимую, а женщинам — взаимозависимую «Я-концепцию», поэтому женщины стремятся представить свои способности и достижения как скромные, чтобы не задеть чувства других людей. Мужчины же, сравнивая себя с другими, не боятся их обидеть. Некоторые девушки-подростки признают, что они «разыгрывают ту-пиц» или притворяются, что не такие способные, как их приятели. Женщины чаще всего скрывают именно интеллектуальные таланты, а не спортивные достижения или артистические способности (Smith, Betz, 2000; Betz, 2002).

Таким образом, здесь снова можно наблюдать влияние гендерных стереотипов. Общество предписывает мальчикам и мужчинам добиваться успеха, быть уникальными, неповторимыми, конкурентными и т. п., и это действует как постоянное подкрепление: если индивид соответствует стереотипу, он получает положительное подкрепление (его хвалят, уважают, им восхищаются), если же нет — следует негативная оценка личности. И действительно, девушки-подрост-

ки, которые полагают, что они достаточно привлекательны, формируют более позитивные «Я-концепции», чем считающие себя непривлекательными. У юношей их «Я-концепция» не связана с кажущейся привлекательностью, соответственно меняется и самооценка (Палуди, 2007).

Перейдем к рассмотрению гендерных различий в аддиктивном поведении. Аддиктивное поведение (*addictive behavior*) — это злоупотребление различными веществами, изменяющими психическое состояние, включая алкоголь и курение табака, до того, как от них сформировалась зависимость (Miller, 1984; Landry, 1987). Ц. П. Короленко (1991) дает более широкую трактовку определения аддиктивного поведения, определяя его как одну из форм деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активных видах деятельности, что сопровождается развитием интенсивных эмоций. Рассмотрим, существуют ли гендерные различия в употреблении алкоголя, наркотиков и табакокурения.

Алкоголь. Известно, что алкоголиков среди мужчин больше, чем среди женщин. Следует, однако, учесть, что женский алкоголизм растет во многих странах быстрее, чем мужской. В мире 10 % мужского населения и 3—5 % женского злоупотребляют алкоголем. По данным ВОЗ (2005), в мире насчитывается 120 млн больных алкоголизмом. На одного алкоголика приходится 4—5 злоупотребляющих алкоголем. Алкогольная ситуация в разных странах различна. Так, в Республике Беларусь в 2010 г. на учете состояло 179 992 больных алкоголизмом, за 5 месяцев 2011 г. общее число больных алкоголизмом увеличилось на 0,2 % (180 360 чел.).

Алкоголизм как заболевание универсален для обоих полов. Откуда взялось мнение об особой тяжести женского алкоголизма? Число случаев особо злокачественного течения одинаково и у мужчин, и у женщин. Иные же случаи женского алкоголизма создают впечатление большей тяжести по

следующей причине: у женщин нередко заболевание имеет скрытое течение, оно развивается подспудно, незаметно нарастают отдельные признаки и симптомы, которые до поры до времени не привлекают внимание окружающих, да и сами женщины не афишируют их. Возникает отчетливая психологическая (психическая) зависимость от алкоголя, которая может длиться достаточно долго. Однако наступает момент, когда скрытая симптоматика становится явной, заметной для окружающих. Как правило, этому предшествуют серьезные события в жизни женщины. Мужчины пьют больше из-за своей бытовой распушенности («какой же он мужчина, если не пьет»), у женщин же относительно частой причиной алкоголизма является одиночество, неустроенность жизни, потеря близких, развод, материальные и моральные потери, после которых алкоголизация заметно интенсифицируется, отчетливее проявляются ее последствия, быстрее происходит дезадаптация, это и создает впечатление ускоренных темпов формирования алкоголизма у женщин. В отличие от мужчин, пьющих женщин в обществе редко одобряют. Поэтому, в отличие от курящих женщин, женщины-алкоголички скрывают свое пагубное пристрастие. Имеют значение и традиции, разные для мужчин и женщин стандарты отношения к употреблению спиртного, идущие из древних веков. Так, в Древнем Риме женщинам пить вообще запрещали, и муж имел право убить жену за пьянство.

На микросоциальном уровне значительное влияние на приобщение женщин к алкоголю оказывает ближайшее окружение (трудовой коллектив, семья, друзья). Статистические данные свидетельствуют, что приобщению женщин к алкоголю способствует работа, предоставляющая возможность легкого доступа к спиртным напиткам. Чаще всего подвергаются алкоголизации работники сферы обслуживания, торговли, общественного питания: официантки, работницы кафе, баров, ресторанов и т. д. Так, при сравнении 100 мужчин и 100 женщин, перенесших алкогольные психозы, было выявлено, что в сфере торговли работали 49 % жен-

щин и всего лишь 2 % мужчин (Шайдукова, 1997). Алкоголизации способствует не сама профессия, а «питейные» обычаи и предрассудки, доминирующие в данной среде и влияющие на поведение работниц. Подобные «питейные» обычаи распространены и среди представительниц строительных профессий — второй по частоте алкоголизма группы после сферы обслуживания.

На приобщение женщин к алкоголю значительное влияние оказывает соответствующее семейное окружение. 70 % женщин, больных алкоголизмом, имеют мужей-алкоголиков. У мужчин это процентное соотношение значительно ниже. В возникновении женского алкоголизма немалую роль играет так называемое спаивание мужьями, больными алкоголизмом, своих жен. До 80 % случаев инициатором приобщения к спиртному были мужья или близкие мужчины (Гузиков, Мейроян, 1988). Конечно, трудно спить того, кто этого не хочет. И действительно, у большинства женщин, подвергшихся «насильственному» спаиванию, страдали алкоголизмом отцы, значит, имелась определенная психофизиологическая база для формирования алкоголизма. В отличие от мужчин, на формирование алкоголизма у женщин средовые факторы оказывают большее влияние, чем наследственные. По данным зарубежных исследований, возникновение алкоголизма у дочерей алкоголиков происходит лишь у 5—8 % женщин, в то время как у мужчин — у 25—50 % (см.: Шайдукова, 1997. С. 130). Психологически это объяснимо: поведение пьяницы-отца знакомо с детства, оно ближе и понятнее, чем поведение, положим, интеллектуала-трезвенника. Алкогольные привычки будущего избранника не пугают, ведь отец «пил больше». Не находит сопротивления и спаивание мужьями этих женщин. И здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда употребление алкоголя обоими супругами является следствием распространенных алкогольных традиций, передающихся из поколения в поколение. Живучесть алкогольных стереотипов просто поражает, а уж перейдет ли

алкоголизация в алкоголизм — дело времени и внутренних особенностей организма.

Наркомания. Наркоманы мужского и женского пола находятся в соотношении 2 : 1, а по некоторым данным даже 10 : 1. По сравнению с мужчинами у женщин, страдающих наркоманией, имеются определенные особенности в мотивации первого употребления наркотиков и приобщения к ним, видах предпочитаемых наркотиков.

Почти все исследователи отмечают, что женщины становятся наркоманками из-за влияния употребляющих наркотики мужчин (Rosenbaum, 1981; Zankowski, 1987). Подобное влияние лиц мужского пола прослеживается и в подростковом возрасте (Факторы риска... 2007). Причем обычно речь идет о влиянии на девочек более старших мальчиков. Систематический прием наркотиков (преимущественно ежедневный) и увеличение их доз женщины также начинают под влиянием своих супругов, друзей или сексуальных партнеров (Hser, Anglin, McGlothlin, 1987). Женщины на начальных этапах наркотизации играют зависимую роль и при получении наркотиков. Они редко сами покупают наркотики, их снабжают ими мужчины (Prather, Fidell, 1978).

В литературе о наркомании у женщин особое значение придается личностным характеристикам и социальным факторам. Указывается, что женщины часто начинают употреблять наркотики, чтобы преодолеть свою пассивность, зависимость и сравняться с мужчинами в различных аспектах жизни, поднять тонус и нивелировать низкую сексуальную привлекательность, устранить чувство одиночества, нервозность и депрессивность. Но, с другой стороны, В. Л. Юлдашев (2005) указывает, что некоторые склонные к наркомании девочки-подростки отличаются стремлением к риску и острым ощущениям. М. Rosenbaum (1981) отмечает, что многие женщины среди причин начала наркотизации называют в первую очередь жизненные и семейные проблемы, а D. Kandel (1980), J. E. Prather и L. S. Fidell (1978) на первый план выводят влияние микрогрупп, считая, что это в услови-

ях современного общества является более важным фактором, обуславливающим приобщение женщин к наркотикам, чем личностные характеристики и семейное окружение.

Табакокурение. До середины 20-х гг. употребление табака было в значительной мере мужской привычкой (Elliot, 2001). Постепенно оценочные критерии менялись. Для первых феминисток курение стало одной из форм демонстрации своей социальной независимости, нежелания признавать мужские привилегии, символом эмансипации и факелом свободы (Greaves, 1996). Эти установки, не без помощи табачной рекламы, продержались до середины XX в. А что сейчас? Считать ли женское табакокурение знаком гендерного равенства, или женщины просто подражают мужчинам? Статистическое сравнение гендерных различий курения по 16 европейским странам (Pampel, 2001) и по 106 странам мира (Pampel, 2006) показало, что женское курение сильнее распространено не в тех странах, где достигнуто большее гендерное равенство, а там, где табакокурение раньше стало нормативным компонентом мужской культуры. Иными словами, курящие женщины по инерции продолжают равняться на мужские стандарты (Кон, 2001).

Тем не менее относительно мало количественных эмпирических исследований, изучающих гендерные различия в курении (а не половых различий в курении) или сравнение этих различий у мужчин и женщин. Так, исследования С. Emslie, К. Hunt, S. Macintyre (2002) показали, что курение распространено среди маскулиных мужчин и женщин, в то же время фемининность мужчин или женщин не связана с курением. Высокие показатели маскулинности часто приравниваются к большему риску и нездоровому поведению (Helgeson, 1995), а здоровое поведение является характерным для андрогинных людей (Shifren, Bauserman, 1996).

Антиобщественное поведение. Антиобщественное поведение чаще наблюдается у лиц мужского пола, чем у женского, хотя количественные данные у разных авторов несколько расходятся. Так, по данным некоторых психологов, соот-

ношение мальчиков и девочек с проблемами в поведении равно 4:1. По другим данным, юноши в 3 раза чаще девушек проявляют девиантное поведение, однако у девушек делинквентность обнаруживается в гораздо более острой форме. В исследовании Макфарлайна с соавторами было выявлено, что мальчики более лживы и среди них больше тех, кто ворует.

Дж. Виткин (1996) приводит сравнительные данные о правонарушениях, совершаемых подростками обоего пола. Мальчики совершают кражи (в том числе и ночные со взломом) в 10 раз чаще, чем девочки, а разбойные нападения — в 5 раз чаще. Они в 7 раз чаще, чем девочки, угоняют автомобили, в 10 раз чаще совершают поджоги, в 4 раза чаще арестовываются за драки на улице, в 10 раз чаще совершают преступления в состоянии алкогольного опьянения.

Объясняют это положение дел тем, что у мальчиков больше возможностей для «ночного поведения», поскольку им предоставляется большая независимость и свобода передвижения, чем девочкам; мальчики могут попытаться противостоять депрессии, ведя себя буйно и рискуя, тогда как девушки справляются с депрессией по-другому; мальчики могут подвергать сомнению авторитет полиции, вступать в символическое противоборство с собственными отцами, испытывая в этом возрасте отчуждение от них; мальчики стремятся к насилию вследствие усвоения «мужского» типа поведения, заимствуя его из книг, кинофильмов и телепередач.

Преступления, связанные с убийством и с угрозой или попыткой насилия, тоже чаще совершают мужчины. Это связывают с большей склонностью мужчин к прямой физической агрессии.

Однако женская преступность растет быстрее, чем мужская. К тому же она качественно новая. Часто женщина не только возглавляет преступную группу, но и организывает и совершает наиболее жестокие и изощренные преступления. Женщина, входя в преступную группу, выполняет роль «приманки» для мужчин.

Структура женской преступности отличается от мужской более узкой специализацией. Анализ структуры женской преступности показывает, что на протяжении ряда последних десятилетий приоритет в ней принадлежит группе корыстных посягательств (2/3 женской преступности), среди последних в настоящее время наиболее значительную долю составляют преступления против собственности (их удельный вес в преступности женщин — 40 %) и несколько меньшую — преступления в сфере экономической деятельности (19 %) (см.: Явчунковская, Степанова, 2000. С. 28). Женщины в 5 раз чаще привлекаются к ответственности за распространение и хранение наркотиков.

Самыми распространенными преступлениями против собственности являются кражи. Однако их доля в преступности женщин несколько сократилась. Причем эта группа преступлений претерпевает весьма ощутимую качественную трансформацию. Если в начале 90-х гг. женщины совершали больше краж государственного и общественного имущества (в 6 раз чаще, чем мужчины), то сейчас 70 % краж сопряжено с похищением личного имущества граждан (в 2 раза больше, чем мужчины). В числе посягательств на собственность вторым по величине удельного веса в структуре женской преступности оказалось мошенничество. Его привлекательность объясняется большой прибыльностью этого криминального промысла в настоящее время, а также его меньшим риском. Увеличилось количество женщин-вымогательниц (почти в 2,5 раза). Женское вымогательство имеет свои особенности. Для женщин, выступавших в этом преступлении исполнителями, более значимым было единовременное обогащение, в то время как мужчины совершают это преступление с целью регулярного получения части доходов от деятельности потерпевшего или приобретения крупной имущественной выгоды.

Хотя роль корыстных преступлений достаточно велика, следует не забывать также о том, что в структуре женской преступности намечается рост насильственных и тяжких на-

сильственных преступлений: убийств — 10—12 % (детоубийства до 15 %), нанесение тяжких телесных повреждений — 5—7 %. Однако если умышленные убийства чаще совершаются мужчинами, то неумышленные (как реакция на издевательство мужа или в состоянии алкогольного опьянения) чаще женщинами. В то же время следует отметить типичное для женщин преступление — детоубийство, в отличие от грабежей, здесь не присутствуют холодный расчет или корыстные побуждения, скорее, эмоциональность и отчаяние. Как правило, такие деяния совершаются молодыми женщинами, не имеющими семьи, достаточного материального обеспечения, своего жилья. В ряде случаев в этих преступлениях где-то на «заднем плане» присутствует фигура мужчины, не без влияния или не без молчаливого согласия которого совершаются эти преступления. Обычно это сожитель или любовник.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы гендерные различия и сходства в свойствах личности?
2. Какие виды и формы агрессивного поведения вы знаете? Как они проявляются у обоих полов? В чем различие и сходство проявления агрессии у мужчин и женщин?
3. Кому более свойствен альтруизм?
4. Эмпатия и экспрессивность — чисто женские качества?
5. Что вы знаете об исследованиях по речевым способностям?
6. Почему в высшем учебном заведении успеваемость мужчин и женщин начинает различаться? Какими могут быть причины внезапного появления различий между мужчинами и женщинами в успешности решения математических задач?
7. Каковы гендерные различия и сходства самооенок и оенок у мужчин и женщин? Какие факторы влияют на устойчивость самооценки у представителей обоего пола?
8. Каковы гендерные различия и сходства в социальном поведении?
9. Каковы особенности поведения мужчин и женщин в конфликтных и фрустрирующих ситуациях?
10. Какие защитные механизмы используют мужчины и женщины?
11. Существуют ли половые различия в пагубных пристрастиях и антиобщественном поведении?

Задания для самостоятельной работы

1. Какие факторы влияют на здоровье мужчин и женщин? Перечислите общие факторы для обоих полов и специфические для каждого из них. Подкрепите свой ответ данными исследований.
2. Объясните, почему девушки-подростки и взрослые женщины часто придерживаются строгой диеты?
3. Есть ли связь между фразой «Мужчина должен быть сильным» и мужской агрессивностью?
4. Каковы ваши собственные представления о женственности и мужественности, о присущих мужчинам и женщинам чертах характера и особенностях поведения?
5. По вашему мнению, существует ли разница между девочками и мальчиками? Если да, то какая:
 - а) в психическом развитии (внимание, память, речь, мышление);

Девочки	Мальчики

б) в поведении;

Девочки	Мальчики

в) общении;

Девочки	Мальчики

6. В чем заключаются трудности исследования вербальной и коммуникативной компетентности у мужчин и женщин?
7. Какие ограничения на развитие социальной компетентности накладывает гендерная роль?
8. Спросите у своих знакомых-непсихологов о том, у кого, по их мнению, лучше память: у женщин или у мужчин? Обсудите в группе вопрос о распространении житейских представлений о половых различиях по вниманию и памяти. Какие следствия порождают такие житейские представления?
9. Спросите у трех женщин и трех мужчин — непсихологов, кто, по их мнению, умнее: мужчины или женщины? Обсудите в группе вопрос о распространении житейских представлений о

половых различиях по интеллекту. Какие следствия порождают такие житейские представления?

10. Разделившись на две подгруппы, проведите в группе дискуссию о том, какой пол является более эмоциональным. Одна подгруппа должна предъявлять доказательства большей эмоциональности женщин, другая — мужчин. Затем совместно обсудите результаты.
11. Разбейтесь на две группы. Первая отстаивает позицию: «Гендерные стереотипы оказывают существенное влияние на половые различия по личностным характеристикам», вторая — «Роль гендерных стереотипов в личностных различиях между мужчинами и женщинами сильно преувеличена». Проведите дискуссию, обсуждая эти позиции.

Литература

1. Багрунов, В. П. Половые различия в видовой и индивидуальной изменчивости психики человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. П. Багрунов. — Л., 1981.
2. Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. — СПб. : Питер, 2005.
3. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2001.
4. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб. : Питер, 1998.
5. Вейнингер, О. Пол и характер : Мужчина и женщина в мире страстей и эротике / О. Вейнингер. — М. : Форум, 1991.
6. Виноградова, Т. В. Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин : Роль биологических и социальных факторов / Т. В. Виноградова, В. В. Семенов // Вопр. психологии. — 1993. — № 2. — С. 63—71.
7. Дворяшина, М. Д. О соотношении успеваемости и динамики интеллектуального развития студентов в процессе их обучения в вузе / М. Д. Дворяшина // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. — Л., 1974. — Вып. 2.
8. Ильин, Е. П. Дифференцированная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2002.
9. Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. — М. : Наука, 1983.
10. Реан, А. А. Агрессия и агрессивность личности / А. А. Реан // Психол. журн. — 1996. — Т. 17, № 5. — С. 3—18.
11. Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. — СПб. : Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2003.

Глава 7. Гендерная социализация

7.1. Понятия социализации и гендерной социализации

Социализация является одним из центральных понятий таких дисциплин, как социология, психология, политология. Хотя каждая из них вкладывает в это понятие свой смысл, в целом можно сказать, что под *социализацией* понимается совокупность всех социальных процессов, благодаря которым индивид усваивает социальный опыт и в результате общения и деятельности приобретает определенные нормы и ценности, позволяющие ему функционировать в качестве члена общества. Это процесс усвоения социальных норм, правил, особенностей поведения, процесс вхождения в социальную среду.

В словаре дается следующее определение социализации: «Социализация — процесс и результат усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, осуществляемый в общении и деятельности» (Психология, 1991. С. 373). Понятие социализации введено в социальную психологию в 40—50-е гг. XX в. в работах А. Бандуры, Дж. Кольмана и др.

В разных научных школах понятие социализации получило различную интерпретацию: в необихевиоризме оно трактуется как социальное научение, в школе символического интеракционизма — как результат социального взаимодействия, в гуманистической психологии — как самоактуализация «Я-концепции». Явление социализации многоаспектно, и каждое из указанных направлений акцентирует внимание на одной из сторон изучаемого феномена. В отечественной психологии проблема социализации разрабатывается в рамках диспозиционной концепции регуляции социального поведения, где представлена иерархия диспозиций, синтезирующих систему регуляции социаль-

ного поведения в зависимости от степени включенности в общественные отношения.

Если исходить из тезиса, принимаемого в общей психологии, что личностью не рождаются, личностью становятся, то ясно, что социализация по своему содержанию есть процесс становления личности, который начинается с первых минут жизни человека. Выделяются три сферы, в которых осуществляется социализация:

- *деятельность*. На протяжении всего процесса социализации индивид имеет дело с освоением все новых и новых видов деятельности. При этом происходят еще три чрезвычайно важных процесса. Во-первых, это ориентировка в системе связей, присутствующих в каждом виде деятельности и между ее различными видами. Можно было бы назвать продукт такой ориентации личностным выбором деятельности. Как следствие этого возникает и второй процесс — центрирование вокруг главного, выбранного, сосредоточение внимания на нем и соподчинение ему всех остальных деятельностей. Наконец, третий процесс — это освоение личностью в ходе реализации деятельности новых ролей и осмысление их значимости;
- *общение*. Расширение общения можно понимать как умножение контактов человека с другими людьми, специфику этих контактов на каждом возрастном рубеже. Что же касается углубления общения, то это, прежде всего, переход от монологического общения к диалогическому, децентрация, т. е. умение ориентироваться на партнера, более точное его восприятие;
- *самосознание*. В самом общем виде можно сказать, что процесс социализации означает становление в человеке образа его «Я» (И. С. Кон). В многочисленных экспериментальных исследованиях, в том числе лонгитюдных, установлено, что «образ Я» не возникает у человека сразу, а складывается на протяжении его жизни под воздействием многочисленных социальных влияний.

Общей характеристикой всех этих трех сфер является процесс расширения, умножения социальных связей инди-

вида с внешним миром. В рамках социализации происходит усвоение социальных норм, умений, стереотипов, социальных установок, принятых в обществе форм поведения и общения, вариантов жизненного стиля.

Важной составляющей процесса социализации является гендерная социализация, включающая в себя вопросы формирования психологического пола, гендерных различий и полоролевой дифференциации. Дифференциация деятельности, статусов, прав и обязанностей индивидов, в зависимости от их половой принадлежности, относится к категории «гендерная роль». Гендерные роли социальные, нормативны, выражают определенные социальные ожидания, проявляются в поведении. Гендерные роли всегда связаны с определенной нормативной системой, которую личность усваивает и преломляет в своем сознании и поведении. Часть этих норм внедряется в сознание через телевидение и популярную литературу, ряд других мы получаем непосредственно, например, в виде наставлений родителей или испытывая неодобрение со стороны общества, когда отклоняемся от ожидаемого гендерно-ролевого поведения.

Таким образом, *гендерная социализация* — процесс усвоения норм, правил поведения, установок в соответствии с культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе. Это процесс, посредством которого человек обучается моделям поведения в обществе, соответствующим понятиям «мужское» и «женское».

Из социологии и этнографии известно, что гендерные роли (набор ожидаемых образцов поведения для мужчины или женщины) распределяются в разных обществах не одинаково, а в зависимости от их экономического развития и общественного устройства. Психология же говорит о том, что далеко не все психические свойства мужчин и женщин зависят от их половой принадлежности.

В обществах, часто называемых «первобытными» или даже «примитивными», существовала развитая система жен-

ских и мужских ролей, а также сложные обряды и традиции обозначения мужского и женского пола. Мужчины и женщины строго различались по своей одежде, украшениям, стилю раскраски тела и т. д. Для включения подрастающего поколения в систему полоролевого разделения труда были выработаны сложные обряды инициации — посвящения в «мужчину» или «женщину».

Однако даже в регулируемом ритуалами обществе не все так просто. Во-первых, мужские и женские роли (а с ними и представления о том, что носитель каждой из них должен делать и каким быть) существенно варьировались от одного общества к другому. На это обратила внимание антрополог Маргарет Мид. В работе «Пол и темперамент» (1935) она рассмотрела особенности общественных стереотипов, касающихся типично мужских и типично женских свойств у нескольких племен Новой Гвинеи. В результате исследования было установлено, что в племени арапешей и у мужчин и у женщин преобладали женские роли и ценились женские черты характера. Они совместно трудились и воспитывали детей. И мужчины и женщины второго племени — мундугоморов — отличались воинственностью и агрессивностью, причем мужчины племени могли вступать в брак со своими дочерьми, а матери — со своими сыновьями. У представителей племени чамбули гендерные роли распределялись противоположно привычным нам: женщины ловили рыбу, занимались ткачеством, торговали; мужчины украшали себя и обдумывали праздничные церемонии (Мид, 1988).

Во-вторых, в этом обществе существовали люди, которые не вписывались в строгое полоролевоe разделение. Так, в книге И. С. Кона «Лунный свет на заре» (1998) приводятся примеры института людей «среднего», или «промежуточного», пола, распространенного у 113 племен Северной Америки, народов Сибири и Дальнего Востока (чукчи, алеуты и др.), Индонезии, Африки. Например: «...пяти-шестилетний мальчик зуньи, обнаруживший склонность к домашней работе и общению с женщинами, понятия не имеет об абст-

рактных нормах гендерного поведения, он просто проявляет свои естественные склонности. Однако его семья и община замечают это, и когда в 10—12 лет он выбирает себе одежду, он уже осознает символическое значение этого акта. Если бы не его природные склонности, зуньи бы не признали ребенка “двух-духовным”» (Кон, 1998. С. 95). Далее И. С. Кон отмечает, что «если бы ему не позволили развивать эти свойства под прикрытием официально санкционированной социальной роли, они, вероятно, остались бы незамеченными или проявились бы в искаженных формах (в “цивилизованном” обществе сверстники травили бы такого мальчика, а родители таскали бы по психиатрам)» (Там же).

Современные исследования показывают, что любому из существовавших до сих пор человеческих обществ было присуще какое-то разделение труда между полами, специфические для мужчин и женщин виды деятельности и социальные функции. Однако гендерное разделение труда предполагает не просто дифференциацию тех или иных социальных функций, а определенную иерархию этих видов деятельности и категорий людей, которые их осуществляют. При этом мужские занятия, вне зависимости от их содержания, оказываются более престижными, чем женские. Почему это происходит?

Однозначного ответа на этот вопрос не существует. По мнению И. С. Кона, социальную зависимость женщин можно связать с биологической зависимостью женского организма от функций продолжения рода (беременность, рождение, кормление грудью), т. к. все эти функции препятствуют женщине удаляться далеко от своего жилища. Помимо этого можно выделить еще психологическую зависимость, которая возникает у девочек в процессе социализации, когда они наблюдают своих матерей и когда их обучают «домашней деятельности» в противоположность «внешней» активности мальчиков (см.: 1983. С. 29).

Однако разнообразие конкретных условий хозяйственной жизни способствует огромному многообразию гендерных иерархий в мире. По данным антрополога Ф. Фридля, и

среди охотников-собирателей, и среди земледельческих народов относительное могущество женщины возрастает, если женщины участвуют в добывании пищи, а также во внедомашнем распределении и обмене благ. Отсюда она делает вывод, что местопребывание детей, распределение ответственности за выхаживание младенцев и т. п. зависит от ответственного обществом женщинам производственных задач, а не наоборот. Таким образом, набор желаемых черт для мальчиков и девочек, занятия и навыки, которым отводится центральное место в процессе образования и обучения, также будут различаться.

7.2. Психологические механизмы гендерной социализации

Все теории, однако, сходятся на том, что к важнейшим механизмам социализации относятся идентификация и типизация. Первая из них предполагает имитацию ребенком поведения взрослых представителей своего пола, а вторая — активное участие взрослых в процессе воспитания, т. е. применение принципа поощрения и наказания. При этом мальчики поощряются за те поступки, которые в данном обществе принято считать мужскими, и осуждаются за женские («Ну что ты плачешь, ты же мальчик, а не девчонка!»). В свою очередь, девочки получают поощрение за то поведение, которое считается женским: к таковому относится аккуратность, внимание. Воспитанная в девочках с раннего детства привычка заботиться о других становится впоследствии отличительной чертой большинства женщин и потому представляется как бы врожденной. К. Гиллиган в книге «Этика заботы» пишет, что женщины в Америке чаще жертвуют на благотворительность, покупают большую часть подарков и поздравительных открыток и даже чаще улыбаются (см.: Смелзер, 1994. С. 328—340).

Социализация начинается раньше, чем мы привыкли считать. Гендерная социализация ребенка начинается буквально с момента рождения, когда родители и другие взрос-

лые, определив паспортный пол младенца, начинают обучать его гендерной роли мальчика или девочки. Чтобы доказать это, Э. Гидденс провел следующий опыт. Группе женщин был показан маленький ребенок, одетый в розовый чепчик и завернутый в розовое одеяло. Комментарии женщин записывались на пленку. Чаще всего среди них звучали такие: «Какая миленькая!», «Какой нежный голосок!», «Просто красавица!» Затем этой группе женщин был показан ребенок, одетый в голубой чепчик и голубое одеяло. Среди записанных комментариев преобладали: «Сразу видно, будет сильный мужчина!», «Плачет смотрите как, басом! Добьется своего!» Удивлению женщин не было предела, когда после окончания эксперимента им объявили, что оба раза им был показан один и тот же ребенок (см.: 1999. С. 157).

Идентификация по принципу пола — одна из первых и наиболее устойчивых из всех, которые делает человек. Это происходит с 18 месяцев до 3 лет. Уже в 3 года дети с уверенностью относят себя к мужскому или женскому полу. В 3—4 года ребенок определяет пол окружающих его людей по телесным признакам и поведенческим свойствам, но верит в его обратимость, в 6—7 лет происходит окончательное осознание своей половой принадлежности. К 7 годам, а нередко уже в 3—4 года дети достигают гендерной константности — понимания того, что гендер постоянен и изменить его невозможно. Еще до поступления в школу дети обладают достаточно глубокими знаниями о гендерных различиях в игрушках, одежде, действиях, объектах и занятиях.

Американский социолог Рут Хартли выделяет **четыре основных способа** конструирования взрослыми гендерной роли ребенка:

- 1) социализацию через манипуляции;
- 2) вербальную апелляцию;
- 3) канализацию;
- 4) демонстрацию деятельности.

Пример первого процесса — озабоченность матери внешностью ребенка-девочки, второго — частые обращения в

стиле «ты моя красавица», подчеркивание ее привлекательности. Ребенок приучается смотреть на себя глазами матери, а вербальная апелляция усиливает действие манипулятивного процесса. Девочка получает представление о том, что внешний вид, красивая одежда — это очень важно. «Канализация» означает направление внимания ребенка на определенные объекты, например на игрушки, соответствующие игре в «дочки-матери» или просто имитирующие предметы домашнего обихода. Дети часто получают знаки социального одобрения за игру с игрушками, «соответствующими своему полу». «Демонстрация деятельности» выражается, например, в том, что от подрастающих девочек гораздо чаще, чем от мальчиков, требуют помощи по дому. То есть девочки учатся вести себя, действовать «как мама», мальчики — «как папа».

Одни теории социализации не уделяют большого внимания различию в социализации мальчиков и девочек, в то время как другие ставят различия в приобретении мужской и женской идентичности в центр своего внимания. Так, процессы гендерной социализации рассматриваются, во-первых, в концепциях, разработанных в рамках известных психологических ориентаций (психоаналитической, необихевиористской, когнитивистской). Это теории социального научения, моделирования, половой типизации и теория когнитивного развития. Одна из наиболее известных теорий мужской и женской социализации — теория *З. Фрейда*, подчеркивающая большое значение биологического фактора. По его мнению, на ранних этапах развития ребенка можно выделить три наиболее важные стадии, которые будут определять его психическое развитие и социальную адаптированность: оральную (до 1 года), анальную (1—3 года) и генитальную (4—6 лет). Основным психологическим механизмом усвоения гендерной роли является идентификация ребенка с родителями, а центральное место в формировании гендерной идентичности играют события генитальной стадии, когда мальчик начинает ассоциировать себя с отцом (на основании внешнего строения половых органов — наличия пени-

са). Мальчик в этом возрасте испытывает бессознательное половое влечение к матери и стремится устранить родителя одного с ним пола (эдипов комплекс). Девочка в это время осознает отсутствие пениса, с чем связывается ее ощущение ущербности (комплекс кастрации). Девочка понимает, что никогда не сможет уже стать такой, как отец, и должна поэтому смириться с ролью будущей матери. Мальчик, в свою очередь, тоже переживает комплекс кастрации — ощущение некой опасности, которая может лишить его существенного преимущества перед женщиной. Переживания генитальной стадии вызывают и у мальчиков и у девочек чувство вины и приводят к бессознательному конфликту. Разрешение этого конфликта ведет к формированию «правильной» гендерной идентичности. Другие подходы к проблеме приобретения гендерной идентичности были сформулированы в рамках теории социального научения французского психолога *Жана Пиаже*. Особое значение он придает механизму типизации — формированию «правильных» представлений о своем поле в результате активного воздействия родителей: выбору имени, различиям в одежде и игрушках, поощрениям и наказаниям. Однако и эта концепция оставляет в стороне множество моментов, представляя ребенка лишь как объект влияния родителей, не имеющий своего внутреннего мира и полностью изолированный от социального окружения (друзья, СМИ, другие взрослые и т. д.).

Во-вторых, процессы гендерной социализации рассматриваются в специально разработанных концепциях для объяснения механизмов усвоения половой роли детьми в процессе социализации. Это такие теории, как новая психология пола и теория гендерной схемы. Так, американский психолог Нэнси Чодороу, например, создала на базе психоанализа свою теорию с акцентом на том, что на генитальной стадии развития наибольшие сложности и страдания испытывают мальчики, а не девочки. Это связано с тем, что первоначально все дети идентифицируют себя со своей матерью, и лишь в возрасте 4—6 лет мальчики оказываются вынужден-

ными сменить идентификацию, что приводит к таким проблемам, как их гиперактивность, неусидчивость, большая подверженность заболеваниям. В то же время развитие девочек, которые постепенно лишь укрепляются в первоначально выбранной идентификации, оказывается более спокойным и стабильным. Сандра Бем предположила, что усвоение гендерной идентичности происходит успешно не только в том случае, если приобретается идентичность, соответствующая «своему» (биологическому) полу, но и когда в результате социализации индивиды, как женщины, так и мужчины, приобретают смешанные, андрогинные черты (успешное сочетание как традиционно мужских, так и традиционно женских качеств).

В последнее время в западной психологической литературе при рассмотрении таких вопросов гендерной социализации, как объяснение механизма передачи гендерной информации от родителей к детям, наиболее широко используется теория гендерной схемы С. Бем. В этой теории объясняется, как развивающийся ребенок без вариаций обучается социальным представлениям о женском и мужском. В большинстве обществ эти определения содержат в себе разнообразную и разветвленную сеть ассоциаций, связанных с полом, которые представляют не только черты, напрямую связанные с мужчинами и женщинами, такие как анатомия, репродуктивные функции, разделение труда и установки личности, но и другие черты, более отдаленно и метафорически связанные с полом, такие как угловатость и округлость абстрактных форм и периодичность фаз луны. Так, угловатость почему-то ассоциируется с мужественностью, а круги и округлости — с женственностью. Кроме того, в дополнение к усвоению подобной содержательной информации о гендере, дети учатся использовать эту разветвленную сеть связанных с полом ассоциаций для оценки и применения новой информации. Они обучаются кодировать и организовывать информацию в терминах гендерной схемы, которая постоянно развивается и дополняется в сознании (см.: 2004. С. 314).

Таким образом, *психологическими механизмами* гендерной социализации являются:

- процесс идентификации (психоаналитическая теория);
- социальные подкрепления (теория социального научения и половой типизации);
- осознание, понимание половой социальной роли (теория когнитивного развития);
- социальные ожидания (новая психология пола);
- гендерные схемы (теория гендерной схемы).

В отдельности каждый из этих механизмов вряд ли может объяснить гендерную социализацию.

Несмотря на невозможность в настоящее время сделать однозначные выводы о содержании этапов приобретения женской или мужской идентификации, очевидно, что процесс этот сложен и многообразен. На сроки и формы его протекания влияет неповторимое в каждом отдельном случае сочетание внешних по отношению к индивиду факторов — институтов социализации.

Группы или отдельные личности, которые оказывают преобладающее влияние на формирование норм и ценностей подрастающего человека, называются *институтами социализации*. К ним относятся семья, школа, внешкольные детские общественные и религиозные организации, сверстники, СМИ.

В результате взаимодействия указанных институтов социализации к 17—18 годам формируется индивид, который не просто идентифицирует себя с мужчиной или женщиной, но и уверен в том, как он должен вести себя в различных обстоятельствах (и как должны относиться к нему представители противоположного пола) в качестве мужчины или женщины. Иными словами, в результате социализации индивид приобретает определенный набор гендерных ролей и стереотипов. Однако социализация человека на этом не заканчивается она продолжается, правда с меньшей интенсивностью, в течение всей жизни. По мере приобретения жизненного опыта мужчины и женщины могут в значительной степени

изменить свои представления о маскулинности/феминности и скорректировать свое поведение. Большую роль в этом процессе, называемом процессом ресоциализации, могут сыграть такие факторы, как путешествия, вступление в брак, членство в политической или общественной организации. Ярким примером подобной ресоциализации может служить массовое изменение представлений о женской судьбе, отраженное в советских фильмах 30-х гг., главные героини которых совершают головокружительный скачок от покорной мужу неграмотной крестьянки к руководителю колхоза или депутату (см.: Введение в гендерные исследования, 2005. С. 126). Это происходит в процессе влияния такого института социализации, как СМИ.

7.3. Роль отца и матери в гендерном воспитании ребенка. Их влияние на усвоение ребенком гендерных стереотипов

Многочисленные современные исследования мальчиков и девочек подтверждают важность первых (и часто неосознанных) установок родителей по отношению к ребенку в зависимости от его пола. Именно в семье закладываются основные группы гендерных стереотипов. К таким стереотипам относят те или иные психологические характеристики (качества), которые приписываются ребенку в зависимости от его/ее биологического пола (например, мужчины агрессивны, независимы, самоуверенны; женщины эмоциональны, покорны, нежны). Еще одной группой стереотипов является закрепление семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом (для женщин признаются важными семейные роли, а для мужчин — профессиональные) (см.: Клецина, 1998. С. 19).

Исторически во многих европейских культурах считалось, что мать должна уделять максимальное внимание ребенку в первые годы его жизни, в то время как отец в большей степени отвечает за социализацию более взрослых де-

тей. Также известно, что чаще всего матери предпочитают не прямые формы воздействия, а отцы в большей степени ориентированы на физические наказания. Пример родителей, их экономические и эмоциональные взаимоотношения друг с другом, формы распределения домашних обязанностей также влияют на процесс идентификации, способствуя формированию сложной, а нередко и противоречивой картины представлений о своем и «не своем» гендере.

Однако сколь неизбежной ни казалась бы передача гендерных стереотипов в семье, именно здесь заложены огромные возможности для формирования благополучной и сбалансированной в гендерном отношении личности. Например, имеются данные о том, что и в течение двух первых лет жизни у мальчиков развивается устойчивая привязанность к отцу, если он проявляет заботу о сыне (см.: Клецина, 1998. С. 22). Увеличение разнообразия игрушек у девочки, замена части кукол развивающими конструкторами и играми способствуют улучшению ее логического мышления, а следовательно, и повышению уверенности в себе, увеличению возможностей профессионального роста.

Необходимо обратить внимание и на тот факт, что выводы западных авторов строятся на основе исследований семьи, включающей в себя преимущественно представителей двух поколений — детей и родителей. При обращении к отечественной действительности необходимо учесть и такой (к сожалению, малоизученный) фактор семейного воспитания, как бабушка. Более чем в половине белорусских и российских семей оба родителя работают, поэтому роль бабушки весьма специфична: она оказывается транслятором народной культуры (см.: Введение в гендерные исследования, 2005. С. 124).

С момента появления на свет малыша родители обращаются с дочерьми и сыновьями по-разному. Родители последовательно поддерживают различия в активности и интересах и несколько менее последовательно реагируют на социальное поведение и личностные характеристики дочерей и сыновей.

Хорошо известны результаты многократно проводившихся экспериментов с переодеванием младенцев. В зависимости от цвета одежды ребенка его поведение воспринималось и описывалось по-разному. Взрослые — а эксперименты проводились и с бездетными студентами, и с родителями грудных детей — проявляли приверженность к гендерным стереотипам. Одетый в голубое ребенок описывался как крепкий, сильный, а его поведение как активное. Тот же ребенок в розовом наделялся хрупкостью, нежностью, привлекательной внешностью. Обращает на себя внимание то, что перед экспериментами при опросе большинство людей утверждали, что они одинаково относятся к мальчикам и девочкам. Все это подчеркивает, что гендерные стереотипы глубоко «встроены» в нас и мы следуем им в общении с детьми неосознанно.

Согласно результатам исследований отцы проявляют большую избирательность, чем матери, в отношении к дочерям и сыновьям. Были обобщены результаты исследований взаимодействия родителей с новорожденными. Из 16 исследований с матерями в семи оказалось, что они обращаются с мальчиками и девочками по-разному. В 15 исследованиях участвовали отцы. В 14 случаях из 15 были выявлены различия в их обращении с детьми в зависимости от пола (см.: Попова, 2001. С. 41).

Такая ситуация продолжается и в более старшем возрасте. Исследование, проведенное в Великобритании на выборке родителей двухлеток, показало, что отцы чаще, чем матери, воспринимают своих детей как соответствующих гендерным стереотипам. Это особенно выражено в отношении мальчиков. Более 75 % отцов мальчиков характеризовали своих сыновей как очень маскулинных, тогда как только 40 % отцов девочек описывали их как женственных. Даже для этих малышей наиболее часто упоминаемым признаком маскулинности называется физическая активность. Фемининными атрибутами девочек являются привлекательная внешность (матери), мягкость, заботливость и участие в до-

машней работе (отцы). Напомним, что речь идет о двухлетних детях. Уже в этом возрасте дети получают ясную информацию о том, какое поведение от них ожидается. От мальчиков отцы ожидают более строгого следования традиционным гендерным предписаниям и особенно критичны по отношению к играм мальчиков в куклы.

Наиболее значимой характеристикой гендерной социализации родителями является то, что она, оказывается, мало зависит от взглядов, которых они придерживаются. Исследования показали, что родители, которые высказывают весьма стереотипные представления, и те, которые не разделяют их, ведут себя одинаково. Например, даже матери с эгалитарными убеждениями больше стимулируют развитие познавательных процессов у сыновей, чем у дочерей. В речи, обращенной к сыновьям, эти матери дают им больше прямых указаний, чаще используют глаголы, обозначающие действие, задают вопросы.

Уже в родильном доме очевидны невербальные различия в обращении с маленькими детьми — матери и отцы чаще прикасаются к новорожденным сыновьям, чем к дочерям. На протяжении первых трех месяцев жизни матери берут на руки, качают, целуют чаще сыновей, чем дочерей. Хотя матери говорят с дочерьми больше, они проявляют большую чувствительность к настроению сыновей. С младенчества сыновей стимулируют двигаться более активно, с ними чаще используют такие забавы, как поднимание и подбрасывание над головой, больше стимулируют двигательную активность. Отличия особенно выражены при общении отцов и детей: во время игр отцы мальчиков находились от них на большем расстоянии, чем отцы девочек. Отцы также подталкивают сыновей к более активному исследовательскому поведению во всех сферах — зрительной, тактильной, двигательной, тогда как с дочерьми чаще предпочитают разговаривать. Таким образом, с раннего детства может закладываться основа для большей независимости и активности мальчиков.

Был все-таки обнаружен и некоторый эффект родительского отношения к гендерным ролям. Уже в два года у дочерей, матери которых придерживаются традиционных взглядов на гендерные различия, уровень интеллектуального развития ниже, чем у девочек, матери которых являются сторонницами эгалитарных отношений.

Представления о различиях в эмоциональных проявлениях девочек и мальчиков могут вести к различным реакциям взрослых на совершенно одинаковое поведение. Например, видеозапись игры в снежки двух маленьких мальчиков воспринималась взрослыми как менее агрессивная, чем эта же игра между мальчиком и девочкой или двумя девочками. Соответственно чаще высказывалось желание прекратить игру между девочками, а мальчикам дать возможность «повозиться». В действительности же в игре участвовали одни и те же дети в зимних костюмах, но их представляли то «девочками», то «мальчиками» (см.: Попова, 2001. С. 43).

Более того, как родители, так и другие взрослые проявляют паттерны «спасения» девочек, они помогают и сопровождают девочек чаще, чем это нужно, т. к. полагают, что девочки больше нуждаются в помощи. Матери быстрее реагируют на плач девочек — быстрее подходят к ним. Им помогают быстрее и чаще, особенно отцы. Наблюдения за естественным поведением дома показали, что отцы чаще держат на руках и подают игрушки своим годовалым дочерям, но не сыновьям. При посещении зоопарка отцы сажают дочерей себе на плечи чаще, чем сыновей. Подобное поведение родителей строится на том распространенном взгляде, что девочки более хрупкие, менее приспособлены к действиям. Желание родителей помогать девочкам вырабатывает у девочек ощущение сильной зависимости. Такие особенности родительского поведения в мягкой форме подкрепляют различия между девочками и мальчиками, выступая как некое самоисполняющееся пророчество. Простейший пример: взрослые, воспитывая детей, обращаются с мальчиками и девочками по-разному, потому что у них имеются гендерно-стереотип-

ные предубеждения о том, что должно быть характерно для мальчика, а что — для девочки. В результате такого различного подхода девочки и мальчики начинают различаться именно в том отношении, которое продиктовано предубеждениями взрослых.

По данным зарубежных авторов, отцы, в отличие от матерей, почти не взаимодействуют ни с сыновьями, ни с дочерьми на протяжении первого года их жизни. Поэтому, по данным О. С. Баранник (1999), у отцов эмоциональная близость с детьми находится на низком уровне. И. С. Кон пишет по этому поводу, что «сравнительная холодность и наличие социальной дистанции во взаимоотношениях ребенка с отцом, часто рассматриваемые как свидетельство снижения отцовского авторитета, являются скорее пережитками нравов традиционной патриархальной семьи, в которой к отцу не смели приблизиться и сам он был обязан держаться на высоте» (1988. С. 234). Традиционно мужская роль отрицательно влияет на отцовство и не только на частоту общения с детьми, но и на тесноту этого общения. Проявления нежности, ласки, заботы о ребенке многим отцам даются с трудом в силу гендерного стереотипа, ограничивающего их экспрессивность.

Правда, последние данные показывают, что и отцы стали уделять внимание младенцам. Отцы способны обеспечить полный уход за ребенком: они умеют его купать, пеленать, кормить, качать, и младенцы могут привязаться к отцам не меньше, чем к матерям. У отцов, уделяющих много времени заботам о младенце, устанавливаются с ним прочные отношения привязанности, и детям это приносит большую пользу. Однако, несмотря на свои возможности, большинство отцов не берут на себя основную ответственность в уходе за ребенком. Вследствие этого отношения отца с младенцем часто отличаются от материнских отношений. Если же отец берет на себя основную заботу о ребенке, он склонен вести себя так, как это делает мать. Г. Рассел выявил, что более активно и постоянно занимаются своими детьми андрогинные отцы, т. е. те, у кого мужские и женские особенности поведе-

ния выражены в равной степени (см.: Ильин, 2002. С. 277). В связи с этим В. Х. Манеров (2001) справедливо ставит вопрос о воспитании отцов и о подготовке мужчин к отцовству.

В большинстве игр используются игрушки, и игрушки окружают ребенка с первых дней его жизни. Очевидно, что разные игрушки предоставляют разные возможности для развития. Следует отметить, что выбор игрушек первоначально делают родители, проявляя свои представления о том, чем заполнить жизненное пространство ребенка. Классическое изучение детских комнат было проведено в 1975 г. американскими учеными. Они не обнаружили отличий в количестве книг, музыкальных инструментов, мягких игрушек. Однако в целом в детской комнате девочки меньшее количество игрушек и они менее разнообразны. В некоторых категориях игрушек различия были весьма впечатляющими. Так, у девочек была масса кукол, кукольной мебели, одежды, кукольных кухонных принадлежностей. Среди игрушек мальчиков было 375 разного рода повозок, а у девочек только 17. Ни у одной девочки среди игрушек не было обнаружено игрушечного вагона, поезда, лодки или мотоцикла. Из 48 мальчиков только у восьми нашлось по одной кукле. Хотя и мальчики, и девочки становятся в будущем родителями, и им нужно уметь обращаться с крошечными детьми. Исследование, которое было повторено другими исследователями через 10 лет, показало, что ситуация не изменилась.

Следует подчеркнуть, что игрушки не просто окружают и развлекают детей, а развивают определенные умения, дают возможность «примерять» взрослые роли. Если мы, взрослые, предоставляем разные игрушки девочкам и мальчикам, то мы косвенно сообщаем детям, что то, что они могут делать, зависит от их пола. «Соответствующие полу» игрушки для мальчиков стимулируют двигательную активность, исследование пространства, склонность к риску, изобретательность, для девочек — близость с другим человеком и вербальное взаимодействие. Когда же мы вырастаем, нас уверяют в том, что биологически женщины плохо ориентируются

в пространственных отношениях, путают правое и левое. Безусловно, трудно связать характер игр в раннем детстве с тем, что проявляется во взрослом состоянии. Гораздо легче объяснить различия в уровне пространственного интеллекта с помощью строгой науки биологии.

Хотелось бы остановиться на таком немаловажном аспекте влияния матери и отца, как выбор их детьми профессии и карьеры. Занятость матери — мощный фактор, облегчающий женщине карьерный рост (Betz, 1993; Hoffman, Youngblade, 1999). Дочери занятых матерей чаще ориентируются на карьеру (а не на ведение домашнего хозяйства), чем дочери домохозяек (Maternal and dual earner ... 1999; Hoffman, Youngblade, 1999). Дочери работающих матерей также чаще следуют нетрадиционной карьере, чем дочери домохозяек (Hoffman, Youngblade, 1999). Бец (Betz, 1993) приводит данные о том, что когда девочки воспитываются двумя работающими родителями, то они чаще объединяют в поведении традиционные роли и работу, чем девочки, воспитывающиеся в иных семьях. Соответственно девочки и мальчики, матери которых работали, меньше ограничены представлениями о гендерных ролях. Исследование также показало, что работающие матери придают большое значение воспитанию у ребенка независимости (Hoffman, Youngblade, 1999). Кроме занятости матери, для развития ребенка крайне важны отношение матери к работе, качеству и характеру воспитания ребенка.

У женщин, как правило, выбор ролей и карьеры, работы, не связанной с карьерой, или домашнего хозяйства не повторяет в точности выбор их матери, но связан с той информацией, которую они усваивают от матери (Hoffman, Youngblade, 1999). Работающие матери не только способствуют успеху дочерей, но и оказывают давление на них, вынуждая их оправдывать культурные ожидания, связанные с женственностью. Матери, которые оказывают менее существенное давление на дочерей, не побуждая их встречаться с мужчинами, выходить замуж и заводить детей, чаще имеют дочерей, ориентированных на карьеру (Betz, 1993). Матери, которых

не удовлетворяет род работы, могут стимулировать дочерей достичь более значительных успехов, чем они сами.

Кроме того, исследователи предполагают, что отцы играют существенную роль в школьном образовании девочек и выборе карьеры в колледже (Fatherhood in the 21st Century, 2000). Например, М. Хенниг и Э. Жардим (Hennig, Jardim, 1977) отмечали, что отцы имеют для девочек большое значение, т. к. они служат ролевой моделью и источником поддержки для своих дочерей. Мнение и поддержка отцов имеет важное значение, когда девушки и женщины работают в нетрадиционной для женщин сфере и когда они выбирают карьеру. Наиболее сильно влияние отцов сказывается, когда дочери выбирают нетрадиционную карьеру.

Таким образом, при рассмотрении психологических, философских, культурологических исследований напрашивается вывод о том, что институт родительства — это в большой мере продукт социального конструирования или следствие традиций того или иного общества или социальной группы, а не только следствие биологической преопределенности.

Так, сравнительно-исторические исследования по истории детства (наиболее известны работы Филиппа Ариеса, Ллойда де Моза) показывают, что родительская любовь — продукт длительного и весьма противоречивого исторического развития. Например, Л. де Моз в своей работе «Психология детства» пишет, что «история детства — это кошмар, от которого мы только недавно стали пробуждаться. Чем глубже в историю — тем меньше заботы о детях и тем больше у ребенка вероятность быть убитым, брошенным, избитым, терроризированным и сексуально оскорбленным» (2000. С. 3). Автор выделяет шесть этапов детско-родительских отношений, связанных с историческим развитием общества:

- 1) стиль детоубийства (Античность, до IV в. н. э.);
- 2) оставляющий стиль (IV—VII вв. н. э.);
- 3) амбивалентный стиль (XIV—XVII вв.);
- 4) навязывающий стиль (XVIII в.);
- 5) социализирующий стиль (XIX — середина XX в.);
- 6) помогающий стиль (с середины XX в.).

В основе того или иного стиля воспитания лежат как субъективные, так и объективные факторы. Автор выделяет три способа (или их сочетание) реагирования родителей, когда они остаются один на один с ребенком:

- 1) взрослый может использовать ребенка как сосуд для проекции содержания своего собственного бессознательного;
- 2) он может использовать ребенка как заместителя фигуры взрослого, значимого для него в его собственном детстве;
- 3) он может сопереживать потребностям ребенка и действовать, чтобы удовлетворить их.

В этом смысле изменение отношения к детям связано со сложным переплетением мотивационных факторов: с одной стороны, можно говорить о «взрослении» человечества, связанного с преодолением тревог и страхов в отношении к ребенку как к чужому, непонятному существу. С другой стороны, можно говорить об объективных факторах, т. е. тех условиях, которые существуют в обществе в определенный исторический период (Ариес, 1990).

Исследования этнографов и культурологов (классической считается работа М. Мид «Культура и мир детства») приводят ученых еще к одной идее: особенности функции отца и матери лишь отражают нормативные представления и образ жизни, существующие в данном обществе.

Таким образом, как понятие материнской, так и понятие отцовской роли зависит от самых разных факторов, а биологический фактор не является в данном случае фатальным.

Различия в строении тела мужчины и женщины определяют способность женщины к репродукции. В мужском жизненном цикле нет аналога такому событию, как роды. Женщина-мать значительно теснее отца связана со своим ребенком (ребенок развивается в организме матери, мать вскармливает его в первый год жизни). Поэтому социологи и психологи склонны подчеркивать биологические детерминанты материнской роли.

Материнство — это одна из социальных женских ролей, поэтому даже если потребность быть матерью и заложена в женской природе, общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на проявления материнского отношения. Понятие «нормы материнского отношения» не является постоянным, т. к. содержание материнских установок меняется от эпохи к эпохе.

В известной степени материнство привлекло внимание исследователей в связи с оживлением интереса к фрейдистским интерпретациям детства и психоаналитическому анализу детских переживаний. Дискуссиями об этом были отмечены 20-е гг. XX столетия. Практически вся психологическая да и философская литература первой половины XX столетия основывалась на принципах *биологического детерминизма*, т. е. рассматривала пол (половое поведение, психологию пола и т. п.) в качестве производного от анатомического (читай: биологического) строения.

В 1960—1970-е гг. широко обсуждался вопрос об извечности и безусловности женской сущности — «материнского инстинкта». Среди участников научных дискуссий были авторы, убежденные в том, что пресловутый инстинкт в той или иной степени реализуется и у нерожавших, бездетных и других женщин, будучи обращен «на близких» (не детей). Некоторые специалисты основывались на функционально рационалистских посылах («женщина искони более ориентирована на ответственного одного партнера — отца ребенка, а мужчина — на пребывание “вне дома”» (Пушкарева, 2004. С. 63) и т. д.).

В западной социологической литературе 1970—1980-х гг. появлялись нередко весьма серьезные (марксистские по духу) интерпретации социально-экономических аспектов материнства. Поскольку для марксистов одним из важнейших вопросов всегда оставался вопрос о разделении труда, постольку феминистки марксистской ориентации подчеркивали значимость материнской функции именно в этом аспекте, ставшем, по их мнению, одной из основ социального неравенства. Не скрывая своих марксистских пристрастий,

эти исследователи говорили и о другом — прежде всего о неоплаченном (и, следовательно, социально неравном) женском труде в семье, который не считается производительным трудом. Именно в семье — вслед за Ф. Энгельсом — они искали истоки социального угнетения, именно семью считали «главным посредником» в создании неравноправного статуса женщины. Несмотря на «революционный подтекст», т. е. стремление доказать сомневающимся необходимость перемен социального статуса женщины, марксистская концепция материнства была сверхэссенциалистской: материнство рассматривалось в ней как социально, психологически и биологически предопределенная «природная функция» женщины, без которой невозможно воспроизводство индивидов.

Главнейшими достижениями западной философии и социологии 1960-х гг., позволившими им «оторваться» от биологического детерминизма XX в., были теории социального детерминизма и социального конструирования К. Мангейма, П. Бергера и Т. Лукмана. Их основной тезис сводился к тому, что окружающий нас мир скорее (и в большей степени) «сконструирован» людьми, нежели предопределен природой.

Едва ли не самое известное из исследований, написанных с позиций социального конструктивизма, принадлежит перу *А. Рич*. Ее книга «Рожденная женщиной» с подзаголовком «Материнство как опыт и социальный институт» произвела переворот в научной литературе середины 1970-х гг., поскольку была яркой критикой свободного (многие подчеркивали: истинно поэтического) соединения статистических и литературных источников, личных переживаний, свидетельств «референтных групп», коими выступали подруги и приятельницы автора книги. Результат подобного соединения — разносторонний анализ материнства как *социального феномена*. Феминистская позиция А. Рич нашла явственное выражение в выводах ее исследования. В отличие от биологических детерминистов, искавших тесные связи с потенциальным материнством и сексуальностью, А. Рич поставила во главу детерминизм общественный. Характер материнст-

ва, «содержательность» его между родительницей и ребенком, по мнению этой исследовательницы, определяет все времена не некая «женская природа» или «женское предназначение», а конструируемые общественные ожидания. А. Рич доказала, что принцип равных прав еще не означает равенства возможностей, и показала, как «тают» перспективы самореализации женщин в бизнесе, науке, государственной деятельности из-за необходимости нести основное бремя воспитания детей (см.: Пушкарева, 1999. С. 52).

Современница и соотечественница А. Рич — другая известнейшая фемистка Нэнси Чодороу — также написала ряд трудов по философии и социологии материнства. В ставшей классической книге Н. Чодороу «Воспроизведение материнства» убедительно доказано, что содержание тех или иных отношений между матерью и ребенком, как и самооценка матерью собственных действий, формируется из «внешнего мира» в куда большей степени, чем за счет заложенного биологически и психологически, хотя само материнство, как утверждала Н. Чодороу, биосоциальное. Если З. Фрейд полагал, что «анатомия — это судьба», а пол — это производное от его анатомического строения, то Н. Чодороу и феминистки конца XX столетия отвергали эту «очевидность».

Пол, как подчеркивала Н. Чодороу, — это, действительно, биологическая данность, константа, но все, что с ним связано, — это приписанный (аскритивный) статус. Таким образом, социальные проявления половой принадлежности выступали в ее исследовании как *достигаемые*, конструируемые психологическими, культурными и социальными средствами. Досконально проанализировав современную психоаналитическую, медицинскую и, разумеется, философскую и социологическую литературу, Н. Чодороу решительно выступила против существования какого-то «материнского инстинкта» и попыталась показать механизмы репродукции привычек и стереотипов сознания, касающихся матерей и материнства, в семье нуклеарного типа.

С появлением гендерной теории все в общественных отношениях, связанных с полом: нормы (права, поведение и т. п.), стереотипы, личностные идентичности — начали определять через новую дефиницию. Едва ли не ведущая роль в становлении гендерной концепции принадлежала американской феминистке *Г. Рабин*. Ее исследования по «политической экономике пола» стали теоретической опорой для нового поколения социологов, философов, психологов и историков. Ее продолжателями считают себя сегодня многие видные исследователи социальной истории и новой философии.

Сторонники гендерной концепции исключили толкование материнства как биосоциологического феномена, поставили знак вопроса рядом с определением «биосоциальный», призвали своих сторонников доказать на конкретных фактах, что материнство, как, между прочим, и отцовство, феномен только и *безусловно социальный* (в этом смысле все гендеристики — социальные конструктивистки, но, разумеется, не всякий социальный конструктивист является гендеристом) (см.: Пушкарева, 1999. С. 56).

Создается такое впечатление, что тема отцовства в исследованиях психологической и социологической отечественных школ избегалась, да и сейчас редко встретишь научные работы, посвященные этой проблеме, несмотря на то что появляются труды, анализирующие традиции, особенности культуры, ситуацию в советский и перестроечный периоды отечественной истории. Женский же образ однозначно ассоциируется с материнским, превращая женщину, таким образом, в «машину» по воспроизводству. В западных исследованиях прослеживается важная идея о том, что «фемининность» и «маскулинность» — это символические конструкции, не связанные с биологией, что и обуславливает множественность, противоречивость проявлений мужчин и женщин.

Как уже отмечалось выше, материнство женщины определено биологически, хотя ожидания от поведения матери во многом связаны с традициями, историческими условия-

ми. Если неправомерна биологизация материнства, то тем более историческим является институт отцовства.

Э. Фромм в своей работе «Искусство любви» рассуждает о двух типах родительской любви: материнской и отцовской, высказывая идею о том, что материнская любовь безусловна и ее не надо заслуживать, т. к. мать выносила и родила ребенка, реализовав, таким образом, свою потребность, тогда как отцовская любовь обусловлена, ее надо заслужить, а для этого соответствовать требованиям, традициям, нормам. Хотя впоследствии автор отмечает, что данные типы скорее идеальны, чем реальны.

Эти рассуждения подводят к вопросу: каковы соотношения биологических и социокультурных детерминант материнской и отцовской ролей?

Наблюдения за поведением родителей по отношению к новорожденным, к ребенку, находящемуся в затруднительном положении (плачущему от ушиба или растерявшемуся от неожиданности), показывают, что психофизиологические реакции, сопровождающие эмоции, одинаковы у мужчин и женщин. Наблюдения за поведением взрослых в аналогичных ситуациях говорят о неоднозначности результатов. «Они зависят в первую очередь от присутствия других людей. Чем больше посторонних наблюдают за опытом, тем более активно ведет себя женщина, тогда как мужчину, наоборот, присутствие других людей сдерживает. Но если испытуемый находится с ребенком один на один, различия между поведением мужчин и женщин исчезают. Кроме того, поведение взрослых зависит и от характера переживаний ребенка: чем они «ближе к жизни» (реальный ребенок упал и ушибся), тем меньше разница между тем, как ведут себя мужчина и женщина. Чем более абстрактно представлены детские чувства (например, рисунок плачущего ребенка), тем сдержаннее мужчины» (Кочубей, 1990. С. 8—9). Судя по этим экспериментам, эмоции мужчин и женщин в ситуации сопереживания ребенку, по-видимому, мало различаются. Однако общественное мнение по-разному относится к проявлению

этих эмоций. Считается, что мужчине неудобно выходить из себя из-за детского плача или испуга, тогда как для женщины подобные переживания служат признаком хорошего развития естественных материнских чувств.

Говоря об участии мужчин в воспитании в современных белорусских условиях, можно обратиться к ряду социологических исследований. Вот сравнительные результаты исследований о временных затратах мужчин и женщин на домашний труд, проведенных в разные годы. Женщины в два-три раза больше времени затрачивают на ведение хозяйства и уход за детьми, чем мужчины. Как уже отмечалось выше, материнство — одна из главных ипостасей женщины в нашей стране.

Причиной достаточно слабого участия мужчин в воспитании может быть особенность положения мужчины в семье, а именно снижение авторитета и лидерских позиций в семейных отношениях. Можно выделить несколько причин такой ситуации (см.: Практикум ... 2003. С. 100):

- в современной семье традиционные функции отца (кормилец, персонификация власти и высший дисциплинатор, пример для подражания) заметно ослабевают под давлением таких факторов, как женское равноправие, вовлечение женщин в профессиональную работу, тесный семейный быт, где для отца не предусмотрено пьедестала, пространственная разобщенность труда и быта;
- молодые супруги, как правило, пользуются материальной помощью родителей, что не способствует утверждению авторитета мужа в глазах жены;
- в последние десятилетия родители чаще живут с дочерью. В такой ситуации в молодой семье жена имеет некоторые преимущества в сравнении с мужем, которого в прошлом в подобных ситуациях называли «примаком», т. е. пришедшим в дом;
- в исследовании, где принимали участие 120 супружеских пар с детьми-первоклассниками, было обнаружено, что у поколения 30-летних мужчин «локус контроля» в большинстве исследованных сфер является внеш-

ним. Это говорит о том, что они объясняют и оправдывают многие происходящие с ними события внешними обстоятельствами, а не собственными устремлениями, качествами, способностями.

Видимо, в этой ситуации правомерно будет говорить даже не об игнорировании отцами воспитательных функций, а скорее о том, что «ослабление и даже полная утрата мужской власти в семье отражается в стереотипном образе отцовской некомпетентности» (Кон, 1988. С. 234).

В этом отношении можно говорить, что в данный момент не сложились новые нормы, представления в обществе относительно роли отца и матери в воспитании, что, очевидно, связано с изменением общества в целом. Трудно говорить о «современном» стереотипе отцовства, о нормативном образе отца; также неоднозначно отношение к материнской роли женщины.

Типичный современный ребенок не может не замечать, что родители, учителя, сверстники имеют соответствующее поведение, которое изменяется как функция пола, что игрушки, одежда и ее цвет, работа, хобби, домашнее разделение труда изменяются как функция пола. Как предполагает теория гендерной схемы, дети могли быть менее схематизированными по гендеру, а следовательно, и по полу, если бы общество ограничивало ассоциативные сети, связанные с полом, и не настаивало бы на функциональной важности гендерной дихотомии. С. Бем подчеркивает, что невозможно установить, в каком случае индивидуальные различия в гендерно-схематизирующих процессах происходят из-за различий в гендерной дихотомии в процессе индивидуальной социализации, а в каком случае они описывают конкретную особую социализацию, которая поддерживает или уменьшает процессы гендерной схематизации (см.: Бем, 2004. С. 321). Тем не менее С. Бем предлагает стратегии, которые соответствуют теории гендерной схемы, для воспитания ребенка, свободного от гендерной схематизации, в обществе гендерной схематизации (см. прил. 4).

Многие стратегии, рекомендованные для воспитания гендерно несхематизированного ребенка, уже адаптированы родителями-феминистами, которые пытались создать то, что называется несексистской, или освобожденной от гендера, формы воспитания. В этом случае, если что и обеспечивает теория гендерной схемы, так это новые теоретические рамки для размышления о психологическом влиянии различных практик воспитания.

7.4. Роль СМИ в формировании и поддержании традиционных ролей мужчин и женщин

В современном обществе СМИ стали частью системы социализации человека. Исследования, проведенные российскими, белорусскими и зарубежными учеными, показали, что СМИ имеют очень большое значение в гендерной социализации. Средства массовой информации играют огромную роль в формировании и поддержании традиционных образов мужчин и женщин. В нашей стране проблема влияния СМИ на поддержание традиционных образов мужчин и женщин практически не исследуется и не освещается должным образом. Однако все-таки есть некоторые сведения и исследования по этой проблеме, в основном благодаря американским психологам.

Но прежде чем говорить о роли СМИ в формировании и поддержании традиционных ролей мужчин и женщин, хотелось бы затронуть не менее важный вопрос влияния литературы на гендерное развитие детей.

Большую роль в гендерной социализации ребенка (как и в воспитании в целом) играет литература. Вспомните детские сказки: какими сказки учат быть девочек и мальчиков? Прописанные в популярных сказках стереотипы необычайно выносливы и долговечны, в том числе гендерные стереотипы.

В большинстве сказок, где главное действующее лицо женского пола, персонажи — воплощение «традиционной женственности», героиня обычно является объектом спасения («Морозко»), безропотность женщины восхваляется

(«Золушка»), женщина обязательно должна быть рукодельницей, награда же за терпение — хороший жених, «ленивицы» обычно наказываются. Авторитаризм «мачех» в сказках — великое зло, точно так же осуждается и мужчина, не способный подчинить себе женщину. Сказок, в которых основной персонаж — женщина-богатырка, значительно меньше («Марья-Моревна», «Синеглазка», «Царь-девица»).

Главная героиня тех сказок, где действуют персонажи воплощенной женственности, как правило, с детства наполовину сирота и живет поначалу с отцом. Матери-одиночки русской (да и в белорусской) сказочной традиции практически не известны. Поэтому в русской сказке девочка, как правило, остается именно с отцом и теряет мать, которая была при жизни воплощением всевозможных добродетелей. Сказка повествует о том, как отец находит себе новую жену, надеется, что она станет хорошей матерью для его дочери, но обманывается в своих ожиданиях. Мачеха оказывается злой, ненавидит падчерицу, всячески притесняет, мучает разной работой и т. д.

Отец героини, как правило, «добытчик», он обеспечивает семью (например, купец, как в «Василисе Прекрасной» или «Аленьком цветочке», либо царь, как в пушкинской «Сказке о царе Салтане»). В любом случае большую часть времени он проводит вне дома, не участвует в домашних делах и не занимается воспитанием детей, в том числе и собственной дочери. Иными словами, сказка подчеркивает тему зависимости слабого мужчины от сильной женщины, причем мачеха в сказочном тексте предстает истинным воплощением зла. Мужчины же, подкаблучники, сплошь и рядом демонстрируют бессилие: когда мачеха посылает падчерицу в морозный лес, ее отец лишь «тужит и плачет», но не пытается задержать дочку или отменить решение своей супруги.

Героине же жестокое, авторитарное отношение злой мачехи идет почему-то на пользу. Она не озлобляется, не грубит и не дерзит, а медленно, но верно приобретает необходимые навыки для воплощения успешного (с точки зрения тра-

диционной семейной морали, традиционного распределения ролей и традиционного же понимания женского счастья) жизненного сценария.

Героини умеют буквально все: мастерицы на все руки, умеют вежливо разговаривать, внимательно слушать и поддерживать разговор, с детства научены и привыкли развлекать других (петь, танцевать). В сказке девушке-героине отводится роль несамостоятельной, полностью послушной, кроткой исполнительницы чужих желаний. Спасение к ним приходит чудом и всегда — извне (Мороз Иванович, или же фея-крестная, или же добрый князь). В сказках, где героиня — жертва обстоятельств, жертвенная любовь обязательно вознаграждается («Аленький цветочек»). Вознаграждается и большое терпение («Морозко»).

Читая сказки, можно легко составить и перечень тех даров, вознаграждений, которые полагаются трудолюбивым, покорным, терпеливым, вежливым и кротким. Главный приз для девушки — это удачный брак плюс богатство. Дальнейшее развитие «жизненного сценария» героини сказкой опускается (жизнь после свадьбы всегда остается в сказке «за кадром», но если ее восстановить, то получается следующее: материнство, ранняя смерть, сиротство дочери — и вот перед нами жизненный цикл, начало которого описано в начале большинства сказок).

Главное наказание для лжегероини (Ленивицы, дочерей мачехи) — лишение возможности выйти замуж. Неумение лжегероинь выполнять женскую работу (шитье, готовка, заботы по уборке и вообще хозяйству) осуждается сказкой, равно как нетерпеливость, нежертвенность, стремление самостоятельно принимать решения.

Сказки, где главным действующим лицом, — мужчина — это в основном сказки, в которых желанным «призом» герою становится невеста, а также прилагающиеся к ней богатство и признание (минимум, полцарства). Чтобы получить награду-приз за «правильное» соответствие стереотипному мужскому образу, богатырю требуется продемонстрировать

все свои умения — сразиться с Вихрем, Чудом-Юдом или иными волшебными силами, победить их и в конце концов получить свой «приз» («Два Ивана солдатских сына», «Медное, серебряное и золотое царство» и др.). Эти сказки — живое воплощение сказочного канона, задачей которого является пропаганда традиционного образа «настоящего мужчины», для которого уже изначально заготовлен «приз» в виде невесты (мнения последней, кстати, никто никогда не спрашивает).

Несколько особняком стоит в русских сказках такое качество русских молодцев, как лень. Ни в одной фольклорной традиции мира нет такого количества образов нетрудолюбивых мужичков, которые бы в финале бывали вознаграждены именно за неактивность и бездеятельность (Емеля, Иванушка-дурачок из сказки о Сивке-Бурке). Ленивым молодцам «полагаются» в сказках очень смышленные, умненькие героини, которые сами могут задать сложную задачу, наказать лжегероя, снабдить его волшебным средством (Пушкарева, 2001).

Родители и воспитатели, конечно же, не всегда в силах направить становление детского самосознания в то русло, в какое им представляется необходимым. На социализацию ребенка влияют многие факторы. Однако важно — приступая к чтению сказок своим детям и их сверстникам — ясно представлять себе, чего же все-таки мы хотим добиться в своем педагогическом порыве.

Группа социологов во главе с *Ленорой Вейтцман* (Weitzman, 1985) провела анализ ролей действующих лиц в наиболее широко распространенных дошкольных детских книгах, обнаружив существование некоторых четко выраженных ролевых различий в зависимости от пола персонажей. Мужчины играли в книгах гораздо большую роль, чем женщины. Их число превосходило количество женских персонажей в пропорции 11 : 1. Если в расчет принимались животные с явно выраженными признаками пола, эта пропорция возрастала до 95 : 1. Действия, которые выполняли мужские и женские персонажи, также сильно отличались. Юноши участвовали в увлекательных приключениях и разнообразных

переделках вне дома, требующих независимости и силы. В то же время персонажи-девушки, если они появлялись, показывались пассивными и, как правило, ограниченными рамками домашних дел. Они стряпали для мужчин, чинили их одежду либо просто ожидали их возвращения. Еще в большей степени такое положение дел было характерно для взрослых героев этих книг. Если женщина не выступала в роли жены или матери, она, скорее всего, являлась воображаемым созданием, например ведьмой или Богоматерью. Во всех проанализированных книгах не нашлось женского персонажа, который бы занимался чем-либо вне дома. Мужчины, напротив, изображались в самых разнообразных ролях — бойцов, королей, судей, полицейских и т. д. (см.: Гидденс, 1999. С. 159).

В учебниках для учащихся первого, третьего и пятого классов, несмотря на несексистские принципы издателей, мальчики и мужчины изображаются стереотипно: они агрессивны и склонны к соперничеству, любят спорить. Более того, отсутствие девочек и женщин в литературе само по себе содержит сообщение, что они не заслуживают того, чтобы их изображать.

П. Краб и Д. Билавски (Crabb, Bielawski, 1994) проанализировали, с какими предметами изображали мужчин и женщин в американском детском журнале, издававшемся с 1937 по 1989 г. На протяжении 53 лет выявилась одинаковая тенденция: женщин в большинстве случаев рисовали с предметами домашней утвари, а мужчин — с орудиями труда.

Описание роли и занятий женщин в современной литературе и журналистике для взрослых не отличается от такового в детской литературе. Н. Ажгихина (1996), проанализировав литературно-художественные советские журналы 1970—1980-х гг., установила, что характерной чертой прессы является жалость к женщине, которую эмансипация лишила женственности, и призывы вернуть женщину к ее «истинному предназначению». В последующие годы перестройки в литературных произведениях на место работницы и матери

пришла хорошенькая домохозяйка или юная фотомодель «без комплексов».

И. С. Клецина (1999) проанализировала описания мужчин, даваемые в феминистки ориентированных журналах и в обычных «женских» журналах. Оказалось, что образы мужчин в этих изданиях различны. В массовых «женских» журналах мужчины гораздо чаще, чем в феминистских изданиях, выполняют семейные и родственные роли, в определенной степени ведут себя пассивно, проявляют зависимость и неспособность справляться со сложными ситуациями, оказываются в роли жертвы обстоятельств, чаще изображаются в семейно-бытовой сфере и ассоциируются с детьми и детскими проблемами.

Т. Максимова (1998), анализируя содержание современных женских романов и журналов, приходит к выводу, что традиционные установки на женский инфантилизм сохраняются, женщина по-прежнему остается хранительницей домашнего очага, счастливой женой и матерью.

Та же тенденция имеется и в зарубежной прессе. Б. Фридан (1994), исследуя образы женщины и мужчины на страницах американских журналов, выяснила, что женщина в них — молодая и раскованная, женственная и воздушная, пассивная и веселая, довольная своим миром кухни и спальни, секса, детей и дома. Ее единственным стремлением является поиск мужчины. Работающая же женщина, хотя и умна, и хорошо образованна, честолюбива, привлекательна, но «неудачница» и до того «маскулинизирована» своей работой, что ее ущемленный, слабохарактерный и пассивный муж безразличен к ней как к женщине. Фотографии в прессе тоже по-разному отражают мужчин и женщин: у первых подчеркивается лицо (мужчины на них обычно изображаются от шеи и выше), а у вторых — тело. Это явление Арчер и его коллеги назвали *фейсизмом*. Как полагают авторы, такое изображение мужчин и женщин не случайно: голова и лицо являются «центром душевной жизни», в них локализуются интеллект, личность, идентичность и характер, которые СМИ

скорее ассоциируют с мужчинами, чем с женщинами. Это, как отмечает Ш. Берн, согласуется с данными экспериментов, показавших, что если делать акцент на лице человека, то испытуемые более высоко оценивают его ум, амбиции и внешность.

Вносит свой вклад в гендерную стереотипизацию и телевидение. Исследования зарубежных психологов, ведущиеся в течение всего периода существования телевидения, показали, что оно активно формирует взгляды людей на реальность и модели их поведения. И это неудивительно: в среднестатистической семье телевизор работает до семи часов в день. Женщины проводят перед телевизором больше времени, чем мужчины, дошкольники и пенсионеры, — больше школьников и работающих, а менее образованные больше тех, кто имеет высшее образование.

Интересные исследования были проведены американскими психологами Гербнером и Гроссом с коллегами (Growing ... 1994). Они приписывали телевидению уникальную способность изменять фундаментальные представления о природе социальной реальности. Оно обладает этим даром благодаря тому, что не только отражает status quo, но и многократно преувеличивает существующие тенденции, телевизионные образы кажутся реальными, а людям доступно широкое использование телевидения и возможность выбора. А. Бандура высказал идею, что телевидение вполне способно соперничать с родителями и учителями в качестве источника ролевых моделей для подражания. Исследования показали, что СМИ очень важны в гендерной социализации, а анализ информации, поступающей к нам по телевизионным каналам, продемонстрировал, что телевидение создает стереотипные, традиционные образы мужчин и женщин. Так, по данным М. Кимбалл (Kimball, 1986), у детей, которые смотрят телевизор, проявляется больше установок, соответствующих гендерным нормам, чем у их сверстников, которые не смотрят телевизор. В эксперименте Д. Рабле с коллегами ребенок меньше играл с нейтральной игрушкой после про-

смотр телевизиионного ролика, где с нею играл ребенок противоположного пола.

Н. Сигнорелли (Signorelly, 1989) провел анализ телевизионных программ, занимавших в течение 16 лет в эфире лучшее время. 71 % появлявшихся на экране людей и 69 % главных героев были мужчинами. Тенденция к выравниванию появления мужчин и женщин проявилась за это время лишь незначительно. Женщины были моложе мужчин, обладали привлекательной внешностью и мягким характером; их чаще показывали дома, в кругу семьи или в любовных сценах. Они же чаще оказывались в роли жертвы. Появлявшиеся на телеэкране мужчины имели, как правило, уважаемую профессию либо выполняли специфически мужскую работу (например, были полицейскими). Правда, в последние годы в американском кинематографе усиленно пропагандируется и женщина-полицейский. Однако это тот случай, когда жизнь в кино не соответствует реальности, как и то, что отрицательными персонажами сценаристы и режиссеры предпочитают делать мужчин.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению материала, выполните задание для самостоятельной работы 1, предложенное в конце главы.

Теперь полистайте журналы, такие как ЖЖ, «Лиза», «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar magazine». Обратите внимание на рекламу в этих журналах. Вы видели рекламные лозунги такого рода: «Удаление волос с тела навсегда», «Без всякой диеты я сменила размер от 56 до 44». Есть ли полные женщины в рекламе? Если вы все же видите полных женщин на фотографиях в журналах, изображают ли их рядом с мужчинами? Они улыбаются? Сидят в одиночестве? Они изображены вместе с другими полными женщинами?

Как пишут Ланис и Коуэлл (Lanis, Covell, 1995), в североамериканской культуре начиная с 1970 г. в рекламе стали гораздо чаще использовать женщин как сексуальный объект. Женщины редко имеют отношение к продукции; их изображают в рекламе только из-за физической привлекательности

и сексуальности. Например, на откидном верхе машины изображена женщина. Она не ведет машину, а соблазнительно лежит с бутылкой спиртного в руке. Хотя за последние пять десятилетий образы женщин в рекламе изменились, т.к. женщины не только укрепили свои позиции на рынке труда, но и начали занимать в нем места, которые раньше занимали в основном мужчины. И как следствие, образ идеальной женщины начал трансформироваться. Изменение демографических, экономических и социальных структур привлекло внимание общественности к изображению женщин в СМИ. В современной рекламе все чаще женщины представлены в различных профессиональных ролях, требующих принятия решений по различным вопросам и темам, и не только бытовым, гигиеническим и косметическим. Тем не менее в современных рекламах на 60 % больше, чем ранее, женщины выполняют чисто декоративную роль. Все чаще присутствие женщин в рекламе не имеет существенного отношения к продукции; более того, роль женщины заключается лишь в том, чтобы быть сексуальной и соблазнительной (Sullivan, O'Connor, 1988). Некоторые исследователи полагают, что повышенное внимание в рекламе к сексуальности и к сексуальному влечению достигло того уровня, который ранее можно было бы считать порнографическим (Hunt, Ruben, 1993).

Согласно Кэрол Таврис (Tavris, 1992), анализ телепередач, проведенный Бреттом Силверстайном в конце 80-х гг., показал, что худых женщин на телевидении 69 %, тогда как мужчин — всего 17,5 %. Д. Дэвис (Deivis, 1991) высказал мнение, что из всего этого складывается портрет молодой, сексуально привлекательной женщины, которая во многих программах служит скорее украшением, чем действующим лицом. Дэвис приходит к выводу, что такой телевизионный образ внушает нам, что женщина ценится, пока она молода и удовлетворяет принятым в данной культуре понятиям о красоте и женственности.

Поэтому обязанность женщин — оставаться молодыми и привлекательными, и они не должны позволять себе стареть. Морщины, седины или упитанной фигуры нужно избегать любой ценой. По крайней мере, до последнего времени женщины, которым явно за 30, и особенно те, кому за 50, были очень мало представлены на телевидении и в различных видах рекламы. Когда же их все-таки показывали, то часто как стереотипных «старушек», на которых никто не захочет стать похожим. Женщины в телерекламе моложе, чем мужчины (70 % против 40 % до 35 лет соответственно), — соотношение, не меняющееся с начала 70-х гг. Идеалом женской красоты, особенно в рекламе, является достаточно необычный тип фигуры, а именно очень высокий рост, очень худое тело и узкие бедра. Все эти характеристики одновременно присутствуют не более чем у 5 % взрослых женщин, но у фотомоделей обычно именно такое телосложение. Другая распространенная характеристика супермодели — большие груди — атрибут настолько редкий для этого типа фигуры, что, по крайней мере, один видный специалист в этой области пришел к выводу, что почти всегда они имплантированы (Харрис, 2003).

Девушки и женщины чувствуют неадекватность, сравнивая себя с образцами женственности в масс-медиа. Они не довольны своим телом, волосами, зубами, весом, размером груди, ростом. Когда у девушек-подростков в период созревания происходят нормальные физиологические изменения, например перераспределение веса, то они воспринимают это как ожирение и приходят к мысли, что нужно сесть на диету. Конечно, это не означает, что реклама становится причиной расстройства питания. Тем не менее женские образы в рекламе действительно разжигают ненависть девушек и женщин к собственному телу. Как отмечала Килбури (Kilbourne, 1999), рекламные образы формируют у женщин нездоровые и негуманные установки по отношению к питанию, собственной привлекательности и худощавости.

Многие девушки-подростки считают, что они слишком толсты, в отличие от них, мальчики редко испытывают подобные чувства. Поскольку в нашем обществе очень высоко ценится и вознаграждается красота, постольку нет ничего удивительного в том, что многие женщины стремятся иметь молодое и красивое тело. Один из способов добиться этого — похудеть. Поэтому женщины постоянно сидят на диетах и стараются быть похожими на «фотомодель»: они стремятся стать высокими блондинками на грани истощения.

Ответ на вопрос о том, зачем женщины наносят себе вред, пытаясь завоевать одобрение общества, заключается во взаимосвязи между успехом и женственностью. Например, Бретт Силверстайн и ее коллеги (Bingeing, purging ... 1988) указывали, что некоторые формы расстройств питания обусловлены представлениями женщин о том, что интеллектуальный и профессиональный успех женщины — это ее недостаток, а не достоинство. Лаура Браун утверждает, что женский страх перед полнотой, искаженное представление о собственном теле и плохое питание — результат конфликта между желанием быть здоровой и следованием принципам, основанным на мужских предубеждениях, определяющих поведение женщин: «маленькая — значит красивая», «женщинам нельзя открыто проявлять свою силу и власть».

Итак, многие женщины считают, что лишний вес отталкивает друзей, особенно приятелей мужского пола и сексуальных партнеров. Некоторые психологи указывают, что люди негативно относятся к располневшим женщинам (и сами располневшие женщины начинают хуже относиться к самим себе, когда набирают вес). Эстер Ротблум и Сандра Соловей (Rothblum, Solovay, 2009) провели обзор исследований, изучавших установки по отношению к полным женщинам. Они обнаружили:

- 1) студенты колледжа считают, что полные женщины менее активны, не так умны, трудолюбивы, успешны, спортивные, популярны, как стройные женщины;

- 2) когда студентов просили оценить категории людей в качестве возможных партнеров по браку, то они ответили, что скорее женятся на растратчице, воровке и слепой женщине, чем на толстушке;
- 3) хозяева домов и квартир реже сдают квартиры и дома полным, чем неполным женщинам;
- 4) врачи считают полных женщин слабовольными и неуклюжими.

Наше общество одержимо внешностью «супермодели», а для женщин такая популярность красоты приводит к тому, что у девушек развивается сильный страх перед лишним весом, потому что они боятся быть отвергнутыми.

Представления о привлекательном варьируются в зависимости от культуры и исторического периода. В некоторых культурах считаются привлекательными шрамы на лице, в других — отвисшая грудь. Что в наше время считается красивым у женщин в нашем обществе? Если мы обратимся к СМИ, то увидим модели высоких и стройных женщин, у них совершенно нет морщин, маленькие бедра и талии, грудь от среднего размера до большого и европейские черты лица. Современных женщин постоянно «атакует» фантастично стройная, вечно молодая и идеальная женщина.

Прямые и косвенные сообщения в СМИ, касающиеся женщин и их роли во взаимоотношениях на работе или с сексуальными партнерами, деструктивны для здоровья девушек и женщин. По-видимому, пока в нашем обществе основным критерием красоты останется стройность, многие женщины будут рисковать своим здоровьем и притерпеться о себе низкого мнения.

Исследования в нашей стране по этой проблеме носят скорее характер наблюдения. А. Криволап провел анализ передач белорусского телевидения. Он говорит о том, что белорусское телевидение не акцентирует свое внимание на гендерных вопросах или по крайней мере делает вид, что гендерной проблемы у нас не существует. Оперирование «мужчинами!» и «жанчынамі!» в дискурсе масс-медиа не предпола-

гает различия между биологическим и социальным полами. Периодически дикторы и корреспонденты, вслед за высокопоставленными чиновниками, рассказывают о «белорусской женщине» — новом социокультурном феномене постсоветской действительности. Удивительное дело, но высказывания о «белорусских мужчинах» вообще никогда не звучат, хотя они и не менее нелепы, чем словосочетание «белорусская женщина». При этом новости, связанные с вопросами политики, экономики, технологии, науки, репрезентированы в основном как сугубо маскулинные сферы деятельности.

По-разному представляются и основные социальные роли мужчин и женщин; особенно это проявляется в «мужских» и «женских» профессиях, которые репрезентируются в новостях. Интересен такой пример: в настоящее время вместо идеи о социалистическом равенстве всех граждан, независимо от пола (которая пропагандировалась в СССР), появилась новая: долг мужчины — служба в армии, защита Родины, долг женщины — рожать, в том числе и защитников. Если вдруг возникает некое противоречие (например, женщина служит в армии), то это объясняется тем, что она помогает служить мужчинам, т. е. не на равных, а на второстепенных ролях. Хотя идея такого разделения общества не нова. В целом телевизионные информационные программы ориентированы на мужскую аудиторию, что проявляется и в подборе репрезентируемых событий, и в способе организации материала с его жесткой односторонностью, и в отсутствии признания, кроме маскулинных, иных интересов, иной версии главных новостей дня.

Контент-анализ рекламных роликов на телевидении показал, что их создатели, изображая мужчин и женщин, также широко используют гендерные стереотипы. В исследованиях подобного властный голос в рекламе всегда принадлежит мужчине, подавляющее большинство роликов с участием женщин рекламируют товары для дома, а диапазон занятий для мужчин в рекламных роликах в три раза шире, чем для женщин. Д. Бретл и Дж. Кантор (Bretl, Cantor, 1988)

подсчитали, что средний американец в неделю успевает просмотреть примерно 714 рекламных роликов. Л. Стрейт (Strate, 1992), проведя всеобъемлющий анализ рекламы пива, пришел к выводу, что подобные ролики эксплуатируют традиционный образ мужественности, указывая, что именно надо делать (в том числе и пить пиво), чтобы стать настоящим мужчиной.

При анализе изображений в рекламе потребителей и потребительниц, передаваемой по Британскому телевидению, было выявлено, что мужчины чаще всего изображаются как рассуждающие и оценивающие товар, понимающие объективные причины его покупки, занимающие автономные роли и собирающиеся практически использовать приобретаемые предметы; женщины, напротив, не как обсуждающие и оценивающие достоинства приобретаемого товара, а как движимые субъективными причинами в его приобретении (эмоциями и желаниями), занимающие зависимые и дополнительные роли (жены, любовницы, подруги) и связанные с социально престижным и символическим значением покупаемых предметов.

А. Юрчак (1997), проанализировав российскую рекламную продукцию, выделил два основных типа рекламных историй: *романтические* и *семейные*. В первых историях мужчина всегда профессионал, занятый напряженным делом, обычно напоминающим борьбу (политика, спорт, бизнес). Благодаря своим знаниям, уму, ловкости и смелости он выходит из этой борьбы победителем. Женщина не только не принимает в ней участия, но и попросту отсутствует в тех местах рекламного ролика, где эта борьба происходит. «Настоящая женщина» в это время занята самоукрашением, ведь главным ценителем ее внешности является мужчина. Таким образом, все усилия женщины направлены на то, чтобы ее заметили и оценили. Даже деловые женщины не забывают о своем «женском предназначении» — всегда прекрасно выглядеть, оставаться объектом созерцания и восхищения.

В семейных историях деятельность женщины ограничивается семьей. Она лечит, стирает, чистит раковину и газовую плиту, готовит вкусные блюда и с нетерпением ждет мужа. Реклама нередко изображает женщин чрезвычайно озабоченными или даже одержимыми такими проблемами, как невыстиранное белье или грязная посуда. Образы женщины, сжимающей в руке туалетную бумагу или отчитывающей других за испачканную одежду, подтверждают это правило. Муж же внутри семейного пространства пользуется трудом женщины, а бойцовские и профессиональные качества проявляет вне дома.

Цельный мужской персонаж — редкий гость в рекламе разнообразных средств для домашнего обихода. Мужское тело, появляющееся здесь, всегда отмечено неким изъяном, едва заметным недостатком, который при этом можно легко и почти безболезненно устранить. Так, мужчина в рекламных сюжетах либо страдает от голода, и тогда женщина преподносит ему дымящуюся тарелку супа, либо он является жертвой неких агрессивных сил, атакующих его тело извне (например, простуды, бактерий, вызывающих неприятный запах, или же перхоти, засыпающей плечи его черного костюма), и тогда женщина самоотверженно вступает в противоборство с угрожающими его существованию силами. Вся эта стимулированная разнообразными средствами борьба, ведущаяся против полчищ зловещих бактерий и микробов, невидимых глазу и прячущихся в труднодоступных местах (подмышки, кожа головы, пространство между зубами), скрывает за своей симуляционной активностью ту настоящую борьбу, которая разворачивается на рекламной сцене. Перманентные победы, одерживаемые женщиной в локальном пространстве дома, призваны здесь компенсировать ее полную зависимость от этого пространства, вне которого она вряд ли могла бы существовать.

Таким образом, какая бы история ни рассказывалась в рекламном ролике, образ женщины подается как зависимый от мужчины, слабый, самореализующийся либо в домашних

хлопотах, либо в обеспечении своей привлекательности. Мужчина же подается как лидер, сильный, агрессивный, подчиняющий себе других ради утверждения своего «Я».

А. Айзенштадт (2002) провел контент-анализ содержания журнала «Лиза» за 2001 г., который показал, что основными темами журнала являются: мода и красота (30,4 % объема), домашнее хозяйство (14,1 %), кулинария (13,0 %), здоровье (8,8 %), кино, театр, эстрада (7,6 %), любовь и семья (5,4 %), кроссворды (5,4 %), путешествия (4,3 %), домашние питомцы (2,2 %), гороскопы (2,2 %), остальные сюжеты (6,6 %). Тем, связанных с бизнесом, образованием, политикой, литературой, спортом, историей, обнаружено не было. Видимо, эти сюжеты современную женщину не интересуют либо не должны интересовать. Автор приводит примеры советов, которые даются женщинам в журнале «Лиза»: «Как бы ни возмущались феминистки, а роли мужчины и женщины на первом этапе их романа определены природой! Он — охотник, ну а она — добыча... О какой бы чепухе он ни говорил, слушайте с внимательным лицом, поддакивайте иногда и ни в коем случае не спорьте с ним — мужчины этого не любят!» (Там же. С. 445). А. О. Шатова (2009), изучая материалы журнала «Cosmopolitan», также указывает, что в журнале есть разделы, посвященные моде, уходу за собой, отношениям с мужчинами, диетам и кулинарии. И отмечает, что т.к. целевая аудитория журнала — это молодые девушки, то больше места отводится таким темам, как вопросы здоровья, секс, путешествия, светские мероприятия, жизнь знаменитостей. Причем эти рубрики многочисленны и повторяются из номера в номер. На страницах «Cosmo» можно увидеть исключительно красивых, стильных, успешных и довольных жизнью девушек — и женщины, покупающие этот журнал, начинают поневоле отождествлять себя с ними. Журнал рисует идеальный образ «девушки в стиле “Cosmo”», на которую хочет быть похожа каждая читательница. Покупка нового номера становится шагом на пути к мечте. Создается иллю-

зия, что, купив журнал, она общается к этим красивым и успешным женщинам.

Не менее интересный анализ журналов для мужчин провела Н. Кулинка (2002). Автор указывает, что журналы представляют активность и деятельность. Так, практически на всех фотографиях журнала «Медведь» мужчина запечатлен в движении: он идет, останавливает такси, поправляет одежду, жестикулирует. Для образа мужского мира характерна акцентированность внимания на профессиональной деятельности. В сознание читателей внедряется мысль о том, что мужчина должен много работать, стать профессионалом и это позволит ему добиться финансового успеха. Также проводится мысль, что жизнь — это игра, в которой можно все, что приносит удовольствие. А. О. Шатова (2009), анализируя мужской журнал «MAXIM», говорит о том, что хотя в журнале существует ряд постоянных рубрик, тем не менее большинство статей обусловлены общей темой номера. Например, несколько номеров были посвящены мировым религиям: христианству, исламу, буддизму или чемпионату мира по футболу. И делает вывод, что мужчин интересуют больше события внешнего мира, чем самоанализ, что укладывается в рамки гендерных стереотипов: женщина показывается такой «домашней кошечкой», склонной к размышлениям и мечтаньям, несмотря на существующие амбиции, а мужчина позиционируется как неукротимый искатель, жаждущий приключений, даже если эти приключения кончаются на журнальных страницах. Журнал эксплуатирует женскую сексуальность. В нем большое количество фотографий полуобнаженных моделей, в то время как мужские образы идеализируются редко. Так у читателя создается впечатление, что, даже будучи обычным мужчиной, не вставая с дивана, он может обладать этими женщинами.

Если СМИ, в частности реклама, и влияют на формирование гендерных стереотипов, то это происходит непреднамеренно, как бы вторично. Самоцелью же рекламы является адресация того или иного товара тому потенциальному

потребителю, который им пользуется чаще всего. Э. Аронсон и Э. Р. Пратканис (2002) приводят результаты одного из исследований с использованием рекламы, в котором роль женщины была показана по-разному. В одной группе испытуемым демонстрировали телевизионные рекламные ролики, в которых женщины изображались как сексуальные объекты или же послушные домашние хозяйки, старающиеся угодить любому желанию мужчины. Другая группа испытуемых смотрела рекламные сюжеты, в которых роли мужчины и женщины были противоположны традиционным: например, показывали мужчину, который гордо угощал жену, только что возвратившуюся с работы, приготовленным им самим блюдом. Когда испытуемых после просмотра попросили представить и описать свою жизнь через 10 лет, испытуемые-женщины из первой группы были более склонны в своей будущей жизни не подчеркивать темы профессиональной карьеры и других жизненных достижений, а испытуемые-женщины из второй группы обнаружили стремление к достижению успеха столь же высокое, что и испытуемые-мужчины.

Студентами-психологами, в рамках работы проблемной группы «Гендерные исследования в психологии» (кафедра прикладной психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка) под руководством Л. Г. Степановой, было проведено исследование, посвященное изучению отношения мужчин и женщин к современной рекламе. Была разработана анкета, содержащая стимульный материал — рекламные буклеты, которые были разделены на гендерно-нейтральные (например, реклама сотовой связи МТС, Velcom), традиционно-мужские (например, реклама офисной техники), традиционно-женские (например, реклама стирального порошка) и нетрадиционные (например, муж готовит блюдо и ждет прихода жены).

Результаты исследования выявили следующее:

- 1) на нетрадиционную рекламу отрицательно отреагировали 80 % мужчин и 81 % женщин;
- 2) на традиционно-женскую рекламу отрицательно отреагировали лишь 7 % женщин и ни одного мужчины, а положительно — 80 % мужчин и 93 % женщин;
- 3) на традиционно-мужскую рекламу ни один участник опроса не ответил отрицательно, а положительно — 70 % мужчин и 81 % женщин;
- 4) на гендерно-нейтральную рекламу также ни один участник опроса не отреагировал отрицательно, положительно — 50 % мужчин и 53 % женщин, остальные — нейтрально.

Поскольку, как правило, в рекламных мини-сюжетах воспроизводятся ситуации повседневной жизни, постольку в сознании и подсознании потенциального потребителя «закрепляется» «естественность» и нормативность рекламируемых поведенческих моделей (Юрчак, 2000).

Таким образом, СМИ играют огромную роль в формировании и поддержании традиционных образов мужчин и женщин. Мужчина в основном объект, женщина — субъект сексуальных взаимоотношений, женщина больше занята в сфере обслуживания семьи, мужчина — в профессиональной сфере. Фемининность мужчины порицается прессой. Традиционные гендерные стереотипы, транслируемые через СМИ, ограничивают развитие не только женщин, но и мужчин. Как считают исследователи, они служат источником гендерной напряженности в воспитании мальчиков и девочек.

В целом наличие в обществе гендерных стереотипов и тиражирование их в СМИ может играть достаточно негативную роль. Она проявляется в следующем. Во-первых, из-за распространенности этих стереотипов реально существующие различия между женщинами и мужчинами могут быть непомерно раздуты и искажены. Во-вторых, в СМИ дается и навязывается потребителю различная оценка одних и тех же

поступков в зависимости от того, лицо какого пола их совершает — мужского или женского. Такое манипулирование сознанием искажает реальные поступки людей. В-третьих, стереотипы тормозят развитие в людях тех качеств мышления и поведения, которые не соответствуют тому или иному гендерному стереотипу.

7.5. Образование: гендерные аспекты

Несмотря на существование единой школьной системы с едиными общими требованиями к знаниям и поведению мальчиков и девочек, можно заметить значительные различия в предлагаемых в школьной литературе образцах поведения для мальчиков и девочек, а также в конкретном отношении педагогов к представителям двух полов.

Так, Л. В. Попова (1996) на основании проведенного исследования показала, что у большинства педагогов существуют базирующиеся на культурных стереотипах установки в отношении таких присущих девочкам качеств, как усидчивость, внимательность, стремление к зазубриванию материала, и, в свою очередь, уверенность в том, что мальчикам присущи такие качества, как небрежность, сообразительность, склонность к построению логических цепочек. Следствием этого является меньшая требовательность к дисциплине мальчиков в сочетании с предоставлением им больших возможностей для обдумывания ответа. От девочек обычно ожидается повышенная аккуратность в письменных работах, им предоставляется меньше времени на обдумывание при ответе на устные вопросы.

Не меньшее значение имеет сама организация учебного процесса в школе (кому — мальчикам или девочкам чаще поручают раздавать тетради или мыть пол) и особенно оформление школьных учебников. Казалось бы, подача материала в школьных учебниках является гендерно-нейтральной, однако даже в учебниках по точным наукам можно встретить стереотипные представления о женских и мужских ролях.

В статье Л. Поповой и Н. Орешкиной, проанализировавших в 1995 г. российские учебники для начальной школы, говорится: «На иллюстрациях в 66 % изображены только мальчики и мужчины, тогда как только девочки и женщины присутствуют на 13,6 % картинок... В подавляющем числе иллюстраций, рассказов, упражнений женские персонажи наделены стереотипными характеристиками — их спасают, защищают, поучают» (1995. С. 44). В результате этой диспропорции «мальчики получают явное преимущество “найти себя” на страницах школьных учебников... в то время как девочки не находят для себя ролевых моделей» (Там же. С. 20).

И. С. Клецина и Н. Н. Оболенцева (1998) проанализировали иллюстрации пяти учебников для 1—2-х классов общеобразовательной школы и выявили, что общее количество изображений лиц мужского пола превышает количество изображений лиц женского пола в 2 раза. Мужчины и мальчики в основном представлены занимающимися инструментальной деятельностью, кроме того, они чаще, чем женщины и девочки, изображены в ситуации отдыха.

На примере смысловой части арифметических задач для младших школьников особенно ясно видно, что знание, которое ребенок получает в школе, не столько «объективно», сколько проникнуто определенными клише и стереотипами. Вот несколько примеров задач по математике из учебника для 1-го класса трехлетней начальной школы (1997), которые закрепляют гендерные стереотипы: «Юля вымыла 8 тарелок, а Ира 10 тарелок. На сколько тарелок больше вымыла Ира?», «Оля выстирала 4 платья, а кофточек на 3 больше, чем платьев. Сколько всего вещей выстирала Оля?», «Миша купил 5 крючков для ловли рыбы по 3 р. за штуку. Сколько рублей уплатил Миша за все крючки?» (см.: Введение в гендерные исследования, 2005. С. 190).

Как видно, в этих задачах девочки занимаются традиционной домашней работой, а мальчик покупает крючки, чтобы заняться своим хобби. Другие задачи не столь откровен-

ны, но тоже могут быть расценены как проявление половой дискриминации. Когда речь идет о «людях вообще», в задаче всегда говорят о мужчинах (условие задачи звучит так: «Длина шага взрослого мужчины — 72 см, а мальчика — 50 см»). Сложно представить, чтобы в аналогичной задаче сравнивалась длина шага взрослой женщины и девочки.

Тот же самый учебник, однако, включает и «эгалитарные задачи», где девочки и мальчики предстают занятыми совместной деятельностью и достигающими одинаковых результатов: «На школьном дворе убрали снег 9 школьников, к ним на помощь подошли еще 3 мальчика, а потом еще 3 девочки. Сколько всего ребят стали убирать снег на школьном дворе?», «Мальчики сделали 6 кормушек для птиц, и девочки — столько же. 7 кормушек повесили. Сколько кормушек осталось повесить?» (см.: Введение в гендерные исследования, 2005. С. 191).

Если мы возьмем учебники истории для старших классов, то увидим, что почти все упомянутые там исторические лица — мужчины. Как показано в одном исследовании, единственная женщина, которая попала в число 33 наиболее часто упоминаемых исторических лиц, — Екатерина II (34 упоминания, 16-е место) (см.: Храпов, 1990. С. 62). Это обусловлено самим подходом к школьной истории как истории войн и династий. В такую «историю» женщины попадают только случайно.

Е. Р. Ярская-Смирнова, проводя гендерный анализ учебных материалов, применяемых в обучении на уровне среднего специального и высшего образования, обнаружила интересные особенности. Мужчины изображаются как норма, они активны и успешны, а женщины являются «невидимками» (их просто нет, они отсутствуют в репрезентации) или пассивными и зависимыми. Например, иллюстрации в учебнике анатомии осуществляются только на основе мужского тела (кроме изображения половой системы) (см.: 2001. С. 105).

Книга А. Мишель «Долой стереотипы!» содержит в качестве приложения так называемое «Руководство Макгроу-Хилла

по равному обращению с обоими полами в школьных учебниках». Здесь даны следующие рекомендации: «Следует показывать и женщин, и мужчин — инженерами, пилотами, водопроводчиками... или же... работниками яслей и детских садов». Женщин также необходимо показывать в качестве руководителей; не все женщины выходят замуж или рожают детей. «Женщин и девочек необходимо отображать такими же независимыми, активными... как и мужчин, и мальчиков... Время от времени необходимо показывать мужчин молчаливых, пассивных или боязливых и нерешительных, нелогичных, незрелых и вместе с тем женщин агрессивных, бесчувственных, жестоких» (Мишель, 1991. С. 118). Эти рекомендации, однако, означают механическое уравнивание полов и едва ли могут способствовать улучшению климата отношений между ними. Скорее не нужно показывать жестоких мужчин и боязливых женщин.

Помимо содержания школьных программ, фактором, способствующим закреплению у детей стереотипных представлений о мужских и женских социальных ролях, является *поведение самого учителя* по отношению к мальчикам и девочкам в классе. Очень часто учитель неосознанно совершает поступки, влияющие на представления детей о гендерных ролях. Вот пример из британской школьной практики. Дети должны были написать небольшие рассказы о динозаврах и нарисовать их. Когда девочки возмутились, что это «тема для мальчиков», учитель поддержал их, сказав: «Хорошо, попозже мы займемся чем-нибудь вроде домиков и цветов». Так с подачи учителя происходит закрепление определенного стереотипа.

Какими словами учитель обращается к мальчикам и девочкам, какие поступки он поощряет и за какие наказывает, — все это ориентирует мальчиков на внесемейную, девочек — на внутрисемейную деятельность. Судьба девочек обычно определяется учителями исключительно в терминах «Когда ты выйдешь замуж», «Когда у тебя будут свои дети», что мальчикам обычно говорят только в шутку. Для многих

учительниц характерно повышено бережное отношение к девочкам («Не поднимай тяжести, не сиди на холодном, не кури — ты ведь девочка, тебе рожать»; никто не скажет мальчику: «Не сиди за компьютером, тебе быть отцом»), которое способствует закреплению у подростков убеждения, что «биология — это судьба».

В 1982 г. Р. Холл и Б. Сэндлер (Hall, Sandler, 1982) провели первое исследование вербальных и невербальных коммуникационных практик в образовании. Это исследование стало классическим образцом подобных проектов. Было показано, в частности, что господствующие формы преподавания опираются на маскулинные способы общения. Так, Л. В. Попова отмечает, что девочек обычно побуждают отходить на второй план в образовательном процессе, а мальчиков поощряют быть активными. Это проявляется в том, что мальчикам уделяется больше учительского времени, а от девочек в основном требуют аккуратности и послушности, а не инициативы. Проступки мальчиков, мелкие нарушения дисциплины легче прощаются мальчикам, нежели девочкам. Л. В. Попова выделяет и еще несколько стереотипных ситуаций:

1. Во время урока учителя в первую очередь отвечают на вопросы мальчиков, реагируют на их поднятые руки; ответы девочек с места принимаются реже, их вопросы чаще оставляют без внимания. Учителя дают больше времени на ответ мальчику, т. к. считают, что он может сообразить на месте. Такое неравномерное распределение внимания приводит к тому, что у девочек развивается модель поведения, основанная на послушании, ориентация на как можно более точное воспроизведение; в результате они боятся совершить ошибку или привлечь к себе внимание.
2. По-разному объясняют учителя успехи и неудачи своих подопечных: успех девочек объясняется отсутствием способностей, а успех мальчиков — недостатком трудолюбия, усилий по конкретному предмету.

3. С раннего детства девочек ориентируют на межличностные отношения, на других людей. Благодаря этому у них развивается высокая чувствительность к отношениям и ожиданиям других людей, особенно к мнению значимых людей. Девочки быстро понимают, что ждет от них конкретный учитель, какое поведение одобряется. Высокоразвитая способность к социальной адаптации толкает девочек на то, чтобы соответствовать модели поведения, которую прямо или косвенно поощряет учитель. Для способных девочек довольно типичным является следующее поведение: когда они попадают в группу, класс, то не спешат демонстрировать свои умения, а вначале внимательно присматриваются к тому, что одобряет или не одобряет учительница, как ведут себя остальные дети. Девочка легко адаптируется к прямым и косвенным указаниям. В результате поведение девочки затрудняет определение ее умений и возможностей, подбор нужного уровня обучения.
4. Поведение мальчика разворачивается по иному сценарию. Как правило, он сразу пытается продемонстрировать свои умения, знания, достижения. Если занятия в классе ему не интересны из-за их легкости или трудности, мальчик чаще начинает нарушать дисциплину, отвлекаться. Девочка в таких условиях более терпелива (см.: Практикум ... 2003, С. 377).

Существование и глубокие корни гендерных стереотипов в системе школьного образования привели некоторых педагогов к мысли, что для самореализации девочек и мальчиков полезнее раздельное обучение хотя бы по некоторым дисциплинам. Это могло бы помочь девочкам снять страх перед точными и естественными науками как перед чисто мужской сферой, а мальчикам — продвинуться в иностранных языках и других гуманитарных науках. До сих пор в наших школах проходят раздельные уроки труда для мальчиков и девочек: девочки готовят, вяжут, шьют; мальчики строгают, пилят, сколачивают. Таким образом, детей готовят выполнять в обществе традиционные

профессиональные и семейные роли. Но надо заметить, что обучение детей обоего пола как пришить пуговицу, так и забить гвоздь, несомненно, способствовало бы их лучшей адаптации в современной жизни.

Традиционная гендерная социализация девочек и мальчиков, в которой активно участвует школа, продолжает воспроизводить патриархатные стереотипы взаимодействия полов в общественной и приватной сферах. Патриархатные стереотипы все чаще вступают в противоречие с реальными трансформациями гендерных отношений в современном обществе, становятся препятствием для раскрытия индивидуальностей, равноправия полов, устойчивого развития демократических отношений. Школа должна давать ученикам возможность развивать индивидуальные способности и интересы, независимо от принадлежности к тому или иному полу, противостоять традиционным стандартам в отношении полов. Л. В. Попова подчеркивает, что нет нужды делать девочек более похожими на мальчиков или наоборот (см.: 2001. С. 48). Цель усилий в том, чтобы помочь и мальчикам, и девочкам стать счастливыми людьми, наиболее полно реализующими свои способности и особенности, получающими удовлетворение от своей жизни, уверенными в себе и своем будущем.

В том же русле трактуется и категория гендерного равенства — это равное социальное положение, независимость, ответственность и участие обоих полов во всех сферах общественной и частной жизни. Данное понятие не включает в себя равенства физических сил мужчин и женщин, не ставит своей целью идентифицировать мужчину с женщиной; из него исключаются объективные физические различия, связанные с принадлежностью к разным полам. Центральной идеей гендерного равенства является идея равного всеобъемлющего участия женщин и мужчин в жизни общества. По-другому этот же факт можно назвать полноправием: и мужчина, и женщина имеют одинаковый набор прав (см.: Практикум ... 2003. С. 374).

Отечественные исследования показывают, что наши соотечественники среди школьных предметов важнейшими для мальчиков считают математику, физику, физкультуру, компьютерные знания, а для девочек — домоводство, литературу и историю, этику и психологию семейной жизни, половое воспитание. И. С. Клецина подчеркивает, что особые сложности с социализацией возникают у девочек, желающих заниматься математикой, физикой, информатикой, т. е. теми сферами деятельности, которые считаются исключительно мужскими. В подростковом возрасте девочки оказываются перед дилеммой: развивать ли свои способности дальше или отдать предпочтение общепринятым нормам и стандартам поведения, чтобы быть принятыми окружающими. Исследования Мирры Комаровски (конец 1940-х гг.) выявили следующие результаты: умные девушки предпочитают казаться глупее и инфантильнее мужчин, чтобы не прослыть «неженственными». Она назвала это «правилом быть на два шага позади мужчины». Очевидно, что из-за такого жесткого применения гендерных стереотипов общество теряет значительные человеческие потенции: девушки отказываются воплощать свои способности. От неадекватно жесткого распределения половых ролей страдают и мальчики: агрессивность и стремление достичь цели, которых общество требует от мужчин, сокращает их жизнь по сравнению с женщинами, ведет к большей преступности и количеству самоубийств. Общество с самого детства как бы ставит перед мальчиками более высокую планку. В то же время на уровне межличностных отношений мужчины имеют гораздо менее близкие связи и контакты с друзьями, родителями, детьми — действует традиционное гендерное «табу» на мужскую эмоциональность.

Таким образом, школа как один из основных институтов гендерной социализации сегодня активно воспроизводит сложившиеся веками стереотипы. Какую же альтернативу может предложить гендерный подход? На сегодняшний день выделено несколько направлений работы с детьми по допол-

нению и расширению возможностей их социализации (см.: Практикум ... 2003. С. 377):

- дополнение зон самореализации детей (например, поощрять у девочек занятия спортом, а у мальчиков — самообслуживание);
- организация опыта равноправного сотрудничества мальчиков и девочек в совместной деятельности;
- снятие традиционных культурных запретов на эмоциональное самовыражение мальчиков, поощрение их к выражению чувств;
- формирование у девочек опыта самоощернения и повышения самооценки (например, технология дневника с фиксированием успехов);
- создание условий для тренировки межполовой чувствительности (например, через театрализацию, обмен ролями);
- привлечение обоих родителей (а не только матерей) к воспитанию детей.

Таким образом, гендерный подход в педагогике и образовании — это индивидуальный подход к проявлению ребенком своей идентичности. Этот подход дает человеку большую свободу выбора и самореализации, помогает быть достаточно гибким и уметь использовать разные возможности поведения.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое социализация и гендерная социализация?
2. Как вы считаете, когда начинается процесс гендерной социализации человека?
3. В каких сферах жизнедеятельности человека происходит процесс социализации?
4. Насколько сильно родители влияют на процесс гендерной социализации?
5. Какие ценности прививаются в детском саду и школе? Отличаются ли подходы к воспитанию и обучению мальчиков и девочек?

6. В чем заключается различие между гендерными ролями и гендерной идентификацией?
7. Вспомните какие-либо обстоятельства вашего детства, когда вы усвоили те или иные представления о различии гендерных ролей. В каком возрасте это происходило?
8. Влияют ли на результаты гендерной социализации особенности культурных традиций?
9. Каковы наиболее распространенные образы мужчин и женщин в современных СМИ?
10. Почему девушки-подростки и взрослые женщины часто придерживаются строгой диеты?
11. Существует ли дискриминация женщин? Если да, то в каких сферах жизнедеятельности?
12. Существует ли дискриминация мужчин? Если да, то в каких сферах жизнедеятельности? Мешает ли дискриминация свободному развитию мужчины и женщины?
13. В чем суть гендерного подхода в образовании?

Задания для самостоятельной работы

1. Возьмите ручку и лист бумаги и письменно выполните следующее:
 - а) Перечислите три характеристики, которые вам нравятся в вашем теле. Почему они вам нравятся?
 - б) Теперь перечислите три характеристики, которые вам не нравятся в вашем теле. Почему они вам не нравятся?
 - в) Вы считаете, что ваши представления сформированы на основании культурных норм красоты и привлекательности? Почему?
 - г) Вы считаете себя:
 - худым (-ой),
 - слишком полным (-ой),
 - у вас нормальный вес.
 - д) Если вы считаете, что у вас избыточный вес, сколько килограммов, как вам кажется, вам надо сбросить? Вы спрашивали у врача о том, какой вес для вас идеален? Почему?
2. Вспомните какие-либо обстоятельства вашего детства, когда вы усвоили те или иные представления о различии гендерных ролей. В каком возрасте это происходило?

3. В чем, по вашему мнению, заключаются отличия воспитательного воздействия мужчины и женщины на ребенка (проблема «мужского» и «женского» воспитания)?

Характеристики «женского» воспитания	Характеристики «мужского» воспитания

4. В чем, по вашему мнению, заключается педагогическая роль матери и отца в воспитании детей?

Педагогическая роль			
матери		отца	
в воспитании дочери	в воспитании сына	в воспитании дочери	в воспитании сына

5. Как вы сами узнали о том, что вкладывается в понятия «женственность» и «мужественность»?
6. Посмотрите по учебнику математики для младших классов, в каком контексте и сколько раз в задачах упоминаются мальчики и девочки? Какие гендерные стереотипы в этом проявляются?
7. По учебнику истории для средних или старших классов посмотрите, как часто среди исторических личностей упоминаются мужчины, женщины. Почему это происходит?
8. Как представлены мужчины и женщины, девочки и мальчики в сказках? Сильно ли отличаются роли мужчин и женщин в сказках? Какими сказки учат быть девочек? Мальчиков?
9. Возьмите несколько журналов для женщин и для мужчин, определите тематику публикаций для тех и других. Каким образом проявляются гендерные стереотипы в данных публикациях?
10. Каким образом отражаются гендерные стереотипы в печатной рекламе (журналы, газеты, рекламные щиты)?
11. Прочитайте рекламу, адресованную женщинам в различных глянцевого журналов (например, ЖЖ, «Лиза», «Cosmopolitan», «Harper's Bazaar magazine»), и проанализируйте, какими должны быть женщины исходя из этого?

Литература

1. Ариес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Ариес. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.
2. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2001.
3. Введение в гендерные исследования / под общ. ред. И. В. Костиковой. — М. : Аспект-Пресс, 2005.
4. Ильин, Е. П. Дифференцированная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2002.
5. Клецина, И. С. Гендерная социализация / И. С. Клецина. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
6. Кон, И. С. Ребенок и общество / И. С. Кон. — М. : Наука, 1988.
7. Кочубей, Б. И. Мужчина и ребенок / Б. И. Кочубей. — М. : Знание, 1990.
8. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид ; пер. с англ. Ю. А. Асеева. — М. : Наука, 1988.
9. Мишель, А. Долой стереотипы! Преодолеть сексизм в школьных учебниках / А. Мишель. — Париж : ЮНЕСКО, 1991.
10. Попова, Л. В. Гендерная социализация в детстве (или Что нужно знать воспитателям о том, как девочки и мальчики научаются «быть женщинами и мужчинами») / Л. В. Попова // Гендерный подход в дошкольной педагогике : теория и практика / под ред. Л. В. Штылевой. — Мурманск, 2001. — С. 40—47.
11. Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. — СПб. : Питер, 2003.

Глава 8. Гендерные отношения в межличностном взаимодействии

Гендерные отношения являются разновидностью социально-психологических отношений, поэтому они имеют сходные с этими отношениями характеристик. К ним И. С. Клецина относит: гендерные представления, стереотипы, установки и гендерную идентичность личности или групп, которые представляют собой разновидность социальных представлений, стереотипов, установок и социальной идентичности. В гендерных представлениях, стереотипах, установках и составляющих социальной идентичности субъектов отношений отражены сложившиеся в обществе нормативные взгляды относительно статуса мужчин и женщин, их психологических характеристик и особенностей поведения.

Гендерные представления, стереотипы, установки и идентичность личности или группы выступают не только как детерминанты гендерных отношений, они могут играть роль строителей отношений, конструируя и создавая их определенные поведенческие модели. Функционирующие в обществе гендерные представления, стереотипы, установки как отражение общественного сознания по поводу социальных ролей и статусов мужчин и женщин, различных аспектов их взаимодействия усваиваются индивидами как субъектами гендерных отношений. Эти гендерные представления, стереотипы, установки начинают влиять на реальные практики межполового взаимодействия, т. е. конструировать поведенческие модели гендерных отношений.

Гендерные отношения в системе межличностного взаимодействия — это отношения между субъектами разного пола. Гендерные отношения в сфере межличностного взаимодействия разнообразны. Это дружеские и любовные отношения между юношами и девушками, мужчинами и женщи-

нами, это внутрисемейные отношения между мужем и женой, отцом и дочерью, матерью и сыном. Гендерные отношения, так же как и иные виды межличностных отношений, отличает существование реальных непосредственных или опосредованных контактов, обратной связи между субъектами отношений и наличие эмоциональной основы отношений. Другими словами, это эмоционально насыщенные (экспрессивные) отношения. Большую роль в характере сложившихся отношений играют психологические особенности участников этих отношений.

8.1. Гендерные представления в межличностном взаимодействии

Гендерные представления являются разновидностью социальных представлений. Теория социальных представлений разработана во Франции в 60—70-е гг. XX в. С. Московичи при участии Ж.-К. Абрика, Ж.-П. Кодола, В. Дуаза, Д. Жоделе. Основная идея теории социальных представлений заключена в следующем утверждении: ментальные структуры общества призваны упрочивать психологическую стабильность социального субъекта (группы или индивида) и ориентировать его поведение в меняющихся ситуациях (см.: Психология, 1991. С. 376). По мнению П. Н. Шихирева, социальные представления — это основной элемент группового сознания, в них выражено отношение определенной группы к тому или иному объекту. Поэтому социальное представление выражает не индивидуальное мнение человека, а его мнение как члена группы, класса, культуры (см.: 2000. С. 278).

В социальном представлении отражается значимость объекта для субъекта. Тем самым оно является как бы результатом взаимопроникновения субъекта и объекта, в котором сливаются воедино образ и значение. Гендерные представления обладают особенностями (характеристиками), присущими любым другим социальным представлениям. Во-первых, каждое социальное представление — это образ, в котором чувственный и рациональный компоненты взаимо-

связаны. Так, соционормативные представления, заданные в виде образов «настоящих мужчин» и «настоящих женщин», касаются половой дифференциации социального поведения, а также того, чем должно отличаться предназначение мужчин и женщин в общественной жизни. Во-вторых, в каждом социальном представлении присутствует элемент символизма. Главная особенность гендерных представлений заключается в том, что в этих представлениях тотальная половая дифференциация представлена и закреплена на первичных уровнях человеческого существования через половой символизм. Символика мужского и женского, данная через противопоставление, выполняет классифицирующую роль в построении модели мира. В-третьих, социальное представление способно конструировать реальность. Так, гендерные представления способны конструировать поведение мужчин и женщин через нормативные образцы. В-четвертых, социальные представления неразрывно связаны с языком и культурой. Так, на уровне культуры весь мир, и природный, и вещно-предметный, оказывается разделенным на две части по признаку мужское — женское. В большинстве культур «мужское» отождествляется с духом, логосом, культурой, активностью, силой, рациональностью, светом, наполненностью, формой и т. д. Женское — с материей, хаосом, природой, пассивностью, слабостью, эмоциональностью, тьмой, пустотой, бесформенностью.

Социальное представление выполняет три функции в социальном взаимодействии: познания (описания, классификации и объяснения); опосредования (регуляции, ориентации) и адаптации (интеграции новых знаний и стандартов в сложившиеся). Все эти функции присущи и гендерным представлениям, т. е. они, выступая как способ осмысления социальной действительности, через познание социального мира обыденным человеком как представителем гендерной группы ориентируют его поведение в меняющихся социальных ситуациях. Однако гендерные представления, в отличие от других видов социальных представлений, помогают инди-

виду осознать содержание гендерных ролей, определить свою позицию по отношению к системе существующих нормативных предписаний о должном поведении мужчин и женщин в социуме, выработать свой стиль поведения.

В гендерных представлениях отражены существующие модели и формы взаимодействия гендерных групп и государства. Всю совокупность представлений можно рассмотреть как две полярные группы представлений.

1. *Патриархатные (традиционные) гендерные представления.*

К гендерным традиционно-патриархатным представлениям относятся представления о том, что существуют некоторые «естественные» основания, являющиеся базисными для всего мироустройства, изменять которые опасно, т. к. это может привести к разрушению всего общества. Эти основания следующие: функции и роли между мужчинами и женщинами в обществе и семье должны быть разделены. В соответствии с таким разделением за женщиной «самой природой» закрепляются жизненные ценности быть матерью, хозяйкой дома, хранительницей домашнего очага. Мужчине так же «природой» предписано быть добытчиком, общественным деятелем, осуществлять связь между малой общностью — семьей и большой — обществом в целом. Таким образом, предполагается, что данные функции являются естественными и объективными, т. е. не зависящими от сознания и воли отдельного человека, и половые различия значительно существеннее индивидуальных личностных различий между людьми.

2. *Эгалитарные гендерные представления.*

В системе эгалитарных гендерных представлений социальный статус и содержание ролей мужчин и женщин не должны быть дифференцированы и иерархизированы. Эгалитарное понимание принципа равенства полов исходит из необходимости вести планомерную, активную работу по созданию равных социальных условий развития человека независимо от того, мужчина он или женщина, а не из понимания того, что общество должно стремиться к стиранию

всех различий между мужчиной и женщиной, т. е. предполагается не «усреднение» человека, превращение его в некое одномерное бесполое существо, а снятие всех тех социальных барьеров, которые как раз мешают ему проявить себя как личность.

Таким образом, эгалитарные гендерные представления — это взгляды, предполагающие равные возможности для личностной и профессиональной самореализации мужчин и женщин в разных сферах жизнедеятельности. Взгляды, отражающие ориентацию на процесс раскрытия для мужчин и женщин тех сфер, из которых они оказались вытесненными: высокотехнологичного общественного производства — для женщин и дома, семьи — для мужчин.

Что же включают в себя патриархатные и эгалитарные представления? Для ответа на этот вопрос обратимся к результатам эмпирических исследований гендерных представлений. Исследование Н. А. Нечаевой было направлено на изучение гендерной картины мира, в которой находят отражение обыденные представления, связанные с социокультурными особенностями полов (см.: 1997. С. 20).

В результате эмпирического исследования Н. А. Нечаевой были получены два типа картины мира: *патриархатная и феминистская*, смысловое содержание которых позволяет их трактовать как системы патриархатных и эгалитарных гендерных представлений. В систему *патриархатных гендерных представлений* включены блоки:

- 1) оправдания доминирующего положения мужчины в обществе и жесткого разделения половых ролей;
- 2) убеждения в том, что главное для женщины — семья, материнство, забота о других;
- 3) признания ценности роли домашней хозяйки;
- 4) признания особой важности традиционных ролей мужчины в семье.

Н. А. Нечаева раскрывает содержание каждого из блоков следующим образом:

1. *Оправдание доминирующего положения мужчины в обществе и жесткого разделения половых ролей.* Носители этой группы представлений убеждены, что в настоящее время не стоит отказываться от традиционного разделения мужских и женских ролей. Оправданно, например, видеть в мужчине в первую очередь главу семьи, добытчика, а в женщине — мать, жену.

Разделение и закрепление ролей, по их мнению, должно существовать не только в семье, но и в обществе. Поэтому правильно считается, что существуют такие мужские сферы, где участие женщины должно быть ограничено, — армия, политика, дипломатия. Они полагают, что женщины по своей природе таковы, что для их счастья меньше, чем для счастья мужчин, нужны лидерство, успехи и завоевания на каком-то общественном поприще. Они думают, что традиция более активного выдвижения мужчин на руководящие должности оправданна, следовательно, не стоит стремиться к тому, чтобы в сфере управления количество мужчин и женщин было одинаковым.

2. *Убеждение в том, что главное для женщины — семья, материнство, забота о других.* Странники этой группы гендерных представлений считают, что для женщины, даже если она работает и имеет широкие интересы, семья является самым важным и дорогим в жизни. При этом они убеждены, что какие бы новые взгляды ни возникали в обществе, женщина — это прежде всего мать, важнейшее ее предназначение — рождение и достойное воспитание детей. Эта роль — главная среди всех других ее ролей. Забота о других членах семьи (детях, муже, родителях) настолько важна, что достойна быть главным в ее жизни; это не обедняет, а облагораживает женщину как личность. Эти люди предпочитают семейные отношения, при которых жена в значительной мере подчиняет свои интересы интересам мужа. Они одобряют в первую очередь тех женщин, которые появляющиеся у них свободное время посвящают дому, детям, даже если их собствен-

венные интересы не будут реализованы в полной мере. Истинный смысл любви для женщины, с их точки зрения, заключается в том, чтобы войти в мир мужчины, стать его другом, раствориться в нем, даже жертвуя многим ради него.

3. *Признание ценности роли домашней хозяйки.* Люди, разделяющие эти гендерные представления, считают неоправданным то, что в нашем обществе мало ценится роль домашней хозяйки. По их мнению, посвятив себя дому и детям, можно найти не меньший простор для самореализации, чем работая по специальности. Роль домашней хозяйки должна быть такой же достойной и престижной, как и профессиональная деятельность.
4. *Признание особой важности традиционных ролей мужчины в семье.*

Носители этой группы гендерных представлений убеждены, что семья будет более крепкой, если настоящим ее главой и опорой будет мужчина. Они думают, что утрата мужчиной роли «кормильца» плохо сказывается на семейных отношениях. Необходимо, чтобы именно мужчина зарабатывал достаточно для обеспечения семьи, внося главный вклад в семейный бюджет. Для них более привлекательны семейные отношения, при которых для мужа главным в жизни является его дело, работа, а жена относится к этому с пониманием и принимает эти условия, стремится обеспечить ему надежный «тыл», видя смысл своей жизни в том, чтобы любить и быть любимой.

В систему *эгалитарных гендерных представлений* включены блоки:

- 1) отвержения доминирующего положения мужчины в обществе и неприятие жесткого закрепления ролей;
- 2) отрицания того, что главное в жизни женщины — семья, материнство, забота о других;
- 3) непризнания особой ценности роли домашней хозяйки;
- 4) непризнания важности традиционных ролей мужчины в семье.

1. *Отвержение доминирующего положения мужчины в обществе и неприятие жесткого закрепления ролей.* Носители этой группы гендерных представлений убеждены в том, что в современном обществе не следует сохранять разделение и закрепление ролей по признаку пола. И мужчины, и женщины могут жить без строго предписанных ролевых обязанностей. С их точки зрения, женщины по своей природе не в меньшей степени лидеры, чем мужчины; для их счастья в такой же степени важны успехи и достижения на общественном, профессиональном поприще. Однако условия нашей жизни не дают этим качествам женщин развернуться в полной мере. Мужчины не должны доминировать как в обществе в целом, так и во властных структурах.
2. *Отрицание того, что главное в жизни женщины — семья, материнство, забота о других.* Люди с этими гендерными представлениями считают более приемлемым такой взгляд, согласно которому семья в жизни женщины не ставится во главу угла. Она важна, но главными у женщины могут быть другие потребности и интересы. Они думают, что материнство, конечно, само по себе важно. Но женщина все-таки сама должна решить, является ли роль матери для нее центральной. Такой ролью может быть вовсе не рождение и воспитание детей, а, например, работа, профессия или что-то другое. Они предпочитают семейные отношения, при которых жена абсолютно самостоятельна в своих интересах и не подчиняет их интересам мужа.
3. *Непризнание особой ценности роли домашней хозяйки.* Носители этой группы представлений убеждены в оправданности того, что роль домашней хозяйки, посвятившей себя дому и детям, считается в обществе незавидной для женщины, непрестижной и малопривлекательной. Такое отношение обусловлено невозможностью домашней хозяйке реализовать себя в такой же мере, как женщине, работающей вне дома по какой-либо специальности.

4. *Непризнание важности традиционных ролей мужчины в семье.* Люди, разделяющие эту позицию, убеждены, что семья будет более крепкой, если роль главы семьи либо вообще отсутствует в отношениях, либо не считается обязательно мужской. Утрата мужчиной другой традиционной роли («кормильца») также не оказывает, с их точки зрения, негативного влияния на семейные отношения. Пусть женщина вносит в бюджет равный или даже больший вклад — в этом нет ничего плохого. Для них более привлекательны семейные отношения, при которых и для мужа, и для жены главным в жизни является их работа, а надежный «тыл» по мере возможности обеспечивают оба.

Завершая изложение результатов Н. А. Нечаевой, важно остановиться еще на одной части исследования, которое посвящено теме, особенно важной для нас в контексте обсуждения вопроса о гендерных представлениях как детерминантах гендерных отношений макроуровня. Гендерные представления, подобно социальным представлениям, способны конструировать реальность. В исследовании Н. А. Нечаевой данный тезис получил эмпирическое подтверждение. Значительная часть исследования была посвящена прояснению вопроса о связи составляющих гендерной картины мира опрошенных с их реальным гендерным поведением, т. е. выяснялось, как декларируемые гендерные представления будут соотноситься с полоролевым поведением в конкретных ситуациях. Так, респонденты, придерживающиеся патриархатных представлений, склонны к действиям, препятствующим карьере и профессиональной самореализации женщин, а также к демонстрации поведения, основанного на стандартах двойной морали. Те респонденты, кто придерживался эгалитарных представлений, в реальном поведении готовы отказаться от стандартов двойной морали и готовы сделать многое для успешной женской карьеры и профессиональной самореализации.

Таким образом, гендерные представления — это форма коллективного знания относительно различных аспектов

функционирования в обществе (жизнедеятельности) мужчин и женщин как представителей больших социальных групп. Гендерные представления — сеть понятий, взглядов, утверждений и объяснений о социальном статусе и положении в обществе мужчин и женщин. Эти осмысленные знания о том, какие роли в обществе должны выполнять мужчины и женщины, каково их предназначение и какие модели поведения они должны демонстрировать окружающим, рождаются в повседневной жизни в ходе межличностной коммуникации. Гендерные представления, являясь одним из способов осмысления гендерных отношений, выступают в роли детерминант этих отношений на макроуровне, они призваны ориентировать поведение мужчин и женщин в системе социальных отношений «группа мужчин или женщин — общество (государство, культура)» (Клецина, 2004. С. 210).

Гендерные представления, заданные в виде образов «настоящих мужчин» и «настоящих женщин», касаются половой дифференциации социального поведения, а также того, чем должно отличаться предназначение мужчин и женщин в общественной жизни. Такие гендерные представления существуют как на высших уровнях культуры, в рамках религиозных и философских систем, так и в обыденном повседневном сознании. Гендерные представления, в отличие от других видов социальных представлений, помогают индивиду осознать содержание гендерных ролей, определить свою позицию по отношению к системе существующих нормативных предписаний о должном поведении мужчин и женщин в социуме, выработать свой стиль поведения в межполовом взаимодействии, конкретизировать ориентиры жизненного пути на основе принятого способа исполнения гендерной роли.

8.2. Гендерные установки в процессе межличностного общения

Гендерные установки вполне правомерно рассматривать как один из видов социальных установок. Социальная установка — это один из самых значимых психологических меха-

низмов включения индивида в социальную систему, поскольку социальная установка функционирует одновременно и как элемент психологической структуры личности, и как элемент социальной структуры (см.: Шихирев, 2000. С. 100).

Если процесс социализации объясняет, каким образом личность усваивает социальный опыт и вместе с тем активно воспроизводит его, то формирование социальных установок личности отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках?

Традиция изучения социальных установок сложилась в западной социальной психологии и социологии (см.: Дэвис, 1972. С. 54). Отличие этой линии исследований заключается в том, что с самого начала категориальный строй исследований, расставленные в них акценты были ориентированы на проблемы социально-психологического знания. В западной социальной психологии для обозначения социальных установок используется термин «аттитюд», который в литературе на русском языке переводится как «социальная установка» либо употребляется как калька с английского (без перевода) «аттитюд».

Понятие социальной установки было введено в 1918 г. У. Томасом и Ф. Знанецким. Они определяли ее как психологический процесс, рассматриваемый в отношении к социальному миру и взятый, прежде всего, в связи с социальными ценностями. «Ценность, — говорили они, — есть объективная сторона установки. Следовательно, установка есть индивидуальная (субъективная) сторона социальной ценности» (Thomas, Znaniecki, 1918—1920. P. 21). У. Томас и Ф. Знанецкий неоднократно подчеркивали значение для понимания социальной установки того факта, что «она по своему существу остается чьим-то состоянием» (Ibid. P. 23). В этом определении социальная установка представлена как психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта. После открытия феномена аттитюда начался своеобразный «бум» в его исследовании. Возникло несколько различных толкований аттитюда,

много противоречивых его определений. В 1935 г. Г. Олпорт написал обзорную статью по проблеме исследования аттитюда, в которой насчитал 17 дефиниций этого понятия. Из этих 17 определений были выделены те черты аттитюда, которые отмечались всеми исследователями. В окончательном, систематизированном виде они выглядели так. Аттитюд понимался всеми как:

- определенное состояние сознания и нервной системы,
- выражающее готовность к реакции,
- организованное,
- на основе предшествующего опыта,
- оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение.

Таким образом, были установлены зависимость аттитюда от предшествующего опыта и его важная регулятивная роль в поведении.

В качестве социальных объектов, на которые направлена социальная установка, могут быть и институты общества и государства, и явления, и события, и группы, и личности.

Гендерными установками определяется содержание ролевого поведения партнеров в разных ситуациях, например на этапе знакомства и развития эмоциональных отношений между мужчиной и женщиной, в процессе распределения домашних обязанностей между мужем и женой, в ситуации взаимодействия отцов и матерей с детьми и др.

И. С. Клецина отмечает, что в гендерных установках находят отражение обобщенные знания о специфике гендерной роли, эмоциональное отношение (принятие или неприятие) моделей и форм поведения в рамках этой роли и готовность к демонстрации в поведении конкретных практик, соответствующих этой роли. Так, к примеру, часто на этапе знакомства с девушкой молодой человек играет роль галантного кавалера, реализуя принятую гендерную установку о том, что мужчина должен ухаживать за женщиной, чтобы завоевать ее расположение. В ситуации сложившихся супружеских отношений гендерная установка по поводу того, что

хозяйственные обязанности — это приоритетная сфера деятельности жены, а не мужа, предопределяет традиционный вариант распределения ролей в семье и т. д. Таким образом, гендерные установки проявляют себя в характере исполнения субъектом мужской или женской роли.

Знания о том, как следует вести себя в соответствии с конкретной гендерной ролью, воспринимаются и усваиваются личностью в процессе гендерной социализации. *Гендерную установку* можно в самом общем виде определить как личностную диспозицию, в соответствии с которой мысли, чувства и возможные действия человека организованы с учетом интериоризированных им норм и правил поведения как субъекта гендерной роли.

Гендерная установка — это готовность вести себя определенным образом в той или иной роли в соответствии со своим полом.

Структура гендерных установок, как и структура всех иных установок, включает в себя три компонента: когнитивный, связанный с осознанием содержания гендерной роли, аффективный, понимаемый как эмоциональное отношение к общепринятым требованиям ролевого поведения, и конативный, выполняющий функцию регуляции поведения в рамках гендерной роли (см.: Клецина, 2004. С. 314).

Гендерным установкам присущи и функции, которые выполняют все социальные установки: инструментальная (приспособительная, адаптивная), эгозащитная, функция выражения ценностей и функция организации знаний. Гендерные установки дают упрощенные указания относительно способа поведения в соответствии с общепринятыми представлениями о мужском и женском поведении, позволяют адаптироваться к социуму, избежать осуждения и заслужить одобрение.

В общей схеме *формирования гендерных установок* можно выделить следующие составляющие этого процесса.

Во-первых, личности для формирования установки нужны знания о существующей в обществе системе норм,

правил и ожиданий относительно мужского и женского поведения. Без восприятия личностью конкретных знаний о том, как следует вести себя субъекту, который исполняет мужскую или женскую роль, невозможно формирование гендерной установки, объектом которой являются полоспецифичные роли.

Во-вторых, должно произойти соотнесение воспринятых знаний о существующих ожиданиях относительно мужского или женского поведения со знанием о собственной половой идентификации. Другими словами, человек должен произвести селекцию знаний о социально приемлемом ролевом поведении мужчин и женщин с учетом своей половой принадлежности («Это относится ко мне, а это меня не касается»).

В-третьих, должна осуществиться интериоризация тех знаний, которые личностью отобраны как применимые к ней, т. е. идет процесс переработки информации, которая была принята как соответствующая своей половой принадлежности.

В-четвертых, происходит закрепление гендерной установки на уровне сознания личности, в которой имеют место знания о том, как она должна вести себя в рамках своей гендерной роли, принятие этой модели поведения и выраженная готовность к данному поведению.

Гендерные установки начинают осознаваться человеком в детстве с началом процесса гендерной идентификации. В ситуации ролевых игр со сверстниками под влиянием гендерных установок формируются и закрепляются полоролевые модели поведения (например, игры в «семью», «дочки-матери» и др.). Активизация гендерных установок в сознании связана с периодами и жизненными ситуациями, значимыми для репрезентации гендерной идентичности, например, в подростковом возрасте, на этапе межполовых эмоциональных отношений. Во взрослой жизни гендерные установки актуализируются в индивидуальном сознании с началом супружеской жизни, в контексте полоролевых ожиданий и в ситуациях семейных конфликтов.

Опыт гендерной социализации в значительной мере определяет степень устойчивости гендерных установок. Жесткие полоролевые установки, в соответствии с которыми мужские и женские роли являются строго дифференцированными, со временем могут стать эгалитарными, не связывающими определенные паттерны ролевого поведения с полом человека. При эгалитарных гендерных установках специфика поведения личности в большей мере определяется не ее полом, а индивидуально-психологическими особенностями.

Выделяют *два типа гендерных установок*:

- традиционные;
- эгалитарные.

В системе *традиционных* установок роли мужчин и женщин в межличностном взаимодействии строго дифференцированы, *эгалитарные* установки, напротив, не предполагают строгого разделения ролей, в межполовых отношениях они ориентируют людей на сходные модели поведения.

Широко распространенные гендерные установки, касающиеся закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом, относятся к типу традиционных установок. Мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, женщин — по наличию семьи и детей. Так как считается, что для женщин главными социальными ролями являются семейные роли (мать, хозяйка), а для мужчин — профессиональные роли, то люди, как правило, и стремятся к максимальной реализации соответствующих гендерных установок. Эти установки как социально-психологические характеристики мужчин и женщин предопределяют типичные формы их поведения как субъектов межличностного взаимодействия.

Подавляющее число мужчин и женщин активно реализуют данные гендерные установки в течение всей жизни. Жесткое закрепление полоролевых моделей поведения приводит к ограничениям в самореализации мужчин в семейной сфере, а женщин — в профессиональной. Так, отстраненность мужчин от семейно-бытовых проблем, от ухода за

детьми, их воспитания и развития существенно обедняет мужчин в плане общеличного развития. Закрепившееся на уровне общественного сознания убеждение, что функция освоения социального пространства за пределами дома принадлежит мужчинам, а удел женщин — освоение внутрисемейного пространства, на психологическом уровне привело к тому, что у мужчин сформировался инфантилизм в плане решения семейно-бытовых проблем и воспитания детей, а у женщин — безраздельная ответственность за все, что происходит в семье (за качество супружеских отношений, результаты в развитии и воспитании детей, физическое и эмоциональное самочувствие всех членов семьи). Мужчина практически не включен в дела семьи, в принятие решений, т. к. «мужские» обязанности выходят за рамки семьи (см.: Клецина, 2004. С. 321).

Жесткое следование традиционным ролям ограничивает личностное развитие мужчин и женщин. Установки должны быть более гибкими, т. к. связь социальных установок и поведения двунаправленная: не только установки предопределяют поведение, но и поведение может изменять социальные установки.

В соответствии с эгалитарными установками и для мужчин, и для женщин профессиональная и семейная ориентация одинаково важна и значима. Другими словами, не считается, что какая-то сфера жизни (семья или работа) однозначно является приоритетной для представителя определенного пола. В соответствии с эгалитарными гендерными установками домашние обязанности и воспитание детей не являются исключительной прерогативой женщины, не только жена, но и муж подчиняет свои интересы потребностям и интересам семьи, не только муж, но и жена несет ответственность за экономическое семейное благополучие.

Эгалитарные установки в большей мере выражены у женщин по сравнению с мужчинами. Уровень образования мужчин и женщин, их возраст прямо коррелируют с выраженностью эгалитарных взглядов. Более молодые и имеющие

высшее образование мужчины и женщины чаще демонстрируют эгалитарные установки по сравнению со старшей возрастной группой мужчин и женщин, имеющих невысокий уровень образования.

8.3. Гендерный конфликт. Типы гендерных конфликтов

Гендерный конфликт вызван противоречием между нормативными представлениями о чертах личности, особенностях поведения мужчин и женщин и невозможностью или нежеланием личности и группы людей соответствовать этим представлениям-требованиям. Любой гендерный конфликт базируется на полоролевой дифференциации, существующей в любом обществе. На всех уровнях функционирования социальной реальности гендерные конфликты порождаются дифференциацией гендерных ролей.

Гендерные роли можно изучать на трех различных уровнях: макросоциальном, межличностном и индивидуальном.

На макросоциальном уровне речь идет о дифференциации по половому признаку социальных функций и соответствующих культурных функций и норм. Описать «женскую роль» на этом уровне — значит раскрыть специфику социального положения женщины (типичные виды деятельности, социальный статус, массовые представления о женщине) через соотнесение его с положением мужчины в рамках данного общественного строя.

На уровне межличностных отношений гендерная роль производна не только от общественных норм и условий, но и от изучаемой конкретной системы совместной деятельности. Роль матери или жены всегда зависит от того, как конкретно распределяются обязанности в данной семье, как определяются в ней роли отца, мужа, детей и т. д.

На интраиндивидуальном уровне интернализированная гендерная роль — производная от особенностей конкретной личности: индивид строит свое поведение в качестве мужа или отца с учетом своих представлений о том, каким, по его

мнению, вообще должен быть мужчина, на основе всех своих осознанных и неосознанных установок и жизненного опыта (Кон, 1975).

В соответствии с выделенными уровнями анализа гендерных ролей можно рассмотреть и *три типа конфликтов*, которые могут быть вызваны ситуацией рассогласования традиционного полоролевого поведения и потребностями личности в изменении содержания предписанных гендерных ролей.

На *макроуровне* гендерный конфликт представляет собой *социальный конфликт*. В основе социального конфликта лежит борьба между социальными группами людей за реализацию собственных целей. В упрощенном виде гендерный конфликт на макросоциальном уровне можно рассмотреть как *конфликт интересов*, т. е. борьбу женщин как социальной группы за более высокий статус в обществе. Во всех современных обществах женщины по сравнению с мужчинами обладают более низким статусом, следовательно, они имеют меньше власти и меньше доступа к принятию решений, важных для общественного развития. «До сих пор не обнаружено такое общество, в котором женщины обладали бы большей властью, чем мужчины» (Гидденс, 1999. С. 164).

В обществах нет баланса между «публичными» сферами жизни, где доминируют мужчины, и «приватными» сферами, где «правят» женщины. Материнство, как и ранее, используется в качестве основного аргумента для закрепления за женщинами основной ответственности за дом и семью и их отстранения от принятия ключевых решений в экономике и политике. В результате основные мужские цитадели — международная дипломатия, вопросы вооружения, операции на рынке ценных бумаг, распределение государственного бюджета — остаются неприступными. Таким образом, управление государством осуществляется преимущественно мужской частью населения, составляющей в правительствах и парламентах всех стран подавляющее большинство, а это приводит к доминированию тех ценностей, которые связаны

в первую очередь с удовлетворением их собственных интересов (Малышева, 2001).

Ситуация становится конфликтной, когда имеет место не только осознание противоречивых позиций двух сторон (когнитивный аспект), но это осознание вызывает у участников конфликта негативные эмоциональные переживания (эмотивный аспект) и побуждает к активным действиям (конативный аспект), направленным на устранение этого противоречия. В ситуации гендерного социального конфликта осознание женщинами их более низкого по сравнению с мужчинами статуса в обществе и несогласие с таким установившимся порядком может проявиться в активизации женских движений за свои права (первая и вторая волна феминизма). В последнее время данный вид конфликта в демократически ориентированных обществах становится институционализированным, т. е. разрешается законодательным путем.

Например, Швеция лидирует среди западных стран в области законодательства, гарантирующего соблюдение равенства полов. Доля женщин, имеющих оплачиваемую работу, очень высока: в 1986 г. она равнялась 80 % для женщин в возрасте от 16 до 64 лет. Любой гражданин Швеции может получить государственное пособие на ребенка, составляющее около 90 % средней заработной платы; выплаты начинаются за месяц до рождения и заканчиваются, когда ребенку исполнится шесть месяцев. Родители договариваются между собой, кто из них возьмет отпуск по уходу за ребенком, и в зависимости от их решения шестимесячное пособие выплачивается либо матери, либо отцу. В Австрии изменена система отпусков по уходу за ребенком, что дало возможность мужчинам воспользоваться таким отпуском. А в Дании в 1997 г. внесены изменения в законодательство, обеспечивающие мужчинам и женщинам равные права на занятость и отпуск по уходу за ребенком. Сейчас в этой стране отец ребенка вправе взять еще две недели отпуска по уходу за ребенком. Парламент Италии в 1999 г. также принял закон, согласно которому работающие мужчины и женщины вправе отка-

заться от работы в ночное время, если ребенку нет 3 лет, а также если один из родителей воспитывает ребенка до 12 лет или оба супруга ухаживают за инвалидом. Равные права на отпуск по уходу за ребенком мужчинам и женщинам гарантирует Кодекс законов о труде и Кодекс социальной защиты семьи в Польше.

На *уровне межличностных отношений* гендерные конфликты наиболее распространены в семейной и профессиональной сферах. При изучении гендерных конфликтов на этом уровне важным является определение поведенческих стратегий, способствующих конструктивному разрешению возникших противоречий. Известны три основные стратегии поведения в ситуации межличностного конфликта. *Первая стратегия* относится к силовым стратегиям поведения, она направлена на достижение собственных интересов без учета интересов партнера. Она описывается в терминах доминирования, конкуренции, соперничества. Поведение характеризуется напористостью, использованием жестких аргументов, выставлением ультимативных требований, эмоциональным давлением на партнера. *Другую стратегию* взаимодействия в конфликте образуют такие формы поведения, которые имеют в своей основе стремление к уходу от конфликта. Они могут иметь характер игнорирования проблемы, непризнания существования конфликта, нежелания решать имеющуюся проблему. Другая форма ухода от конфликта — это уступчивость, готовность пренебречь, поступиться своими интересами и целями. В тех случаях, когда уступчивость ничем не оправдана, она расценивается как неспособность отстаивать свои интересы, как неконструктивный подход к разрешению конфликта. *Третья стратегия* — переговорная — расценивается как наиболее эффективный путь к разрешению межличностных конфликтов. Суть переговоров заключается в выработке решений, в большей или меньшей степени удовлетворяющих интересам обеих сторон.

Поведение в рамках традиционной мужской роли характеризуется напористостью, доминантностью, ориентацией

на контроль и успех. Считается, что поведение мужчин, по сравнению с поведением женщин, характеризуется большей рациональностью и взвешенностью решений. Женское традиционное ролевое поведение, напротив, должно отличаться уступчивостью, покладистостью, принятием другого и проявлением сочувствия к его проблемам.

Студентами-психологами, в рамках работы проблемной группы «Гендерные исследования в психологии» (кафедра прикладной психологии БГПУ им. М. Танка, руководитель Л. Г. Степанова), было проведено исследование особенностей поведенческих стратегий в ситуации конфликта у юношей и девушек. В исследовании приняли участие 120 человек в возрасте 19—21 года. В ходе его было выявлено, что девушки в большинстве случаев в ситуации конфликта предпочитают компромиссный стиль (40,0 %) либо приспособленческий (33,3 %), а юноши — конкуренцию (33,3 %) и приспособление (40,0 %). Меньше всего девушки придерживаются такого типа поведения в конфликтных ситуациях, как конкуренция (6,7 %), а юноши — избегание (6,7 %). Примечательно, что у девушек не был выявлен такой стиль поведения в конфликтной ситуации, как избегание (уклонение), а у юношей — сотрудничество.

В ходе исследования было также установлено, что девушки и юноши, у которых преобладают факторы эмоционально-волевой регуляции поведения и интеллектуального развития и духовной сферы, предпочитают в ситуации конфликта такие стили поведения, как конкуренция и компромисс. Девушки, у которых преобладает фактор морально-нравственного облика личности, чаще используют стиль приспособления, чуть реже — компромиссный стиль. Юноши, у которых преобладает данный фактор, чаще используют компромиссный стиль, чуть реже — стиль конкуренции или приспособления.

Таким образом, можно свести пять стилей поведения в конфликтной ситуации в три основные стратегии поведения в ситуации межличностного конфликта, которые были рас-

смотрены выше. К первой стратегии — силовой — относится конкурентный стиль (стиль соперничества). Ко второй (стратегии ухода от конфликта) — стиль приспособления и избегания. К третьей (переговорной стратегии) — компромиссный стиль и стиль сотрудничества (табл. 7).

Таблица 7

Особенности поведенческих стратегий в ситуации конфликта у юношей и девушек (в %)

Стратегии	Стиль	Девушки	Юноши
Силовая	Конкуренция	6,7	33,3
Уход от конфликта	Приспособление	33,3	40,0
	Избегание	—	6,7
Переговорная	Компромисс	40,0	20,0
	Сотрудничество	20,0	—

Представленные в табл. 7 данные свидетельствуют о том, что современные юноши строят свою модель поведения в конфликтной ситуации в рамках традиционной мужской роли. Их гендерная установка в ситуации конфликта ориентирована на доминантность, контроль и успех. Девушки также проявляют в конфликтных ситуациях традиционное женское ролевое поведение: уступчивость, покладистость, принятие другого (приспособленческий стиль поведения). Однако результаты показали, что значительное количество юношей также демонстрируют в ситуации конфликта подобное поведение (40,0 % юношей и 33,3 % девушек), кроме того, юноши используют и стиль избегания (уклонения), что среди девушек выявлено не было, т. е. используют такие формы поведения, которые имеют в своей основе стремление к уходу от конфликта. В тех случаях, когда уступчивость ничем не оправдана, она расценивается как неспособность отстаивать свои интересы, как неконструктивный подход к разрешению конфликта. Интересно, что конструктивные подходы к разрешению конфликта (компромисс и сотрудничество) были больше выражены у девушек, чем у юношей.

Если сопоставить содержательные характеристики поведения в рамках гендерных ролей со стратегиями поведения в межличностных конфликтах, приведенных выше, то легко заметить, что гендерные стереотипы традиционного ролевого поведения оказываются деструктивными в ситуации конфликтного взаимодействия. Для мужского поведения, реализующего традиционную гендерную роль, в большей мере характерна первая стратегия, а для женского — вторая, в то время как продуктивной является переговорная стратегия, т. е. партнерская модель отношений. Это лишний раз подтверждает тот факт, что эгалитарные установки в большей мере выражены у женщин по сравнению с мужчинами.

Отличительные особенности партнерской модели отношений заключаются в следующем: это отношения двух равноправных субъектов, каждый из которых обладает собственной ценностью и готов к взаимным уступкам, общение строится на равных, партнера выслушивают не прерывая, не оценивают преждевременно и поспешно его суждения и поступки, не навязывают советов. В ситуации разногласий и конфликтов партнерская модель отношений предполагает переговорную стратегию поведения. Многие психологи связывают будущее человека с партнерским стилем отношений и взаимодействия (Клецина, 2001а).

Гендерные стереотипы закрепления социальных ролей за определенным полом и установки влияют на возникновение гендерных конфликтов и на *интраиндивидуальном уровне*. Эти ролевые конфликты называются *внутриличностными* и представляют собой внутреннее состояние человека, вызванное его противоречивыми представлениями, мотивами, моделями поведения. Внутриличностные конфликты представляют собой противоречия, возникающие между несовместимыми (или трудносовместимыми) интересами, потребностями, представлениями, ролями. Внутриличностный конфликт возникает тогда, когда к одному человеку предъявляются противоречивые требования. Внутриличностный конфликт может также возникнуть в результате того,

что производственные требования не согласуются с личностными потребностями или ценностями. Ситуацию внутриличностного конфликта человек воспринимает и переживает как психологическую проблему, требующую своего разрешения. Внутриличностный конфликт порождается амбивалентными стремлениями субъекта, которые ограничивают возможности нормального функционирования личности. Например, в теории психоанализа З. Фрейда это противоречие между желаниями Оно (Ид) и Сверх-Я (Супер-Эго). К. Левин выделил три основных типа психологических конфликтов, в которых сталкиваются друг с другом различные влечения, стремления, установки личности. Они таковы (см.: Бабосов, 1997. С. 157):

- 1) конфликт «стремление — стремление». В такой конфликтной ситуации индивид находится между двумя положительными валентностями примерно равной величины. Выбирать нужно одну из двух приятных вещей. В предельном случае это напоминает позицию буриданова осла, который умирает от голода между двумя охапками сена, оказавшись не в состоянии выбрать ни одну из них;
- 2) конфликт «избегание — избегание». Индивид в таком случае находится посередине между двумя приблизительно равными отрицательными валентностями, а выбирать приходится одно из этих двух зол;
- 3) конфликт «стремление — избегание». В такой ситуации индивид оказывается, когда один и тот же объект одновременно притягивает и отталкивает.

Таким образом, внутриличностные конфликты представляют собой противоречия, возникающие между несовместимыми (или по меньшей мере трудносовместимыми) интересами, потребностями, представлениями, ролями. Ситуацию внутриличностного конфликта человек воспринимает как психологическую проблему, требующую своего разрешения.

И. С. Клецина выделяет следующие *типы гендерных внутриличностных конфликтов* (см.: 2004. С. 343):
— ролевой конфликт работающей женщины;

- конфликт боязни успеха;
- экзистенциально-гендерный конфликт.

Наиболее ярким проявлением столкновения традиционных нормативных требований к ролевому поведению женщин и реальной ситуации их жизнедеятельности служит феномен, который в социально-психологической литературе описан как *«ролевой конфликт работающей женщины»*. Под ролевым конфликтом понимается специфический тип конфликта, возникающий в случае переживания индивидом несовместимости требований, связанных с одновременным выполнением им нескольких ролей, противоположных друг другу (см.: Бабосов, 1997. С. 384). Личность выполняет не одну, а несколько ролей, что можно рассматривать как систему ролей, которые исполняет человек в социальных группах разной степени общности (гражданин — руководитель предприятия — сын — муж — друг). Каждая из этих ролей имеет свое собственное содержание: образец действий, возможных реакций на поступки других людей, определенные навыки и умения. Безусловно, на сочетаемость этих ролей обществом наложены некоторые ограничения, что и обеспечивает социальный порядок и социальную стабильность, но бывают такие ситуации, когда разные социальные роли одной и той же личности вступают в противоречие. Противоречие между несочетающимися ролями тем острее, чем более значимыми эти роли являются для личности. Существуют так называемые эталонные роли, наиболее важные для человека, через которые он реализует себя в первую очередь. Чаще всего столкновение эталонных ролей представляет собой наиболее трагичную ситуацию в случае внутриличностного конфликта (см.: Запрудский, 2000. С. 110).

Таким образом, ролевой конфликт выступает специфическим типом внутриличностных и (или) межгрупповых конфликтных взаимодействий (см.: Бабосов, 1997. С. 145). Ролевой конфликт проявляется в форме переживаний, возникающих по поводу невозможности или трудности реализовать одновременно несколько различных ролей, а также

различного понимания требований, предъявляемых к одной роли самой личностью и ее окружением.

Этот внутриличностный конфликт возникает вследствие большого количества социальных ролей, которые выполняет женщина, и нехватки физических ресурсов для полноценного выполнения этих ролей. Конфликт между ролями чаще возникает, если женщина в равной мере ориентирована и на профессиональный рост, и на свою семью. В этом случае предписания различных социальных ролей, выполняемых личностью, препятствуют их успешной реализации. Ролевой конфликт работающей женщины рассматривается как комплекс субъективных негативных переживаний, возникающих у женщины при отрицательной оценке ею того, как она справляется с совмещением ролей в профессиональной и семейной сфере (Гаврилица, 1998). К субъективным факторам, порождающим ролевой конфликт, относятся повышенное чувство ответственности; высокий уровень притязаний; патриархатные установки по отношению к семье.

Симптомы, связанные с ролевым конфликтом и ролевой перегрузкой, включают соматические нарушения, депрессию, навязчивые состояния, тревогу, дискомфорт, неудовлетворенность, гнев и враждебность. Перегруженность женщин женской ролью зависит от системы социальной поддержки, стиля адаптации и самооценки и от того значения, которое эти роли играют для женщин (McBride, 1990).

Наиболее выраженный деструктивный показатель ролевого конфликта — это чувство вины, которое рождается из модели восприятия женщиной своих ролей. Часто это связано с синдромом суперженщины: иметь в жизни все (замужество, дети, карьера) и превосходно выполнять свои обязанности (см.: Алешина, Лекторская, 1989. С. 84). Чувство вины характеризуется высокой устойчивостью и множеством сфер проявления — это отношение женщины к детям, супругу, работе, самой себе. Поведение, вызванное чувством вины, является компенсаторным, оно побуждается глубокой потребностью в оправдании, что сделано что-то неправильно и это

необходимо исправить. Чувство вины побуждается неосознаваемыми мотивами и поэтому не поддается самокоррекции (см.: Гаврилица, 1998. С. 65).

В отношении к детям компенсаторное поведение проявляется в таких формах, как покупка ребенку большого количества игрушек, особенно если мать была в командировке или задержалась на работе; выполнение всех желаний ребенка; чрезмерное беспокойство о физическом самочувствии ребенка. Сверхопека и сверхзабота как проявления компенсаторного поведения стимулируют развитие у ребенка тревожности, несамостоятельности, неумения принимать решения. Дети, используя ситуацию, стремятся в еще большей мере вызвать чувство вины у матери, чтобы управлять ее поведением.

В отношениях с мужем чувство вины проявляется в том, что женщина сама берет на себя большую часть домашней работы, стремясь компенсировать несоответствие идеализированному образу «хозяйки дома». Женщины выполняют 70 % работы по дому и воспитанию детей, в то время как мужа — не больше 30 % (Гурко, Босс, 1995). Чувство оправдания себя, возникающее, когда женщина выполняет практически всю домашнюю работу, поддерживается все еще широко распространенными традиционно-патриархатными представлениями о семейных обязанностях женщины.

В отношении к работе чувство вины проявляется в отказе от профессиональных достижений и карьеры, женщина не предпринимает действий, которые помогут ей продвигаться по служебной лестнице. Феномен «отказа женщины от карьеры» порождается в значительной мере архаичными представлениями о том, что, делая карьеру, женщины теряют свою женственность. Кроме страха потери женственности женщина может испытывать чувство вины по отношению к мужу из-за того, что в силу занятости по работе она уделяет ему мало внимания, тепла и заботы.

Чувство вины проявляется и в отношении женщины к самой к себе. Работающая женщина чувствует себя виноватой перед семьей, когда она тратит время на себя, она убеждена,

что личные дела — это дела, которыми следует жертвовать в первую очередь, этот феномен описан в литературе как «синдром самопожертвования». Женщина утверждает, что у нее «не доходят руки до себя», она не может позволить себе заниматься спортом, тратить время на общение с подругами, походы к портнихе или косметологу (см.: Клецина, 2000. С. 277).

В то же время исследования влияния работающих матерей на развитие их детей в целом обнаруживают позитивные эффекты. Материнская занятость оказывает позитивное влияние на детей и подростков, в особенности на дочерей; они более уверены в себе, получают в школе более высокие оценки и с большей вероятностью выбирают нетрадиционную карьеру, в отличие от дочерей неработающих матерей (Палуди, 2007).

Вторым типом гендерного внутриличностного конфликта является *конфликт боязни успеха*. Феномен «страх успеха» был выявлен и описан Мартиной Хорнер. Успех вызывает у женщины тревогу, т. к. ассоциируется с нежелательными последствиями — утратой женственности, потерей значимых отношений и социальным отторжением. Внутренний конфликт порождается ситуацией невозможности выбора между двумя значимыми сферами жизнедеятельности: профессиональной и сферой значимых отношений, которые представляются для женщины взаимоисключающими.

Вслед за М. Хорнер многие зарубежные исследователи считали страх успеха чертой, изначально присущей женской природе, рассматривали его как глубинный психологический барьер, имеющий место в женской психике. Исследования в области гендерной психологии позволяют рассматривать феномен мотивации страха или избегания успеха как специфическое психологическое состояние, сопровождающееся внутренним конфликтом, которое возникает в определенных социальных условиях и жизненных ситуациях и может быть преодолено. Мотивационная гипотеза, т. е. рассмотрение страха успеха как интрапсихической характеристики, уступила место когнитивной гипотезе, в рамках кото-

рой утверждается, что состояние избегания успеха формируется под влиянием социокультурной среды и полоролевых стереотипов. Женщины испытывают тревогу не по поводу достижений вообще, а лишь в тех областях, где они нарушают общепринятые полоролевые нормы. Успех в деловой сфере, особенно нетипичной для женщин, ассоциируется с нежелательными для женщины последствиями в личной жизни. Большинство женщин, стремясь разрешить данный внутренний конфликт, ориентированы в сторону выбора, который направлен на отказ от карьеры, профессиональных успехов и достижений.

Исследование страха успеха, проведенное отечественным психологом Г. В. Турецкой (1998), позволило прийти к следующим выводам:

- 1) центр тяжести этого феномена находится не во внутриличностной сфере, а вовне, в контексте отношений и культуры в целом;
- 2) страх успеха как социально-психологическое явление присущ нашей культуре;
- 3) удельный вес характеристик ранней социализации в раскрытии феномена страха успеха очень высок;
- 4) уровень проявления страха успеха зависит от степени эгалитарности взглядов, полотипичности выбранной сферы деловой активности и «населенности» этой сферы другими женщинами.

Еще одним примером внутриличностного конфликта, порождаемого гендерным стереотипом закрепления социальных ролей за определенным полом, является экзистенциальная кризисная ситуация. Это ситуация, которая затрагивает основы существования человека и обращает его к проблеме своего отношения с миром, поиску и обретению смысла своего бытия. *Экзистенциальный конфликт* может быть инициирован событиями или внешними обстоятельствами, которые неожиданно ставят человека лицом к лицу с фундаментальными вопросами его жизни, например принятием важных необратимых решений, разрушением некоторых

фундаментальных смыслообразующих моделей поведения или способов взаимодействия с другими. Он затрагивает наиболее важные, жизненно значимые ценности и потребности человека, становится доминантой внутренней жизни человека и сопровождается сильными эмоциональными переживаниями (Психология, 2004).

Так, мужчины, воспринимающие профессиональную деятельность и карьеру как единственное и самое главное предназначение своей жизни, оказываются в ситуации экзистенциального конфликта в случае потери работы или выхода на пенсию. «Шок отставки», связанный с потерей значимого места в обществе, разрывом связей с референтной группой, утратой значимой социальной роли, в сознании таких мужчин отражен как «потеря главного смысла жизни», а на эмоциональном уровне отмечен всеми признаками острого стрессового расстройства. Женщины, реализуя «истинно женское предназначение быть матерью и хранительницей домашнего очага», часто переживают экзистенциальный кризис в период психологического отделения повзрослевших детей от семьи. Если раньше вся жизнь женщин была насыщена эмоциональной и бытовой заботой о детях, то теперь, когда такое привычное течение жизни нарушается, возникает ощущение пустоты, ненужности, бессмысленности жизни. Живя жизнью детей, многие женщины совсем забывают о своей собственной жизни.

Экзистенциальный конфликт, нарушая привычный ход жизни, дезорганизуя или даже делая невозможной обычную жизнедеятельность, требует от человека переосмысления своей жизни и ее наиболее существенных составляющих, своих жизненных целей, отношений с окружающими, образа жизни и др. Успешное преодоление конфликта является жизненно значимой задачей для человека, а результатом его разрешения часто становится появление каких-то новых качеств и условий жизни.

Вероятность внутриличностных гендерных конфликтов возрастает, если человек, вопреки своим желаниям и по-

требностям, следует социокультурным предписаниям (например, «Мужчины так себя не ведут»; «Женщины так не поступают») и подчиняет свои индивидуальные поведенческие проявления традиционным нормативным моделям мужской и женской роли.

Возникает естественный вопрос: почему одни люди переживают гендерные конфликты, а другие нет? Ответить на этот вопрос можно, используя концепцию социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера. У гендерных стереотипов появляется возможность влиять на поведение в том случае, когда в «Я-концепции» гендерная идентичность «выходит» на первый план. Личность начинает воспринимать себя и других членов своей половой группы как имеющих общие, типичные характеристики, которые и определяют группу как целое. Это ведет к акцентированию воспринимаемого сходства внутри группы и воспринимаемого различия между теми, кто относится к другой группе. Индивид выбирает свою половую группу как наиболее «выпуклую» группу, которая особенно значима для выработки взгляда на мир. Жесткая привязанность к группе, естественно, влияет на восприятие и понимание социального мира как такового (Андреева Г. М., 1997).

Чем большее значение в структуре «Я-концепции» имеет личностная идентичность, тем в меньшей мере человек будет подвержен влиянию гендерных стереотипов и в большей степени способен к адекватному поведению, не предполагающему глубокую вовлеченность в ситуацию внутриличностных конфликтов. Таким образом, можно заключить, что в большей мере подвержены внутренним конфликтам гендерного типа индивиды, у которых гендерная идентичность как составляющая их социальной идентичности занимает ведущее положение в структуре их «Я-концепции». Это приводит к тому, что активная реализация стереотипных гендерных представлений в процессе своей жизнедеятельности приводит к необходимости анализа и разрешения внутриличностных гендерных конфликтов (см.: Клецина, 2000. С. 279).

Вопросы для самопроверки

1. Что такое социальные представления и гендерные представления? В чем состоит особенность гендерных представлений?
2. Какие группы гендерных представлений вы знаете?
3. Что такое гендерные установки? Какова структура гендерных установок?
4. Каковы составляющие формирования гендерных установок?
5. Какие типы гендерных установок вы знаете и в чем их различие?
6. Какие типы гендерных конфликтов вы знаете?

Задания для самостоятельной работы

1. Разыграйте сюжет на тему «Собеседование», в котором проявляется какой-либо вид дискриминации. Возможные сюжеты: дискриминация в ситуации приема на работу, в ситуации продвижения в должности, в ситуации повышения квалификации и т. п. После разыгрывания сюжетов проводится обсуждение в группе, где каждый участник занятия, включая игравших роли, говорит о собственных впечатлениях, опираясь на следующие позиции:
 - Насколько типичными/нетипичными показались вам сюжеты, изображающие ситуации принятия кадровых решений?
 - Какие гендерные установки проявились в высказываниях, позиции или поведении руководителя и подчиненных?
 - Кому вы симпатизировали, к кому почувствовали неприязнь в ходе разыгрывания сюжета?
 - Проявились ли в восприятии сюжета ваши гендерные установки?
2. Какие явления современной Беларуси представляются вам доминирующими: возрождение традиционных ролей и отношений или развитие новых ролей и возможностей для женщин?
3. Придумайте две ситуации гендерного конфликта, разыграйте в группе эти ситуации и обсудите способы разрешения подобных конфликтов.

Литература

1. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.

2. *Воронина, О. А.* Гендер и культура / О. А. Воронина, Т. А. Клименкова // Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / отв. ред. З. А. Хоткина. — М., 1992. — С. 10—22.
3. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. *Здравомыслова, Е.* Социальное конструирование гендера как феминистская теория / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Женщины. Гендер. Культура / отв. ред. З. А. Хоткина [и др.]. — М., 1999. — С. 46—65.
5. *Клецина, И. С.* Гендерная социализация / И. С. Клецина. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
6. *Клецина, И. С.* Психология гендерных отношений / И. С. Клецина. — СПб.: Алетейя, 2004.
7. Психология / под ред. А. А. Крылова. — М.: Проспект, 2004.
8. *Шихирев, П. Н.* Современная социальная психология / П. Н. Шихирев. — М.: Ин-т психологии РАН, 2000.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что данное пособие не исчерпывает круга психологических проблем, связанных с гендером, гендерными стереотипами, гендерной идентичностью, гендерными отношениями. Оно позволяет наметить дальнейшие перспективы исследования данных научных проблем. Более глубоко следует проанализировать основы социально-психологического сопровождения личности, находящейся в кризисе реализации гендерной идентичности, условия его формирования, пути его разрешения, устранения; изучить методологические основы эффективности психологической поддержки личности, что может обеспечить снижение поляризации внутри личности, в сфере гендерных отношений в образовании, профессиональной деятельности, семье.

Принятие позиции, что пол не является первопричиной психологических характеристик поведения и социальных ролей, позволяет по-новому реконструировать «Я-образ» и жизненные сценарии, навязанные системой полоролевых представлений, дает возможность переоценить свои возможности и притязания, определить перспективы жизнетворчества, активизировать личностные ресурсы для выбора субъективных стратегий самореализации.

На наш взгляд, именно учет личностью возможностей в реализации того типа гендерной идентичности, который является результатом ее индивидуального опыта, включающего не пассивное усвоение некоторых норм и требований гендерной роли, а творческое преобразование внутри личности, будет способствовать более эффективному самоопределению, саморазвитию, самореализации. В этом сложном современном процессе конструирования и реализации гендерной идентичности в условиях постоянно меняющихся гендерных ролей и статусов выделяется ряд психологических переживаний и кризисов личности, которые описываются в

исследованиях как ролевой конфликт, проблема двойной идентичности, кризис маскулинности, повышение тревожности и чувства вины, страх потери/приобретения феминности, кризис несостоявшейся маскулинности и т. д. Преодоление данного кризиса требует от личности развития особой психологической гибкости и умения осознанно подходить к реализации того гендерного ролевого репертуара, который задается средой. Другими словами, личность должна найти те способы и механизмы, которые позволят ей не просто однажды решить для себя вопрос о гендерной идентичности, а реализовать гендерную идентичность в соответствии со своими потребностями, целями, интересами и смыслами в каждодневной и часто непредсказуемой практике взаимодействия с другими и миром, что будет способствовать более эффективному ее самоопределению во всех сферах.

Поэтому важно не просто описать распространенные в общественном сознании гендерные стереотипы, а попытаться ответить на следующие вопросы: на выбор каких жизненных стратегий ориентируют данные стереотипы? Какие пути и способы самореализации в связи с этим выбираются? Как влияют гендерные стереотипы на психологическое самочувствие и в итоге на самоопределение, самореализацию личности в целом?

Масштабность и устойчивость воздействия гендерных стереотипов на общественное сознание приводит к формированию дискриминационных явлений в отношении женщин и мужчин в различных сферах жизнедеятельности человека. Однако гендерные стереотипы настолько укоренились в сознании большинства членов нашего общества, что никто не видит потребности кардинально менять сложившееся положение вещей. Ассоциации того или иного пола с теми или иными качествами или моделями поведения по сути своей есть социокультурный конструкт. Гендерные представления не заданы природой, а являются продуктом общества и меняются от общества к обществу, от культуры к культуре.

Поэтому понимание гендерных проблем, овладение основными положениями гендерной концепции является актуальной задачей в сфере воспитания и образования молодежи, а также в сфере подготовки психологов, которые профессионально занимаются проблемами формирования гармонично развитой личности.

Представленные в пособии данные могут быть полезны для дальнейшей интеграции педагогического (предоставление информации) и психологического (выработка личностных смыслов и смысловых установок) аспектов формирования гендера, а также для определения перспектив в работе психологических служб, они могут быть применены в специализированных организациях, занимающихся гендерным образованием, социально-психологической поддержкой личности (например, в кризисных центрах, профильных и инновационных образовательных учреждениях — школах и вузах, центрах психологического консультирования). Целью такой работы должна стать не типологизация личности, а психологическая поддержка целостности, адаптированности и самореализации личности в постоянно меняющихся социокультурных условиях.

Социальный конструкционизм¹

Социальный конструкционизм (*social constructionism*) — это описание практикующихся способов получения знания, как научного, так и любого другого. На этом уровне конструкционистская теория предлагает определенную установку в отношении знания, создаваемого психологическими науками, — точку зрения, существенно расходящуюся с эмпирической традицией. В то же самое время социальный конструкционизм включает в себя составные части теории человеческого функционирования; на этом уровне он предлагает альтернативные традиционным взглядам представления об индивидуальном функционировании и психологических процессах. Конструкционистские допущения были также распространены на ряд сфер практической деятельности, стимулировав возникновение новых направлений в таких областях, как терапия, управление организациями и образование.

Социальное конструирование: допущения и исторические предпосылки. Социальный конструкционизм не связан с каким-либо фиксированным набором принципов. Его правильнее рассматривать как некий непрерывно развертывающийся диалог, в ходе которого могут заниматься, развиваться или оставаться различные позиции. В работах авторов, называющих себя конструкционистами, встречается несколько типичных тем. Обычно предполагается, что описания мира — научные или иные — не продиктованы и не обусловлены никаким принципиальным аспектом того, что происходит в действительности. Скорее, термины, в которых понимается мир, в целом рассматриваются как соци-

альные артефакты, продукты взаимодействий между людьми, осуществляемых в конкретных исторических условиях. И тогда то, в какой степени определенная форма понимания преобладает в рамках конкретной культуры, принципиально зависит не от эмпирической валидности рассматриваемой перспективы, а от динамики социального процесса (например, коммуникации, переговоров, общественных противоречий, риторики). Такая линия рассуждений не умаляет значения разных форм культурного понимания. Создаваемые человеком конструкции (толкования) мира и себя являются необходимыми для более широких культурных традиций и обычаев, для оправдания, поддержания и преобразования различных форм поведения.

Несмотря на свои глубокие исторические корни, современный социальный конструкционизм представляет собой конвергенцию нескольких сравнительно новых течений в общественных и гуманитарных науках. По мере нарастания неудовлетворенности среди философов попытками свести эмпирическую науку к набору фундаментальных, или первичных, принципов философия науки постепенно вытеснялась историческими описаниями научной практики. Кун и Фейерабенд сыграли важную роль в распространении исследования на общественные основания притязаний научного знания. Историки науки объединили свои усилия с социологами знания, этнометодологами и учеными в попытке заменить глубоко проблематичные допущения поведенческой науки более интерпретирующими или герменевтическими парадигмами.

Эти изыскания оказались также близкими по духу с некоторыми важными переменами, происходившими в таких областях, как литература и семиотика. Вдохновленная более ранними работами Соссюра, Пирса, Витгенштейна и др., теория литературы обратилась от рассмотрения языка как средства изображения мира (или репрезентации мышления автора) к анализу языка как автономной или самосотносящейся системы. Другими словами, произошло сме-

¹ Герген К. Социальный конструкционизм // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. — 2-е изд. — М. [и др.], 2006. — С. 839—841.

щение от объекта текста к вопросам межтекстовых отношений, литературным стилям конструирования объектов и риторическим условностям, благодаря которым тексты приобретают воспринимаемую объективность, рациональность или достоверность.

По мнению теоретиков, таких как Жак Деррида, то, что обозначается текстом, тем самым деконструируется, замещается, если можно так выразиться, текстами, которые обретают свой смысл и значение лишь в ходе бесконечного процесса самосоотнесения. Для теоретиков, развивающих подход «читатель — реакция», таких как Стэнли Фиш, текстуальный смысл является по своей природе социальным смыслом. Именно интерпретирующее сообщество дает возможность текстуальным стратегиям приобрести легитимность.

Наряду с изменениями в общественной мысли и литературной теории политические события 1960-х гг. заставили многих ученых пересмотреть традиционные притязания научного знания на свой ценностный нейтралитет. По мере нарастания фальши в обществе и ответной волны негодования ученые, под влиянием критики научных формулировок, демонстрировали то, как естественные и не вызывающие возражений в рамках научного знания предположения с успехом применяются для обоснования несправедливого распределения экономических ресурсов и политической власти. Эти проблемы стали экспоненциально нарастать с усилением феминистского движения, и научные изыскания столкнулись с губительными последствиями считавшихся не требующими доказательств исходных допущений, входящих в теории, методы и системы научного знания. Вместе с тем все чаще стали раздаваться голоса ученых в отношении путей, которыми допущения общественных наук приводили к утверждению расистских ценностей, защите эгоистических или нарциссических способов жизни либо средством обесценивания незападного образа жизни. Для многих таких ученых опорой также стали работы Мишеля Фуко, который вскрыл отношения между строем языка и системой

власти. Все эти усилия продемонстрировали ту степень, в которой описания мира оказываются неотделимыми от более широкой социальной практики.

Социальное конструирование знания. Совокупность событий, благоприятствовавшая укреплению позиций социального конструкционизма, послужила толчком к началу замещения традиционных эмпирических описаний психологической науки. В этом процессе замещения можно выделить две фазы: деконструкционистскую и реконструкционистскую. В ходе первой фазы были подвергнуты сомнению центральные допущения научной рациональности наряду с массивами эмпирически удостоверенных научных знаний. По существу, эта работа представляла собой развитие и расширение ранних антифундаменталистских (*antifoundationalist*) аргументов, получивших вторую жизнь в результате новых событий в литературной и критической областях. Так, появилось много публикаций, ставящих под сомнение существующую приверженность научному прогрессу, эмпирическую проверку гипотез, универсальную рациональность, законы человеческого функционирования, беспристрастность науки, экспортирование западных научных технологий и т. д. Погружение в одну эту литературу могло бы привести к выводу, что социальный конструкционизм является нигилистическим в своих целях. Однако, как считают многие, деконструктивный процесс является лишь необходимым предварением реконструктивных начинаний.

В центре внимания реконструктивной фазы оказываются пути, которыми научное изыскание, вдохновленное конструкционистскими взглядами, может более эффективно служить обществу, частью которого оно является. Хотя такие вопросы находятся только в самом начале своего обсуждения, являясь скорее предметом для дискуссии, нежели решений, очевидными представляются несколько широких тем. Применительно к области психологической науки они выглядят следующим образом.

1. *Практический эмпиризм (practical empiricism)*. Конструкционисты критически относятся к традиционным притязаниям, будто научное знание, в форме пропозициональных сетей, может обеспечить выводимые логическим путем предсказания в отношении широкого разнообразия практических условий. Однако этим не отрицается возможность практического предсказания как такового. По мнению конструкциониста, вся огромная масса эмпирических технологий большей частью неверно используется, обслуживая преимущественно тех, кто стремится получить поддержку бесплодным по существу теориям в сообществе коллег по науке. Между тем процедуры наблюдения, измерительные инструменты и статистические методы могут с высокой отдачей использоваться для оценки существующих условий (например, культурного благосостояния, характера конфликтов, бездомности) и эффективности различных программ (например, общественных приютов, профессионального обучения, охраны окружающей среды), а также выявления трендов для составления взвешенных прогнозов на будущее (например, планирования потребностей в детских садах, консультационных учреждениях для наркоманов, центрах профессиональной переподготовки). Конечно, границы таких исследований были бы всегда культурно обусловленными, но в конструкционизме не содержится ничего такого, что требовало бы отказаться от интеллигибельных миров (или образов жизни) на основании признания их общественно предудстановленного характера.
2. *Концептуальные нововведения (conceptual innovation)*. Хотя конструкционизм благоприятствует переносу эмпирических усилий из условий искусственной лабораторной среды в места повседневной практической деятельности, он также подталкивает теоретическую деятельность к выполнению новой и более важной роли. Конструкционист подвергает сомнению традиционное

- представление о том, что теории должны давать точные описания мира. Он утверждает, что язык обретает смысл и выразительность (*its meaning and significance*) в процессе своего функционирования в системе отношений. Язык является важнейшим инструментом, при помощи которого осуществляются отношения. Поэтому теоретический язык психологии должен оцениваться не с точки зрения правдоподобия, а исходя из его вклада в культурную жизнь. С этой точки зрения практическая ценность теоретических формулировок определяется вовсе не тем, что на их основе могут быть получены производные предсказания; скорее, когда психологический дискурс приобретает интеллигибельность в рамках культуры (благодаря образованию, СМИ, специалистам в области психического здоровья и т. д.), он становится используемым ресурсом в сфере повседневных отношений. Таким образом, научная работа в психологии — в виде создания новых теорий — может нести в себе огромный потенциал для общества. Как только становится возможной смена «теоретических объективов», могут открываться новые возможности в старых проблемных областях. Новые способы понимания конфликта, новые взгляды на образовательный процесс, новые оценки групповых различий и т. д. могут стать доступными в качестве культурного ресурса. Это не отвергает эмпирической работы на уровне научного исследования. Однако исследовательские процедуры на этом уровне преимущественно служат целям оживления науки (*vivification*): они придают теоретическим идеям — как описаниям, так и объяснениям — осязаемость. Они дают возможность другим увидеть этот мир в конкретных чертах.
3. *Ценностная рефлексия (valuative reflection)*. В эмпирической традиции для критической оценки научной работы использовались преимущественно методологические критерии. Главный вопрос, который надлежало

адресовать данной формулировке, состоял в том, является ли она валидным описанием изучаемого явления. Для конструкциониста, однако, решающий вопрос, который надлежит поставить в отношении теоретической формулировки, заключается в том, насколько она способна или как она будет функционировать в более широких общественных рамках. Каким институтам и действиям окажет поддержку эта теория, каких усилий потребует эта формулировка и какие новые возможности она откроет — все это вопросы, имеющие первостепенное значение. Обращение к таким вопросам с неизбежностью предполагает обращение к размышлениям морального и политического характера. Оказывает ли эта формулировка поддержку желательным или нежелательным формам культурной жизни? Не расшатывает ли она дорогие сердцу институты? Способствует ли она человеческому благополучию? Такого рода вопросы с необходимостью перемещают научное размышление из области существующего в область должного. С точки зрения конструкциониста, такое размышление должно стать естественной частью научной подготовки, и статьи, посвященные обсуждению этих вопросов, должны играть ключевую роль в книгах и журналах, относящихся к этой области.

Социально-конструкционистское исследование в психологии. Социальный конструкционизм не только снабжает научную психологию метатеорией, его положения находят свое выражение на уровне самой психологической теории. То есть предоставляя описание направленной на производство знаний деятельности ученых, он также предлагает способы понимания паттернов более широкой человеческой деятельности. Это можно проиллюстрировать на примере трех активно развивающихся областей исследования.

Основные усилия направлены на изучение дискурсивного конструирования реальности. Здесь исследователи

пытаются показать процессы, в ходе которых люди конструируют мир и самих себя при посредстве языка. Применяя, как правило, процедуры дискурсивного анализа, многие исследователи изучают паттерны конструирования существования (например, культурных допущений в отношении развития ребенка), конструирования СМИ гомосексуализма, конструирования обществом синдрома приобретенного иммунодефицита (СПИД) или же дискурсы, используемые для описания интеллекта, окружающей среды или культурных конфликтов. Большинство этих исследований используются для того, чтобы вызвать изменения в обществе. Разъясняя и истолковывая общепринятые допущения, исследователи надеются, что это может помочь людям освободиться от принимаемого на веру. В отличие от них, другие исследователи пытаются указать на границы разрабатываемых нами конструкций. Например, Смедслунд пытается аксиоматизировать культурные интерпретации разума (души), доказывая невозможность для членов данной культуры — включая научных психологов — сформулировать интеллигибельное суждение, которое бы нарушало эти допущения. Другие ученые заняты способами, которыми культурные дискурсы и позиции диалога используются при конструировании личной идентичности в непрерывном процессе отношений между людьми.

Второе направление конструкционистских исследований касается самих психологических процессов. Однако усилия конструкционистов сосредоточены не на рассмотрении таких процессов, как универсальные и трансисторические, а на индивидуальном функционировании, поскольку оно является социально обусловленным как исторически, так и культурно. Как получается, что люди приходят к описанию их психической жизни теми способами, какими они это делают, и реализуют их таким образом, что эти конструкции обретают реальность не только для них самих, но и для других? Исторический анализ тем самым пытается обнаружить, каким образом психологические про-

цессы складывались в предыдущие эпохи, и оценить культурные условия, благоприятствовавшие определенному складу психического мира либо делавшие его дисфункциональным. Такие исследования не только способствуют улучшению нашего исторического сознания, но также приводят к разрушению привычных и уютных допущений об универсальности и повсеместности психологического эссенциализма. Почти та же цель достигается изучением психологии коренного населения. Психологически ориентированные антропологи, такие как Кэтрин Лутц, описывают «эмоциональные паттерны» других культур, совершенно незнакомые Западу, и изучают функции этих синдромов в локальных культурных условиях. Другие исследователи предпринимают попытки исследовать конструирование личности в рамках западной культуры. Например, Эверилл с коллегами в своих работах освещают правила выражения таких эмоций, как гнев, любовь и горе.

Упражнение «Перевертыши»

На флипчарте маркерами в две колонки записать «типично мужские» и «типично женские» качества, которые называют студенты (10—15 качеств в каждой колонке).

Преподаватель обращает внимание аудитории на то, что это знание взято из опыта участников занятия, затем предлагает обсудить, какие из перечисленных качеств всегда принадлежат только женщинам, а какие — мужчинам.

Называя по порядку качества, записанные сначала в первой, а затем во второй колонке, преподаватель просит всех подумать:

- встречались ли в жизни женщины/мужчины с противоположными качествами (добрая — злая, умный — глупый, сильный — слабый, заботливая — эгоистка и т. д.);
- может ли этим же качеством обладать человек другого пола (женщина может быть мужественной? Мужчина может быть нежным и заботливым?).

Аудитория неизбежно приходит к выводу, что явными и бесспорными являются только физиологические различия.

Все остальное — относительно, различия между индивидами в одной половой группе могут превосходить различия между полами. Задача преподавателя — обратить внимание на относительность и конструируемость представлений, на то, что реальное противоречие и разнообразие социополового поведения людей в жизни недостаточно рефлексивируется и осознается. Общество неосознанно тяготеет к «мифам о предопределенности поведения полом».

Как правило, после этого упражнения дается самое первое и самое легкое определение «гендер — это социальный пол». Дается пояснение относительно того, что когда говорят о «мужчине и женщине», то имеют в виду биологический пол. Когда — о «женском и мужском», то имеют в виду социальные характеристики. Их принято теперь называть гендерными.

Приложение 3

Краткая хронология женского движения¹

«Краткая хронология» — напоминание о том, что такая история существует, является частью гендерной истории человечества; она не менее драматична и интересна, чем история бесконечных войн, классовых битв, революций, разгромов, смены друг другом правящих мужей и т. п. (см. учебники по истории), которая почитается и изучается пока что как основная, а на самом деле является всего лишь историей организационных структур, рассчитанных на мужчин в военное время.

1399. Франция

Писательница Кристина Пизанская в ответ на многочисленные мизогинистские тексты современных ей авторов издает ряд критических поэм, полагая, что это не просто слова, но злая атака, указывающая на патологию самих авторов. Она была первой женщиной, которая решилась публично, открыто, письменно, опираясь на знания литературы и истории, ответить на нападки женоненавистников. С ее защитительных произведений начинается традиция женского участия в литературном «споре о женщинах» с целью теоретической реабилитации женского пола.

1405. Франция

Кристина Пизанская публикует «Книгу о Граде Женском», в которой представила женщин, достойных восхищения из-за своих добродетельных черт и вклада в развитие человеческой культуры. Она сделала предположение, что в результате хорошего образования женщины могли бы стать равными мужчинам.

¹ По дороге к гендерному равенству. Краткая хронология женского движения: пособие к курсу по истории феминизма / сост. В. И. Успенская. — Тверь, 2003.

1429. Франция

Жанна Д'Арк приводит к победе французскую армию, вовлеченную в Столетнюю войну, и возвращает корону Карлу VII. В 1431 г. суд обвиняет ее в ведьминстве и приговаривает к сожжению на костре.

1442. Франция

Мартин ле Франк в книге «Защитник дам» резюмирует известные аргументы за и против женщин и становится на сторону защитников женского пола.

1486. Германия

Немецкие теологи Якоб Шпренгер и Генрих Крамер публикуют книгу «Молот ведьм» — подробное описание ведьм и способов их распознавания, обвинение женщин в связи с сатаной.

1529. Германия

Издана книга немецкого медика и просветителя Генриха Корнелия Агриппы «Величие и превосходство женщин», содержащая высказывания и рассуждения мужчин-философов, историков и поэтов в пользу женщин. Автор провозглашает превосходство женского пола над мужским.

1510. Англия

Английский парламент выдает лицензию 30 женщинам на занятия хирургией, акушерством и гинекологией.

1553. Франция

Гильом Постель присоединяется к спору о женщинах, публикуя трактат, содержащий мистическое прославление женщин.

1559. Франция

Маргарита Наваррская, наиболее известная писательница эпохи Ренессанса, публикует «Гептамерон», в котором защищает женщин от продолжающихся мизогинистских атак со стороны авторов-мужчин.

1563. Англия

Принят Устав ремесленников, по которому уровень оплаты труда женщин должен достигать одной трети или полови-

ны оплаты труда мужчин. При этом оба пола работают одинаковое количество часов и выполняют одинаковую работу.

1578. Россия

В Москве выходит в свет и широко распространяется свод житейских правил и наставлений — «Домострой» (предполагаемый автор — священник Сильвестр). Особое внимание в нем обращается на поведение женщины, которая должна быть всегда послушна воле мужа.

1578. Италия

В Болонье работает художница Лавиния Фонтана. Созданные ею картины выставляются и раскупаются на аукционах.

1605. Франция

Маркиза Рамбуйе Катрин де Вивонн организует в Париже первый салон, тем самым создает традицию регулярных собраний общественности под руководством образованных женщин с целью борьбы за цивилизованные манеры общения, развития литературного вкуса, языка. Салоны на протяжении последующих двух веков были женским институтом civility в Европе, центрами формирования общественного мнения по вопросам искусства, политики, науки.

1612. Италия

Мировую известность получают картины художницы Артемизии Джентилески (*Artemisia Gentileschi*). А в 1616 г. она стала первой женщиной, вошедшей в состав Академии живописного искусства во Флоренции.

1619. Англия

Мэри Уорд открывает первые школы для девочек, в которых основное внимание обращается не на совершение религиозных обрядов, а на изучение латыни и повышение грамотности среди воспитанниц.

1622. Франция

Писательница и редактор посмертных изданий Монтеня Мари де Гурне публикует книгу «Равноправие мужчин и женщин», в которой критикует лицемерие общества по отношению к женщинам и идею женской подчиненности «от

природы». В 1626 г. выходит в свет другая ее книга — «Жалобы женщин» также с аргументами против превосходства одного пола над другим.

1632. Англия

Издан юридический справочник по правам женщин. В нем помимо прочего сообщается, что за мужем сохраняется право бить жену и это право неоспоримо.

1673. Франция

Пулен де ля Барр в книге «О равенстве обоих полов», применяя картезианский и предсоциологический методы, выступает против идеи естественного превосходства мужчин и указывает на культурные условия как основную причину половых различий.

1678. Италия

В университете Падуи ученому Елене Лукреции Корнаро Пископии присваивается звание доктора философских наук. Впервые за всю университетскую практику научное звание получает женщина. На ее лекции по теологии съезжались ученые со всех концов Европы.

1694. Англия

Выходит в свет книга Мэри Астелл под названием «Серьезные предложения дамам в области продвижения их подлинных и великих интересов». Основные идеи книги — роль женщин в обществе и необходимость женского образования. В книге также предложен Проект женского колледжа.

1700. Англия

Опубликован памфлет Мэри Астелл — «Размышление о браке», в котором брак обозначается как «освященная зависимость женщины».

1738. Италия

Ученая-математик Мария Агнези публикует книгу «Вопросы философии» — 19 очерков по философии, механике, логике, ньютоновской теории гравитации. Отдельный раздел книги посвящен вопросу женского образования.

1740. Франция

В Париже выходит научный труд «Основы физики», автором которого является Габриэла-Эмилия де Брейтель, маркиза дю Шатле-Ломонт.

1764. Россия

В Петербурге открыт Смольный институт благородных девиц — первое в России привилегированное среднее общеобразовательное учебное заведение для женщин. В 1765 г. открывается институт для девиц городских сословий.

1776. США

4 июля на конгрессе в Филадельфии принимается Декларация о независимости и провозглашается создание нового государства — США. Абигаль Смит Адамс, жена будущего второго президента, в письме к мужу напоминает о правах женщин, призывает не предоставлять мужьям неограниченной власти. Но в принятой через год (в 1777 г.) Конституции вопрос о правах женщин отсутствует.

1783. Россия

Екатерина II назначает директором Петербургской академии наук княгиню Екатерину Романовну Дашкову. Впервые в России женщина вступает на ответственный государственный пост.

1790. Франция

Философ и секретарь Французской академии наук маркиз де Кондорсе в брошюре «О допуске женщин к гражданским правам» требует политических прав для женщин и призывает к устранению предрассудков, создающих неравенство между женщиной и мужчиной.

1790. Франция

Во многих французских городах открываются женские политические клубы.

1791. Франция

Олимпия де Гуж — активная участница революционных событий — направляет в конвент Декларацию прав женщин и гражданок, в которой подчеркивается, что женщина рож-

дается свободной и равной с мужчиной и должна пользоваться своими равными правами, вместе с мужчинами участвуя в труде и общественной жизни.

1792. Великобритания

Писательница Мэри Уолстоункрафт публикует книгу «В защиту прав женщины», в которой излагается новый взгляд на права женщин — феминистский. Книга считается первым важным произведением либерального феминизма.

1793. Франция

Конвент декларирует о том, что женщины наряду с детьми, сумасшедшими и преступниками не считаются гражданами республики. В октябре издается декрет о закрытии всех женских политических клубов.

1795. Франция

Согласно декрету правительства всем женщинам надлежит вернуться домой, запрещается впредь посещать политические собрания и не разрешается собираться на улице более чем пяти женщинам.

1804. Франция

Кодекс Наполеона резко ограничивает женщин в правах, предоставляя абсолютную власть мужьям и отцам.

1808. Франция

Теоретик социализма Шарль Фурье в книге «Теория четырех движений» заявляет, что о социальном прогрессе нужно судить по степени свободы женщины.

1810. Франция

Во Франции принимается закон о запрещении аборта. Нарушение закона расценивается как уголовное преступление.

1822. США

Первая забастовка работниц швейных предприятий в Нью-Йорке с требованием повысить заработную плату.

1824. США

Первая совместная забастовка работниц и рабочих швейного предприятия «Паутикет» (Род-Айленд).

1826. США

Первые государственные школы для девочек открыты в Бостоне и Нью-Йорке.

1826. Россия

Начинается добровольный отъезд жен осужденных декабристов в Сибирь.

1829. Индия

Законом запрещается практика самосожжения вдов на похоронах мужа.

1830. США

Конгресс объявляет аборт уголовным преступлением.

1832. Россия

Издан Свод законов Российской империи; согласно статьям 106 и 107 жена должна пребывать в «неограниченном послушании к мужу, оказывать ему всяческое угождение». Муж обязан «...извинять ее недостатки и облегчать ее немощи»...

1832. Франция

Жорж Санд публикует романы «Индиана» и «Валентина» с резкой критикой буржуазного брака, унижающего женщину.

1833. Франция

Клер Демар, участница общества сенсимонистов, публикует работу «Мой закон для будущего» («Ma loi d'avenir»), в которой провозглашается уничтожение семьи, полная сексуальная свобода для обоих полов, коллективное воспитание детей.

1833. США

Оберлинский колледж открывает свои двери как первое учебное заведение совместного обучения полов.

1838. США

Активистка аболиционистского движения Сара Гримке завершает книгу «Письма о равенстве полов и положении женщин» — первый глубокий анализ положения женщин, сделанный женщиной в США. В нем — призыв к американ-

кам покончить с пассивностью и активно выступать в защиту прав человека.

1839. Великобритания

Парламент пропускает Акт об опеке над детьми — первый закон в пользу прав женщин, когда-либо рассматриваемый в Палате общин. Матери разрешается опека над своим ребенком в возрасте до семи лет; в случае обвинения в адюльтере она лишается этого права.

1839. США

Миссисипи стал первым штатом, где был принят закон о собственности замужней женщины. Впервые в истории США женщина получает право на владение собственностью, включая свой заработок.

1843. Франция

Флора Тристан, которая считается первой феминисткой во Франции, публикует произведение под названием «Союз рабочих»; за десять лет до К. Маркса она анализирует угнетение рабочего класса и потребность трудящихся в объединении; автор подчеркивает двойное угнетение женщины-работницы («пролетарка пролетария») и делает вывод о связи освобождения женщин с освобождением рабочих.

1845. Швеция

Дочери получают равные с сыновьями права на наследование.

1848. Франция

Начинает издаваться первый феминистский еженедельник «Голос женщин», защищающий требование избирательного права для женщин. Открываются революционные женские клубы, закрытые правительством после июньских событий.

1848. США

19 июля в Сенека Фоллз (штат Нью-Йорк) по инициативе Элизабет Кэйди Стэнтон и Лукреции Мотт созывается первый в истории США съезд сторонников женской эмансипации; съездом принимается Декларация чувств, в которой

провозглашается равенство женщин и мужчин. Начинается движение женщин за право голоса.

1849. США

В Сенека Фоллз выходит первый номер газеты «Лили» — издания для женщин (издательница — Амелия Блюмер), в котором поднимаются вопросы о вреде пьянства, несправедливых законах о браке, праве голоса для женщин, об образовании женщин.

1850. Франция

Начальное школьное образование распространяется теперь и на девочек.

1851. США

В штате Пенсильвания открывается первый в мире женский медицинский колледж.

1854. Норвегия

Равные права на наследование предоставляются дочерям и сыновьям.

1856. Индия

Индийские вдовы получают право вновь выйти замуж.

1857. Дания

Женщинам предоставляется право заниматься ремеслами, трудиться в торговле, а также работать в некоторых других близких к ним отраслях.

1857. Россия

Открываются первые женские училища.

1860. Россия

Открываются женские воскресные школы для «низших сословий», учителями в них преимущественно работают женщины.

1862. США

Под председательством Анны Павловны Философовой начала действовать женская трудовая ассоциация «Общество женского труда».

1863. Норвегия

Незамужние женщины больше не приравниваются законом к несовершеннолетним.

1863. Финляндия

Женщины в сельских районах могут голосовать на выборах в местные органы власти.

1865. Германия

В Лейпциге создана Всеобщая ассоциация немецких женщин с целью борьбы за право на труд и образование.

1866. США

В Нью-Йорке создается Ассоциация за равные права женщин.

1867. Новая Зеландия

Женщинам-налогоплательщицам разрешено голосовать на местных выборах.

1867. Швейцария

В университет в Цюрихе на медицинский факультет принимается женщина.

1868. Великобритания

В октябре открывается первый конгресс Национального общества суфражисток.

1869. Франция

Леон Ришер и Мария Дерамье начинают издавать журнал «Права женщин», пропагандирующий идеи феминизма. С целью интеграции женщин в общественную жизнь создается Лига за права женщин.

1869. Россия

Диплом врача впервые получает женщина.

1869 США

Создана Национальная ассоциация суфражисток с целью усиления борьбы за принятие поправки к Конституции США, которая предоставляла бы женщинам право голоса. Новый штат — Вайоминг — первым предоставляет это право женщинам.

1869. Великобритания

Выходит в свет книга Джона Стюарта Милля «Подчиненность женщины», автор доказывает необходимость эмансипации женщин и признания за ними равных с мужчинами прав.

1870. Ватикан

Папа Пий IX объявляет, что любая сделавшая аборт католичка отлучается от церкви.

1873. Россия

12 русских студенток Цюрихского университета создали тайное революционное общество с целью демократического переустройства политической системы в России.

1876. Россия

В России разрешено организовывать высшие женские курсы в университетских городах (на общественных началах). В 1878 г. в Петербурге открылись Бестужевские высшие женские курсы.

1881. США

Гарвардский университет открывает прием девушек на общих основаниях.

1882. Япония

Открывается первая Высшая женская школа, учебная программа которой предусматривала обучение кройке и шитью, домоводству и хорошим манерам.

1884. Великобритания

Оксфордский университет начал принимать женщин в качестве студенток, но дипломы выпускницам не выдавались до 1920 г.

1885. Австралия

Образована Лига суфражисток.

1886. Индия

Медицинский колледж в Бомбее начал принимать женщин-студенток.

1892. Франция

В Париже проходит Первый международный конгресс за права женщин, который впервые был назван феминистским.

1893. Новая Зеландия

Эта страна стала первой в мире, предоставившей женщинам право голоса.

1894. Россия

Создано Русское женское взаимоблагодетельное общество во главе с доктором Л. Н. Шабановой и А. П. Философовой. Членами общества были женщины интеллигентного труда: учительницы, врачи, переводчицы.

1895. Россия

В Москве создается Общество улучшения участи женщин, в 1895 г. его председателем становится Инесса Арманд.

1897. Италия

В Риме создается Национальная ассоциация женщин с целью защиты прав женщин.

1899. Россия

Начал выходить журнал «Женское дело», издаваемый Русским женским взаимоблагодетельным обществом.

1900. Бразилия

Создана Федерация за улучшение положения женщин.

1900. США

Выходит в свет исследование американского социолога Шарлотты Перкинс Гилман, в котором поднимается вопрос об экономических истоках зависимого положения женщины в обществе и семье.

1901. Россия

Выходит в свет брошюра Н. Крупской «Женщина-работница», где впервые излагаются взгляды российских социал-демократов на проблемы положения женщин и пути их решения.

1902. Австралия

Женщинам предоставляется право голоса.

1902. США

В Вашингтоне (округ Колумбия) проходит международная конференция суфражисток, представленная 10 странами.

1903. Франция

Физик Мари Кюри стала первой женщиной-ученым, получившей Нобелевскую премию; она получила ее вместе с мужем Пьером Кюри.

1903. Италия

В Риме создан Национальный совет женщин Италии, который становится ведущей феминистской организацией.

1904. Франция

Поль Лафарг в статье «Женский вопрос» излагает марксистскую теорию женского угнетения.

1904. Великобритания

По инициативе Эммелин Панкхерс создается Женский социально-политический союз, объединивший сторонников предоставления женщинам избирательных прав.

1905. Германия

Гейдельбергский и Фрайбургский университеты начинают принимать женщин.

1905. Россия

Организован Союз равноправия женщин — феминистская организация, основной целью которой было обретение права голоса для женщин.

1906. Финляндия

Парламент страны впервые в Европе принимает закон о предоставлении женщинам права голоса.

1907. Россия

Основана Женская прогрессивная партия. Председательницей избрана доктор М. И. Покровская, также редактор журнала «Женский вестник» — ежемесячного политического, научного и литературного издания с девизом: «Женщины, объединяйтесь!»

По инициативе социал-демократки А. М. Коллонтай в Петербурге создается Общество взаимопомощи работниц — первый женский социалистический клуб.

1907. Германия

В Штутгарте созывается первая международная конференция социалисток, на которой присутствуют 58 делегаток из 15 стран. Основные вопросы конференции: избирательные права женщин, создание международной организации женщин-социалисток, создание международного печатного органа.

1908. США

В 1908 г., в последнее воскресенье февраля, женщины-социалистки США инициировали первый Женский день со званием большой демонстрации, призывающей к предоставлению женщинам избирательных, политических и экономических прав.

1908. Великобритания

100-тысячная демонстрация суфражисток в Лондоне, протестующая против решения Парламента отклонить Билль об избирательных правах женщин.

1908. Россия

10—16 декабря в Петербурге состоялся Первый всероссийский женский съезд, собравший вместе представительниц самых разных женских организаций России и призвавший к объединенным действиям за права женщин.

1909. США

2 000 человек приняли участие в демонстрации в Женский день в Нью-Йорке. В этом же году женщины-швеи организовали всеобщую забастовку. Около 30 тыс. изготовительниц блузок бастовали в течение 13 холодных зимних недель, требуя улучшения условий труда и повышения заработной платы. В 1910 г. социалистки и феминистки провели Женский день по всей стране.

1909. Дания

В Копенгагене проходит Вторая международная конференция социалисток. По предложению Клары Цеткин, принимается решение об установлении Международного женского дня с целью агитации в пользу избирательного женского права. Уже на следующий год Международный женский день — 8 марта отметят демонстрациями в Австрии, Дании, Германии, Швейцарии.

1911. Германия, Австрия, Дания

19 марта 1911 г. в Германии, Австрии, Дании и некоторых других европейских странах впервые был проведен Международный женский день. Эта дата была выбрана женщинами Германии, потому что в этот день в 1848 г. король Пруссии перед угрозой вооруженного восстания дал обещание провести реформы, включая невыполненное введение избирательного права для женщин. Перед Международным женским днем по всей Германии были распространены миллионы листовок, призывающие предоставить женщинам избирательные права.

1912. США

Профессор социологии и этики в Мелвиллском феминистском колледже Эн Гарлин Спенсер публикует работу «Вклад женщин в общественную культуру», в которой она исследует влияние женщин на развитие цивилизации от первобытных времен до наших дней.

1913. Норвегия

Стала второй европейской страной, предоставившей женщинам избирательные права.

1915. Дания, Исландия

Предоставляют избирательные права женщинам.

1916. США

Введя в 1914 г. термин «контроль над рождаемостью», Маргарет Сангер открывает в Бруклине первую клинику семейного планирования.

1917. Россия

19 марта в Петрограде перед резиденцией Временного правительства состоялась 40-тысячная демонстрация женщин с требованием предоставления избирательных прав. Под давлением общественности в Положении о выборах появилась запись, что члены Учредительного собрания избираются всеобщим, прямым и равным голосованием без различия пола.

1918. Россия

Российская Конституция 1918 г. включает статью о равноправии женщин и мужчин.

1919. Россия

В сентябре на базе комиссий по пропаганде и агитации среди женщин создаются женотделы — учреждения партийных комитетов по работе среди работниц и крестьянок. Основными задачами женотделов были: воспитание женщин в духе социализма и привлечение их к хозяйственному строительству и государственному управлению; координация процессов трансформации институтов брака и материнства, изменение бытовых условий. Первыми руководительницами женотдела при ЦК РКП (б) были Инесса Армандт и Александра Коллонтай (с 1920 г.).

1920. Франция

Аборт объявлен нелегальным, запрещается продажа контрацептивов.

1920. Россия

Постановлением Совета Народных Комиссаров разрешается проведение искусственного медицинского аборта.

1920. США

19-я поправка к Конституции обеспечивает женщинам право голоса.

1921. Канада

Агнес Малфэйл становится первой женщиной, избранной в парламент.

1923. Италия

Муссолини ограничивает доступ женщин к образованию и профессиям.

1923. Турция

Президент Мустафа Кемаль запрещает обычай, требующий от женщин закрывать лицо чадрой.

1923. Россия

В мае Правительство СССР назначает А. М. Коллонтай полномочным представителем страны в Норвегии. А. М. Коллонтай стала первой в мире женщиной-дипломатом¹.

1928. Великобритания

Право голоса предоставляется теперь и женщинам.

1929. Индия

Принимается закон, запрещающий практику насильного замужества девочек.

1929. Россия

Ликвидированы женотделы, созданные в партии в первые годы советской власти и проявившие большую активность в решении женского вопроса и работе среди женщин. И. Сталин объявляет о решении «женского вопроса» в СССР.

1930. Италия

Преступлением объявляется распространение контрацептивов, ужесточается наказание за аборт.

1930 Великобритания

Выходит в свет открыто феминистическое произведение английской романистки Вирджинии Вулф «Своя комната», в котором поднимаются проблемы женского и литературного творчества, женского отношения к мужской культуре, специфичность женской литературной традиции, значение для женщин экономической независимости.

¹ По этому поводу есть запись в дневниках А. М. Коллонтай: «...старый друг Эрика принесла горшочек цветущих роз. "Запомни этот день, — сказала она, — в истории женского движения и борьбы за равноправие он будет записан"» (Дипломатические дневники. — М., 2001. — Т. 1. — С. 132).

1934. Китай

Запрещается древняя практика бинтования ног девочек.

1939. Гаити

Женщинам разрешено поступать учиться в университеты.

1949. Франция

Писательница и философ Симона де Бовуар публикует книгу «Второй пол» — исследование женщины как Другого. Основываясь на истории, искусстве, психоанализе, биологии, мифах, литературе и экзистенциальной философии, С. де Бовуар показывает, как мужчины последовательно и постоянно отказывали женщинам в праве на человечность, создавая искусственную конструкцию, которую определили как противоположную себе под названием «женщина». Книгу иногда считают знаком возрождения феминизма во второй половине XX в.

1954. Индия

Законом запрещается полигамия.

1956. Франция

Организуется Движение за планирование семьи, нацеленное на борьбу с законом 1920 г. о запрете на продажу контрацептивов.

1960. США

В продаже легально появляются первые противозачаточные таблетки.

1960. Цейлон (Шри-Ланка)

Сиримаво Бандаранайке стала первой в мире женщиной, возглавляющей правительство страны.

1963. Россия

Валентина Терешкова стала первой в мире женщиной-космонавтом.

1963. США

Известная деятельница феминистского движения Бетти Фриден публикует книгу «Мистика женственности», в которой разоблачала идеализацию женской роли жены и матери

и призывала женщин развивать себя как полное человеческое существо посредством образования и труда. Книга стала сигналом для подъема второй волны феминизма — Движения за освобождение женщин.

1964. США

Актом о гражданских правах запрещается дискриминация по признаку расы, пола, религии и национальности.

1966. Австралия

Замужним женщинам больше не запрещается устраиваться на работу.

1966. Индия

Индира Ганди становится премьер-министром страны.

1967. Франция

Легализована контрацепция.

1968. Ватикан

Папа Павел IV издает энциклику о запрещении применения контрацептивов.

1968. США

Первый мужской центр по развитию феминистского сознания открыт в Калифорнийском университете (Беркли).

1969. США

В Корнелльском университете (штат Нью-Йорк) проходит феминистская конференция, организованная женщинами-учеными и собравшая вместе около 2 тыс. участниц — представительниц различных сфер научного знания. Конференция подняла вопрос об отсутствии материала о женщинах и их жизненном опыте в традиционных науках. Итогом этой конференции стало рождение и развитие женских исследований, открытие в университетах программ и курсов по женским исследованиям.

1969. Израиль

Голда Меир становится премьер-министром страны.

1970. Италия

Впервые разрешен развод.

1971. Франция

Из семейного законодательства изымается понятие «отцовская власть» и вводится понятие «родительство».

1972. Великобритания

Открыт первый шелтер для женщин, подвергшихся избиениям.

1974. Франция

Создается Лига прав женщин, которую возглавила Симона де Бовуар.

В Париже проводится первый феминистский кинофестиваль.

При правительстве создается пост Государственного секретаря по делам женщин (возглавила журналистка и издательница Франсуаза Жиро). Цель — координация действий различных ведомств и организаций для создания условий равных возможностей женщин и мужчин.

1975. ООН

Генеральная Ассамблея ООН провозглашает 1975 г. Международным годом женщины, который проводится во всех странах мира под девизом: «Равенство, развитие, мир».

В Мехико проводится Первая всемирная конференция по положению женщин. Объявлено о Десятилетии женщин (1975—1985) с целью достижения равенства женщин и мужчин в обществе. Следующие конференции проведены в 1980 г. (Копенгаген), в 1985 г. (Найроби), в 1995 г. (Пекин).

1975. Исландия

24 октября в стране прошла национальная забастовка женщин, организованная женскими организациями и поддержанная профсоюзами. Замужние и незамужние, молодые и пожилые, работающие дома и вне дома женщины остановили на 24 ч свою домашнюю и профессиональную работу. В столице страны Рейкьявике и других городах женщины организовали массовые митинги, привлечшие внимание общественности к значению труда женщин.

1976. ФРГ

Первое убежище для избитых женщин открыто в Западном Берлине.

1976. США

По закону от 1975 г. в военные академии стали принимать женщин.

1977. Канада

Правительство издает закон о равной оплате за равный труд женщин и мужчин.

1979. Испания

Использование контрацептивов становится легальным.

1979. Великобритания

Маргарет Тэтчер становится первой женщиной в Европе, избранной на пост главы правительства.

1979. Иран

По приказу аятоллы Хомейни разгоняется 15-тысячная женская демонстрация против новых порядков, ущемляющих права женщин; закрываются школы совместного обучения, в обязательном порядке вводится ношение чадры.

1979. ООН

18 декабря Генеральная Ассамблея принимает Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин — многосторонний договор, в котором закрепляется равноправие женщин и мужчин в общественной и в частной жизни. СССР ратифицировал Конвенцию в 1980 г.

1980. Франция

Писательница Маргерит Юрсенар (*Маргарита-Антуанетта-Жанна-Мария Гислен де Крайенкур*) избрана в члены Французской академии — первая женщина со времени образования академии в 1635 г.

1980. Китай

Закон запрещает против воли организованные браки, полигамию и выкуп за невесту.

1980. Исландия

На президентских выборах побеждает Вигдис Финбогдоттир (*Vigdís Finnbogadóttir*), которая стала первой в мире женщиной, избранной на пост Президента страны.

1984. Египет

Правительство отменяет закон 1979 г., согласно которому 30 мест в парламенте оставались за женщинами; число женщин-парламентариев вскоре сократилось вдвое.

1984. Лихтенштейн

Последняя страна в Европе, предоставившая женщинам право голоса.

1987. США

Рядом с Белым домом в Вашингтоне открывается Национальный музей «Женщины в искусстве», созданный по инициативе Вильгельмины Холлидэй.

1988. Пакистан

На пост премьер-министра впервые в мусульманском мире избирается женщина — Беназир Бхутто.

1989. Дания

Первая страна, которая легализовала однополые браки.

1989. Румыния

Среди первых законодательных актов нового правительства — законы, запрещающие аборт и использование контрацептивов.

1989. Россия

Официально регистрируется женская правозащитная пацифистская организация — «Комитет солдатских матерей России» с отделениями в различных регионах страны.

1991. Россия

В Дубне — городе ученых под Москвой — собирается Первый независимый женский форум под лозунгом: «Демократия без женщин — не демократия», который показал, что в стране существует независимый женский голос. В следующем году там же соберется Второй форум — более 500 жен-

щин из разных городов России, представляющих создающиеся «снизу» общественные женские организации. Начинается возрождение феминистских идей и новый подъем женского движения в России.

1992. Китай

Законом запрещается убийство новорожденных девочек, а также продажа девушек и женщин.

1992. Япония

Женщины получили право поступать учиться в военные академии.

1993. ООН

Генеральная Ассамблея ООН принимает Декларацию об искоренении насилия в отношении женщин.

1996. Россия

В январе Московский центр гендерных исследований проводит в Москве научно-практическую конференцию, посвященную проблемам становления женских и гендерных исследований в России. Впервые женщины-ученые и активистки женских общественных организаций собрались вместе, чтобы обсудить опыт исследования и преподавания в вузах курсов по женской и гендерной проблематике, а также их роль во взаимодействии с женским движением. Результатом конференции стала активная институализация женских и гендерных исследований и программ по распространению гендерных знаний.

Сандра Бем. Теория гендерной схемы и ее применение для развития ребенка: воспитание ребенка, свободного от гендерной схематизации, в обществе гендерной схематизации¹

Воспитание гендерно несхематизированного ребенка

Многие родители-феминисты — это те, кто надеется вырастить ребенка, свободного от гендерной схематизации в обществе гендерной схематизации, как и другие родители, которые хотят вырастить своих детей с верой и ценностями, не совпадающими с доминирующей культурой. И пытаться сделать это надо до того, как доминирующая культура подчинит себе детей. Безусловно, родители-феминисты находятся в сложной ситуации, т. к. они не могут игнорировать гендер, как им хотелось бы. Общество и культура обучает их детей гендеру точно так же, как детей из других семей.

Здесь предлагается две стратегии решения этой проблемы. Первая состоит в том, чтобы обучить детей различиям между полами, но без втягивания этих различий в ассоциативные сети, связанные с культурными определениями пола. При этом необходимо одновременно и тормозить знания детей о культурных представлениях о поле, и обеспечивать детей биологическими определениями пола.

Вторая стратегия состоит в том, чтобы дать детям альтернативную, или «разрушительную», схему, с помощью которой они смогли бы интерпретировать и расшифровывать

¹ Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. — М., 2004. — С. 322—330.

культурные понятия о поле, вместо того чтобы обучаться им. Этот шаг необходим, даже если дети обучаются процессам гендерной схематизации позже, чем их сверстники из более традиционных семей.

И для ребенка, и для взрослого подобная альтернативная схема поможет создать сопротивление доминирующей культуре и поддержать тем самым их гендерную асхематичность даже в гендерно схематизированном обществе.

Обучение детей различиям между полами

Культурные понятия о поле. Детей учат тому, что гендер есть ассоциативная сеть большой функциональной значимости. Это достигается посредством демонстрации множества культурных связей с полом, существующих в обществе. Соответственно первый шаг родителей, которые хотят задержать развитие процесса гендерной схематизации, — это задержать знания детей по поводу этих культурных посланий о гендере. Родители могут пытаться ослабить связанные с полом корреляции внутри социального пространства детей, таким образом внося изменения в основы, по которым дети могут конструировать свои собственные концепции мужественности и женственности.

Они могут это делать, расшатывая половые стереотипы своим собственным поведением или снабжая своих детей информацией, с помощью которой они могут самостоятельно принимать решения. Они могут изменить свои традиционные роли при приготовлении обеда, купании детей, вождении машины. Они могут подчеркивать, что все дети, независимо от пола, могут иметь кукол и грузовики, одежду голубого и розового цвета, а партнерами по играм — и мальчиков, и девочек. Они могут дать своим детям, пока они подрастают, возможность увидеть мужчин и женщин в нетрадиционных профессиях.

Пока дети малы, родители могут ставить заслон культурным посланиям о гендере, проверяя книги и телевизионные программы, в которых явно или неявно сообщается о полах на небологической основе.

В настоящее время¹ такая тактика исключит множество детских книг и большинство телевизионных программ. С другой стороны, также может уменьшиться количество феминистских книг, стремящихся преодолеть половые стереотипы. Даже если книга настаивает на том, что «плохо» не разрешать Вилли иметь куклу, она неявно учит ребенка, еще не обученного ассоциативной сети, что мальчики и куклы не могут нормально сосуществовать вместе.

Чтобы компенсировать эту цензуру, родители сами должны искать или создавать материал, который бы не обучал половым стереотипам. С нашими собственными детьми мы с мужем «излечивали» книги, где это только было возможно, от связанных с полом корреляций. В основном в книгах мы изменяли пол главных персонажей, подрисовывая грудь или длинные волосы на рисунках, изображающих преимущественно мужчин — водителей, врачей, пилотов и т. д. Можно вычеркивать или сокращать части текста, где мужчины или женщины описываются в стереотипной манере. Если вы читаете детскую книгу вслух, то используйте местоимения без явного указания на то, что все герои без платьев и розовых бантиков должны быть обязательно мужского пола. Например, вопрос может ставиться таким образом: «Что делает этот маленький поросенок? Почему он или она хочет построить мост?»

Эти практики создаются для того, чтобы позволить самым маленьким детям обитать в обществе, если родителям повезло, где корреляции с полом смягчены, скажем, с 0,96 до 0,43. В соответствии с теорией гендерной схемы таким образом можно ослабить образование связанной с полом ассоциативной сети, которая, в свою очередь, формирует основу гендерной схемы.

Если эта социальная практика учит детей тому, что полом, по сути, не является, то детей надо обучить тому, что есть собственно пол.

¹ Статья написана 17 лет назад, и за это время появилась продукция для детей, которая не показывает девочек традиционно. Например, мультфильм «Мулан» о китайской девочке-воине.

Биологические особенности пола

Когда все культурные корреляты с полом ослаблены или удалены, существуют две, не требующие обсуждений биологические особенности полов: анатомия и репродукция.

Соответственно родители могут сделать эти особенности различительными характеристиками мужественности и женственности. Обучая своих детей тому, что гениталии у мужчин и женщин разные, родители помогают детям понять сущность культурных определений пола и, таким образом, сократить сеть связанных с ним ассоциаций.

Объясняя детям, что мужчины и женщины имеют только репродуктивные различия, родители ограничивают функциональную значимость пола и тем самым тормозят процессы гендерной схематизации. Получая четкое и прямое определение того, что такое пол и где он собственно находится, дети имеют предпосылки для конструирования собственной концепции мужественности и женственности на биологической основе, а не на культурных коррелятах, которые им предъявляются.

Чем более гибко дети интерпретируют правила и категории, тем больше это способствует поддержанию их веры в то, что пол определяется узко в терминах анатомии и репродукции, а не поддерживает традиционную веру в то, что каждое произвольное гендерное правило может быть жестко навязано и выполнено.

Факт, что между полами существуют биологические различия, должен быть поддержан в качестве основы феминистского воспитания ребенка.

Либерализация, происходящая в результате использования однозначного и прямого определения пола по гениталиям, и запрет на подобное определение прекрасно проиллюстрированы историей, которая случилась с нашим сыном Джереми, одевшим берет в детский сад.

Через некоторое время другой маленький мальчик сказал Джереми, что он, Джереми, должен быть девочкой, потому что «только девочки носят береты». После нескольких объ-

яснений этому ребенку, что ношение берета ничего не значит и что быть мальчиком — значит иметь пенис и яички, Джереми, в конце концов, снял свои брюки для того, чтобы сделать свои аргументы более явными. Другой мальчик не удивился, а просто сказал, что «все имеют пенис, но только девочки носят береты».

В американской культуре детей не обучают определять пол в терминах анатомии и репродукции до самого последнего времени, и в результате они, как приведенный в примере ребенок, ошибочно обращаются с культурными коррелятами секса как с его определением.

Эти ошибки поддерживаются тем фактом, что гениталий обычно не видно и поэтому на них нельзя ссылаться, чтобы идентифицировать чей-либо пол.

Поэтому, если наши дети спрашивают о ком-то, мужчина это или женщина, мы часто говорили о своей неуверенности относительно пола человека, подчеркивая, что у нас нет определенной информации на этот счет — мы не можем посмотреть, что под одеждой этого человека — пенис или вагина. Более того, когда наши дети сами начинали использовать небιологические «маркеры» для определения пола, мы мягко напоминали им, что пол определяется строением гениталий.

На наш взгляд, иллюстрированная книжка Стефани Ваксман «Кто такие девочки? Кто такие мальчики?» может быть дополнительной поддержкой в образовании по этой теме. Каждая страница показывала живые и привлекательные фотографии девочек и мальчиков, включенных в некоторое стереотипное поведение как более типичное или более соответственное для другого пола. Сопровождалось это текстами следующего содержания: «Некоторые говорят, что только девочки носят украшения, но Барри носит цепочку, и он — мальчик». Книга заканчивается фотографиями обнаженных взрослых и детей и ясно определяет пол в терминах анатомии.

Это особенный урок о том, что такое пол и чем он не является. Здесь пол создается, чтобы сделать ребенка более на-

ивным, чем его сверстники, в культурных аспектах гендера и более искушенным, чем его сверстники, в биологических аспектах пола. Конечно, эта наивность со временем начинает исчезать, и они тоже начинают осваивать культурную сеть ассоциаций, связанных с полом. В этом плане родители должны предпринять шаги к тому, чтобы ассоциативная сеть не стала познавательной.

Обеспечение альтернативными схемами

Предположим, что родители-феминисты успешно научили ребенка определять пол в терминах анатомии и репродукции. Далее возникают вопросы о том, как такой ребенок будет осознавать множество связанных с полом понятий, которые начнут навязываться ему или его сознанию? Какие альтернативные схемы можно предложить ребенку, чтобы помочь ему организовать и усвоить информацию, связанную с гендером?

Схема индивидуальных различий. Первая альтернативная схема является просто детской версией либеральной аксиомы, используемой, в общем, для противостояния стереотипному мышлению. Она гласит о том, что существуют значительные различия между индивидами внутри группы, по сравнению с малыми различиями между группами. Например, на высказывание «девочки не играют в футбол» можно ответить, что «некоторые девочки играют в футбол (как твоя сестра Алиса или Маша с соседней улицы), а некоторые мальчики не делают этого (как твой дедушка и брат Алисы Виктор из нашего подъезда)». Это, конечно, полезно для родителей — поддержать себя длинным списком альтернативных примеров подобных случаев.

Схема индивидуальных различий применяется, чтобы предотвратить превращение индивидуальных различий в половые, а также связи воспринимаемых различий между людьми — в гендерную схему.

Это должно помочь детям в том, что два пола в основном подобны друг другу, и все легковесные суждения о половых

различиях нужно рассматривать как сомнительные. Именно с этого скептицизма начинается феминистское осознание.

Схема культурного релятивизма. По мере взросления детей их знания увеличиваются, и они начинают осознавать, что вера и установки ее или его семьи о гендере отличаются от тех, которые доминируют в обществе.

Соответственно дети нуждаются в разумном объяснении и логическом обосновании, а не просто в принятии того, что существование множества взглядов является более реальным, чем существование одного мнения. Одно из возможных объяснений культурного релятивизма предлагается выразить следующим образом: «Разные люди верят различным вещам» и что существование различных противоположных убеждений, скорее, правило в обществе, нежели исключение.

Дети могут (и должны) ознакомиться со схемой культурной относительности задолго до ее применения к гендеру. Например, дети хотят понять, почему они, а не соседские дети должны пользоваться ремнями безопасности; почему члены нашей семьи, а не соседской обычно ходят дома обнаженными.

В этом случае необходимо упомянуть, что противоположные мнения сосуществуют весьма часто. Дети должны принимать с относительной невозмутимостью и спокойствием то, что их убеждения отличны от убеждений многих их сверстников в отношении гендера.

В заключение: схема культурного релятивизма может решить одну из основных проблем либеральных родителей-феминистов: как дать своим детям доступ к богатой классической литературе и менее богатым СМИ, но в то же время не оставить своих детей силам, которые обеспечивают процессы гендерной схематизации.

К счастью, цензура полостереотипных материалов, необходимая для задержки первоначального роста ассоциативных сетей, связанных с полом, может быть не нужна, когда дети уже научатся критическим урокам о том, что культур-

ные послания отражают убеждения и установки личности или личностей, которые создают эти послания.

Соответственно перед тем как начать читать нашей дочери ее первый том сказок, мы обсудили ее культурные взгляды и установки о мужчинах и женщинах, которые сказки могли отражать. Так, по мере чтения, мы делали комментарии типа: «Как интересно, что люди, написавшие эту сказку, думают, что девочек всегда кто-то должен спасать». Если эти комментарии не будут тяжеловесны, то дети смогут полностью получить удовольствие от самой сказки и при этом научиться обесценивать половые стереотипы в этих сказках как не соответствующие их собственным убеждениям. Схема культурного релятивизма, таким образом, дает возможность детям осознать, что сказки имеют разные смыслы.

Схема сексизма. Культурный релятивизм хорош в свое время, но родители-феминисты не могут и не должны быть удовлетворены, притворяясь, что все идеи, особенно о гендере, одинаково верны. В будущем они должны заявить, что декларации о мужчинах и женщинах в СМИ, в сказках, в других семьях не просто являются другими, они — неверные. Пришло время дать детям информацию о сексизме. Только получив схему сексизма, согласованную с пониманием исторических путей и современных последствий половой дискриминации, дети смогут действительно понять, почему два пола так по-разному представлены в обществе. Например, почему в США никогда не было женщины-президента? Почему многие папы не остаются с детьми дома и почему так много людей верят, что половые различия являются «естественными» биологическими последствиями?

Дети, получившие готовность кодировать и организовывать информацию в терминах развивающейся сексистской схемы, подготовлены активно противостоять структурам, которые им навязывают люди с гендерной схемой.

Развитие сексистской схемы иллюстрируется реакцией нашей дочери Эмили на книгу Нормы Клейн «Девочки могут иметь любую профессию». Один из героев книги по име-

ни Адам Собел настаивает на том, что «девочки всегда должны быть медсестрами, а мальчики — всегда врачами» и что «девочки никогда не могут быть летчиками, а только стюардессами». Прочтя это, наша дочь в возрасте 4 лет с презрением начала спонтанно навешивать ярлык «Адам Собел» на тех, кто говорит стереотипно о гендере. Это имя стало, таким образом, ядром развивающейся сексистской схемы ребенка, которая дает ему возможность противостоять любой половой дискриминации, которую он или она встретит в своей жизни. Как родители-феминисты мы надеемся вырастить своих детей и без гендерной, и без сексистской схемы. В данный исторический момент, однако, приходится делать выбор по этому поводу. Должны ли мы воспитать детей схематизированными по гендеру, а следовательно, и полотицизированными, или дети должны освоить схему сексизма и стать феминистами? Мы выбрали последнее.

Комментарии по психологической андрогинии

Центральная фигура теории гендерной схемы (ТГС) — это полотицизированный индивид. Мои ранние работы были связаны с андрогинным субъектом. В начале 70-х андрогиния казалась многим феминисткам более либеральной и гуманной альтернативой традиционному, основанному на поле стандартам психического здоровья. Действительно, эта стратегия могла применяться в равной степени как для мужчин, так и для женщин. Она поддерживала стремление совмещать в своей личности фемининные и маскулинные черты.

Но, защищая концепцию андрогинии, феминистки заменили предписание «быть только фемининным или только маскулинным» на предписание «быть одновременно и фемининным, и маскулинным». Теперь у индивида вместо одного появилось два потенциальных источника неадекватности.

Концепция андрогинии, по моему мнению, проблематична и потому, что она базируется на допущении существования внутри нас фемининности и маскулинности. Она допускает, что фемининность и маскулинность имеют незави-

симую и явную реальность, а не конструируются в процессе гендерной схематизации. Акцент на андрогинии делает невозможным понимание того, как гендер организует наше восприятие и нашу социальную жизнь.

Напротив, концепция процессов гендерной схематизации направляет наше внимание на разнообразные возможности гендерной схемы в условиях, где преимущество должны иметь другие схемы. Без сомнения, ТГС является политическим посланием. Согласно ему не индивид должен быть андрогинным, скорее, сеть ассоциаций, образующая гендерную схему, должна быть более ограниченной в объеме, и общество должно прекратить настаивать на повсеместной функциональной важности гендерной дихотомии.

Человеческое поведение и личностные характеристики больше не должны определяться гендером. Общество должно прекратить проецировать гендер на ситуации, не связанные с гениталиям.

Список использованной литературы

- Аберкромби, Н.* Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернет. — М. : Экономика, 1997.
- Абраменкова, В. В.* Половая дифференциация и межличностные отношения в детской группе / В. В. Абраменкова // *Вопр. психологии.* — 1987. — № 5. — С. 70—78.
- Абубикирова, Н. И.* Что такое гендер? / Н. И. Абубикирова // *Общественные науки и современность.* — 1996. — № 6. — С. 123—125.
- Агеев, В. С.* Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком / В. С. Агеев // *Вопр. психологии.* — 1985. — № 3. — С. 135—140.
- Агеев, В. С.* Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В. С. Агеев // *Вопр. психологии.* — 1987. — № 2. — С. 152—157.
- Адлер, А.* Понять природу человека / А. Адлер. — СПб. : Акад. проект, 2000.
- Ажгихина, Н.* Прекрасная дама у кульмана / Н. Ажгихина // *От первородного греха к высоким технологиям / под ред. М. Гессен.* — СПб., 1996. — С. 33—42.
- Айзенштадт, А.* Гендерные роли: фольклор, реклама, жизнь / А. Айзенштадт // *Женщина. Образование. Демократия : матер. 4-й междунар. междисципл. науч.-практ. конф., Минск, 7—8 дек. 2001 г. / Женский институт «ЭНВИЛА» ; редкол. Л. А. Черепанова [и др.].* — Минск, 2002. — С. 443—446.
- Алексеева, А. В.* Идентичность: особенности становления в юношеском возрасте / А. В. Алексеева // *Журн. практ. психолога.* — 1999. — № 1. — С. 3—9.
- Алешина, Ю. Е.* Ролевой конфликт работающей женщины / Ю. Е. Алешина, Е. В. Лекторская // *Вопр. психологии.* — 1989. — № 5. — С. 80—88.
- Алешина, Ю. Е.* Проблемы усвоения ролей мужчин и женщин / Ю. Е. Алешина, А. С. Волович // *Вопр. психологии.* — 1991. — № 4. — С. 74—82.
- Ананьев, Б. Г.* Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. — СПб. : Питер, 2001.
- Андреева, В. Н.* Сравнительная характеристика долговременной вербальной памяти мужчин и женщин / В. Н. Андреева // *Экспериментальная и прикладная психология.* — Л., 1973. — Вып. 5. — С. 67—74.

Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. — М. : МГУ, 1997.

Андреева, И. Н. Гендерные различия в структуре эмоционального интеллекта у студентов / И. Н. Андреева // Женщина. Образование. Демократия : матер. 7-й междунар. междисципл. науч.-практ. конф., Минск, 10—11 дек. 2004 г. / Женский институт «ЭНВИЛА» ; редкол. Л. А. Черепанова [и др.]. — Минск, 2004. — С. 282—285.

Андреева, И. Н. Понимание эмоций: гендерные различия / И. Н. Андреева // Гендер и проблемы коммуникативного поведения: сб. матер. 3-й междунар. науч. конф., 1—2 нояб. 2007 г. / редкол. А. А. Гугнин [и др.] — Полоцк, 2007. — С. 230—233.

Антология гендерных исследований : сборник / пер., сост. и коммент. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. — Минск : Пропилеи, 2000.

Антонова, Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // Вопр. психологии. — 1996. — № 1. — С. 131—143.

Ариес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Ариес. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Аристотель. О возникновении животных / Аристотель // Соч. : в 4 т. — М., 1983а. — Т. 3.

Аристотель. Политика / Аристотель // Соч. : в 4 т. — М., 1983б. — Т. 4.

Аркин, Е. А. Об изучении детского коллектива / Е. А. Аркин. — М., 1927.

Аронсон, Э. Эпоха пропаганды : Механизмы убеждения. Повседневное использование и злоупотребление / Э. Аронсон, Э. Р. Пратканис. — СПб. : Прайм-Евроснак, 2002.

Астафьев, П. Е. Психический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки / П. Е. Астафьев. — М. : Универ. тип. М. Каткова, 1881.

Астафьев, П. Е. Понятие психического ритма как научное основание психологии полов / П. Е. Астафьев. — М. : Универ. тип. М. Каткова, 1882.

Бебель, А. Женщина и социализм / А. Бебель. — М. : Гос. изд-во пол. лит. лит., 1959.

Бабосов, Е. М. Социальные стереотипы / Е. М. Бабосов, В. И. Русецкая // Социологический словарь / сост. А. Н. Елсунов, К. В. Шульга. — Минск, 1991. — С. 352—353.

Бабосов, Е. М. Основы конфликтологии / Е. М. Бабосов. — Минск : Право и экономика, 1997.

Багрунов, В. П. Половые различия видовой и индивидуальной изменчивости психики человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. П. Багрунов. — Л., 1981.

Баранник, О. С. Влияние семьи на формирование тревожности у дошкольников / О. С. Баранник // Ананьевские чтения-99 : тез. науч.-практ. конф., СПб., 26—28 окт. 1999 г. / под ред. А. А. Крылова. — СПб., 1999. — С. 176—177.

Беларусь: выбор пути : Национальный отчет о человеческом развитии // Гендерные измерения белорусского образа жизни. — Минск, 2000. — С. 69—76.

Белинская, Е. П. Социальная психология личности / Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая. — М. : Аспект-Пресс, 2001.

Бем, С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. — М. : РОССПЭН, 2004.

Бендас, Т. В. Гендерная психология / Т. В. Бендас. — СПб. : Питер, 2005.

Бергер, П. Социальное конструирование реальности : Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М. : Медиум, 1995.

Бердяев, Н. А. Самопознание : (опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. — М. : Междунар. отношения, 1991.

Березовская, Т. Эмоциональное развитие старшеклассников в детском театральном объединении (гендерный аспект) / Т. Березовская // Женщина. Образование. Демократия : матер. 5-й междунар. междисципл. науч.-практ. конф., Минск, 6—7 дек. 2002 г. / Женский институт «ЭНВИЛА» ; редкол. Л. А. Черепанова [и др.]. — Минск, 2003. — С. 196—198.

Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб. : Прайм-Евроснак, 2001.

Бессонова, Т. Л. Психологические особенности полоролевого самосознания и самопринятия личности / Т. Л. Бессонова, И. С. Дьяченко // Матер. науч. сессии по итогам науч.-исслед. работы МГУ за 1991 г. — М., 1992. — С. 6—8.

Бирюкова, Н. В. Изучение некоторых личностных свойств школьников разного возраста / Н. В. Бирюкова, Б. Ю. Ипатов, С. А. Моисеенко // Психофизиологические вопросы изучения личности спортсмена : сб. науч. работ. — Л., 1976. — С. 168—174.

Блонский, П. П. Очерки детской сексуальности / П. П. Блонский // Избр. пед. и психол. тр. : в 2 т. — М., 1979. — Т. 1.

Бовуар, С. де. Второй пол / С. де Бовуар. — М. : Прогресс ; СПб. : Алетейя, 1997.

Болен, Дж. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / Дж. Болен. — М. : София, 2005.

Браун, Л. Женский вопрос, его историческое развитие и его экономическая сторона / Л. Браун ; пер. с нем. А. Ачкасова, И. Кугеля. — М. : Изд. Д. П. Ефимова, 1906.

Бреслав, Г. М. Половые различия и современное школьное образование / Г. М. Бреслав, Б. И. Хасан // *Вопр. психологии.* — 1990. — № 3. — С. 64—69.

Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. — СПб. : Питер, 1998.

Варга, А. Я. Идентификация с родителями и формирование психологического пола / А. Я. Варга // *Семья и формирование личности : сб. ст. / под ред. А. Я. Варги.* — М., 1981. — С. 21—26.

Введение в гендерные исследования. — Ч. 1 : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетей, 2001.

Введение в гендерные исследования / под общ. ред. И. В. Костиковой. — М. : Аспект-Пресс, 2005.

Вейнингер, О. Пол и характер : Мужчина и женщина в мире страстей и эротики / О. Вейнингер. — М. : Форум, 1991.

Виноградова, Т. В. Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин : Роль биологических и социальных факторов / Т. В. Виноградова, В. В. Семенов // *Вопр. психологии.* — 1993. — № 2. — С. 63—71.

Винокуров, А. И. Взаимосвязь индивидуальных и личностных характеристик человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. И. Винокуров. — СПб., 1996.

Виткин, Дж. Правда о женщинах / Дж. Виткин. — СПб. : Питер, 1996.

Возрастная и педагогическая психология / под ред. А. В. Петровского. — М. : Просвещение, 1979.

Воронина, О. А. Женщина — друг человека? / О. А. Воронина // *Человек.* — 1990. — № 5. — С. 48—58.

Воронина, О. А. Гендер и культура / О. А. Воронина, Т. А. Клименкова // *Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / отв. ред. З. А. Хоткина.* — М., 1992. — С. 10—22.

Воронина, О. А. Категории пол/гендер в философии феминизма / О. А. Воронина // *Философские исследования.* — 1995. — № 4. — С. 80—98.

Воронина, О. А. Введение в гендерные исследования / О. А. Воронина // *Матер. Первой рос. летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96».* — М., 1997. — С. 29—34.

Гаврилица, О. А. Чувство вины у работающей женщины / О. А. Гаврилица // *Вопр. психологии.* — 1998. — № 4. — С. 65—70.

Гейманс, Г. Психология женщины / Г. Гейманс. — СПб. : Изд-во О. Богдановой, 1911.

Геодакян, В. А. Два пола : Зачем и почему? Эволюционная роль разделения на два пола с точки зрения кибернетики / В. А. Геодакян // *Наука и жизнь.* — 1966. — № 3. — С. 99—105.

Герген, К. Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии / К. Дж. Герген // *Социальная психология: саморефлексия маргинальности : хрестоматия.* — М., 1995а.

Герген, К. Дж. Социальная психология как история / К. Дж. Герген // *Социальная психология: саморефлексия маргинальности : хрестоматия.* — М., 1995б.

Герген, К. Социальный конструкционизм / К. Герген // *Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха.* — 2-е изд. — М. [и др.], 2006.

Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. — М. : Эдиториал УРСС, 1999.

Гиллиган, К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин / К. Гиллиган // *Эстетическая мысль : науч.-публицист. чтения / общ. ред. А. А. Гусейнова.* — М., 1992. — С. 357—366.

Гилмор, Д. Становление мужественности : Культурные концепты маскулинности / Д. Гилмор. — М. : РОССРЭН, 2005.

Грошев, И. В. Гендерная невербальная коммуникация в рекламе / И. В. Грошев // *Социологические исследования.* — 1999. — № 4. — С. 71—77.

Грошев, И. В. Гендерные образы рекламы / И. В. Грошев // *Вопр. психологии.* — 2000. — № 6 — С. 38—49.

Гузилов, Б. М. Алкоголизм у женщин / Б. М. Гузилов, А. А. Мейроян. — Л. : Медицина, 1988.

Гурко, Т. Отношения мужчин и женщин в браке / Т. Гурко, П. Босс // *Семья на пороге третьего тысячелетия / под ред. А. И. Антонова.* — М., 1995.

Даниленко, А. Некоторые аспекты гендерных различий в переживании эмоций / А. Даниленко, А. Гаврилович // *Женщина. Образование. Демократия : матер. 5-й междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 6—7 дек. 2002 г. / Женский институт «ЭНВИЛА» ; редкол. Л. А. Черепанова [и др.].* — Минск, 2003. — С. 208—210.

Дворкин, А. Геноцид, или Китайское бинтование ног / А. Дворкин // *Антология гендерной теории / сост., коммент., общ. ред. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой.* — Минск, 2000. — С. 12—28.

Дворяшина, М. Д. О соотношении успеваемости и динамики интеллектуального развития студентов в процессе их обучения в вузе / М. Д. Дворяшина // *Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы.* — Л., 1974. — Вып. 2.

Демиденко, Т. М. Актуальные проблемы социальной защиты женщин в современных условиях / Т. М. Демиденко // *Уровень жизни населения и социальная политика в регионах : сб. матер. всерос. науч.-практ. конф.* — Пенза, 2000. — С. 164—167.

Джейс, Ф. Самоисполняющиеся пророчества: гендер с социально-психологической точки зрения / Ф. Джейс // Сексология : хрестоматия / под ред. Д. И. Исаева. — СПб., 2001. — С. 144—160.

Доклад о развитии человека за 2002. — Нью-Йорк, 2002.

Донцов, А. И. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра / А. И. Донцов, Т. Г. Стефаненко // Социальная психология в современном мире / под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова. — М., 2002. — С. 76—95.

Дэвис, Дж. Социальная установка / Дж. Дэвис // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / под ред. Т. Парсонса. — М., 1972. — С. 54—67.

Залкинд, А. Б. Революция и молодежь / А. Б. Залкинд // Родник. — 1989. — № 9. — С. 63—68.

Запрудский, Ю. Г. Конфликтология / Ю. Г. Запрудский. — Ростов н/Д : Феникс, 2000.

Здравомыслова, Е. Социальное конструирование гендера как феминистская теория / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Женщина. Гендер. Культура / отв. ред. З. А. Хоткина [и др.]. — М., 1999. — С. 46—65.

Здравоохранение в Республике Беларусь : Офици. стат. сб. за 2002 г. — Минск : ГУ РНМБ, 2003. — 356 с.

Зелинский, С. М. Половая идентичность у подростков / С. М. Зелинский // Психика и пол детей и подростков в норме и патологии : сб. ст. / под ред. Д. Н. Исаева. — Л., 1986. — С. 26—29.

Знаков, В. В. Половые различия в понимании неправды, лжи, обмана / В. В. Знаков // Психол. журн. — 1997. — Т. 18, № 1. — С. 38—49.

Знаков, В. В. Макиавеллизм и феномен вранья / В. В. Знаков // Вопр. психологии. — 1999а. — № 6. — С. 59—69.

Знаков, В. В. Психология понимания правды / В. В. Знаков. — СПб. : Алетейя, 1999б.

Знаков, В. В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы / В. В. Знаков // Психол. журн. — 2004. — Т. 25, № 1. — С. 41—51.

Ильин, Е. П. Дифференцированная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2002.

Исаев, Д. Н. Психогигиена пола у детей / Д. Н. Исаев, В. Е. Каган. — Л. : Медицина, 1986.

Каган, В. Е. Стереотипы мужественности — женственности и образ «Я» у подростков / В. Е. Каган // Вопр. психологии. — 1989. — № 3. — С. 53—62.

Калабихина, И. Е. Гендерный анализ экономико-демографических проблем населения : автореф. дис. ... канд. экон. наук / И. Е. Калабихина. — М., 1994.

Келли, Г. Основы современной сексологии / Г. Келли. — СПб. : Питер, 2000.

Кириллина, В. Н. Социокультурные аспекты гендерного конфликта : (по материалам западной социологии) / В. Н. Кириллина // Женщина и мужчина на пути к устойчивому развитию / под ред. Е. Н. Никоноровой. — М., 1997. — С. 66—79.

Китаев-Смык, Л. А. Психология стресса / Л. А. Китаев-Смык. — М. : Наука, 1983.

Клецина, И. С. Гендерная социализация / И. С. Клецина. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.

Клецина, И. С. Гендерные барьеры на пути личностной самореализации / И. С. Клецина // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Л. А. Головей, Л. А. Коростылевой. — СПб., 1999. — Вып. 3. — С. 154—168.

Клецина, И. С. Гендерный подход и внутриличностные конфликты / И. С. Клецина // Женщина. Образование. Демократия : матер. 2-й междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф., Минск, 3—4 дек. 1999 г. / Женский институт «ЭНВИЛА» ; редкол. Л. А. Черепанова [и др.]. — Минск, 2000. — С. 275—279.

Клецина, И. С. Гендерный подход и равноправие в межличностных отношениях / И. С. Клецина // Российские женщины и европейская культура / отв. ред. Г. А. Тишкин. — СПб., 2001а. — С. 249—257.

Клецина, И. С. Развитие гендерных исследований в психологии на Западе / И. С. Клецина // Иной взгляд : междунар. альманах гендерных исследований. — 2001б. — Март. — С. 18—21.

Клецина, И. С. Психология гендерных отношений / И. С. Клецина. — СПб. : Алетейя, 2004.

Клинико-эпидемиологическое исследование суицидального поведения среди жителей г. Минска : метод. реком. / В. Б. Позняк [и др.]. — Минск : БГМУ, 2001.

Коваленко, М. В. Взаимосвязь полоролевой идентичности и невротичности личности в юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук / М. В. Коваленко. — Ставрополь, 2002.

Коломинский, Я. Л. Ролевая дифференциация пола у дошкольников / Я. Л. Коломинский, М. Х. Мелтсас // Вопр. психологии. — 1985. — № 3. — С. 165—170.

Кон, И. С. Психология предрассудка / И. С. Кон // Новый мир. — 1966. — № 9. — С. 187—205.

Кон, И. С. Половые различия и дифференциация социальных ролей / И. С. Кон // Соотношение биологического и социального в человеке : матер. к симп. в г. Москве, сентябрь 1975 г. — М., 1975. — С. 763—776.

Кон, И. С. Психология юношеского возраста / И. С. Кон. — М. : Просвещение, 1979.

Кон, И. С. Этнография и проблема пола / И. С. Кон // Советская этнография. — 1983. — № 3. — С. 25—34.

Кон, И. С. Ребенок и общество / И. С. Кон. — М. : Наука, 1988.

Кон, И. С. Лунный свет на заре / И. С. Кон. — М. : Олимп : Изд-во АСТ, 1998.

Кон, И. С. Введение в сексологию / И. С. Кон. — М. : Олимп : ИНФРА, 1999.

Кон, И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И. С. Кон // Введение в гендерные исследования. — Ч. 1 : учеб. пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков ; СПб., 2001. — С. 562—606.

Короленко, Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития / Ц. П. Короленко // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. — 1991. — № 1. — С. 8—15.

Костенко, В. Г. Проблемы суицидального поведения детей и подростков Краснодарского края / В. Г. Костенко, И. И. Вакула, Ю. Ш. Васянина // Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья : матер. 3-го междунар. конгр., Казань, 23—26 нояб. 2006 г. / Казан. гос. мед. ун-т ; под ред. А. А. Северного, Ю. Г. Шевченко. — Казань, 2006. — С. 342—343.

Костикова, А. А. Гендерная философия и феминизм: история и теория / А. А. Костикова // Общество и гендер : матер. Летней школы в Рязани, 1—12 июля 2003 г. — Рязань, 2003.

Кочеткова, Л. П. Вымирание мужского пола в мире растений, животных и людей / Л. П. Кочеткова. — М. : Саблин, 1915.

Кочубей, Б. И. Мужчина и ребенок / Б. И. Кочубей. — М. : Знание, 1990.

Краснова, О. В. Бабушки в семье / О. В. Краснова // Социологические исследования. — 2000. — № 11. — С. 108—116.

Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1985. — 431 с.

Кулинка, Н. Пресса для мужчин: рождение новой «мужественности» / Н. Кулинка // Женщина. Образование. Демократия : матер. 4-й междунар. междисципли. науч.-практ. конф., Минск, 7—8 дек. 2001 г. / Женский институт «ЭНВИЛА» ; редкол. Л. А. Черепанова [и др.]. — Минск, 2002. — С. 446—447.

Лебедев, А. Н. Исследование динамики эмоционального отношения российского потребителя к рекламе / А. Н. Лебедев // Вопр. психологии. — 1996. — № 4. — С. 93—99.

Либин, А. В. Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций / А. В. Либин. — М. : Смысл, 2000.

Лорбер, Д. Принципы гендерного конструирования / Д. Лорбер, С. Фаррел // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. — СПб., 2000. — С. 187—192.

Майерс, Д. Социальная психология / Д. Майерс. — СПб. : Питер, 1997.

Макадамс, Д. П. Психология жизненных историй / Д. П. Макадамс // Методология и история психологии. — 2008. — Т. 3, вып. 3. — С. 135—166.

Максимова, Т. Женские романы и журналы на фоне постмодернистского пейзажа, или «Каждая маленькая девочка мечтает о большой любви» / Т. Максимова // Потолок пола : сб. науч. и публицист. ст. / под ред. Т. В. Барчуновой. — Новосибирск, 1998. — С. 47—90.

Мальшева, М. М. Современный патриархат : социально-экономическое эссе / М. М. Мальшева. — М. : Академия, 2001.

Манеров, В. Х. Воспитание отцов / В. Х. Манеров // Ананьевские чтения-2001 : тез. науч.-практ. конф., СПб, 23—25 октяб. 2001 г. / под ред. А. А. Крылова, В. А. Якунина. — СПб., 2001. — С. 338—340.

Мани, Дж. Ориентация / Дж. Мани, П. Такер // Сексология : хрестоматия / под ред. Д. И. Исаева. — СПб., 2001.

Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2002.

Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид ; пер. с англ. Ю. А. Асеева. — М. : Наука, 1988.

Митрофанова, А. Политическая концепция эофеминизма / А. Митрофанова // Мировой политический процесс: проблемы и исследования. — М., 1996.

Мишель, А. Долой стереотипы! Преодолеть сексизм в школьных учебниках / А. Мишель. — Париж : ЮНЕСКО, 1991.

Моз, Л. де Психоистория / Л. де Моз. — Ростов н/Д : Феникс, 2000.

Мороз, О. М. Опыт исследования информативности самооценки в связи с некоторыми личностными особенностями / О. М. Мороз // Тез. науч. сообщ. сов. психологов к 21-му междунар. психол. конгр. — М., 1976. — С. 189—191.

Нартова-Бочавер, С. К. Дифференциальная психология : учеб. пособие / С. К. Нартова-Бочавер. — М. : Флинта : МПСИ, 2003.

Нечаева, Н. А. Патриархальная и феминистская картины мира / Н. А. Нечаева // Гендерные тетради / отв. ред. А. А. Кледин. — СПб., 1997. — Вып. 1. — С. 17—44.

Никольская, И. М. Психологическая диагностика, коррекция и профилактика патогенных эмоциональных состояний у младших школьни-

ков : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / М. И. Никольская. — СПб., 2001.

Носов, С. С. К проблеме полового диморфизма в онтогенезе психологических защит / С. С. Носов, В. М. Мордухович // Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально-психологического здоровья : матер. 3-го междунар. конгр., Казань, 23—26 нояб. 2006 г. / Казан. гос. мед. ун-т ; под ред. А. А. Северного, Ю. Г. Шевченко. — Казань, 2006. — С. 248—249.

Общая оценка положения в стране. — Минск, 2002.

Общая психология / под ред. А. В. Петровского. — М. : Просвещение, 1977.

Олешкевич, В. И. Индивидуальная психология и психотерапия Альфреда Адлера / В. И. Олешкевич. — М. ; Обнинск, 2010. — 336 с.

Палуди, М. Женская психология / М. Палуди. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2007.

Петрова, С. М. Мотивационная обусловленность Я-концепции личности в юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук / С. М. Петрова. — СПб., 1995.

Пизанская, К. Книга о Граде Женском / К. Пизанская // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV—XV веков / под ред. Ю. Л. Бессмертного. — М., 1991. — С. 218—256.

По дороге к гендерному равенству. Краткая хронология женского движения : пособие к курсу по истории феминизма / сост. В. И. Успенская. — Тверь : Феминист Пресс, 2003.

Погольша, В. М. Личное влияние и полоролевой стереотип / В. М. Погольша // Ананьевские чтения-97 : тез. науч.-практ. конф., СПб., 28—30 окт. 1997 г. / под ред. А. А. Крылова. — СПб., 1997. — С. 132—133.

Попова, Л. В. Как школа может способствовать реализации способностей одаренных девочек / Л. В. Попова, Н. А. Орешкина // Пед. обозрение. — 1995. — № 3. — С. 41—46.

Попова, Л. В. Гендерные аспекты самореализации личности / Л. В. Попова. — М. : Прометей, 1996.

Попова, Л. В. Гендерная социализация в детстве (или Что нужно знать воспитателям о том, как девочки и мальчики научаются «быть женщинами и мужчинами») / Л. В. Попова // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика / под ред. Л. В. Штылевой. — Мурманск, 2001. — С. 40—47.

Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. — СПб. : Питер, 2003.

Психология : словарь / под ред. А. И. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1991. — 494 с.

Психология / под ред. А. А. Крылова. — М. : Проспект, 2004.

Пушкарева, Н. Л. Материнство в новейших социологических, философских психологических концепциях / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. — 1999. — № 5. — С. 48—59.

Пушкарева, Н. Л. Читаем сказки сквозь «гендерные очки» (одна из методик гендерной педагогики) / Н. Л. Пушкарева // Гендерные проблемы в общественных науках / отв. ред. И. М. Семашко. — М., 2001. — С. 88—108.

Пушкарева, Н. Л. Материнство как социокультурный феномен : исследовательские подходы в психологии, философии, истории / Н. Л. Пушкарева // Женщины в истории: возможность быть увиденными : сб. науч. ст. / под ред. И. Р. Чикаловой. — Минск, 2004. — Вып. 3. — С. 62—71.

Реан, А. А. Агрессия и агрессивность личности / А. А. Реан // Психол. журн. — 1996. — Т. 17, № 5. — С. 3—18.

Репина, Л. П. Женщины и мужчины в истории : Новая картина европейского прошлого : очерки : хрестоматия / Л. П. Репина. — М., 2002.

Репина, Т. А. Особенности общения мальчиков и девочек в детском саду / Т. А. Репина // Вопр. психологии. — 1984. — № 4. — С. 62—70.

Романов, И. В. Особенности половой идентичности у подростков / И. В. Романов // Вопр. психологии. — 1997. — № 4. — С. 39—47.

Рубинштейн, С. Л. Половое воспитание с точки зрения интересов культуры / С. Л. Рубинштейн. — М. ; Л., 1926.

Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Пед. соч. : в 2 т. — М., 1981. — Т. 1.

Рябова, Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований / Т. Б. Рябова // Личность. Культура. Общество. — 2003. — Т. 5, вып. 1—2 (15—16). — С. 120—139.

Семендяева, О. Ю. «Эффект стереотипизации»: теоретическое обоснование манипулирования массовым сознанием в социологии США / О. Ю. Семендяева // Социологические исследования. — 1985. — № 1. — С. 164—167.

Семенова, Н. Д. Возможности психологической коррекции алекситимии / Н. Д. Семенова // Телесность человека : междисциплинарные исследования. — М., 1991. — С. 89—96.

Ситников, В. Л. Психология образа ребенка (в сознании субъектов педагогического процесса) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук / В. Л. Ситников. — СПб., 2001.

Слепкова, В. И. Полоролевая дифференциация брачно-семейных отношений старшеклассников : дис. ... канд. психол. наук / В. И. Слепкова. — Минск, 1990.

Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. — М. : Информация — XXI век, 2002.

Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. — Минск : Харвест, 1998.

Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. — М. : Феникс, 1994.

Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2003 / Минстат Республики Беларусь. — Минск, 2003. — 607 с.

Степанова, Л. Г. Самоопределение личности, полоролевые стереотипы и роль практического психолога в их формировании / Л. Г. Степанова // Актуальные проблемы деятельности практического психолога : матер. науч.-практ. конф. / БГПУ им. М. Танка. — Минск, 1999. — Ч. 2. — С. 158—161.

Степанова, Л. Г. Особенности полоролевых стереотипов студентов в зависимости от их уровня самоопределения / Л. Г. Степанова // Психология. — 2002. — № 4. — С. 13—31.

Степанова, Л. Г. Гендерная асимметрия в семейных взаимоотношениях / Л. Г. Степанова // Семейная психология и семейная терапия. — 2005. — № 4. — С. 9—23.

Степанова, Л. Г. Гендерные роли: дихотомия или эгалитарность? / Л. Г. Степанова // Психол. журн. — 2006а. — № 3. — С. 18—25.

Степанова, Л. Г. О возможности использования «Семантического словаря черт личности» при интерпретации результатов «Методики свободных самоописаний» / Л. Г. Степанова // Психол. диагностика. — 2006б. — № 3. — С. 95—113.

Степанова, Л. Г. Психологическая диагностика гендерных характеристик личности / Л. Г. Степанова. — Мозырь : Содействие, 2006в. — 72 с.

Степанова, Л. Г. Внутриличностный гендерный конфликт в контексте семейных отношений / Л. Г. Степанова // Семья в России. — 2007. — № 4. — С. 50—56.

Степанова, Л. Г. Андрогиния / Л. Г. Степанова // Современная сексология : энциклопедия / под общ. ред. В. А. Доморацкого. — Минск, 2008а. — С. 23.

Степанова, Л. Г. Гендер / Л. Г. Степанова // Современная сексология : энциклопедия / под общ. ред. В. А. Доморацкого. — Минск, 2008б. — С. 68—69.

Степанова, Л. Г. Актуальные проблемы гендерной психологии : курс лекций / Л. Г. Степанова. — Минск : БГПУ, 2009а. — 68 с.

Степанова, Л. Г. Формирование гендерной идентичности у современных юношей и девушек / Л. Г. Степанова // Психологическая наука и образование. — 2009б. — № 5. — С. 67—72.

Суханова, К. Н. Гендерные проблемы эмоций / К. Н. Суханова // Психология XXI века : тез. междунар. науч.-практ. конф. студ. и аспирантов, СПб., 12—14 апр. 2001 г. / под ред. А. А. Крылова — СПб., 2001. — С. 257—258.

Тартаковская, И. Н. Социология пола и семьи / И. Н. Тартаковская. — Самара : Междунар. ин-т «Открытое общество», 1997.

Титаренко, Л. Г. Гендерная социология / Л. Г. Титаренко. — Минск : БГУ, 2003.

Трошихина, Ю. Г. Эволюция мнемической функции / Ю. Г. Трошихина. — Л. : ЛГУ, 1973. — 58 с.

Турецкая, Г. В. Страх успеха: психологическое исследование феномена / Г. В. Турецкая // Психол. журн. — 1998. — Т. 19, № 1. — С. 37—46.

Уолстонкрафт, М. В защиту прав женщины / М. Уолстонкрафт // Феминизм: проза, мемуары, письма / под ред. М. Шнейр. — М., 1992. — С. 26—39.

Успенская, В. И. Суфражизм в истории феминизма / В. И. Успенская // Женщины в социальной истории России : сб. науч. тр. / под ред. В. Успенской. — Тверь, 1997. — С. 70—81.

Уэст, К. Создание гендера / К. Уэст, Д. Зиммерман // Гендерные тетради. — СПб., 1997. — Вып. 1. — С. 94—124.

Факторы риска формирования аддиктивного поведения у учащейся молодежи по данным анонимного анкетирования / Р. Д. Дорофеева [и др.] // Вопр. наркологии. — 2007. — № 1. — С. 26—31.

Федоров, В. К. Физиологические особенности двигательного анализатора собаки / В. К. Федоров. — Л. : Медгиз, 1955.

Фрейд, З. Три очерка по теории сексуальности / З. Фрейд // Психология бессознательного : сб. произведений. — М., 1989. — С. 123—201.

Фрейд, З. Некоторые психические следствия анатомического различия полов / З. Фрейд // Психоаналитические этюды. — Минск, 1997. — С. 549—558.

Фрейд, З. Лекция 33. Женственность / З. Фрейд // Введение в психоанализ : лекции. — СПб., 2001.

Фридан, Б. Загадка женственности / Б. Фридан. — М. : Прогресс, 1994.

Фурье, Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб / Ш. Фурье // Избр. соч. : в 4 т. — М., 1951. — Т. 1.

Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2003.

Ходырева, Н. Изменяя психологию... [Вместо предисловия] / Н. Ходырева // Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. — М., 2004.

Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. — СПб. : Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2003.

Храпов, В. Кого дают в герои нашим детям / В. Храпов // Знание — сила. — 1990. — № 3. — С. 58—63.

Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. О. А. Воронина [и др.]. — М. : МЦГИ/МВШСЭН, 2000.

хуке, б. Феминистская теория: от края к центру / б. хуке // Антология гендерной теории : сборник / пер., сост. и коммент. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. — Минск, 2000. — С. 236—253.

Чикалова, И. Вторая волна феминизма: политические требования и достижения / И. Чикалова // Иной взгляд. — 2000. — Март. — С. 11—13.

Чодороу, Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера / Н. Чодороу. — М. : РОССПЭН, 2006.

Шайдукова, Л. К. Некоторые особенности проблематики алкоголизма у женщин / Л. К. Шайдукова // Социальная и клиническая психиатрия. — 1997. — № 2. — С. 129—140.

Шатова, А. О. Гендерные особенности мужских и женских журналов / А. О. Шатова // Актуальные процессы современной социальной и массовой коммуникации : сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. Н. В. Анискина. — Ярославль, 2009. — Вып. 2.

Шихирев, П. Н. Современная социальная психология / П. Н. Шихирев. — М. : Ин-т психологии РАН, 2000.

Шлегель, Ф. О философии. К Доротею / Ф. Шлегель // Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. — М., 1983. — Т. 1.

Шляхтин, Г. С. Влияние личностных особенностей на восприятие времени / Г. С. Шляхтин // Ананьевские чтения-97 : тез. науч.-практ. конф., СПб., 28—30 окт. 1997 г. / под ред. А. А. Крылова. — СПб., 1997. — С. 148—149.

Шпренгер, Я. Молот ведьм / Я. Шпренгер, Г. Инститорис. — М., 2006.

Эверетова, Е. Н. Мальчики и девочки в советской школе / Е. Н. Эверетова. — М., 1928.

Элиот, П. Теории феминизма / П. Элиот, Н. Менделл // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / под ред. И. Жеребкиной. — Харьков, 1998. — С. 15—46.

Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избр. произведения : в 3 т. — М., 1986. — Т. 3.

Эрикссон, Э. Детство и общество / Э. Эрикссон. — СПб. : Ленато [и др.], 1996.

Эстес, К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / К. П. Эстес. — Киев, 2003.

Юлдашев, В. Л. Современные подходы к профилактике злоупотребления психоактивными веществами в молодежной и студенческой среде : матер. временных коллективов / В. Л. Юлдашев // Здравоохранение Башкортостана : науч.-практ. журн. — 2005. — № 2 (спец. вып.). — С. 7—10.

Юнг, К. Г. Психология бессознательного / К. Г. Юнг. — М. : Канон, 1994.

Юрчак, А. Миф о настоящем мужчине и настоящей женщине / А. Юрчак // Семья, гендер, культура / ред. В. Тишков. — М., 1997. — С. 389—400.

Юрчак, А. По следам женского образа / А. Юрчак // Женщина и визуальные знаки / под ред. А. Альчук. — М., 2000. — С. 65—78.

Юферова, Т. И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков / Т. И. Юферова // Вопр. психологии. — 1985. — № 3. — С. 84—90.

Явчунковская, Т. М. Тенденции современной преступности женщин / Т. М. Явчунковская, И. Б. Степанова // Государство и право. — 2000. — № 12. — С. 25—31.

Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности / В. А. Ядов // Психология самосознания : хрестоматия / сост. Д. Я. Райгородский. — Самара, 2000. — С. 589—601.

Ярская-Смирнова, Е. Р. Социокультурная репрезентация гендерных отношений / Е. Р. Ярская-Смирнова // Социокультурный анализ гендерных отношений / под ред. Е. Ярской-Смирновой. — Саратов, 1998.

Ярская-Смирнова, Е. Р. Неравенство или мультикультурализм / Е. Р. Ярская-Смирнова // Высшее образование в России. — 2001. — № 4. — С. 102—110.

Ashmore, R. D. Sex stereotypes and implicit personality theory : Toward a cognitive-social psychological conceptualization / R. D. Ashmore, F. K. Del Boca // Sex Roles. — 1979. — № 5. — P. 219—248.

Basow, S. A. Gender stereotypes and roles / S. A. Basow. — Pacific Grove, CA : Brooks/Cole Publishing Company, 1992.

Bem, S. L. Androgyny vs. The tight little lives of fluffy women and chesty men / S. L. Bem // Psychology Today. — 1975. — Sept. — P. 59—62.

Bem, S. L. Sex typing and avoidance of cross-sex behavior / S. L. Bem, E. Lenney // J. of Personality and Social Psychology. — 1976. — Vol. 33. — P. 48—54.

Bem, S. L. Dismantling gender polarization and compulsory heterosexuality : Should we turn the volume down or up? / S. L. Bem // J. of Sex Research. — 1995. — Vol. 32 (4). — P. 329—334.

Bertolote, J. M. Suicide and psychiatric diagnosis: a worldwide perspective / J. M. Bertolote, A. Fleischmann // World Psychiatry. — 2002. — Vol. 1 (3). — P. 181—185.

Betz, N. E. Individuality and diversity : Theory and research in counseling psychology / N. E. Betz, L. F. Fitzgerald // Annual Review of Psychology. — 1993. — Vol. 44. — P. 343—381.

Betz, N. Women's career development : Weaving personal themes and theoretical constructs / N. Betz // The Counseling Psychologist. — 2002. — Vol. 30. — P. 467—481.

Bingeing, purging and estimates of parental attitudes regarding female achievement / B. Silverstein [et al.] // *Sex Roles*. — 1988. — Vol. 19. — P. 723—733.

Block, J. H. Conceptions of sex-role : Some cross cultural and longitudinal perspectives / J. H. Block // *American Psychology*. — 1973. — Vol. 28. — P. 512—526.

Bly, R. Iron John / R. Bly. — Mass. : Addison-Wesley, 1990.

Brenton, M. The American male / M. Brenton. — N. Y. : Coward-McCann, 1966.

Bretl, D. J. The portrayal of men and women in U. S. television commercials : A recent content analysis and trends over 15 years / D. J. Bretl, J. Cantor // *Sex Roles*. — 1988. — Vol. 18. — P. 595—609.

Carli, L. L. Gender, interpersonal power and social influence / L. L. Carli // *J. of Social Issues*. — 1999. — Vol. 55. — P. 941—951.

Carli, L. L. Gender, communication, and social influence : A developmental perspective / L. L. Carli, D. Bukato // *The developmental social psychology of gender* / ed. by T. Eckes, H. M. Trautner. — Mahwah, NJ, 2000. — P. 295—331.

Chou, R. J.-A. Health and sociocultural factors related to life satisfaction : A study of the elderly in Oakland's Chinese community / R. J.-A. Chou. — N. Y. : Stony Brook, 1987.

Coats, E. Y. Gender differences in nonverbal correlates of social status / E. Y. Coats, R. S. Feldman // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 1996. — Oct. — P. 1014—1022.

Crabb, P. The social representation of material culture and gender in children's books / P. Crabb, D. Bielawski // *Sex Roles*. — 1994. — Vol. 30. — P. 69—79.

Cross, S. E. Models of the self: self-construals and gender / S. E. Cross, L. Madson // *Psychological Bul.* — 1997. — Vol. 122 (1). — P. 5—37.

Davis, D. M. Portrayals of women in prime-time network television : Some demographic characteristics / D. M. Davis // *Sex Roles*. — 1991. — Vol. 23. — P. 325—332.

Deaux, K. Structure of gender stereotypes : Interrelations among components and gender label / K. Deaux, L. L. Lewis // *J. of Personality and Social Psychology*. — 1984. — Vol. 46 (4). — P. 991—1004.

Eagly, A. H. Sex of researcher and sex-typed communications as determinants of sex differences in influenceability : A metaanalysis of social influence studies / A. H. Eagly, L. L. Carli // *Psychological Bul.* — 1981. — Vol. 90. — P. 1—20.

Eagly, A. Gender stereotypes stem from the distribution of men and women into social roles / A. Eagly, V. J. Steffen // *J. of Personality and Social Psychology*. — 1984. — Vol. 46 (4). — P. 735—754.

Eagly, A. H. Gender and helping behavior : A meta-analytic review of the social psychological literature / A. H. Eagly, M. Crowley // *Psychological Bul.* — 1986. — Vol. 100. — P. 283—308.

Eagly, A. H. Are women evaluated more favorable than men? / A. H. Eagly, A. Mladnic, S. Otto // *Psychology of Women Quarterly*. — 1991. — Vol. 15. — P. 203—216.

Effects of gender role expectations on the social support process / A. P. Barbee [et al.] // *J. of Social Issues*. — 1993. — Vol. 49. — P. 175—190.

Ehrenreich, B. The hearts of men : American dreams and the flight from commitment / B. Ehrenreich. — N. Y. : Anchor Press, 1983.

Eisler, R. M. Masculine gender-role stress : Predictor of anger, anxiety and health-risk behaviors / R. M. Eisler, J. R. Skidmore, C. H. Ward // *J. of Personality Assessment*. — 1988. — Vol. 52. — P. 133—141.

Elliot, R. Destructive but sweet : Cigarette smoking among women, 1890—1990 / R. Elliot // *Centre for History of Medicine and MRC Social and Public Health Sciences Unit, Glasgow University*. — Glasgow, 2001.

Emslie, C. How similar are the smoking and drinking habits of men and women in non manual jobs? / C. Emslie, K. Hunt, S. Macintyre // *European J. of Public Health*. — 2002. — № 12. — P. 22—28.

Fagot, B. I. Consequences of moderate cross-gender behavior school-children / B. I. Fagot // *Child Development*. — 1977. — Vol. 48. — P. 902—907.

Fagot, B. I. The socialization of sex differences in early childhood / B. I. Fagot. — N. Y., 1978.

Fagot, B. I. Parenting boys and girls / B. I. Fagot // *Handbook of parenting* / M. H. Bornstein [et al.]. — Mahwah, NJ, 1995. — Vol. 1.

Farrell, W. The myth of male power : Why men are the disposable sex / W. Farrell. — N. Y. : Simon and Schuster, 1993.

Fasteau, M. F. The male machine / M. F. Fasteau. — N. Y. : McGraw-Hill, 1974.

Fatherhood in the 21st Century / N. Cabrera [et al.] // *Child Development, Millennium Issue*. — 2000. — Vol. 71 (1). — P. 127—136.

Francis, L. J. The personality characteristics of student churchgoers / L. J. Francis, P. R. Pearsons // *Personality and Individual Differences*. — 1993. — Vol. 15. — P. 373—380.

Gardner, R. C. Stereotypes as consensual beliefs / R. C. Gardner // *The psychology of prejudice : The Ontario symposium* / ed. by M. P. Zanna, J. M. Olson. — N. J., 1994. — Vol. 7.

Gergen, K. Toward transformation in social knowledge / K. Gergen. — N. Y. : Spring, VerL, 1982.

Gergen, K. Realities and relationships / K. Gergen // *Sounding in Social Construction*. — N. Y., 1994.

Gilman, C. P. Women and Economics / C. P. Gilman. — Boston, MA : Small, Maynard & Co, 1898.

Goffman, E. Studies of anthropology of visual communication / E. Goffman. — London : Routledge, 1976.

Goode, E. Gender and courtship entitlement : Responses to personal ads. / E. Goode // *Sex Roles*. — 1996. — Vol. 34 (3/4). — P. 141—169.

Greaves, L. Smoke screen : Women's smoking and social control London / L. Greaves. — London : Scarlet Press, 1996.

Griffin, S. Made from this earth : An anthology of writings / S. Griffin. — N. Y. : Harper and Row, 1982.

Growing up with television: The cultivation perspective / G. Gerbner [et al.] // *Media effects : Advances in theory and research* / ed. by J. Bryant, D. Zillmann. — N. J., 1994. — P. 17—41.

Haddad, R. Concepts and overview of the men's liberation movement / R. Haddad. — N. Y. : Oxford University Press, 1998.

Hall, R. M. The classroom climate: a chilly one for women? / R. M. Hall, B. R. Sandler. — Washington, DC : Association of American Colleges, Project on the Status and Education of Women, 1982.

Halberstadt, A. G. Gender, nonverbal behavior and perceived dominance : A test of the theory / A. G. Halberstadt, M. B. Saitta // *J. of Personal and Social Psychology*. — 1987. — Vol. 53. — P. 257—272.

Helgeson, V. S. The role of masculinity in a prognostic predictor of heart attack severity / V. S. Helgeson // *Sex Roles*. — 1990. — Vol. 22 (11/12). — P. 755—774.

Helgeson, V. S. Masculinity, men's roles and coronary heart disease / V. S. Helgeson // *Men's Health and Illness. Gender, Power and the Body* / ed. by D. Sabo, D. Gordon. — Sage, Newbury, CA, 1995. — P. 68—104.

Henning, M. The managerial woman / M. Henning, A. Jardim. — N. Y. : Anchor Press/ Doubleday, 1977.

Hoffman, L. W. Mothers at work : Effects on children's well being / L. W. Hoffman, L. M. Youngblade. — N. Y. : Cambridge University Press, 1999.

Hser, Y.-L. Sex differences in addict careers / Y.-L. Hser, M. Anglin, W. McGlothlin // *American J. of Drug and Alcohol Abuse*. — 1987. — Vol. 13. — P. 33—57.

Hunt, T. Mass communication : Producers and consumers / T. Hunt, B. D. Ruben. — N. Y. : HarperCollins, 1993.

Hyde, J. S. Children's understanding of sexist language / J. S. Hyde // *Developmental Psychology*. — 1984. — Vol. 20 (4). — P. 697—706.

Ickes, W. Traditional gender roles : Do they make and then break, our relationships? / W. Ickes // *J. of Social Issues*. — 1993. — Vol. 49. — P. 71—85.

Ishii-Kuntz, M. Japanese fathers : Work demands and family roles / M. Ishii-Kuntz // *Men, work and family* / ed. by J. C. Hood. — Newbury Park, CA, 1993. — P. 45—67.

Jackman, M. R. Beliefs about race, gender, and social class different, therefore unequal : Beliefs about trait differences between groups of unequal status / M. R. Jackman, M. S. Senter // *Research in stratification and mobility*. — Greenwich, 1981. — Vol. 2.

Kandel, D. B. Drug and drinking behavior among youth / D. B. Kandel // *Annual Review of Sociology*. — 1980. — Vol. 6. — P. 235—285.

Kilbourne, J. Can't Buy My Love : How Advertising Changes the Way We Think and Feel / J. Kilbourne. — N. Y. : Simon and Schuster, 1999.

Kimball, M. M. Television and sex-role attitude / M. M. Kimball // *The impact of television : A natural experiment in three communities* / ed. by T. Williams. — Orlando, FL, 1986.

Kohlberg, L. The development of children's orientations toward a moral order : Sequence in the development of moral thought. What are morals? / L. Kohlberg // *Vita Humana*. — 1963. — № 6. — P. 11—33.

Kollock, P. Sex and power in interaction / P. Kollock, P. Blumstein, P. Schwartz // *American Sociological Review*. — 1985. — Vol. 50. — P. 34—47.

La France, M. Does your smile reveal your status? / M. La France // *Social science news letter*. — 1995. — Vol. 70 (Spring). — P. 15—18.

Lakoff, R. Language and Woman's Place / R. Lakoff. — N. Y. : Harper & Row, Publishers, 1975.

Landry, M. Addiction diagnostic update DSM-III-R psychoactive substances use disorder / M. Landry // *J. of Psychoactive Drugs*. — 1987. — Vol. 19 (4). — P. 379—381.

Lanis, K. Images of women in advertisements : Effects on attitudes related to sexual aggression / K. Lanis, K. Covell // *Sex Roles*. — 1995. — Vol. 32. — P. 639—649.

Lewontin, R. Human diversity / R. Lewontin. — London, 1982.

Lippman, W. Public opinion / W. Lippman. — Toronto, 1965.

Lott, B. The social learning of gender / B. Lott, D. Maluso // *The psychology of gender* / ed. by A. E. Beall, R. J. Sternberg. — N. Y., 1993. — P. 99—123.

Maccoby, E. E. The psychology of sex differences / E. E. Maccoby, C. N. Jacklin. — Stanford, CA : Stanford University Press, 1974.

Maccoby, E. E. Gender and relationships : A developmental account / E. E. Maccoby // *American Psychologist*. — 1990. — Vol. 45. — P. 513—520.

Majors, R. Cool pose : The dilemmas of black manhood in America / R. Majors, J. M. Billson. — N. Y. : Lexington Books, 1992.

Maternal and dual learner employment : Family environment, adaptations and the developmental impingement perspective / A. E. Gottfried [et al.] // *Parenting and child development in «nontraditional» families* / ed. by M. Lamb. — N. J., 1999. — P. 15—37.

McBride, A. B. Mental health effects of women's multiple roles / A. B. McBride // *American Psychologist*. — 1990. — Vol. 45 (3). — P. 381—384.

McMillan, C. Women, reason and nature. Some philosophical problems with nature / C. McMillan. — N. J. : Princeton, 1982.

Messner, M. The meaning of success : The athletic experience and the development of male identity / M. Messner // *The making of masculinities : The new men's studies* / ed. by H. Brod. — Boston, 1987. — P. 193—210.

Miller, W. Addictive behaviours: treatment of alcoholism, drug abuse, smoking and obesity / W. Miller. — Oxford etc : Pergamon Press, 1984.

Millett, K. Sexual politics / K. Millett. — N. Y. : Ballantine Books, 1969.

Minority influence : A meta-analytic review of social influence processes / W. Wood [et al.] // *Psychological Bul.* — 1994. — Vol. 115. — P. 323—345.

Mitchell, J. Women: the longest revolution / J. Mitchell. — London : Virago, 1966.

Mitchell, J. Women's estate / J. Mitchell. — Harmondsworth : Penguin, 1971.

Money, J. Man and woman, Boy and girl : The differentiation and dimorphism of gender identity from concept to maturity / J. Money, A. Ehrhardt. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1972.

Money, J. Determinants of human gender identity/role / J. Money // *Handbook of sexology* / ed. by J. Money, H. Musaph. — N. Y., 1977. — P. 57—79.

Money, J. Sex errors of the body and related syndromes / J. Money. — Baltimore : Paul H. Brookes Publishing Co, 1994.

Pampel, F. C. The institutional context of population change : Patterns of fertility and mortality across highincome nations Chicago / F. C. Pampel. — Chicago : University of Chicago Press, 2001.

Pampel, F. C. Socioeconomic distinction, cultural tastes and cigarette smoking / F. C. Pampel // *Social Science Quarterly*. — 2006. — Vol. 87. — P. 19—35.

Phillips, M. R. Suicide rates in China, 1995—1999 / M. R. Phillips, X. Li, Y. Zhang // *Lancet*. — 2002. — Vol. 359. — P. 835—840.

Prather, J. E. Drug use and abuse amongst women : An overview / J. E. Prather, L. S. Fidell // *Substance Use and Misuse*. — 1978. — Vol. 13. — P. 863—885.

Reid, H. M. Self-disclosure in men's friendships : Variations associated with intimate relations / H. M. Reid, G. A. Fine // *Men's friendships* / ed. by P. M. Nardi. — Newbury Park, CA, 1992. — P. 132—152.

Rich, A. Of woman born : Motherhood as experience and institution / A. Rich. — Norton, 1976.

Rosenbaum, M. When drugs come into picture, love flies out window : Women addicts' love relationships / M. Rosenbaum // *International J. of Addictions*. — 1981. — Vol. 16 (7). — P. 859—877.

Rothblum, E. D. The Fat Studies Reader / E. D. Rothblum, S. Solovay. — N. Y. : New York University Press, 2009.

Rubin, J. The eye of the beholder : Parents views on sex of new-borns / J. Rubin, F. Provenzano, Z. Luria // *American J. of Orthopsychiatry*. — 1974. — Vol. 44 (4). — P. 512—519.

Saurer, M. K. The role of masculine gender role stress in expressivity and social support network factors / M. K. Saurer, R. M. Eisler // *Sex Roles*. — 1990. — Vol. 23. — P. 261—271.

Schneider, J. W. Sex role imagery and use of the generic 'man' in introductory texts : A case in the sociology of sociology / J. W. Schneider, S. L. Hacker // *American Sociologist*. — 1973. — № 8. — P. 12—18.

Scollon, R. Intercultural communication : A discourse approach / R. Scollon, S. W. Scollon. — Malden, Mass., 2001.

Shifren, K. The relationship between instrumental and expressive traits, health behaviours and perceived physical health / K. Shifren, R. L. Bauserman // *Sex Roles*. — 1996. — Vol. 34. — P. 841—864.

Signorelly, N. Television and conceptions about sex roles : Maintaining conventionality and the status quo / N. Signorelly // *Sex Roles*. — 1989. — Vol. 21 (5/6). — P. 341—350.

Smith, H. Development and evaluation of a measure of social self-efficacy in college students / H. Smith, N. E. Betz // *J. of Career Assessment*. — 2000. — № 8. — P. 282—302.

Snell, W. E. Development and validation of the Masculine Behavior Scale : A measure of behaviors stereotypically attributed to males vs. females / W. E. Snell // *Sex Roles*. — 1989. — Vol. 21. — P. 749—767.

Spence, J. Androgyny vs. gender schema : A comment on Bern's gender schema theory / J. Spence, R. Helmrich // *Psychological Review*. — 1981. — Vol. 88. — P. 365—368.

Stapley, J. C. Beyond depression : Gender differences in normal adolescents, emotional experiences / J. C. Stapley, J. M. Haviland // *Sex Roles*. — 1989. — Vol. 20. — P. 295—308.

Stoller, R. Sex and gender : On the development of masculinity and femininity / R. Stoller. — N. Y. : Science House, 1968.

Strate, L. Beer commercials : A manual on masculinity / L. Strate // *Men, masculinity and the media* / ed. by S. Craig. — Beverly Hills, 1992. — P. 78—92.

Stroh, L. K. All the right stuff : A comparison of female and male career patterns / L. K. Stroh, J. M. Brett, A. N. Reilly // *J. of Applied Psychology*. — 1992. — Vol. 77. — P. 251—260.

Sullivan, G. L. Women's role portrayals in magazine advertising, 1958—1983 / G. L. Sullivan, P. J. O'Connor // *Sex Role*. — 1988. — Vol. 18. — P. 181—188.

Tannen, D. You just don't understand : Women and men in conversation / D. Tannen. — N. Y. : Quill, 2001.

Tavris, C. The longest war : Sex differences in perspective / C. Tavris, C. Offir. — N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1977.

Tavris, C. The mismeasure of woman : Why women are not the better sex, the inferior sex, or the opposite sex / C. Tavris. — N. Y. : Simon and Schuster, 1992.

Tesser, A. Toward a self-evaluation maintenance model of social behavior / A. Tesser // *Advances in Experimental Social Psychology* / ed. by L. Berkowitz. — N. Y., 1988. — Vol. 21. — P. 181—227.

Thomas, W. The polish peasant in Europe and America / W. Thomas, F. Znaniecki. — Vol. 1—5. — Cambridge, 1918—1920.

Thompson, E. H. The structure of male role norms / E. H. Thompson, J. H. Pleck // *American Behavioral Scientist*. — 1986. — Vol. 29. — P. 531—543.

Tieger, T. On the biological basis of sex differences in aggression / T. Tieger // *Child Development*. — 1980. — Vol. 51. — P. 943—963.

Weitzman, L. Divorce revolution: the unexpected social and economic consequences for women and children in America / L. Weitzman. — N. Y., 1985.

Williams, J. E. Sex stereotypes and intergroup relations / J. E. Williams, D. L. Best // *Psychology of intergroup relations* / ed. by S. Worshel, W. G. Austin. — Chicago, 1986. — P. 244—259.

Worell, J. Images of women in psychology / J. Worell // *Foundations for a feminist restructuring of the academic disciplines* / ed. by M. Paludi, G. Steurnagel. — N. Y., 1990. — P. 185—224.

Zammichieli, M. E. Relation between sex role orientation and marital satisfaction / M. E. Zammichieli, F. D. Gilroy, M. F. Sherman // *Personality and Social Psychology Bul.* — 1988. — Vol. 14, № 4. — P. 747—754.

Zankowski, G. L. Responsive programming : Meeting the needs of chemically dependent women / G. L. Zankowski // *Alcoholism Treatment Quarterly*. — 1987. — Vol. 4. — P. 53—66.

Оглавление

Предисловие.	3
Раздел I. Методология и история гендерной психологии	6
Глава 1. Основы гендерной психологии	6
1.1. Понятия «гендер» и «пол». Различие между полом и гендером.	6
1.2. Предмет, структура и задачи гендерной психологии.	16
1.3. Методологические основания гендерной психологии.	22
Глава 2. Проблема гендера в различных психологических теориях.	31
2.1. Психодинамическая теория	31
2.2. Теория социального научения и теория половой типизации	45
2.3. Теория когнитивного развития	52
2.4. Теория «новой психологии пола»	56
2.5. Теория гендерной схемы	67
2.6. Теория линз культуры	72
2.7. Теории гендерных различий	77
Глава 3. История формирования гендерной психологии.	87
3.1. Первый этап — разработка гендерных идей в русле философии (от античных времен до XIX в.)	88
3.2. Второй этап — формирование предмета и разделов гендерной психологии (XIX — начало XX в.)	108
3.3. Третий этап — «психоаналитический» (начало XX в. — 1930-е гг.)	118
3.4. Четвертый этап — экспериментальные исследования и появление первых теорий (1950—1980-е гг.)	124
3.5. Пятый этап — развитие гендерной психологии (с 1990-х гг. по настоящее время)	139

Глава 4. Феминистская теория. Этапы и направления развития феминизма. Женские и гендерные исследования	145
4.1. Этапы развития феминизма	147
4.2. Направления развития феминизма	161
4.3. Мужские движения	181
4.4. Женские исследования	191
4.5. Гендерные исследования	197
Раздел II. Гендерные характеристики личности	205
Глава 5. Гендерная идентичность, гендерные роли и гендерные стереотипы личности	205
5.1. Понятия идентичности и социальной идентичности	205
5.2. Гендерная идентичность. Соотношение гендерной, половой и полоролевой идентичности	214
5.3. Механизмы конструирования гендерной идентичности. Факторы, влияющие на формирование гендерной идентичности	225
5.4. Понятие ролей, социальных ролей и гендерных ролей	235
5.5. Модели маскулинности и фемининности.	257
5.6. Понятие и характеристика гендерных стереотипов. Их типология. Причины возникновения и механизм формирования	265
5.7. Сексизм как один из видов социальных гендерных стереотипов.	299
Глава 6. Гендерные различия и сходства.	311
6.1. Гендерная демография	313
6.2. Гендерные различия и сходства в свойствах личности	322
6.3. Гендерные различия и сходства в познавательной сфере и способностях	342
6.4. Гендерные различия и сходства в социальном поведении	357
Глава 7. Гендерная социализация	373
7.1. Понятия социализации и гендерной социализации	373

7.2. Психологические механизмы гендерной социализации	378
7.3. Роль отца и матери в гендерном воспитании ребенка. Их влияние на усвоение ребенком гендерных стереотипов	384
7.4. Роль СМИ в формировании и поддержании традиционных ролей мужчин и женщин	401
7.5. Образование: гендерные аспекты	420
Глава 8. Гендерные отношения в межличностном взаимодействии	432
8.1. Гендерные представления в межличностном взаимодействии	433
8.2. Гендерные установки в процессе межличностного общения.	441
8.3. Гендерный конфликт. Типы гендерных конфликтов.	448
Заключение	465
Приложение 1. Социальный конструкционизм.	468
Приложение 2. Упражнение «Перевертыши»	477
Приложение 3. Краткая хронология женского движения	478
Приложение 4. Сандра Бем. Теория гендерной схемы и ее применение для развития ребенка: воспитание ребенка, свободного от гендерной схематизации, в обществе гендерной схематизации	501
Список использованной литературы	511

P

Учебное издание

Степанова Людмила Григорьевна

Введение в гендерную психологию

Технический редактор И. Л. Карюков
Корректор Е. П. Колтакова
Компьютерная верстка Е. А. Микерова

Подписано в печать 01.03.2012. Бумага офсетная. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 31,27. Тираж 2 000 экз. Заказ № 3112.

Издательство
Московского психолого-социального университета
115191, Москва, 4-й Рошинский проезд, 9а.
Тел.: (495) 796-92-62, доб. 1301
E-mail: publish@mpsu.ru

Издательство НПО «МОДЭК»
394029, Воронеж, ул. Меркулова, 7.
Тел.: (473) 249-87-35
E-mail: modek@modek.vsi.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, Ульяновск, ул. Гончарова, 14.